

Огни Кузбасса

№ 3 / 2020

Пушкинский день в Кемерове

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

М. А. Евса,
г. Кемерово, министр
культуры и национальной
политики Кузбасса

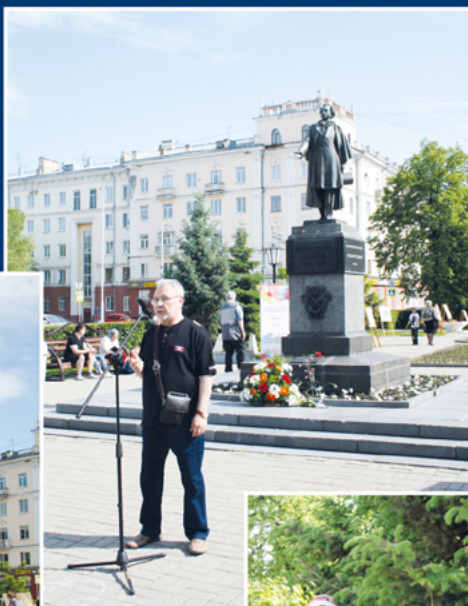
И. Ф. Фёдорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Совета народных депутатов
Кемеровской области

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. И. Лихоносков,
г. Краснодар, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Родная Кубань»

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 3 / 2020

МАЙ – ИЮНЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Агата РЫЖОВА
Марина ЧЕРТОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПОЭЗИЯ

- Николай Зиновьев.** Так мне пророчествует лира 3
- Дмитрий Филиппенко.** Я живу на улице шахтёров 30
- Олеся Николаева.** Страна моя любит метель 66
- Юрий Могутин.** Предобрый Спас, прости слепца 83
- Софья Оршатник.** Пример словоупотребления 101

ПРОЗА

- Татьяна Юдина.** Рассказы 6
- Василий Бабушкин-Сибиряк.** Любовь в тайге. Повесть 32
- Александр Кердан.** Рассказы из цикла «Если бы да кабы...» 68
- Сергей Чиняев.** По следам сыновей Унамис-Черепахи. Ностальгическая повесть. (Отрывок) 85

КНИГА ПАМЯТИ

- Николай Хвостов.** Дневник топографа 103

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

- Анатолий Байборodin.** Русский обычай. Очерк о языческом и христианском в народной этике (Продолжение) 136

ИСКУССТВО

- Людмила Олещенко.** Жизнь и судьба. К 120-летию со дня рождения Кондратия Белова, народного художника России 160

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Пётр Ткаченко.** «Во мгле мерцающие строчки...». К 60-летию Н. Зиновьева 164
- Марина Федорова.** Бабочки в кадре и за кадром. (Читая стихи Михаила Рантовича) 169

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин** 170

Александру Трифоновичу Твардовскому – 110 лет

(1910–1971)

О НАГРАДЕ

*– Нет, ребята, я не гордый. –
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.*

*На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.*

*Буду ль жив ещё? Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчёт медали:
Мне её тогда подай.*

*Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:*

*Дело самое простое –
Человек пришёл с войны...*

Из поэмы Александра Твардовского
«Василий Тёркин»

Поздравляем нашего постоянного автора,
известного русского поэта Николая Зиновьева
с юбилеем! Многая лета!

**Николай
ЗИНОВЬЕВ**

**ТАК МНЕ
ПРОРОЧЕСТВУЕТ
ЛИРА...**

ТА ЖИЗНЬ

Я вспоминаю те года,
Когда заря не так алела,
Не так в реке текла вода,
А сердце вовсе не болело.

Душа сияла чистотой.
И васильки синели в поле.
Я б не ушёл из жизни той,
Не будь на то Господней воли.

Теперь не будет мне дано
Собрать разрозненные части
Того уклада, что давно
И был, по-сути, нашим счастьем.

* * *

Давно по миру слух ползёт,
В умах родившись не в убогих:
Россия скоро упадёт.
Не веселитесь наперёд!
Коль упадёт – придавит многих.

А может статья, что и всех.
Что, кроме мокрого следа,
Тогда останется от мира?
Молитесь лучше, господа,
За нашу Русь, а то – беда.

Так мне пророчествует лира.

* * *

Совершенных стихов не создать
Никому никогда, как ни горько.
Что ж меня заставляет писать?
Не одно же тщеславие только.
Есть немало причин и других.
Например, все знакомы с такою:
Мрак души разогнать хоть на миг
Добела раскалённой строкою...

* * *

Всё это было бы уроком,
Но разбрелись ученики.
Гуляют в классах сквозняки
И двери хлопают с упрёком.
И в стены тьма упёрлась рогом,
И всюду чудится подвох,
И предначертанное роком
Должно исполниться всё в срок...
И только классики с портретов
Глядят с улыбкой на устах.
Неведом верующим страх,
А я совсем забыл об этом...

* * *

Сергею Зубареву

День начинается с рассвета,
Жизнь начинается с любви.
О, как блажен, кто верит в это!
Но у меня не то в крови.

ЗИНОВЬЕВ Николай Александрович родился на Кубани, в станице Кореновской (ныне г. Кореновск) в 1960 году. Автор многих поэтических сборников, вышедших в Москве и Краснодаре. Лауреат международного конкурса «Поэзия третьего тысячелетия». Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Всерусский собор», «Дон», «Роман-журнал XXI век», «Родная Кубань», а также в «Литературной газете», «Литературной России». Член Союза писателей России. Живёт в г. Кореновске.

Я – обладатель тайной меты,
И мне всё кажется, а вдруг
Всё это выдумка поэтов,
Всего лишь выдумка, мой друг?
Зачем повенчан я с тоскою?
И дни проходят без любви
Глумливой шайкой воровскою?
Любовь, ты их останови!..

СОСТОЯНИЕ

Никуда и ниоткуда
Нету сил уже спешить.
В каждом маленький Иуда
Продолжает тайно жить.

Как хотел бы ошибиться
Я в своей догадке, но
Это – жизнь, а не кино.
Остаётся лишь молиться,
Чтоб совсем не пасть на дно.

* * *

В чём тайна русской радости?
Нательный крест носить
И честно, без предвзятости
Не сытости, но святости
У Господа просить.

* * *

Своей тропой тысячелетней
Бегут по небу облака.
А старики в беседке летней
С утра играют в дурака.
Играют вяло, без азарта,
Тяжёл последний жизни пласт,
В нём цель одна: дожить до завтра,
Как будто это что-то даст
Не уповающим на Бога...
А облака своей дорогой
Бегут, бегут, не уставая,
И под асфальтом мостовая,
Наверно, помнит тени их,
По ней скользившие когда-то...

РАННИМ УТРОМ

Молится жена в соседней комнате,
Разогнав мои кошмары-сны.
Чувство – будто вы с ладони кормите
Голубей нездешней белизны.

Чуя приближенье благодати,
В душу начинает литься свет,
Но опять пришедшая нектати
Мысль пустая сводит всё на нет...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мне ничего уже не надо,
Я не хочу играть с огнём.
Есть непонятная отрада –
Тонуть в ничтожестве своём.
Но, в эту бездну погружаясь,
Сквозь толщу сумрачного сна
Вдруг ощутишь, как сердце сжалось,
Как по земле идёт весна.
И, вострепнувшись поневоле,
При свете утренней зари
Нежданно встретишь в чистом поле
Желанья прежние свои...

* * *

Ликуют Каины и Хамы,
И всё длиннее бедствий ряд.
Друзья мои, идите в храмы,
Пока они ещё стоят.
Пока в них славят Иисуса,
А не сгустившуюся мглу,
Пока усердно чья-то муза
Всё ещё молится в углу...

ВЕЧНОСТЬ

Вот я опять в гостях у мамы,
Где во дворе особый свет,
Где в мутных стёклах ветхой рамы
Мелькает мальчик шести лет.

Стоит рассохшаяся кадка
И видит в снах себя с водой.
Здесь от царившего порядка
Остался отблеск золотой.

Осталась мамина опека:
А где я был, пойду куда?
И та меж нами четверть века,
Что не исчезнет никогда...

УТРО

Просыпаюсь: та же роща,
Луг осенний так же сух,
И корова так же тоща,
И загадочен пастух,

Та же речка льнёт к плотине,
Те же птицы на весу
В том же небе... На картине,
Мамой купленной отцу
К дню его сорокалетья...

Вспомню я родные лица,
Разгляжу сквозь толщу лет
И встаю, чтоб помолиться,
А другой причины нет...

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ НОЯБРЯ

Кто объяснить мне сможет это?
За что мне это суждено?
Я в этот день не жду рассвета,
Но он приходит всё равно.

В какую спрятаться мне нишу?
Куда мне улететь с крыльца?
Когда я вместо солнца вижу
Лицо бескровное отца,

Лицо с закрытыми глазами,
Оно мне памятей всех лиц...
И эти птицы с голосами,
Каких не может быть у птиц...

* * *

Нет, всё, что было, не напрасно.
Я под Медведицей Большой
Стою: ужасно и прекрасно
Плоть вытесняется душой.

Душа уже почти свободна,
Ещё мгновенье – и уйду,

Но, видно, Богу так угодно,
Калитка скрипнула в саду.

И снова в небе звёзды дышат,
И вновь душа поёт моя,
Но только песню эту слышат
Во всей Вселенной Бог и я...

* * *

Всё чаще я осознаю,
Что не смогу спасти стихами
Ни душу бедную свою,
Ни жизнь, кишащую грехами.

Стихи ещё страшной вина,
Они – смятение и мука,
За фальшь исторгнутого звука
Непоправимая вина...

Пусть речь моя порой бессвязна,
Пускай гребу одним веслом,
Одно в стихах должно быть ясно:
Что гибну я в борьбе со злом,
Во мне живущим, ежечасно...

* * *

С неба слышится трель жаворонка,
Зацветает в речушке вода.
И куда ж ты, родная сторонка,
Встав на цыпочки, смотришь всегда?..
То ли в детство глядишь золотое,
То ли в бездну последнего дня?
Дорогое, родное, святое,
Отпусти на свободу меня!

**Татьяна
ЮДИНА**

РАССКАЗЫ

АЛЬКА

1

– Алька, домой! – раздался звонкий женский голос из открытого окна.

Лица говорившей не было видно, но худенькая невысокая девочка спокойно взглянула на чуть колышущиеся занавески и покорно направилась к высокому крыльцу.

Вечер был ласковым, мягким и томным, какими обычно бывали приморские летние вечера, наполненные ароматами цветом и пением цикад. Именно поэтому Альке не очень-то хотелось идти в душную утробу небольшой квартир-ки. Домик, где она проживала, даже по местным меркам был крохотным и состоял из кухоньки и комнаты, в которой места хватало лишь для старенького диванчика, покосившегося шкафа да швейной машинки, удобно пристроившейся в углу. До появления в их жизни высокого широкогрудого мужчины Алька спала с мамой, которая перед сном обязательно рассказывала ей занимательную историю или читала книжку, и Алька, сладко улыбаясь, засыпала под её ровный голос.

Всё в её жизни изменилось не тогда, когда отец, прижимая её к своей груди, шептал что-то, чего она толком не понимала, а затем ушёл, осторожно прикрыв дверь. Она никогда не чувствовала его отсутствия. Жил он на соседней

улице со своей мамой, Алькиной бабушкой, и она могла каждый день бегать к ним в гости. Но потом появился совершенно чужой для Альки человек, который громко храпел по ночам, и Альку перевели спать на кухню, на неудобный топчан, к которому она долго привыкала. Сказок ей теперь не читали, и она засыпала под шёпот, доносившийся из соседней комнаты.

6

Мужчина ей не нравился. И хотя он никогда не обижал Альку, а напротив, постоянно покупал ей что-нибудь, в нём раздражало всё: и громкий чуть хрипловатый голос, и его подарки, и желание распоряжаться всем в их с мамой доме. Она сначала даже поревела, уткнувшись в подушку, но, когда поняла, что мама и отец всё так же не перестают любить её, снова начала улыбаться и радоваться жизни.

Больше всего на свете Алька любила приходить к отцу в гости. Первое время она, удобно расположившись в огромном кресле на веранде уютного дома, задавала отцу и бабушке один и тот же вопрос.

– А вы любите меня?

Бабушка весело смеялась, откинув голову назад, затем крепко обнимала Альку и нараспев говорила:

– Солнышко моё, как же я могу не любить тебя. Ты же моя внученька, моя отрада, подарок судьбы.

ЮДИНА Татьяна Константиновна родилась в Таджикистане, детство и юность прошли в Кемерове. Потом были Польша, Ленинград, Баку, Куба и снова Кемерово. Публиковалась в журнале «Огни Кузбасса». Автор романа «Мир прекрасен, потому что на свете есть ты...» и двух книг рассказов: «Волки» и «Выбор». Живёт в Кемерове.

Отец же, наоборот, начинал тормозить Альку, отчего она весело визжала, а потом, глядя в её синие, как весеннее небо глаза, говорил:

– Ты самое большое достижение в моей жизни, самый важный и нужный человек.

– На всей-всей земле? – уточняла Аля.

– На всей-превсей, – уверял отец, а затем добавлял: – И даже за её пределами.

И Аля не сомневалась, что дороже неё на белом свете нет никого.

2

Аля не видела отца уже целую неделю. Он уехал на какой-то семинар, и она, страшно соскучившись, опрометью бросилась из-за стола, не доев завтрака, когда за окном промелькнула его машина.

«Папа, папа приехал!» – счастливо колотилась её сердечко.

Она влетела на веранду, ожидая распахнутых рук отца, готовая, как всегда, утонуть в его объятиях, но резко остановилась, чуть не сбив с ног невысокого рыжеволосого мальчугана с какой-то игрушкой в руках.

– Ты чего? – насупленно проговорил тот, пряча игрушку за спину. – Ты кто такая?

– Я Аля, – улыбаясь, представилась она, недоумевая, как этот конопатый с торчащими ушами мальчишка мог оказаться здесь да ещё встретиться ей, когда это непременно должен был бы сделать отец.

– Чего тебе здесь надо? Иди отсюда, – сердито проговорил мальчишка. – Это теперь мой дом и тебе здесь делать нечего.

– Как твой дом? – растерялась Аля.

Она пожала плечами, с сомнением глядя на говорившего, потом неуверенно добавила.

– Но здесь жили мои папа и бабушка. Они что, переехали куда-то?

– Никуда никто не переехал, – услышала Аля до боли знакомый голос отца и тотчас очутилась в его объятиях. – Аля, душа моя, как я скучал по тебе, – шептал ей на ухо отец. – Разве я мог уехать от тебя? Запомни: нас никто и ничто не сможет разлучить.

– Даже смерть? – счастливо смеялась Аля.

– Даже смерть! – уже не улыбаясь, произнёс отец.

Он осторожно выпустил Алю из объятий и указал рукой на высокую красивую женщину, с интересом наблюдавшую за ними:

– Вот, Аля, познакомься. Это Зинаида Григорьевна. Она теперь будет жить здесь с нами.

– Как мама? – полюбопытствовала Аля, с интересом рассматривая женщину, которая, усмехнувшись, уселась в её любимое кресло и оттуда наблюдала за происходящим.

– Нет, – покачал головой отец, – не совсем как мама. То есть она, конечно, мама, но это немного не то, о чём думаешь ты, – запутался говоривший, затем осторожно, словно боясь обидеть дочь, придвинул к ней рыжеволосого мальчишку.

– Она мама вот этого мальчишка. Его зовут Егор, и мне очень хочется, чтобы вы подружились.

Аля, не задумываясь, протянула руку рыжеволосому Егору и радостно защебетала:

– Вот здорово! Идём, я познакомлю тебя со всем нашим двором.

Но мальчишка насупился и поспешно отодвинулся от неё, всем своим видом выражая нежелание знакомиться не только со всем двором, но и с ней.

– Не хочу! Иди сама, – без улыбки проговорил он, пряча свои руки за спину и, резко повернувшись, подбежал к матери.

Сидящая женщина нежно обняла сына и, не обращая внимания на Алю, заговорила с её отцом.

– Егорушка устал с дороги, ему надо отдохнуть.

Отец растерянно кивнул женщине, затем, повернувшись к Алье, заговорил поспешно, словно за что-то извинялся:

– Ты прости нас, Аля. Понимаешь, мы только что приехали, устали. Давай мы немного отдохнём, а знакомить Егора с друзьями ты будешь завтра. Лады?

Он протянул ей руку ладонью вверх, и она звонко ударила по ней своей ладошкой.

– Лады! – крикнула Аля. – Ну тогда я пойду? – на всякий случай поинтересовалась она, всё ещё не веря в кратковременность встречи.

– Иди, девочка, иди, – услышала она голос со стороны кресла и, не прощаясь, выбежала на улицу.

3

Аля знала, что отец возвращается с работы поздно, видаться им приходилось только по выходным. Поэтому в будние дни она обычно забегала проведать бабушку. Она пробовала делать это и после встречи с отцом, но в дверях, как назло, встречала её не улыбающаяся Зинаи-

да Григорьевна, и Алька поспешно ретировалась. Однажды она застала на крыльце Егора и обрадовалась этой встрече, как радовалась всему в жизни.

– Идём гулять, – затараторила Алька, хватая мальчика за руку, – идём. Я покажу тебе море, свожу в пещеру, научу искать ракушки на берегу.

Ей хотелось, чтобы тот увидел то, что так нравилось ей и её друзьям, и чтобы это непременно понравилось и ему.

– А ещё за скалой есть старый корабль, – пыталась разбудить Алька любопытство у Егора. – Мы там постоянно играем. Ну, идём.

Егор, насупясь, резко выдернул руку и заговорил неприязненно, с сердитым выражением на лице.

– Ну что ты, как пиявка, к нам присосалась? У тебя есть свой дом, вот и иди туда, а нас оставь в покое.

– Пиявка? – рассмеялась Алька. Она удивлённо приподняла брови, отчего её личико вытянулось, а глаза вопросительно и внимательно разглядывали говорившего.

– Ну чего ты сюда ходишь? – наступал на Альку Егор. – Чего тебе дома не сидится? Иди отсюда!

Он с недетской ненавистью махнул рукой в сторону Альки, и она резко отпрянула назад, испугавшись, что её ударят.

– Я ничего, ничего, – начала оправдываться Алька, пытаясь через плечо Егора заглянуть на веранду в надежде увидеть там бабушку, но веранда оказалась пустой, никто на помощь к ней не пришёл, и оторопевшая от такого негостеприимства Алька попятилась.

Ей вдруг стало жалко Егора.

«Раз он злится, – думала она, – значит, ему плохо. Счастливым плохо не бывает и злиться не на что».

Она достала из кармана платья конфету, припасённую с утра, и протянула Егору.

– На, возьми, – с улыбкой произнесла она. – Бери, мне не жалко.

Егор на какое-то время затих. Его взгляд был прикован к конфете в ярко-фиолетовой обёртке. Он даже сглотнул слюну, так ему вдруг захотелось хотя бы лизнуть её тёмно-коричневый бок. Но ненависть к этой улыбающейся и неизвестно чему радующейся девочке взяла верх, он со злостью ударил кулаком и по этой конфете, и по розовой ладошке, доверчиво протянутой к нему.

Конфета сначала вдавилась в Алькину ладонь, словно не хотела покидать её, а затем подпрыгнула и упала на ступеньки веранды. Алька с недоумением посмотрела сначала на Егора, затем перевела взгляд на конфету. Ей вдруг захотелось зареветь от обиды и боли. Её маленькое сердечко болезненно замерло от несправедливости. Здесь её раньше никогда не обижали, всегда радовались её приходу. Неужели всё изменилось и ей нельзя приходить сюда?

Какой-то странный неизвестно откуда взявшийся комок в горле мешал ей. Она не знала, что делать, и всё ещё держала покрасневшую ладошку на весу.

– Послушай, как тебя там? – услышала она за своей спиной и повернулась к говорившей.

Зинаида Григорьевна возвышалась над Алькой. Она некоторое время удивлённо рассматривала её, затем наклонилась ниже и заговорила тихим голосом, нависая над девочкой.

– Не приходи больше сюда! Никогда не приходи, – впечатывала она жестокие слова в крохотное Алькино сердечко. – Нечего тебе здесь делать! Твой отец теперь будет заботиться о моём сыне и обо мне. Поняла? Иди домой. Там есть кому о тебе побеспокоиться.

Она двумя пальцами, скривив губы, взяла Альку за плечо и легонько подтолкнула её к выходу. Когда девочка произвольно сделала несколько шагов, демонстративно поднялась на веранду вместе с сыном и захлопнула за собой дверь.

4

Алька удобно расположилась на ступеньках крыльца. Перед ней на старенькой, выдавшей виды салфетке возвышалось всё её хозяйство: морские ракушки, разноцветная галька, отшлифованная до блеска морской водой, и огромная зелёная пуговица с золотистыми прожилками.

Два Алькиных приятеля Петюня и Сомик, прозванный так за большую голову, уже полчаса рассматривали это богатство, не зная, стоит ли менять свои только что добытые после прилёта ракушки и камешки на Алькины.

Петюня вывернул карманы, и на ступеньки крыльца, звонко цокнув округлым бочком, соскользнула беловато-рыжая ракушка с необычной ярко-зелёной полоской на боку.

– Ух ты! – всплеснула руками Алька, увидев такую красоту, и осторожно прикоснулась к ней.

Ракушка слегка вздрогнула от прикосновения и неожиданно перевернулась на другой бок.

Вся её красота тут же померкла, но Петюня решительно развернул ракушку, и необычно яркая зелёная полоска вдоль её продолговатого тела снова весело заискрилась на солнце.

– Нравится? – поинтересовался Петюня, а когда Алька, сглотнув слюну, решительно тряхнула головой, подвинул поближе к ней. – Хочешь, бери!

Алька на мгновение растерялась от такой щедрости. Одной рукой она поспешно схватила ракушку и крепко зажала её в кулачке, словно испугавшись, что Петюня непременно передумает и потребует возврата. Другой же решительно придвинула Петюне всё своё богатство.

– Бери что хочешь, – защебетала она, – не бойся, если хочешь, бери всё.

Но Петюня, ошавев от своей щедрости, отрицательно покрутил головой.

– Бери, не беспокойся, – засуетился он, отодвигая Алькино богатство, – я ещё найду, не переживай.

– А вдруг такую не найдёшь? – засомневалась Алька, боясь разжать кулачок, и на всякий случай поглубже засунула руку в карман платья.

– А я к тебе буду приходить, – спокойно отреагировал Петюня. – Ты ведь будешь мне давать полюбоваться ей?

– Конечно, – выдохнула Алька и тотчас протянула Петюне раскрытую ладонь, на которой удобно расположилась диковинная ракушка.

Мальчишки с упоением рассматривали ракушку, и никто не заметил, как к ним подошла Алькина бабушка и внимательно наблюдала за ними.

– А почему моя любимая внучка перестала наведываться ко мне? – раздался её добродушный голос, и ребятишки, занятые своими нехитрыми делами, вздрогнули от неожиданности и разом повернулись к говорившей.

Алька взвизгнула от радости, а затем, позабыв и про ракушку, и про своих друзей, бросилась к бабушке и прижалась к ней. Мальчишки некоторое время с любопытством наблюдали за этой сценой, а затем, не сговариваясь, дружно зашагали в сторону пляжа.

– Алька, – продолжала допытываться бабушка, – ты забыла нас? Почему не приходишь?

Алька опустила голову. Тяжело не по-детски вздохнула и прошептала:

– Я приходила.

– Приходила? – удивлённо переспросила бабушка, затем, наклонившись к девочке, поинтересовалась: – Когда? Почему же я тебя не видела?

Но Алька молчала. Она никогда никому не жаловалась, не хотела этого делать и сейчас. Ей всегда казалось, что взрослые не могут поступать плохо или неправильно, значит, всё тогда было сделано так, как нужно. Альке вдруг захотелось зареветь от обиды, непонимания происходящего, от нахлынувших воспоминаний, но она только ещё ниже опустила голову и несколько раз шмыгнула носом.

– Всё понятно, – услышала она бабушкин голос, вдруг ставший каким-то чужим.

– Я приду, приду, – заволновалась Алька. Ей так не хотелось отпускать бабушку, что она тут же для себя решила непременно завтра же забежать к ним в гости, не обращая внимания на то, как её там примут Егор и Зинаида Григорьевна.

«А может, подарить ему новую ракушку? – подумала она. – И тогда, увидев такую красоту, он непременно подбодрит».

Некоторое время она внимательно рассматривала Петюнин подарок и вдруг поняла, что ей так не хочется расставаться с ним, что она тут же передумала дарить Егору, и ракушка была бережно водружена в самый центр сокровищ.

5

Мужчина устало поднимался по ступенькам на веранду своего дома. День был тяжёлым, да и жара последнее время донимала. В полумраке помещения он почувствовал лёгкое движение и удивлённо приподнял брови. В огромном кресле сидела его мама, и, хотя время было позднее, было понятно, что уходить отсюда она не собиралась.

– Что-то случилось? – с тревогой спросил он.

Ещё с самого детства он помнил, что это место она занимала только тогда, когда ей нужно было во что бы то ни стало поговорить с сыном.

– Случилось! – услышал он спокойный голос матери и привычно, как в детстве, опустил на коврик рядом с креслом и положил голову ей на колени.

– Сынок, – раздался спокойный голос матери, и мужчина, не поворачивая головы, прикрыл глаза. Он всегда слушал её так, понимая, что такие разговоры происходят нечасто и по самым серьёзным вопросам. – Сынок, я никогда не думала, что жизнь моя будет бесконечно длиться и, как у всего, у неё тоже будет свой конец, – осторожно начала она и жестом остановила сына, пытавшегося возразить ей. – Мне очень бы

хотелось, чтобы в последние минуты моей жизни со мной рядом находился самый родной мой человек, мой сын. И даже если он будет единственным, кто тогда будет со мной, то я буду самой счастливой мамой. Ты всегда находился рядом в самые тяжёлые и самые радостные минуты моей жизни. А что ещё надо матери? Помни об этом. В жизни каждого человека должен быть самый родной и самый близкий человек. А быть им может только тот, кому мы либо обязаны жизнью, либо тот, кому дали жизнь.

– Что случилось, мама? – поинтересовался мужчина, не скрывая удивления.

– Разве ты не обратил внимания на то, что твоя дочь уже давно не навещает нас? Это так не похоже на неё.

Мужчина чуть приподнялся с колен и, напряжённо вглядываясь в лицо матери, испуганно спросил:

– С Алькой что-то случилось?

И столько боли и отчаяния прозвучало в его голосе, что мама в ответ испуганно замахала руками:

– Что ты, что ты! Всё нормально! Успокойся. Просто я сегодня заходила к внучке и узнала одну вещь. Оказывается, она приходила к нам, но почему-то ни ты, ни я её не видели, хотя кто-то из нас непременно находился дома.

Мужчина опустил голову. Он понимал, что должен что-то сказать, объяснить, но слов не находил. Затем он обхватил голову руками и застонал тихо, но столько боли было в этом стоне, что мать решительно опустилась рядом с ним и начала осторожно гладить его по голове.

– Отец никогда в своей жизни не должен совершать поступков, за которые ему потом придётся краснеть перед детьми, – уверенно проговорила она.

Мужчина кивнул в ответ и произнёс извиняющимся голосом:

– Ты прости Зинаиду. Она мать и просто защищала своего ребёнка.

– Сынок, – услышал он в ответ то, что никак не ожидал услышать, – настоящая мать, которая сама пережила одиночество и воспитывала ребёнка одна, сделает всё, чтобы заставить своего нового мужа помнить о своих собственных детях, иначе он забудет и её ребенка. И запомни: мать – это та, которая любит любого ребёнка, а мачеха – только своего.

Она ещё немного помолчала, поднялась и уже в дверях добавила:

– Если мне когда-нибудь придётся краснеть за себя, я буду испытывать чувство стыда и сожаления. Но не дай Бог краснеть мне за своего сына.

6

Полумрак наступающего вечера метр за метром отвоёвывал пространство небольшой комнаты. В наступающей темноте мебель начинала утрачивать свои очертания, только высокий силуэт женщины около окна чётко вырисовывался на фоне света, мягко льющегося из верхнего угла, очевидно, от уличного фонаря. Она услышала шаги мужа и, не поворачиваясь и не меняя позы, заговорила с нескрываемым раздражением, выплёскивая обидные слова:

– Ну, что тебе напела твоя мамаша? Пожалела сиротинку внученьку?

– Ты о чём, Зина? – переспросил мужчина, так и оставшись стоять в проёме двери.

– Жалко ей девочку-бедняжку, – шипела Зинаида, боясь перейти на крик. – А кто моего сына пожалеет? У неё и мать, и отец, и хахаль матери под боком, и бабка. Не многовато ли будет?

Она резко повернулась к мужу, скрестив руки на груди. Вся её поза выражала готовность немедленного отпора, губы слегка дрожали, а желание кричать и требовать всё сильнее и сильнее просилось наружу.

– Алька – моя дочь, – тихо произнёс мужчина. – Запомни это навсегда. Моя дочь, а я её отец. А из этого следует, что никто никогда не только не сможет поссорить или разлучить нас, но даже и делать какой-либо попытки в этом направлении не должен. Иначе он просто узнает, что такое мой гнев и моё недовольство.

– Почему? Почему? – зашипела Зинаида, понимая, что кричать и требовать ей просто не позволяют. – Если ты живёшь со мной, то и занимайся моим сыном, а ей пусть занимается сожитель её матери.

– Замолчи! – загремел в ответ мужчина. – Мне противно слушать про эту делёжку: моё, не моё. Ты о чём сейчас говоришь? Или на время забыла, что ты тоже мать?

– Поэтому так и сражаюсь за сына и хочу, чтобы и ему в этой жизни что-то принадлежало.

– Но если ты мать, – не сдавался мужчина, – то должна меня в первую очередь заставлять не забывать о своём ребёнке, а не перетягивать одеяло на себя.

– Не хочу, не буду, – кипятилась Зинаида. Её всё вокруг начинало раздражать: и тёплый вечер, не приносящий прохлады, и звуки ночного города, и правильный, но такой не нужный ей сейчас смысл слов мужа.

– Зина, – мужчина подошёл к жене и обнял её. – Я не хочу ругаться с тобой. Ну скажи, разве я плохо отношусь к твоему сыну? Попробуй и ты принять мою дочь. Она не просто часть меня, она самое важное и дорогое достижение в моей жизни. Если ты любишь меня, то постарайся найти с ней общий язык.

– Она забирает тебя у нас, – заплакала Зинаида, прижавшись к мужу. – Конечно, для тебя мой сын – совершенно чужой ребёнок. Но для меня он самый родной.

– Как и моя девочка для меня, – усмехнулся мужчина, – значит, мы легко сможем понять друг друга.

– А если нет? – неожиданно язвительно произнесла Зинаида. – А если тебе придётся выбирать?

Мужчина задумчиво опустил голову, потом, взяв жену за руки, произнес твёрдо, глядя ей в глаза.

– Я не думаю, что выбор будет в твою пользу!

7

– Папочка, – раздался утром с веранды звонкий голос Альки, и отец, как всегда, распахнул объятия, в которых немедленно утонуло хрупкое тельце его дочери.

– Алька, – зашептал он ей на ухо, – солнышко моё, как я по тебе соскучился!

Девочка выпорхнула из его объятий, ловко сунула руку в карман платяца и что-то вытащила оттуда.

– Папуля, отдай Егорке это, мне не жалко.

Она протянула раскрытую ладошку, на которой, покачиваясь, возлежала ракушка с ярко-зелёной полоской, весело искрившейся на солнце.

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

– Я люблю вас, люди! – кричала Даша, поднимаясь на цыпочки и размахивая цветастой косынкой.

Она была счастлива тем незатейливым счастьем, какое случается только в восемнадцать лет, когда вдруг чувствуешь себя совершенно взрослым человеком, становишься пьяным от осознания долгожданной взрослости, окончательно так и не поняв значение этого. Даша сто-

яла на самом краю обрыва и бесстрашно разглядывала сверху мутновато-холодные воды местной речушки, лениво плескавшейся здесь уже тысячу лет.

Тёплый ветерок ласково прошёлся по её лицу, и она, запрокинув голову, стала жадно вдыхать аромат луговых трав, принесённых им.

– Ну пойдём, – канючила подруга Вера, держась как можно дальше от крутого обрыва, и старательно прикрывала плечи старенькой шерстяной кофтой, усердно кутаясь в неё.

Она не понимала состояния Даши, часто не принимала её открытости всему новому и неожиданному, так и не привыкнув за время их длительной школьной дружбы к её странностям.

– Ты чего орёшь? – неожиданно прозвучавший голос заставил Веру вздрогнуть, а Даша только искоса взглянула на говорившего мужичка и снова подставила лицо ветру, разрешая ему играть с её волосами, и наслаждалась его ласковыми прикосновениями.

– Дядя Лёша, ты только посмотри, какая красота вокруг. Счастье – жить в этом мире, так здорово видеть всё это. Понимаешь, нас не будет, а речка так же будет барахтаться в низине, журавли – курлыкать в небе, а мир – неизбежно стоять. Я хочу упиться этой красотой, а то снова вернусь в каменно-мрачный город и заскучаю по нашей деревне, по этому обрыву, по тебе.

Она ловко повернулась на одной ноге, испугав Веру, и бросилась на шею престарелому кавалеру, с улыбкой наблюдавшему за ней.

– Мы приходим и уходим, – усмехнулся Алексей Степанович, – а мир ждёт новых гостей и всегда рад им.

Он, как и его племянница, умел радоваться жизни, отчаянно любил её и сопротивлялся любой возможности почувствовать себя ненужным.

– А что было бы, если бы мы не уходили из этого мира? Ну живём и живём себе. Станный мир, сам стоит веками, а нам отмерил всего ничего. Почему так, дядя Лёша?

– Одну минуту прожить честным человеком всегда легче, чем час. Вот он и даёт нам короткое время, чтобы мы не натворили глупостей. А мы и за то время, которое отпущено нам, столько гадостей успеваем сделать, что и подумать страшно. И делаем-то походя, просто так. Ни разу подвига или хорошего дела просто так не совершили почему-то. А если и сделали что-нибудь хорошее, обязательно достойную плату за это ждём. Не жизнь, а базар.

Алексей Степанович устало махнул рукой, словно разрубал сказанное, не допуская его прорваться в души, чтобы лишний раз не терзать их и не давать возможность ждать подвоха от обронённой фразы. Вера же, едва взглянув на говорившего, недовольно повела плечами, не принимая его суждений. Она была уверена, что любое хорошее дело должно непременно вознаграждаться, а плохое – наказываться, тогда всем захочется совершать только хорошие поступки. Даша же, безвольно опустив руки вдоль туловища, насторожилась, припоминая, сколько добрых дел ей пришлось насвершать за свою короткую жизнь и какой награды она ждала за это. Выходило, что дел было мало, а награды вообще не припоминались. Она посмеялась над собой и побежала догонять подругу, порядком уже подуставшую от первого дня пребывания в отчем доме и спешащую как следует отдохнуть.

Даше непременно хотелось совершить какой-нибудь подвиг: спасти детей из горящего дома, остановить на скаку лошадь. Но, к сожалению, жизнь вокруг была однообразно скучной. Дома не горели, лошади не скакали, и никаких очевидных подвигов в ближайшем будущем не намечалось. Жизнь была ровной и одинаково равнодушной ко всему и к самой Даше. А ещё Даша очень часто думала о любви. Она мечтала встретить необыкновенного человека, непременно героя, потому что рядом с ней должен находиться только герой, не меньше. Но герои в деревне не появлялись, да и парней тут практически не было. Основное мужское население состояло либо из местной ребятни, с которой она когда-то училась в школе, либо из уже остепенившихся мужиков, парни постарше уезжали в город и часто оставались там, навещаясь в родную деревню только на время отпуска или каникул.

В родном училище, где Даша приобретала специальность медицинской сестры, о чём мечтала со школьной скамьи, молодых людей практически не было, а среди попадавшихся ей в длинных коридорах юношей никто даже внешне не тянул на героя. В ближайшее время рассчитывать на невесту откуда свалившегося принца не приходилось, и это событие откладывалось на потом, отодвигаясь всё дальше и дальше во времени. С этими тоскливыми мыслями она уснула. Разбудил её страшный крик, доносившийся откуда-то со стороны, где жили соседи: нелюдимый мужик Фёдор, его жена – хохотушка Любаша и их двое детей. Кричала женщина,

кричала отчаянно, выводя на высокой ноте один только звук: «А-а-а-а!».

Несмолкаемо-нудное «а-а-а-а» несло по деревне, больно стучало в висках, заглушая все другие звуки, становясь навязчиво главным. Испуганная Даша рывком скинула одеяло и подбежала к окну. Там, в соседнем дворе, металась Любина мама, сжимая голову руками. Она тянула своё непрекращающееся «а-а-а» и, словно слепая, ходила кругами по двору. Толком не понимая, что случилось, Даша догадалась, что пришла беда, и, не мешкая ни минуты, выскочила во двор в наспех накинутом халатике.

Не разбирая дороги, она перескочила через низкую изгородь, подбежала к Любиной маме и, схватив её за руки, заговорила, проглатывая слова.

– Тёточка Манечка, тёточка Манечка, хорошая моя, давайте сядем, давайте сядем.

Даша тянула её в сторону низкого покосившегося сарайчика, где одиноко стояла наспех сколоченная скамейка, и тётя Маня послушно пошла за ней. Девушка усадила её около себя и оглянулась назад, словно искала подмогу, но двор был пуст и ждать помощи было неоткуда. Даша гладила плачущую женщину по рукам, смахивала слезинки с лица, не решаясь спросить, что случилось.

Тётя Маня подняла на Дашу глаза и тихо, боясь спугнуть неожиданно наступившую тишину, произнесла:

– Любаша умерла. Только что позвонили из больницы. Фёдор поехал туда. Нет больше, Дашенька, моей кровиночки.

От страшной новости Дашины глаза до краёв наполнились слезами, и она, не вытирая их, громко, отчаянно заревела во весь голос. Захлебываясь в немом крике, поднимающемся откуда-то снизу живота леденящим холодом и выплёскивающимся с бульканьем из чёрного провала рта, Даша всю боль потери взяла на себя, заставив мать Любаши на какое-то мгновение притихнуть, а затем тихо заплакать, все ещё до конца не осмысливая горе.

Хоронили Любу через день, и Даша уже не могла пойти с подругой в клуб, так как оставшиеся без мамки близнецы требовали внимания. Она до вечера провозилась с ними, затем уложила их около себя, и они втроём дружно уснули, намучившись за день.

Через девять дней тётя Маня уехала в соседнее село, где жила её младшая дочка-инва-

лид, и заботу о детях взяла на себя Дашка. Она прибегала рано утром в соседний двор, осторожно, боясь разбудить малышей, открывала дверь и шла в спальню, где на одной кровати, разбросавшись во сне, лежали близнецы. Фёдор уходил рано, кивком головы приветствовал Дашу, иногда ронял пару ничего не значащих слов, и она принималась за хозяйство. Ей доставляло удовольствие возиться с ребятей. Часто они смотрели на неё огромными голубыми глазами, и она узнавала взгляд Фёдора.

Всё лето Даша провела, разрываясь между домом дяди и соседа. Ребятишки постоянно требовали внимания, и она, сама не понимая как, втянулась в ежедневную заботу о них, всё больше и больше привязываясь к детям.

В конце августа Фёдор забеспокоился. Мать покойной Любаши никак не могла оставить младшую дочь, а Даша готовилась к отъезду в училище. Он бегал по деревне в поисках няньки и, когда понял, что не сможет её найти, болезненно затосковал, всё чаще стал прикладываться к спиртному, как будто оно могло помочь разрешить ситуацию.

– Прекрати, – требовала Даша, по-детски негодую на его беспомощность, а когда до конца осознала, что Фёдору одному не преодолеть свалившиеся на него заботы, решительно заявила.

– Я завтра поеду в училище, напишу заявление на академический отпуск на год. Помогу тебе, а через год или няньку найдём, или очередь в детский сад подойдёт, – заговорила Дашка, веря в сказанное.

Фёдор поднял на неё огромные голубые глаза, и Дашка увидела в них столько благодарности, что от этого пришла в замешательство и, чтобы как-то сгладить обуревавшие её чувства, затараторила.

– Ничего страшного со мной за год не случится. У нас многие идут в академ, если у них появились серьёзные причины. А что может быть серьёзнее детей?

Не дожидаясь ответа, она, как всегда, когда смущалась, резко повернулась на одной ноге и убежала домой собираться в дорогу.

Зима пришла холодная, с неожиданно обильными снегопадами и суровыми утренниками. Деревья принарядились в белоснежные шубки, укутались до половины сугробами, готовясь пережить стужу. Тайга вдали темнела в сизом тумане, а небо украсилось миллионами созвездий,

заставляя прохожих лишний раз полюбоваться их неотразимостью.

Забот у Даши прибавилось. Хотя Фёдор всю тяжёлую работу по дому взвалил на свои плечи, она, зная, что он немилосердно устаёт, намаявшись в мастерских, старательно помогала ему. Он никогда не жаловался, оставаясь всё тем же молчуном, но Даша видела, как трепетно и заботливо он относится к детям, и уже не боялась его и даже не торопилась вечерами домой, пока не уложит малышей спать.

– Иди отдохни, – стоя у кровати заснувших детей, шептал Фёдор, и Даша послушно, но неохотно отступала к двери, накидывала пальто и бежала напрямик в соседний двор, где её поджидал недовольный её отсутствием Алексей Степанович, давно скучавший в тишине пустого дома.

– Ох, Дашка, – часто ворчал он, когда она, покрасневшись от мороза, вбегала в теплоту натопленной комнаты, – не доведёт тебя до добра твоё бескорыстное внимание к соседу. Сядет он тебе на шею, а тебе учиться надо.

– Не сядет, – не соглашалась Дашка и смеялась, представляя, как огромный Фёдор садится ей на плечи. – Не сядет, не такой он человек. Фёдор мне помогает, а как он любит детей! Редкий мужчина будет так заботиться о малышах, как это делает Фёдор. Да грех тебе жаловаться, дядя Лёша. Дрова он тебе нарубил, изгородь поправил. Да о чём ни попроси его, всё тут же без лишних слов делает.

– Конечно, – соглашался Алексей Степанович, – кто же говорит. Хозяин он хороший да и человек неплохой. Только я ему при встрече скажу, чтобы няньку мальчикам искал. Вот весна наступит, уж пусть расстарается.

– Найдёт, не переживай. А я ведь до осени могу с детьми быть. Занятия только в сентябре начнутся, так что времени для поисков няньки ещё достаточно.

Сумасшедшая весна затопила низины, оголила всех неожиданно ранним теплом. Густой аромат распускающихся листьев наполнил округу. Фёдор, оставшись один с малышами в воскресенье, решил одеть их полегче и пойти прогуляться в сторону реки. К вечеру у ребятишек неожиданно поднялась температура, и он, потерявшись от свалившейся на него беды, прибежал к Алексею Степановичу за помощью. Даша немедленно отправила его за фельдшером, а сама принялась растирать горящих от жара

ребятишек настоем на водке, заранее припасённым для этих нужд.

Поседевшая от возраста и постоянных забот, фельдшер тётя Люба выписала лекарство и обязала Дашу ставить ребятишкам уколы антибиотиков. Теперь ей пришлось вспомнить всё, чему её учили в училище, и она, напуганная свалившейся на неё ответственностью, рьяно принялась за дело. Даша не отходила от детей ни днём, ни ночью. Она строго по часам давала им лекарство, заставляла полоскать горло, отпаивала травами, а ночами, примостившись рядом, просыпалась от любого шороха. Через неделю близнецам стало намного лучше, они уже не лежали в кровати, а смешно переваливаясь, бегали по комнате.

Дашка же, наоборот, словно взяв на себя всё страдание и болезнь детей, свалилась с высокой температурой. Она металась по кровати, комкая руками простыню, пыталась приподняться, чувствуя, что нужна малышам, но тут же падала навзничь и на какое-то время затихала в забытии. Напуганный невесть откуда свалившейся на него бедой, Алексей Степанович поднял на ноги полдеревни, заставлял фельдшера по два раза в день наведываться к нему и с укором поглядывал на Фёдора, не отходившего от Даши. Близнецы отнимали у него много времени, но он, отпросившись на работе, делил его между ними и заболевшей девушкой.

Фёдор чувствовал себя виноватым в том, что эта маленькая девочка, не задумываясь бросившаяся к нему на помощь, сейчас сама, как ему казалось, по его вине, оказалась беспомощной. Он, как раненый зверь, метался по комнате, с ужасом представляя, что в угоду его благополучию ещё одна молодая жизнь будет принесена в жертву. Не верящий ни в чёрта, ни в Бога, он отчаянно молился, прося для Даши выздоровления. Иногда, забывшись на какое-то мгновение, он обращался к покойной жене и просил её простить его за такое внимание к другой женщине, но Люба безразлично улыбалась с большого портрета, одиноко висящего на тщательно выбеленной стене, оставляя за Фёдором право разбираться в сложившейся ситуации.

Только через неделю Даша пришла в себя. Фёдор завернул её в одеяло и вынес на улицу, напоенную солнцем, и Даша с жадностью вдохнула весенний воздух, досадуя, что не может пока побегать вместе с малышней по двору. Ребятишки играли тут же, время от времени тереби-

ли Дашку, капризничали, обижаясь на её нежелание поиграть с ними, и убегали снова, едва где-нибудь неожиданно вздрагивали крылья низко пролетающей бабочки.

То ли от весеннего тепла, то ли от уходящей болезни, навсегда покидающей её тело, к Даше снова вернулось счастливое осознание её нужности этому миру. Она с улыбкой смотрела на весело смеющихся близнецов и радовалась, что скоро сможет возиться с ними, вернуться в чудесный мир забот и тревог. Она вспомнила, как мечтала совершить подвиг, и засмеялась этому уже давно забытому желанию. Просто времени на подвиги катастрофически не хватало. Даше было тепло и уютно здесь, настораживало только отсутствие долгожданного героя. Неожиданно она услышала звон разбивающихся поленьев и посмотрела в сторону, где Фёдор возился с дровами. Он почувствовал её взгляд и оглянулся с виноватой улыбкой. Огромные голубые глаза Федора, как два бездонных озера, вдруг плеснули в Дашку странно тягостным сладостным чувством, и она, до конца не веря в своё счастье, боясь признаться в свершившемся чуде, навек утонула в них.

ГЛУХАРИНЫЙ ВАЛЬС

(из книги «Там, где не было войны»)

Ветка рябины монотонно била в окно, словно пыталась достучаться до спящих. Сквозь сон Мишаня услышал, как мать поднялась с кровати и пробубнила что-то недовольным голосом в сторону стука. Ни сил, ни желания открыть глаза у Мишани не было, и он, не обращая внимание на хлесткие удары по стеклу, снова погрузился в дремоту.

Сны ему всегда снились хорошие. Хотя шёл третий год войны, она почему-то ни разу не приснилась. Да и как может присниться то, чего в жизни видеть не приходилось.

Зато Мишане часто снился отец, и, проснувшись, он начинал болезненно скучать, потому что там, во сне, они были вместе, а наяву – порознь. А ещё ему снился лес, начинавшийся на пригорке за неглубокой речкой, которую деревенские легко переходили вброд. Сегодня сон был особенно хорошим. Он видел улыбающегося отца, со стареньким ружьём за спиной, и себя, гордо вышагивающего рядом с ним в сторону леса. Там, на ближайшей сосёнке, неожиданно хрипло выкрикнул рябчик и застучал остреньким клювиком по стволу. Мишаня засмотрелся

на птицу, а отец вдруг осторожно начал трясти его за плечо, наклоняясь к самому лицу так низко, что тот почувствовал тёплое дыхание.

– Мишаня, сынок, вставай, – разбудил голос мамы, и сон, где был отец, неожиданно растаял, испуганно рассыпался.

– Вставай, сынок, поднимайся, – шептала мать, рука которой нежно гладила сонное личико мальчика. Ей хотелось, чтобы он ещё поспал, понежился, пожил в красочных сновидениях, где были мир, отец, семья. В настоящем этого не было, да и не могло быть, когда где-то далеко от их села гремели взрывы, гибли люди, где лицом к лицу с врагом сражался её муж и отец Мишани, где слово «война» было явью.

А она, распластавшись по земле чёрной смертью, как ни тужилась, не смогла доползти до Урала, захлебнулась в волжской воде. И то, что били врага не генералы и адмиралы, а простые русские мужики, было самым высоким показателем силы духа народа. А если у народа неимоверная сила проявляется в духовности, значит, присутствует она в нём вне зависимости от места рождения, возраста и пола, и поэтому победа над врагом неизбежна.

Село, где жил Мишаня, хотя и пряталось в сибирской таёжной глухомани, исправно выполняло свою работу по снабжению фронта овощами, мясом, молоком. Выполняло в ущерб себе, отправляя на фронт всё, что вырастило, надоило, насобирано, оставляя лишь малую толику. Отправляло, не ропща, не жалуясь, понимая, что там труднее, страшнее, отправляло, не жалея, верило, что и от этого зависит долгожданная победа.

И поэтому Мишаня, когда мама будила его, не залёживался, вскакивал стремительно, пряча остатки сна в уставших глазах. Хотя работы зимой поубавилось, в деревне она всегда находилась. Мишаня хорошо помнил, как, будучи мальцом, помогал отцу, орудуя грабелями или лопаткой, которые тот старательно мастерил для него. Но за то время, пока отца не было дома, Мишаня подрос, и теперь в руках удобно уместился отцовский инструмент. Казалось, что касается не черенка лопаты, а мозолистой ладони отца. От этого силы прибавлялось, и Мишаня старательно приводил в порядок двор, ворошил посеревший снег на прошлогодних грядках.

Ранняя весна упорно прокладывала себе путь в сугробах, выдавливая из веток деревьев набухающие почки, звенела первой капелью.

Под её натиском бугры и пригорки чернели проталинами, а первые тёплые солнечные лучи освобождали землю от посеревшего ноздреватого зияющего прорехами зимнего покрывала. Лесное братство по-своему приветствовало приход весны, наполняя тайгу неистовым пением и добродушным рычанием. Весна – время особое. Природа в очередной раз готовилась к перерождению. Она терпеливо и с любовью слушала истошный ор птиц, которые старались перекричать друг друга, где каждая верила в то, что в этом весеннем хоре будет услышан именно её голос. Они так увлекались сольными концертами, что забывали про осторожность. И если до войны бить зверя и птицу в это время не разрешалось, то сейчас голод одерживал верх, и люди, забыв про запреты, всё чаще наведывались в тайгу. Живность от истребления спасало только то, что мужиков в деревне почти не осталось, а женщины выполняли не только свои прямые обязанности, но и дела мужчин.

Взрослели в это время рано. Мальчишки с пяти лет взваливали на себя обязанности мужчин, девочки помогали по дому. Никто из ребятни не жаловался, поскольку осознавали всю необходимость свалившейся на них работы, а часто и свою незаменимость. Мишаня, как и его ровесники, спокойно принимал происходящее и твёрдо верил в его временность, с нетерпением ожидая окончания ненавистной войны и возвращения отца. Именно это и послужило для него стремлением проявлять свою взрослость во всём: в учёбе, помощи по дому, осознании себя единственным мужчиной во временно поредевшей семье.

Жизнь без отца стала для него хорошим учителем. Если раньше он только уносил колотые дрова и складывал в поленницу, то сейчас сам, пусть не с одного удара, раскалывал берёзовые кругляки. И хотя вначале они с трудом поддавались, то со временем уже не ерепенились, а спокойно дожидаясь своей очереди, подставлялись под удары колуна.

Вот и сегодня, натаскав дров, он растопил печку и чинно уселся за стол, дожидаясь скудного завтрака, приготовленного матерью. Ел степенно, не торопясь, будто надеялся, что от этого еды станет больше и из-за стола он выйдет сытым. Увы! Чуда не произошло. Порция осталась по-прежнему небольшой, и Мишаня поднялся с чувством голода. Мама протянула кусочек хлеба, аккуратно завернутый в холщовую тряпочку,

он, отправляясь в школу, с жадностью съел его за дверью.

– Мишаня, – услышал он голос закадычного друга Степана, жившего через три дома. – Слышал, что наемдн Лёшка Хромой говорил?

Мишаня, не оборачиваясь, неторопливо зашагал в сторону школы, не выказывая особого интереса к словам друга, хотя внутренне напрягся. Он знал, что Алёшка, по инвалидности негодный к воинской службе, жил на заимке, все таёжные новости в деревню приносил он.

– Ну чего там? – не услышав продолжения, пробасил Мишаня.

Конечно, он мог не спрашивать, дожидаться, когда Стёпка не выдержит его молчания, но любопытство взяло верх, и он, искоса взглянув на улыбающееся лицо друга, приостановился.

– Чего, чего? – передразнил его Стёпка, довольный вниманием Мишани, и заговорил быстро, словно боялся упустить самое важное.

– Глухарь токовать начал! Вот чего! – захлебываясь от волнения, выпалил он и гордо добавил: – Алёшка матери двух птиц приволок. Месяц теперь жировать будут.

Мишаня даже присвистнул от такой новости, затем остановился, соображая, идти ли ему в школу или сделать что-то такое, что дало бы возможность успокоиться его сердечку. Сейчас он мог думать только об этом, а всё остальное стало ненужным. Как и все деревенские, Мишаня знал, что токование глухаря – это не только проявление природной необходимости большой и сильной птицы, но ещё и возможность незаметно подкрасться к нему и при определённой сноровке заполучить обед. Начало «глухариной свадьбы», как называли этот период деревенские, может подарить, пусть даже на короткий период, сытую жизнь. На какое-то мгновение он почувствовал во рту привкус уже забытого мяса, и под ложечкой противно засосало, напоминая о голоде.

Мишаня понимал, что торопиться пока не стоит, потому что ток у глухарей – длительный период. Птицы в это время токут без самок, разместившись стайками на деревьях, поэтому самый разгар токования придётся подождать, когда они спустятся на землю и, красуясь перед курочками, станут глухими и невосприимчивыми ко всему происходящему, кроме исполнения любовной песни.

«Конечно, – размышлял Мишаня, не слушая Стёпкину болтовню, – Алёшка – знатный охот-

ник. Легко одним выстрелом снимет птицу, а смогу ли я так?» Он понимал, что старенькое отцовское ружьишко и десяток патронов – это настоящая драгоценность в таёжной глухомани, которые смогут накормить и его, и маму, лишь бы не подвели в неумелых руках.

Мальчишки, живущие около тайги, с детства умели стрелять, выбирать дичь из капканов, идти по следу зайца. Умел всё это и Мишаня, просто раньше, пока был рядом отец, он мог только помогать ему: подносил убитую птицу или зайца, перезаряжал ружьё, а если и стрелял, то в основном в воздух или в снежки, прикреплённые отцом к веткам деревьев. По-настоящему же самостоятельно принимать участие в таком серьёзном деле, как охота, ему ещё не приходилось. Да к тому же и отец никогда не стрелял в птицу и в зверя, часто любовался ими из-за укрытия, а на вопросительный взгляд Мишани с улыбкой приговаривал:

– Любить нужно живое, оно украшает природу. Нельзя стрелять в живое, это всё равно что выстрелить в любовь, ибо именно от любви и рождается всё живое в этом мире.

Мишаня недоверчиво вслушивался в слова отца, до конца не понимая их смысл. Часто довоенная жизнь сельчан зависела именно от этого живого, чем кормилась добрая половина деревни.

Он с трудом досидел до конца уроков и, не дождавшись Стёпки, побежал домой.

За деревней, ниже по течению речушки, огивавшей холм, лежали моховые болота, на самых сухих местах которых толпились сосны. Дойти туда не представляло особого труда, тем более каждый деревенский знал, что глухари всегда там, где сосны и болота.

«Для тока, – деловито рассуждал Мишаня, – глухарь обязательно выберет чистый участок леса. Он обитает там, где нет кустов и высокой травы, чтобы можно было издали увидеть приближающегося хищника. А сейчас ничего этого и в помине нет. Значит, на белом снегу разглядеть птицу нетрудно, даже если я отправлюсь пораньше».

Он пытался вспомнить, где он видел такую поляну, но мысли путались, не давая возможности воскресить в памяти нужную информацию.

Уже дома, наскоро пообедав полупустыми щами, переоделся в старенькую, уже малую одежду и побежал на ферму. Коровы лениво гуляли в загоне, ожидая, когда им поменяют

мокрые истоптанные подстилки на сухие. Работал в коровнике не только он. Через некоторое время помещение заполнилось шумом голосов деревенских ребятишек, которые со знанием дела сгребали старое сено, а женщины застилали освободившееся место сухим. И хотя Мишаня работал старательно, мыслями он был далеко и от этой работы, и от уроков. Последнее время голод всё чаще напоминал о себе, и Мишаня понимал, что принести домой глухаря, а то и двух – это возможность наесться досыта.

Вечером он снял со стены старый дробовик отца, тщательно осмотрел его, затем намотал на шомпол кусок ткани, смоченной в машинном масле, и начал старательно протирать дуло. Всем хитростям охотничьего быта научил его отец, и Мишаня проделал работу, не нарушая заведённого порядка.

Две недели пролетели незаметно, и о том, что затоковал глухарь, знало уже полдеревни. Однако Мишаню это не пугало. Конкурентов у него в деле охоты почти не осталось. Война и тяжёлая работа проредили их количество. Патронов у многих в запасниках недоставало, и времени на долгую отлучку из дома не каждый мог найти. Ждать глухаря не минутное дело. Прилетит, не прилетит – вопрос случая и везения. А выбирать между ними – всё равно что решать в уме задачу с двумя неизвестными. Тут одного везения мало, а знания и умения с собой забрали ушедшие на фронт. Вот и выбирай: испытывать судьбу или смириться с неизбежностью происходящего.

Мишаня долго рассуждал, где может обитать глухарь. Из рассказов отца он знал, что птица селится там, где есть ягода, не брезгует и сосновой хвоей. Значит, идти надо к моховым болотам на ягодную поляну, где летом деревенские лакомятся земляникой, срывая горстями. Женщины заготавливают листья ягоды, сушат, а потом используют вместо заварки для чая.

Вот туда и решил отправиться Мишаня, выждав для верности две недели. Утро выдалось мрачное. Сероватые облака, словно плохо постиранное бельё, занавесили полнеба, и только ветер со стороны гряды давал надежду, что скоро справится с ними, заставит расступиться перед яркими лучами весеннего солнца, поэтому дул старательно. И если это внушало надежду на то, что дождя не будет, то совсем не радовало пронизывающим холодом его дыхания.

Из старой одежды Мишаня давно вырос, на новую же денег не находилось. Военное время не давало возможности поправиться, но расти не мешало. Отцовская телогрейка была великовата, обходиться Мишане приходилось стареньким пальто с короткими рукавами. Чтобы руки не мёрзли, он надевал под пальто кофту матери, длинные рукава которой часто служили ему рукавицами. В такой одежде ходило полдеревни, поэтому никто ни над кем не подшучивал, все понимали, что война брала своё, оставляя человеку необходимое.

«Вот дурак, – рассуждал Мишаня, ёжась от холодного ветра. – Понесло же меня в такую непогоду! Чего дома не сиделось! Пошёл бы в следующий раз», – ругал он себя, прекрасно понимая, что вернуться не было резона, и если уж отправился за глухарём, то иди и не ной. Но самым главным аргументом в пользу похода был голод. Он просто не мог отложить охоту на завтра, потому что есть ему хотелось сегодня, и вчера хотелось, и завтра, если охота будет неудачной, тоже захочется.

Чувство голода преследовало деревенских давно, особенно страдали ребятишки. Ну как им втемаяшишь в голову, что нужно потерпеть, подождать, если терпели и ждали они уже третий год. Любой способ добывания пищи был для них хорош, а уж ягодное время, как сладкий подарок природы, ценилось на вес золота. Но лето приходило в своё время, а есть хотелось постоянно.

Через речушку в самом узком месте были проложены брёвна. От времени и непогоды они потемнели, но исправно служили мостом, соединяющим деревенское бытие с таёжным. Эта дорога вселяла надежду весной утолить голод черемшой, или колбой, как её называли в этих местах. Лето гнало в лес изобилием ягод, осень – самое время грибов, охоты. Именно в этот период кедрач приносил урожай орехов. Но весна всё ещё несмело топталась на пороге времени и не торопилась занимать положенное ей место.

«Эх, – размышлял Мишаня, кутаясь в старое пальтишко, – сейчас бы тепла побольше. Пригреет солнышко, растопит снег, сойдёт тот в низины, тогда и заяц замечен будет, и рябчик семейные дела начнёт решать, да и утке гнездиться пора придёт».

Мишане вспомнилось, как в прошлом году Алёшка принёс им большого селезня, молча положил на стол и так же молча ушёл. Мать тогда

расплакалась, забыв поблагодарить за подарок. В деревне знали, что не от щедрости делал это Алёшка. Он, как мог, помогал тем, чьи отцы и мужья сражались на фронте, делился от сердца, словно расплачивался за свою хромоту и невозможность биться с врагом. И Мишаня представлял, как и он, вот так же молча, с усталым выражением на лице небрежно бросит глухаря на стол и степенно, не торопясь, начнёт раздеваться, не обращая внимания на удивлённо-обрадованные возгласы матери. От этой картины приятно защекотало в животе и заставило быстрее биться его раньше времени повзрослевшее сердечко.

От таких хороших мыслей он отвлёкся только тогда, когда, взобравшись на пригорок, услышал пощёлкивание, переходящее в шипение. Ни с чем невозможно спутать звук токующего глухаря, и Мишаня, опасаясь, что спугнёт птицу, присел на корточки и осторожно пополз в сторону ближайшего дерева, притаился за могучим стволом сосны. Когда же звук прекратился, он вытянул хвостик и осторожно выглянул. На поляне, распушив хвост, вытанцовывал глухарь. Он то поднимал голову, издавая призывные звуки, то опускал её, вглядываясь в сторону сосняка.

«Чего это он так вытанцовывает?» — недоумевал Мишаня, внимательно оглядывая поляну, на которой, кроме красавца-глухаря, никого не было.

Неожиданно птица гордо подняла голову, зашипела и начала притопывать на месте, затем на какое-то мгновение замерла и защёлкала, вытаскивая из лёгких сухие потрескивания и дрожащим горлом превращая их в звуки хрипловатых щелчков. А из-за дерева, опустив голову, словно ища что-то на снегу, не обращая внимания на красавца-глухаря, вышла серенькая курочка. За ней неспешно показалась вторая. Оранжевое оперение на грудках, словно солнечные блики, украшало их неброский наряд. Скосив глаза с ярко-красными надбровными дугами, глухарь приосанился, затопал лапками сначала на месте, затем повернулся к гостям боком, демонстрируя величавость хвоста, гордо приосанился, высоко поднял голову и защёлкал, защёлкал, перебивая любовной песней все звуки леса.

Мишаня припал щекой к стволу сосны, боясь пошевелиться. Он не обращал внимания ни на шероховатость коры, царапающей его щеку, ни на холод предрассветного утра. Его взгляд был прикован к танцующему глухарю, а всё остальное стало ненужным, второстепенным. Птицы были

не нарисованные, а живые, настоящие, как настоящими были лес, речка и он, притаившийся за деревом, боявшийся нарушить зов природы. Красавец-глухарь, издавая гортанные звуки, молодцевато вытанцовывал вокруг своей избранницы, а она делала вид, что не обращает на него внимания, что занята более серьёзным делом, но при этом постоянно держала его в поле зрения.

Непонятно почему Мишаня вспомнил, как перед самой войной в местном клубе всей деревней провожали выпускников. Разве можно было пропустить такое событие, поэтому пришли все. Мелюзга носилась по залу, мешая собравшимся, однако радостное настроение не давало возможности обращать внимание на сновавших туда-сюда ребятшек. Там же, среди толпы веселящихся людей, были и его родители. Отец держал мать за руку и не сводил с неё глаз, а она, покрасневшая от его внимания, стояла, опустив голову. Иногда она поглядывала в сторону, но Мишаня понимал, что, куда бы она ни смотрела и с кем бы ни говорила, её ладонь лежала в ладони отца, и никто из них не собирался разжимать руки. Как только по залу поплыли звуки вальса, отец подался вперёд, оглядывая собравшихся, словно выбирал пару, однако руку матери он не выпустил из своей. А она, поводя плечами, делала вид, будто ей всё равно, что происходит вокруг. Мишаня радостно вскрикнул, когда родители, не сговариваясь, разом шагнули друг к другу и поплыли по залу, словно две большие красивые птицы. А вскоре все узнали, что на их землю пришёл враг, который одним махом прекратил веселье и разъединил танцующих на долгие годы.

Мишане захотелось зареветь, упасть лицом в снег, зарыться в него, спрятаться от воспоминаний, где были улыбающаяся мама и счастливый отец.

«Как посмел проклятый фашист ворваться в нашу жизнь? — кричало сердечко Мишани, выплёскивая слезами боль непонимания происходящего. — Кто дал право распоряжаться ему жизнью других, убивать, терзать и вместо любви учить нас ненависти?»

Он вытер рукавом кофты глаза, хотя реветь всё ещё хотелось. За деревом снова раздался зов глухаря, и Мишане неожиданно показалось, что ещё секунда — и закружится тот со своей подружкой по снежному паркету просыпающегося леса. Закружатся так же, как кружились его родители, разделённые ненавистной войной.

«Да что я? Фашист, что ли, стрелять в любовь!» – прокричал где-то внутри себя Мишаня, боясь нарушить тишину леса и помешать живым существам выстраивать свою любовь как символ продолжения жизни.

Не чувствуя холода, Мишаня стоял за деревом, любуясь прекрасными птицами, для которых любовь была превыше всего, превыше смерти от пули охотника. И от этой большой любви забилося сердечко Мишани, и он понял, что там, на войне, его отец стрелял в ненависть, а он здесь никак не сможет позволить себе стрелять в любовь.

Он осторожно, чтобы не спугнуть птиц, отполз в сторону, спустился с пригорка и, наполненный светом всепобеждающей любви, зашагал к дому.

– Не беда, – рассуждал Мишаня вслух, – не умрём. Вон весна не сегодня завтра начнёт нас подкармливать, а там и войне конец. Вот тогда и отъедемся.

Но не от этой мысли было ему хорошо на душе. Он радовался, что увиденное стало для него отправной точкой совершать добро. Именно сейчас он болезненно почувствовал отсутствие отца, которому хотелось сказать слова благодарности за всё хорошее, чему тот научил его, отправив с напутствиями пусть на короткое время в свободное плавание по морям жизненных испытаний, вручив на память чувство ответственности, доброты, любви.

– Отец, – прошептал Мишаня, – не ругай меня. Ты бей фашистов, они заслужили это. Ты учил меня любить, радоваться жизни, и я понял твою науку.

Он уходил всё дальше от поляны, где две большие красивые птицы вопреки всему исполняли танец любви.

ЗАКОН НЕСОВМЕСТИМОСТИ

Маркелову давно перевалило за тридцать, когда он неожиданно для себя осознал никчёмность своей жизни. Впрочем, у него вроде бы всё было хорошо: жена, двое детей, неплохая и нормально оплачиваемая работа, благоустроенная квартира – набор того допустимого, что часто делает человека счастливым. Но вот счастья от всего этого он не испытывал.

Жизнь текла по давно заведенному руслу, и однообразие раздражало. Жена утром кормила всех, затем по дороге на работу отводила детей в школу, вечером прибежала уставшая и снова

впрягалась в работу: готовила ужин и обед на завтра для детей, вечером помогала им делать уроки. В субботу она, взвалив заботу о мальчишках на мужа, стирала, убирала, готовила, гладила, а в воскресенье тащила детей на выставки, в кинотеатр, на спортивную площадку. При этом старалась привлечь к этому скучному однообразию и Маркелова, но он яростно сопротивлялся.

Маркелов работал на самом крупном в городе предприятии, занимал неплохую должность и отчаянно при этом страдал от скучного однообразия жизни.

Он с завистью смотрел, как его более молодые и неженатые коллеги лихо меняли подруг, после работы собирались в ближайшем баре за бутылочкой пива, а выходные весело проводили в ресторанах, хвастаясь новой спутницей. Их рассказы заставляли невыносимо страдать и завидовать их развесёлой жизни.

Ему также хотелось веселья, знакомства с женщинами и жизни в своё удовольствие.

«Господи, – часто жаловался он, возвращаясь домой в переполненном автобусе, – за что мне такое? Так вся жизнь пройдёт, а сладости от неё и не почувствуешь».

И хотя счастливые глаза сыновей и мягкая улыбка жены всё ещё держали его на привязи семейного благополучия, но мысли о привлекательной и свободной жизни всё чаще и чаще тревожили ум.

Этот вечер ничем не отличался от тысячи подобных вечеров. Духота давила, редкий ветерок, весело перебирающий листочки на ближайшем дереве, не приносил прохлады. Домой идти не хотелось, и Маркелов присел на скамейку, отодвигая на время надоевшую суету домашних хлопот. Сегодня ему было особенно тяжело. Новая секретарша директора, длинноногая красавица Ленокка, несколько раз приветливо улыбнулась ему, и он, ощутив прилив мужской уверенности в себе, затосковал ещё сильнее.

– У вас что-то случилось? – услышал он голос откуда-то сбоку и вздрогнул от неожиданности.

Рядом на скамейке сидел седовласый старик с округлой бородкой. Он с улыбкой смотрел на Маркелова, и столько доброты и понимания было в его лице, что Маркелов не выдержал и, обхватив голову руками, начал говорить.

– Плохо мне, очень плохо. Ну зачем я так рано женился? – жаловался он, пряча свои глаза от незнакомца. – Дети сразу родились один за другим, живу в одних заботах. Но я ещё так

молод, мне погулять хочется, по ресторанам походить, других женщин, в конце концов, рядом увидеть. Разве я не заслужил этого? – стонал он, всё глубже зарываясь лицом в руки.

– Жизнь как жизнь, – услышал он мягкий голос старика. – Хочешь её изменить – меняй вместе с теми, кто рядом с тобой. Именно они часть твоей жизни, часть тебя. Или ты думаешь, что без них твоя жизнь станет лучше?

– Не знаю, – честно признался Маркелов.

Он на какое-то мгновение представил себя вне семьи, но тотчас вздрогнул от нелепости самой мысли, что их вдруг не окажется рядом.

– Ну что? Не получается? – поинтересовался старик.

Маркелов отрицательно pokrutil головой.

– А ты попробуй, – неожиданно предложил старик и, немного помолчав, продолжил: – Только я хочу тебя предупредить. Понимаешь, всё дело в том, что в жизни существует закон несовместимости: так любовь и измена не живут рядом, они просто несовместимы, как несовместимы верность и предательство, забота и разгульное веселье. По этому закону, если ты хочешь что-то получить, то должен быть готов и что-то потерять. Согласен ты на это?

Маркелов задумался. Мысль о том, что получит он больше, чем потеряет, назойливо застучала в его голове.

– Послушай, – снова заговорил старик, подвигаясь ближе к Маркелову, – ты ведь сейчас просто не понимаешь, что в жизни лучше. Пока твои друзья и коллеги наслаждаются ресторанами и женщинами, ты получаешь любовь и заботу от жены и детей. Они знают, как пахнет дорогой коньяк, а ты – как вкусно пахнет новорождённый младенец. Они обнимают женщин, а ты – своих сыновей и жену. Разве известны им слова «верность», «преданность», «стабильность»? Хочешь ли ты постоянное удовольствие променять на временное?

– Я устал, – честно признался Маркелов. – Пойми, мне хочется получать от жизни наслаждений, а не забот, мне хочется веселья, а не усталости. Я не знаю, что делать, но свою нынешнюю жизнь не принимаю.

– Да будет так! – понуро кивнул головой старик, приподнимая правую руку и устремив свой взгляд в зияющую пустотой голубизну неба.

Маркелов так и не понял, что случилось. Встреча со стариком была больше похожа на

сон и казалась нереальной, и он успокоился, приняв всё это за вымысел воспалённого мозга. Но именно после этой встречи всё в его жизни стало меняться.

Длинноногая красавица Леночка всё чаще и чаще начала попадаться Маркелову на глаза, одаривала его лучезарной улыбкой, а однажды в узком коридоре цеха неожиданно прильнула к нему, заставив сердце Маркелова учащённо забиться. Коллеги, устраивая очередной поход в ресторан, на этот раз, очевидно, по настоянию Леночки, уговорили его пойти с ними. Маркелов, сказав жене, что задержится на работе, счастливый и довольный, принял их приглашение. Леночку он увидел издали и ничуть не удивился, когда она, не стесняясь присутствующих, смело взяла его за руку и усадила рядом с собой. В танце она страстно прижималась к нему, и Маркелова взволновала эта близость, обдавая тёплой волной желания. После ресторана он охотно проводил её до дома, длительный поцелуй как бы подвёл итог их первой встречи.

Жена уже спала, намучившись за день, когда Маркелов пришёл домой. Ложиться ему не хотелось, воспоминания вечера всё ещё волновали, мешали сосредоточиться на сне и манили новыми возможностями. Засыпая, Маркелов твёрдо решил для себя, что ни за что не откажется от того рая, который так неожиданно вошёл в его жизнь.

Она для него теперь протекала в двух измерениях: в одном хлопотала жена, требовали внимания дети, а в другом – сладкая близость с Леночкой, рестораны и отсутствие забот. И если первая начинала пугать своей предсказуемостью, то вторая манила неизвестностью. Она нравилась ему всё больше и больше, затягивала глубже и уже постепенно начинала властвовать над ним.

Возвращаясь вечерами от Леночки, он уже не целовал жену, а субботние вечера, которые раньше проводил вместе с детьми, начинали раздражать его, как, впрочем, и сами дети.

Маркелов часто ловил испуганный взгляд жены, и это вызывало в нём чувство ожесточения, а однажды он грубо оттолкнул её. Когда она заплакала, незаслуженно обиженная, ушёл, хлопнув дверью, не испытывая при этом никаких угрызений совести.

Со временем ему стало доставлять удовольствие доводить её до слёз, гнать детей от себя.

Всё его время теперь занимала Леночка, и семье место в его сердце уже не находилось. Но и Леночки ему вскоре стало мало. Жизнь, наполненная только наслаждениями, требовала жертв, и на смену Леночки вскоре появилась Наташа, затем Катерина, Оля, Нина.

Однажды он явился домой поздно с исцарапанными в кровь по локоть руками и на немой вопрос жены рассказал вымышленную историю.

– Понимаешь, – лихо врал он, размахивая руками и отворачивая лицо, чтобы не видеть внимательно-холодных глаз жены, – пришлось заступиться за женщину, к ней приставали, я и вмешался.

Говорил он страстно, захлёбываясь от очередной лжи, но, наткнувшись на насмешливый взгляд жены, неожиданно замолчал.

– Такие царапины бывают только тогда, – спокойным и уверенным голосом произнесла она, – когда спасаешься бегством и продираешься сквозь кусты, закрывая лицо руками.

И Маркелов растерялся от простой очевидности этих слов. Ему даже показалось, что она подсматривала за ним, если смогла так достоверно описать картину его позорного бегства от очередной любовницы, к которой неожиданно вернулся муж.

– Маркелов, – глухо произнесла она, – я устала. Устала от вранья, от такой жизни. Уходи от нас. Я согласна на развод.

Она сказала это голосом, не терпящим возражения, и ушла в детскую, плотно закрыв за собой дверь. Это испугало Маркелова. Он привык к покорным ожиданиям его позднего возвращения домой, к молчаливому принятию его загулов. Просто Маркелов понимал, что деться ей с двумя детьми некуда, и надеялся продолжать свою развесёлую жизнь и дальше, не обращая ни на что внимания. Он улёгся в зале на диван, но сон не шёл. Впервые за долгое время Маркелов задумался. Его пугала возможность лишиться новой, так тянущей к себе жизни, но и семью терять он не собирался. Мысли не давали возможности сосредоточиться, болезненно пульсировали в висках своей неразрешимостью.

«Подумаешь, – стучало в голове, – пусть идёт на все четыре стороны. Жил же последнее время без неё, проживу и дальше».

«Не теряй того, что создавалось годами. Найди в себе силы сохранить семью, она источник твоего счастья и благополучия», – просило сердце.

«Да таких, как она, тысячи. Встретишь ещё лучше», – кто-то упорно шептал в голове, и этот кто-то становился самым лучшим советчиком.

«А детей таких не встретишь никогда, – уверяло сердце, пытаясь быть услышанным. – Подумай, не потеряешь ли ты больше, чем приобретёшь?»

С этими невесёлыми мыслями Маркелов уснул.

Разводились они долго и нудно. Жена, казалось, мстила ему за боль, обиду, поэтому старательно и умело тянула с разводом, находя всё новые и новые причины. Маркелов метался между ненавистью к ней и желанием освободиться.

– Никакого примирения не может быть, – нервно теребя носовой платок, доказывал он судье нежелание соединиться с семьёй.

– Подумайте, у вас двое детей, – уговаривала судья без энтузиазма, за много лет привыкшая к подобным словам и делам.

– Да, – неожиданно соглашалась жена, – дети не должны жить без отца.

Суд в очередной раз откладывали, и Маркелов, взбешённый её несогласием на развод, с ненавистью бросал ей в лицо оскорбления, а она, обиженная и измотанная его изменами и предательством, с улыбкой смотрела ему в глаза и неторопливо возражала.

– Я устала от твоих оскорблений, измен. Пойми теперь и ты, что такое страдание.

И от того, что в её словах звучала больная правда, которую ему не хотелось слышать, понимать и принимать, Маркелов страдал, пил горстями таблетки, на время забыв про свои загулы. Теперь лишняя сигарета стала ему ближе всех женщин, усиленно вьющихся около него. Желание развестись, забыть, выбросить из жизни прошлое стало для него не просто навязчивой идеей, а освобождением от собственных страданий и страхов.

Он подавал в суд жалобные заявления, обвиняя жену во всевозможных грехах, надеясь, что это позволит ему приблизить долгожданную свободу. И когда в зале суда прозвучали слова «именем закона...», он, не веря в своё счастье, расплакался.

Южный город встретил его жарой и каким-то особым сладким запахом, которым чаще всего пахнут южные города. Новое место и новая работа на какое-то время отвлекли его от непри-

ятных воспоминаний о прошлом, и он с головой окунулся в свободную жизнь. Ему казалось, что она припасла для него неожиданный подарок — начать всё заново — и только сейчас отдала его. И хотя он надеялся, что новые ощущения будут радовать его, но воспоминания всё чаще и чаще наведывались. Особенно боль доставляли сны, в которых он обнимал своих детей и радовался общению с ними.

Тоска наваливалась всё сильнее, одиночество пугало и настораживало, и Маркелов, чтобы как-то освободиться от воспоминаний, начал решительно присматриваться к женщинам, работающим вместе с ним.

Особенно хороша была черноглазая красавица Гаянэ, с густой шапкой иссиня-чёрных волос и огромными, в пол-лица глазами. Она охотно принимала его ухаживания, но на близость с ним не шла, намекая на женитьбу и наличие двух братьев, способных постоять за честь сестры.

Однако жениться на ней Маркелов не собирался. Он прекрасно понимал, что Гаянэ тут же родит ему детей, и прежняя жизнь, от которой он так старательно бежал, снова вернётся к нему.

Помучившись около года и настроив против себя весь коллектив цеха, Маркелов срочно перешёл на другое предприятие, покончив таким образом с ненужной обузой в лице Гаянэ.

Новое место сначала показалось скучным и неудобным, если бы не одно обстоятельство. Здесь работала молодая женщина, давно уже не связанная узами брака, с ребёнком на руках. Она сразу же вычислила возможную жертву в лице Маркелова и начала планомерную охоту на него. И Маркелов попался. Избранница устраивала его во всём. Наличие ребёнка давало ему возможность не заводить своих, к тому же он был уверен, что оставленная своим первым мужем, она будет крепко держаться за него, исполняя все его прихоти и капризы.

Рассуждая так, он присел на скамейку в сквере, успокаивая себя тем, что всё, что происходит сейчас, к лучшему.

— Ну что? Думаешь так дальше жить? — услышал он голос и оглянулся.

На другом краю скамейки, привалившись к спинке и глядя куда-то вперёд, сидел седой старик с небольшой круглой бородкой.

Маркелов узнал его и почему-то не удивился его неожиданному появлению.

— Жизнь продолжается, — весело отчеканил он, — и я должен, наконец, прожить её для себя.

— Надеюсь, ты не забыл закон несовместимости? — поинтересовался старик тихим голосом и повернул голову в сторону Маркелова.

Маркелов пожал плечами и усмехнулся. Всё шло как нельзя лучше, и никакие вымышленные стариком законы его уже не интересовали.

— Всё это глупости, — отмахнулся он, но любопытство взяло верх, и Маркелов поинтересовался: — Ну и чего я сейчас лишусь? С чем будет несовместимо моё новое положение? Что я потеряю сейчас?

— Любовь, — спокойно произнёс старик и с улыбкой взглянул на Маркелова. — Зачем она тебе, если удовольствия ты ставишь превыше всего?

Но Маркелов рассмеялся и отмахнулся от старика, резко поднялся и пошёл в сторону дома, где его ждали новая жизнь и новая женщина.

Мальчик внимательно наблюдал за мужчиной, который что-то резким и недовольным голосом выговаривал его матери. Ему не нравилось, что она постоянно требовала от него называть этого чужого человека отцом. Мальчик с трудом выдавливал из себя: «Папа», видя недовольное лицо мужчины. Своим крохотным сердечком он научился чувствовать и понимать, что это слово никак не вяжется с человеком, уже более трёх лет проживающим с ними.

Маркелов действительно не принял до конца чужого ребёнка. Собственные дети давно должны были перейти в ранг забытых и выброшенных навсегда из сердца, однако этого почему-то не произошло. Они всё чаще приходили во сне, тревожили память и заставляли сердце болезненно сжиматься. Он боялся признаться себе, что до сих пор помнил запах их волос, мягкие ладони, доверчиво вложенные в его руку, их улыбки, глаза, детские шалости. Но самым страшными воспоминаниями, в чём он отчаянно боялся себе признаться, были воспоминания прошлого, где были семья и любимая жена.

Женщина, делившая сейчас с ним свою жизнь и уступающая ему во всём, удобная, как он любил говорить, возможно, и была хороша, но в глубине души он осознавал, что любить её он так и не научился. Маркелов постоянно сравнивал её со своей первой женой и понимал, что проигрывает она во всём: готовит не так вкусно, смеётся не так заразительно, любит не так нежно.

Того, что должно было крепко-накрепко связать их в семью, в своей душе он не находил, но страх потерять и это, пусть иллюзорное, счастье

заставлял его терпеливо сносить всё, что преподносила жизнь.

– Проклятый старик, – часто, оставшись наедине, повторял он. Его раздражало то, что тот оказался прав, и Маркелов отчётливо понимал, что любить живущую рядом с ним женщину он так и не научился и не научится никогда.

– Никуда не поедешь, – кричала женщина, наступая на Маркелова. – Ишь чего придумал! Детей ему, видишь ли, захотелось увидеть. Только попробуй – не поздоровится, – неистовствовала она, сжимала кулаки, готовая с боем отстаивать своё иллюзорное благополучие.

Маркелов поднял тяжёлый взгляд на кричащую, и та испуганно замолчала, понимая, что в такие минуты лучше не перечить ему.

– Собери вещи, – злым голосом проговорил он, – и не ори! Надолго не уеду, только туда и обратно.

И она молча начала собирать мужа в дорогу. Её уже давно и постоянно мучил страх потерять так дорого доставшуюся ей семейную жизнь, расставаться с которой она не собиралась.

«Пусть гуляет, – часто со злостью думала она, – перетерплю, пусть злится, раздражается. Ничего, промолчу. Лишь бы был со мной».

Она давно умело приучала его к себе, прощая все его ошибки и подстраиваясь под его настроение. Хотя знала, что он постоянно обманывает, упорно делала вид, что верит ему во всё. Ей хотелось пусть видимой, но стабильности, семьи, уверенности, и то, что она в очередной раз смогла пристроиться, давало ей возможность знать, как нужно удержать то, что имела.

Во всё этом настораживало женщину только одно: она прекрасно понимала, что прошлое преследует её мужа, и не представляла себе, как заставить его забыть то, что когда-то было в его жизни. И то, что муж собирался пусть даже на короткое время вернуться в него, было самой сильной для неё болью и самым большим страхом.

– Что тебе до них? – часто с раздражением спрашивала она. – Уже давно забыли тебя. Да эта стерва столько боли тебе принесла и сейчас, наверное, гадости про тебя детям рассказывает. Подумай, стоит ли ехать?

Ей доставляло удовольствие поливать грязью неизвестную женщину, вдруг ставшую соперницей в её новой жизни. Она люто ненавидела её за то, чем не обладала сама, за то, что ту так долго помнил муж.

А он, настороженный и испуганный предстоящей встречей, ехал туда, где, как ему казалось, его ждали и помнили.

День выдался тёплый. Солнце уже давно не обжигало немилосердно, как у них на юге, а ласково пригревало. Ветерок приносил прохладу уходящего лета. Сердце Маркелова учащённо забилося, когда он увидел знакомый двор. Деревья, окружавшие детскую площадку, уже подросли, а кем-то посаженные кусты укрывали её от любопытных глаз.

Маркелов остановился у ближайшего дерева. От волнения ему стало тяжело дышать. Предстоящая встреча пугала, и он, понимая, что не найдёт в себе силы подняться в квартиру, присел на ближайшую скамейку.

– Дорогая, – услышал он голос со стороны подъезда, – да опусти ты ребёнка. Ты так часто носишь её на руках, что она скоро разучится ходить.

Маркелов оглянулся. Невысокий мужчина в модной курточке заботливо принял из рук женщины девочку и поставил на землю, отчего та от неудовольствия затопала ножками. Но мужчина присел около ребёнка, что-то сказал, и девочка рассмеялась, а он оглянулся в сторону подъезда и прокричал:

– Эй, мужики, выходите. На улице тепло. Погуляем немного на площадке и рванём на стадион, а мама с сестрёнкой пусть отдохнут от нас.

Из подъезда, толкаясь и хохоча, дружно вывалились мальчишки и наперегонки бросились к турнику. Маркелов приподнялся со своего места, но тут же обессиленный рухнул назад. Это их он постоянно видел во сне, это к ним он приехал сегодня. Его душило непонятное чувство растерянности и нежелания поверить в то, что он сейчас увидел. Его сыновья слушались другого человека, непонятно откуда взявшегося.

«Зачем? Почему? Кто позволил?» – кричало его сердце.

Но самым страшным для него стало то, что его жена доверчиво прижималась к другому и казалась самой счастливой на свете. Женщина, к которой он ехал, женщина, которую он продолжал помнить и, несмотря ни на что, любить, была с другим, смотрела на того влюблёнными глазами и держала на руках его ребёнка.

Весь мир разом рухнул для Маркелова. Он неподвижно сидел на скамейке, безвольно опустив руки вдоль туловища, не в силах превоз-

мочь боль, пульсирующую в сердце. Сил подняться и уйти не нашлось, и он с ужасом увидел, как его бывшая жена нежно обняла мужчину, а он, с силой прижав её к себе, поцеловал сначала в лоб, затем, оглянувшись вокруг и никого не заметив, стал покрывать поцелуями её лицо, а она, запрокинув голову, весело смеялась...

Больное прошлое, так долго преследовавшее его и приносившее страдания, стало не менее страшным настоящим.

«Проклятый старик», – в очередной раз подумал Маркелов, так до конца и не осознав, что проигрываем или выигрываем мы в жизни только своими делами и поступками.

НАКАЗАНИЕ

1

Очередь была бесконечно длинной. Егоров пристроился в конце, судорожно сглотнул слюну, от этого в горле запершило, и он закашлялся, прикрывая рот ладонями. Впереди стоящий негр с удивлением посмотрел на него, но потом отвернулся, тяжело вздохнув, и понуро шагнул вперёд.

На какое-то мгновение Егоров удивлённо оглянулся. Он пытался вспомнить, что его привело сюда, но мысли путались или вдруг неожиданно пропадали, и тогда он автоматически делал шаг за медленно идущим негром.

«Так я до вечера на одном месте простою», – подумал Егоров, неосторожно шагнул и уткнулся в широкую спину негра, но тот никак не отреагировал. Странная, пугающая тишина сопровождала безмолвно двигающихся людей. Начала очереди не было видно, а в конец всё пристраивались и пристраивались новые посетители, шли, опустив голову, не вступая ни в какие разговоры.

«Интересно, а зачем мы стоим?» – мысленно напрягся Егоров, но спросить вслух постеснялся. «А может, стоим куда-то в очень важные структуры?» – задумался он. Егоров не помнил, когда он пристроился в конец очереди, не помнил зачем, и это мешало ему сосредоточиться, и хотя время шло, движения его он не ощущал. Егоров не мог понять, как долго стоит здесь, кто его поставил и когда это закончится. Ему казалось, что вечер давно уже должен пробиться сюда, но вокруг было всё так же светло. От скуки Егоров стал осторожно осматриваться, чтобы увиденное помогло ему понять, где он находится.

Вокруг была пустота. Белая безмолвная тишина окутала Егорова со всех сторон. «Даже присесть некуда», – вздохнул недовольный Егоров, хотя никакой усталости он не ощущал. Ни есть, ни пить не хотелось, не хотелось ни с кем разговаривать, порой и мысли куда-то пропадали, оставляя в его голове лишь желание достояться.

Прошло достаточно много времени, прежде чем Егоров увидел, как слабо колышущийся поток людей где-то впереди распался на три части. Он обратил внимание на то, что люди из этих потоков шагали в пустоту и пропадали там, не оставив ни следа. Ни дверей, никаких других приспособлений Егоров не увидел. Это на какое-то время привлекло его внимание, и он не заметил, как дошагал до места разделения толпы на потоки, и вдруг понял, что твёрдо знает, куда ему надо идти.

Егоров шагнул влево, в центр белёсой пелены, остановился у большого стола, за которым восседал старик, с аккуратной бородкой и огромной, во всю голову, лысиной. Старик устало взглянул на Егорова и кивнул ему в сторону огромного экрана, на котором растерянный Егоров увидел всю свою недолгую жизнь. Кадры сменялись, и Егоров смотрел, как он то оскорблял маму, то измотанный и усталый на работе в гневе кричал на супругу, то довольный и счастливый сидел с бутылочниками в ближайшем сквере. Везде он был или безжалостный, или довольный, но чаще всего злой и раздражённый, уставший от своей, как ему вдруг показалось, несчастной жизни. Фильм закончился неожиданно.

Старик внимательно посмотрел на Егорова и заговорил:

– Тебе ещё рано к нам. Ты вернёшься, но получишь наказание. Теперь каждую минуту ты будешь ощущать боль того человека, которому её причиняешь. Посмотрим, захочешь ли ты после этого приносить близким страдание. Иди.

2

Егоров осторожно приоткрыл глаза. Первое, что он увидел, была плохо побелённая стена больничной палаты, скомканное одеяло и испуганное лицо жены, дремавшей на стуле. Ужасно болела голова. Боль пульсировала где-то в затылке, и Егорову казалось, что он слышит стук тысячи молоточков, усердно бьющих за теменной костью. Он недовольно поморщился и вдруг отчётливо вспомнил, как вечером подрался с со-

седом, как тот с силой толкнул его, Егоров, падая на заплёванный пол подъезда, пребольно ударился головой о стену.

– Люба, – тихо позвал Егоров дремавшую жену, но она, всю ночь не сомкнувшая глаз, даже не пошевелилась, когда Егоров прикоснулся к её оголённому колену.

Егоров разозлился и с силой ударил ладошкой по ноге жены. От неожиданности она громко вскрикнула, испуганно открыв глаза, и спросонья не поняла, что случилось. Недовольный Егоров, обиженный невниманием супруги, поджал губы и зло взглянул на неё. Люба ещё больше растерялась, одёрнула подол платья и засуетилась около мужа.

– Врач вчера, когда определил у тебя сотрясение, поставил снотворное, – суетливо поправляя одеяло, заговорила Люба.

Она всё ещё помнила пьяную драку на лестничной площадке в подъезде, разгоревшуюся из-за какой-то ерунды, и теперь боялась очередной вспышки гнева рассерженного мужа.

– Я тебе покушать принесла, да что-то задремала, – оправдывалась она.

Егоров взглядом приказал ей замолчать. Голова раскалывалась от боли, и Любина болтовня усиливала её, мешала думать. Из большой сумки, стоящей около кровати, Люба извлекла банку с супом, и по палате потёк дурманящий запах. Егоров с наслаждением потянул носом в сторону аромата. Ему страшно захотелось кушать, и то, что Люба медлила, бесило Егорова.

– Поторопись, дура, – прошипел он, – не видишь, что ли, голодный я.

Люба засуетилась, и, может, от того, что она торопилась, банка с супом не открывалась, как будто крышка намертво приросла к ней. От напряжения на лбу у неё выступили капельки пота. Одной рукой она придерживала банку, а другой остервенело рвала крышку.

То, что жена медлила и не исполняла просьбы мужа, окончательно вывело Егорова из себя. Он приподнялся на руках и, почти не разжимая губ, просипел:

– Дура, ничего не можешь, никогда не могла, вот теперь окончательно убедился в этом. Дай сюда банку, идиотка!

Он почти ненавидел неумеху-жену, уже давно раздражавшую его своей суетливостью, а присутствие в палате посторонних людей совсем не смущало его и не мешало оскорблять растерявшуюся женщину.

Наконец, Люба одержала победу в борьбе с банкой. Она присела на край кровати, положила на грудь Егорову полотенце и стала старательно кормить его с ложки. Егоров заглатывал вкусный суп, время от времени морщился, чтобы Люба вдруг случайно не догадалась, что всё вкусно и доставляет Егорову удовольствие. Делал он это из вредности, не давая жене повода гордиться своими обедами.

Егоров уже давно привык так жить, унижая и обижая близких. Ему казалось, что только так он сможет утвердиться в своём незыблемом величии мужа и хозяина положения, поэтому тактики своей не менял. Обижалась ли Люба, Егорова не интересовало, как и не интересовало настроение всех членов семьи. Его раздражали все: мать с больными ногами, вечно цепляющаяся при ходьбе за мебель и мешающая Егорову свободно передвигаться по квартире, неуклюжая жена с вымученно-испуганным выражением лица, сын-подросток, глядящий на него исподлобья, даже разношёрстная кошка, постоянно жившая на излюбленном месте хозяина. Хорошо он чувствовал себя только с друзьями, распивая бутылочку беленькой на скамейке в ближайшем сквере или за столом на крохотной кухне. Тогда все в доме замокали, расходились по своим углам, только Люба неслышно сновала туда-сюда, подавая закуску и так же бесшумно исчезая за чуть приоткрытой дверью.

– Хватит, наелся, – устало произнёс он, отодвигая руку Любы в сторону. Она привычно испуганно вздрогнула от его прикосновения и стала торопливо убирать недоеденное мужем в большую сумку.

Егоров от нечего делать устался в давно небелённый потолок, затем перевёл сердитый взгляд на жену.

– Иди узнай у врача, долго мне ещё здесь прохлаждаться! – насупленно проронил он. Ему уже порядком надоела больничная палата, тянуло к собутыльникам, хотя голова по-прежнему раскалывалась.

Люба вернулась быстро. За ней семенил старенький доктор. Он осторожно осмотрел Егорова и с улыбкой констатировал:

– Да, батенька, напугали вы нас вчера. Слава Богу, что голова у вас железная. Небольшое сотрясение, но из-за раны на голове вы потеряли много крови. Привезли вас в бессознательном состоянии, то есть прибавили нам работы, когда долго не приходили в себя, но уже поти-

хоньку восстанавливаете. Советую побережь голову, она ещё вам пригодится. А выпьем вас дня через три-четыре. Пока отдыхайте.

Он так же стремительно исчез из палаты, как и вошёл. Егоров заметил, что Люба нерешительно мнётся в дверях, сердито взглянул на неё и прошипел:

– Ну, чего тебе ещё? Говори.

– Мне бы домой сходить. Обед приготовить надо, Вовка скоро из школы придёт, да и мама твоя с утра только чаем перебивается.

Егоров устало кивнул, разрешая ей уйти, и принялся внимательно рассматривать соседей по палате. Их было трое. Старик на кровати в углу в расчёт не шёл. Был он немощный, постоянно с надрывом кашлял. Правая кисть руки была замотана бинтом и беспомощно покоилась на подушке. Напротив него с перебинтованной головой лежал огромный толстяк, возвышаясь горой над кроватью, и надсадно храпел. В углу примостился парень. Левая нога у него была в гипсе, рядом с тумбочкой, прислонясь к стене, пристроились костыли. Парень что-то увлечённо читал, время от времени посмеиваясь над прочитанным, и, казалось, ничего вокруг не замечал.

«Да, послал Бог соседей, – подумал Егоров, – выпить даже не с кем».

Выпить ему хотелось ужасно. Его не смущала сильная раздражающая темя головная боль. Казалось, что стоит опрокинуть стаканчик-другой, всё разрешится само собой: голова тут же перестанет болеть, настроение непременно улучшится и всё вокруг обретёт значимость.

Ему хотелось, чтобы его навестили друзья-собутыльники, но в глубине души он прекрасно понимал, что нужен им только на скамейке в парке, что радовались они его приходу только тогда, когда из кармана его брюк торчало горлышко бутылки. От желания выпить у него засосало под ложечкой, рот наполнился слюной, которую он поспешно и громко сглотнул. Желание становилось невыносимым, и Егоров не выдержал.

– Эй, – окликнул он парня в углу, самозабвенно читающего книжку, – слушай, ты выпить не хочешь?

Парень отстранённо взглянул на Егорова и отрицательно покачал головой.

– Не увлекаюсь, – чуть заикаясь, произнёс он и снова нырнул глазами в книгу.

От огромного желания и невозможности его реализации Егоров начал страдать. Он вдруг отчётливо понял, что совершил глупейшую ошибку,

отправив Любу домой и не приказав ей принести выпить. Люба немедленно превратилась в его глазах в злейшего врага. Егоров всеми клеточками своей жаждущей выпить души понимал, что Люба ни за что не догадается принести ему заветные сто граммов, обязательно придёт вечером, когда спиртное уже не будут отпускать и окончательно испортит ему настроение. Теперь все мысли Егорова вертелись вокруг его желания и напрочь изгнали все остальные. Он закрыл глаза, пытаясь уснуть и прекратить на время думать о выпивке, но сон не шёл.

Под вечер, измотанный мыслями и желанием выпить, Егоров уже ненавидел всё вокруг. Когда дверь тихонько открылась и в палату проскользнула жена, он, не дожидаясь её приближения, остервенело зашипел.

– Где тебя черти носят, дура? Ну, чего вылипилась, чего остановилась, иди сюда.

Он не сдерживал себя в словах, ведь в том, что выпить ему сегодня не придётся, была виновата только она, не догадавшаяся вовремя прийти и поинтересоваться у мужа, чего ему хочется. Люба съёжилась, осторожно бочком приблизилась к кровати и наклонилась, чтобы поправить одеяло, один край которого провис до пола, а другой забрался под подушку и мешал ничего не замечающему Егорову. Она протянула руку, и Егоров, уже потерявший над собой контроль, вдруг с размаху кулаком ударил по ней, выплёскивая весь гнев наружу. Люба вскрикнула, отдернула руку, спрятав её за спину, и, не зная, как себя вести дальше, понуро опустила голову и замерла.

Егоров уже было открыл рот, чтобы выплеснуть жене в лицо очередную порцию недовольства, но вдруг где-то в груди у него образовался комок из боли, жалости к себе и обиды и стал расти, распирая сердце болезненными ощущениями. Чувство было настолько незнакомым, что у Егорова на глазах выступили слёзы, и растерявшийся от этой напасти, он отвернулся к стене, чтобы никто не увидел его страданий.

«Что это со мной? – испуганно напрягся Егоров. – Неужели стало жалко Любку?»

Невыносимо горькое чувство незаслуженной обиды не проходило, а давило на сердце, и от этого он страдал ещё сильнее.

От лёгкого прикосновения к плечу Егоров повернул гудящую голову и увидел склонённое над ним лицо жены.

– Я тебе покушать принесла, – робко произнесла она.

На тумбочке возвышались какие-то баночки со съестным, заполнявшим ароматом всю палату. На соседней кровати заёрзал тучный мужчина, принюхиваясь к доносившимся запахам, словно пытаясь насытиться ими.

Егоров привстал на кровати и принялся за еду, стараясь этим заглушить до сих пор незнакомое и неизвестно откуда появившееся чувство. Когда Люба ушла, он понял, что пить ему расхотелось, что, страдая от обиды и жалости к себе, он опять забыл попросить жену об одолжении, и желание увидеть на тумбочке бутылочку беленькой отодвинулось на неопределённый срок.

3

Выписали Егорова, как и обещали, на третий день. Врач наскоро проконсультировал его, выдал на руки выписку и безразлично отвернулся, склонившись над кучей бумаг. Егоров постоял несколько секунд, тяжело вздохнул, уходя, нарочито громко хлопнул дверью. Люба ждала его внизу и, когда Егоров прошагал мимо, засеменила за ним.

Улица встретила его гулом машин, свежестью первых осенних деньков и последними яркими лучами солнца. Он шумно вдохнул нахлынувшую на него прохладу, в носу приятно защипало, и Егоров неожиданно для себя обрадовался. Душная и скучная палата осталась где-то далеко позади и тут же забылась. Впереди показался сквер, и Егоров напрягся в предвкушении встречи со старыми друзьями, но скамейка, на которой они обычно просиживали, пустовала, только первые опавшие пожухлые листья лениво расположились на ней, словно собирались отдохнуть.

— Я зайду в магазин, — твёрдым голосом, не оборачиваясь, заявил Егоров Любе и уверенно зашагал через дорогу. Он представил себе, как вечером придёт в сквер, держа в руках бутылочку, как радостно и приветливо загалдят присутствующие и как он смачно выпьет из пластмассового стаканчика, не закусывая и не морщась.

— Дома продуктов почти не осталось, а ты всё опять тратишь на глупости, — неожиданно подала голос до этого молчавшая Люба и остановилась, выражая недовольство.

— Иди домой! — не оборачиваясь, приказал Егоров.

Вернулся он через полчаса, улёгся на диван и с нетерпением стал ждать того времени, когда можно будет отправиться в сквер. Люба суети-

лась на кухне, стучала кастрюлями и о чём-то тихонько жаловалась матери. Вовка уже давно пришёл из школы, забросил сумку в комнату и убежал на улицу, не обращая внимания на Любину просьбу остаться и заняться уроками.

Ближе к вечеру Егоров, наскоро перекусив Любиной стряпнёй, торопливо накинул на себя старенький, выдавший виды пиджачок и заспешил в сторону сквера. Его встретил гул дружных голосов, насмешки по поводу болезни. Егоров гордо демонстрировал всем рану, ругая соседа, а когда все налюбовались шрамом на голове, он старательно вынул из кармана бутылку и предложил выпить за своё выздоровление. Водку старательно разлили по стаканчикам, кто-то положил на газетку, лежащую на коленях, не очень свежую булочку, и пиршество началось. Пили за выздоровление, за то, чтобы чаще собирались, за дружбу. Когда бутылка опустела, разгорячённая выпитым компания тут же подсутилась, и через некоторое время появилась вторая, а потом и третья.

Возвращался Егоров домой под вечер. Голова привычно гудела, в желудке было пусто, где-то под ложечкой болезненно ныло, настроение постепенно портилось, и чем ближе Егоров подходил к дому, тем становился мрачнее. Дверь он открыл своим ключом, с трудом попав в замочную скважину. Его встретила привычная тишина. Мать закрылась в своей комнате, Вовка делал вид, что занят уроками, только Люба всё ещё сутилась около плиты.

Егоров с трудом разулся, немного подумал, на кого начать выплёскивать своё неожиданно испортившееся настроение, и шагнул на кухню.

— Давай жрать! — прохрипел он и рухнул на стул в углу.

— Сейчас, сейчас, — заторопилась Люба. Она поставила перед ним сковородку с аппетитно подрумяненной картошкой, нарезанные огурчики и тарелку с хлебом. И хотя делала она всё быстро, Егоров недовольно морщился, наливаясь злобой к происходящему.

— Поторопись, дура, — привычно заорал он и с силой толкнул Любу.

От неожиданности она охнула, запнулась за половичок и пребольно ударилась о холодильник. И в ту же минуту неизвестно откуда появившаяся резкая боль в боку пронзила Егорова, слёзы навернулись ему на глаза, сердце непривычно защемило, и он неожиданно всхлипнул, не сумев пересилить нахлынувшую на него обиду.

Егоров, растерявшись и ничего не понимая, смахнул слёзы с ресниц, выбрался из-за стола, ушёл в свою комнату. Он улёгся на старенький диван, напрягся, пытаясь заглушить боль и обиду, но они росли, доставляя неудобство, и Егоров разрыдался. Слёзы на какое-то время принесли облегчение, и он уснул не раздеваясь.

«Что-то со мной не так», – утром мучился Егоров. Обида не проходила, а становилась привычной, от этого он ещё сильнее переживал. Ему нестерпимо захотелось выпить, чтобы заглушить невесть откуда родившееся чувство, хотя и незнакомое, но уже так болезненно заявившее о себе, поэтому ненужное, так как мучиться от чего-то, кроме отсутствия выпивки, Егоров просто не привык. Он привстал с дивана и вдруг отчётливо понял, что боится встретиться с Любой, что ему тяжело видеть её после вчерашнего. Чувство было незнакомое, непривычное, и Егоров озлобился. Его стремление быть хозяином положения одержало верх, он соскочил с дивана, пнул ногой табуретку, стоявшую на его пути, отчего она с грохотом упала, и вышел из комнаты.

Мать, увидев его, с трудом передвигая опухшие ноги, заторопилась в свою комнату, которую она делила с внуком, но спрятаться не успела.

– Чего еле ноги тащишь? – завопил Егоров, раздражённый её медлительностью. – Давай шевелись! Всю комнату заняла своими габаритами!

Он хотел наораться вдоволь, хотел почувствовать себя угрозой для всех и насладиться своим превосходством. Мать, не оборачиваясь, тяжело вздохнула и заспешила, болезненно морщась.

И ту же минуту, как только он увидел её осунувшееся лицо, у Егорова неожиданно свело ноги, в районе колени запульсировало, ступни налились тяжестью. Он опёрся руками об сервант, с трудом сделал осторожный шаг и застонал. Боль в ногах была нестерпимой, но ещё сильнее была боль в сердце. Оно снова, как вчера, налилось незаслуженной обидой и какой-то странной горечью, мучившей его. Егоров почувствовал свою ненужность и никчёмность. Слёзы скопились где-то внутри, но выплеснуться наружу не решались. Егоров присел на стул и закрыл лицо руками. В голову назойливо лезли мысли: «Кому я нужен, зачем живу на свете? Скорее, что ли, перестать мучить себя и других». Были ещё мысли о сыне, о его безразличии, о мате-

ринской обиде на него. Всё это корёжило душу, выворачивало её.

«Да что это со мной? – стонал Егоров. – За что всё это мне?..»

Что-то забытое стало всплывать в его памяти, но боль обиды не давала сосредоточиться, и он, посидев на стуле, постепенно стал успокаиваться.

4

Больничный у Егорова заканчивался, на работу идти не хотелось, но и дома он боялся оставаться. Егоров заметил, стоило ему закричать на кого-то из домашних, он начинал страдать так, как будто это его только что отчитали. Даже отвешенный подзатыльник Вовке отозвался сильной болью в голове и обидой в сердце. Егоров начал нервничать. Привычное положение грозы семьи и хозяина начинало угнетать его и пугать. До больницы Егоров мог безнаказанно оскорблять домашних, ругаться с соседями, уходить, когда ему вздумается, в сквер к собутыльникам. А сейчас всё давалось с трудом. Боль обиженного им человека становилась его болью. К этому Егоров никак не мог привыкнуть и не хотел. Он терял своё могущество, а то, что приобретал взамен, совсем ему не нравилось.

Егоров лишний раз не решался повысить голос. Люба с удивлением смотрела на него, а однажды улыбнулась ему. От этого она стала красивой и молодой, и Егоров пожалел, что так долго не видел её такой. Он терпеливо молчал, когда неуклюже переваливающаяся мать выходила из своей комнаты, а однажды даже помог ей, чего раньше никогда не делал. От этого в его душе что-то непонятное затеплилось, и он неожиданно счастливо улыбнулся.

Через неделю Егоров решил отправиться в церковь, стоящую недалеко от дома. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить, поделиться пережитым. Друзья-собутыльники в расчёт не шли, а объяснение происходящему у него не находилось. В церкви он дождался, когда батюшка освободился, и нерешительно подошёл к нему.

– Вас что-то беспокоит? – поинтересовался тот, увидев, как мнётся Егоров. Давно заметил его, понял, что в церкви тот впервые.

Егоров, запинаясь от волнения, изложил всё, что с ним происходило в последнее время. Он боялся что-нибудь пропустить, толком не мог описать свои чувства, торопился, но его внимательно, не перебивая, выслушали.

– Мы часто незаслуженно обижаем близких да и неблизких тоже, – задумчиво проговорил батюшка. – Не понимаем и не чувствуем, какую боль им причиняем. Человек чувствует только свои страдания, переживает только свою обиду, изображает из себя жертву, предаёт и не испытывает угрызений совести. А что случится, если мы всей душой, всем сердцем почувствуем боль обиженного нами? Легко ли нам будет в следующий раз обижать, оскорблять, предавать? Часто человек проявляет слабость, трусость и прячется за своими обидами. Ты стал делить боль с обиженным тобой, стал ощущать её в себе. Теперь ты понял, как больно бывает тому, кого ты незаслуженно обидел. Ты понял могущество слова, силу деяния. Сделай свои слова и поступки безупречными, и тогда боль отступит от тебя. Используй свои слова и поступки, чтобы доставлять любовь, а не страдания, тогда ад твоей жизни превратится в рай. Любой человек заслуживает рая, а часто создаёт ад в своей душе. Попроси прощения у тех, кто страдает по твоей вине. Признать вину тоже тяжело. Мы чаще обвиняем других, выгораживая себя. Найди силы изменить себя, тогда и мир вокруг тебя из-

менится. Не живи иллюзиями благополучия, если где-то кто-то страдает по твоей вине. Запомни, трусость – самый большой грех, способный погубить душу. Найди в себе смелость признать это и изменить всё происходящее сейчас в твоей жизни.

Батюшка перекрестил Егорова и зашагал прочь, оставив того наедине с только что сказанным. Егоров уставился на икону, с которой на него с болью и любовью взирал лик, неумело перекрестился и пошёл прочь. Ему никто никогда не говорил таких простых и понятных слов, никто не выслушивал его несуразную путаную речь, никто не давал совета.

Сказанное было простым и понятным, но Егоров понимал, как тяжело выполнять всё то, что ему только что проговорили. Он вышел из церкви и зашагал домой. Егоров не представлял, с чего начать своё излечение, как убить гнев и трусость в своей душе, но твёрдо знал, что делать это необходимо. Жить по-старому больше не получится, а вот жить по-новому придётся учиться. И не имеет значения, в каком возрасте приходит это понимание. Главное, что оно приходит.

**Дмитрий
ФИЛИППЕНКО**

**Я ЖИВУ НА УЛИЦЕ
ШАХТЁРОВ**

* * *

*Печален я и болен я
Непониманием и ложью,
Изогнутая колея
Ломает жизнь мою и крошит.*

*Переоделась вмиг страна
Из красных платьев в дорогие,
Но всё равно она пьяна
И прячет гениев в могилы.*

*И, видимо, не суждено
Расстаться мне с моей печалью,
Смотрю в российское окно,
По будущему скучаю.*

* * *

*У нас погоде всё равно,
Что нынче праздник – День шахтёра.
Снег вышел шляться по просторам,
Не хочется смотреть в окно.*

*Уснул не очень трезвый парк,
Скамейки у ДК скучают,
И горожане все в печали –
И всюду снежная крупа.*

*На сцене ждут людей «Земляне»,
Им уезжать домой пора.
Артистам некому играть –
Лишь бомж играет на баяне.*

* * *

*Я застрял между ночью и днём
И не вырвусь из тёплого плена.
Эта хрупкая девушка Лена
Обжигает и манит огнём.*

*Я влюблён в этот вечер, влюблён,
И друзьями становимся мы с ним,
Посещают всеЛенные мысли:
Я люблю, я во лжи не силен.*

*Мы растаем с тобою вдвоём,
Нас обнимут кленовые листья...
Пред тобою, любимая, чист я –
Но застрял между ночью и днём.*

* * *

*Снега нет,
Чёрной кожей дороги покрыты...
И портрет –
Церкви и узкоглазые рынки.*

Вновь труба
Выдыхает на улицу сажу,
На руба-
хе моей воротник весь изгажен.

Снеговик
Сшил одежду из чёрного снега...
Вот он, миг!
Снег летит из кузбасского неба.

И не зря
Называют Кузбасс тёмным краем.
Так нельзя!
Перекройте на трубах краны.

* * *

Я живу на улице шахтёров,
Той, что пахнет хлебом и углём...
Я люблю шахтёрские просторы,
Я люблю свой дворик и свой дом.

И рассвет ленинск-кузнецкой лапой
Гладит землю моего двора...
Я люблю шахтёра – он мой папа!
И Кузбассу – дружное УРА!

О ГОРОДЕ В СЕБЕ

Монеты кидайте, кидайте монеты
В могилы шахтёрские вновь.
Кровавою смесью стекают рассветы
По окнам страдающих вдов.

Мы чёрное небо оставим потомкам
И грязные лица берёз.
Убейте природу – не трогайте только
Сибирский колючий мороз.

Но с каждою тонной теряем мы воздух
И нежность весенних дождей.
Добились того, что не падают звёзды
На травы кузбасских полей.

БЕЛЫЙ ШУМ

Я спать боюсь, мой сон меня пугает,
Кошмары снова лазают по стенам.
Ночь тяжело по крыше бьёт ногами –
Я прячусь от неё в немой постели.

Пусть сам с собой бормочет телевизор –
Ведь с ним свои проблемы не решу я.
Погасли мысли – битые сервизы,
Я растворяюсь в вечном белом шуме.

* * *

В подземной колыбели тишина,
Ползёт змеёю ленточный конвейер.
Мужская дружба здесь всегда сильна,
Прохладой внеземной по шахте веет.

Проходчик знает, знает каждый ГРОЗ,
Что шахтная вселенная мгновенна.
По квершлагау плывёт дизелевоз,
И подвигов история бесценна.

ТОКИО

Девушка бродит по старому городу.
Людям тепло – не нужны в мае кофты.
Девушка строгая, девушка гордая.
В сумочке старенькой спит Маяковский.

Смысл ищет жизни своей, одинокая:
Может, деревья подскажут ответы,
Или машины с сигнальными нотами,
Или столбы, словно улиц атлеты.

Так каждый день, потому что жестокий он,
Город, где чёрная бабочка – символ.
Вот бы уехать ей в сказочный Токио –
Там, наконец, сможет стать она сильной.

* * *

Спотыкаются вновь облака
О воздушные ямы России,
Чешут пуза деревья насильно
Этим тучам издалека.

Колют тучи антенны слегка,
Больно им и так хочется плакать,
Только терпит небесная мякоть
Из космического молока.

Василий БАБУШКИН-СИБИРЯК

ЛЮБОВЬ В ТАЙГЕ

Повесть

1. ПЕРЕЖИВЁШЬ ЗИМУ – СТАНЕШЬ ТАЁЖНИКОМ!

Сентябрьский утренний морозец словно вы-
полз из тумана, стелющегося над речкой и ру-
чьём. Он забрался под старое тонкое шерстяное
одеяло, которым укрывался Серёга, и прогнал
остатки сонной неги. Серёга подтянул к животу
замёрзшие ноги, стараясь сохранить под оде-
ялом тепло и согреться.

Костёр давно прогорел и лёгкий сероватый
пепел, носившийся в воздухе, когда тот ещё по-
трескивал сгорающими сучьями, осел на оде-
яло, кусок целлофана, заменяющего стол.

Надо было бы встать и собрать в кучку не-
сгоревшие останки сучьев, подвесить котелок
над оживающим огнём, но страшно не хотелось
покидать уютную ямку среди пихтового лапника
и отдавать тепло своего тела утреннему, всего
на час, морозу.

Пересилив лень, Серёга вскочил, развёл ко-
стёр, отошёл в сторону к кусту и увидел, что
побуревшая осенняя трава покрылась инеем, а
в небольшой ямке с дождевой водой искрится
тонкий ледок.

«Пора заканчивать постройку избушки», –
подумал он и посмотрел на своё будущее жильё.

Это была его первая в жизни постройка.

Но она ему нравилась, и он даже гордился
ей. Избушка «в чистоте» была пять метров на

четыре. Сразу поставлена «на мох». Небольшой
«предбанник», чтобы не заматало снегом вход-
ную дверь, был подведён под общую крышу, до-
статочно покатую.

Нижний венец был из лиственницы. Серёга
вспомнил, как он корячился один, чтобы подка-
тить брёвна на место стройки. Можно было бы и
нижний венец срубить из сосны, но на облюбо-
ванной полянке у говорливой речушки рос длин-
ный листвяк.

32

Где-то на середине в него упёрся сук разла-
пистой сосны и получился «скрипун». Предста-
вив, как при каждом ветре будет слышаться этот
нудный, похожий на стон скрип дерева, Серёга
поморщился; пришлось свалить дерево. Вот из
него он и выпилил брёвна на фундамент.

«Сегодня надо навесить дверь, затянуть ок-
но целлофаном, установить железную печку и
можно вселяться», – подумал Серёга.

Через два дня нужно нести бензопилу на ре-
ку Песчаную, куда впадала его безымянная реч-
ка, туда должен приплыть на моторке Антоха,
чтобы забрать её и отвезти в верховье реки ещё
кому-то. «За эти дни надо наготовить дров почти
на всю зиму, так что все остальные дела по бо-
ку – и только дрова. Буду пилить чурки – после
сложу в поленницы».

А потом ещё нужно будет перетаскивать от
реки провиант, капканы и другую мелочь, что
привезёт Антоха, а это почти пять километров

тропой. Время поджигает, некогда даже осмотреться на участке, где придётся не один год охотиться. «Но сам виноват, что попал в этот переплёт. Даже вспоминать не хочется», – и Серёга пошёл к костру.

Он уже один раз переночевал в своей новой избушке. Ночёвка была чудесной. Тепло, можно было скинуть надоевшую верхнюю одежду и лежать в трусах на одеяле, не укрываясь. От стен из ошкуренных сосновых брёвен в избушке стоял дурманящий запах смолы и свежести. «На новом месте приснись жених невесте, а жениху – наоборот», – усмехнулся сам себе Серёга, вспомнив прибаутку, что часто говорили его сёстры в детстве.

И точно, приснилась ему девушка. Никогда и нигде он не видел такой. Что-то было в ней родное из детства. Она напоминала его сестёр, маму, хотя он точно был уверен, что это не они. Он видел её словно сквозь мутное стекло, скорее чувствовал душой. Чувствовал к ней бесконечное доверие, такое как когда-то в детстве к матери. А сам себе казался совсем беззащитным маленьким ребёнком.

Не знал и не понимал ещё Серёга, что этот сон будет теперь его навещать не один раз, пока он живёт в тайге. И что не только в образе девушки будет входить в него тайга.

И всегда в таком сне он будет испытывать чудесное прикосновение чего-то давно забытого и от этого просыпаться чище и спокойнее.

Через два дня, как и договаривались, он встретился на реке с Антохой. На Песчаную Серёга пришёл ещё с вечера. В устье смастерил небольшой шалаш – навес для ночёвки и на высоте пяти метров небольшой лабаз.

Он установил ниже устья в тихую глубокую заводь с десятком закидушек; это леска с большими крючками, унизанная двумя, тремя червями, надеясь вытащить утром на каждую по налим.

Уже проклюнулись на небе первые звёзды и от воды потянуло ночной сыростью.

Серёга развёл костёр, и от его пламени вокруг сразу ночь стала гуще. Осенний тёмный небосвод всё сильнее покрывался яркими мерцающими звёздочками. Тепло от костра тянуло под навес, а искры и дым уносились к звёздам. Казалось, что от этих искр звёзд становится всё больше и больше. Приятно лежать на лапнике

пахучей пихты и смотреть в пламя костра. Огонь заставляет о чём-то думать, размышлять. Он словно разговаривает с тобой, возможно, хочет рассказать, напомнить, зачем он подчинился человеку и что хотел от него вначале человек.

Вкрадчиво говорит о своём коварстве, околдовывая теплом и светом, потом вдруг выпалив вверх снопом искр и взметнувшись пламенем, напомнит, что он никогда полностью не подчинится человеку.

Серёга поднялся с мягкого ложа и, натянув болотники, направился в темноту, туда, на берег, где шумела его безымянная речка, впадая в Песчаную. Глаза привыкли к ночному сумраку, и при свете звёзд виделась местами сверкающая поверхность реки.

Подойдя к воде, увидел почти у самого берега стоящего головой вверх по течению и шевелящего хвостом огромного хариуса. Ниже стоял ещё один.

«Время скатываться хариусу в большие ямы на зимовку, – подумал Серёга, и в нём проснулся рыбацкий азарт. – А что если попробовать сделать из гвоздей острогу и заколоть несколько рыбин?»

Серёга вернулся к костру, достал гвозди, отрубил от сухого елового сучка кусок. На равном расстоянии вбил в него гвозди, потом расщепил длинную черёмуховую палку, вставил туда кусок с гвоздями и крепко закрепил бечёвкой. Получилась неплохая острога.

«Нужно будет только сразу выкидывать рыбину на берег, ведь на гвоздях нет зазубрин. И ещё надо смастерить небольшой факел, а это уже проще, смолья вокруг много», – разговаривал он сам с собой.

Он вновь вернулся на берег. Хариус стоял на том же месте. Серёга прямо с берега ударил его острой, стараясь попасть ниже головы. Рыбина забилась под острой. Боясь, что она уйдёт, Серёга прыгнул в воду и выбросил её ногой на берег, словно футбольный мяч. Хариус прыгал на камешках.

«Есть один!» – с удовлетворением подумал Серёга, засовывая его в сумку. Следующего он уже выкинул на берег словно вилами. За час Серёга заколот больше десятка хариусов, несколько ушли от него, соскользнув с самодельной остроги. «Щукам и таймешатам на обед», – думал, не сожалея о них, Серёга. Он уже далеко прошагал вниз по реке с рыбалкой, не

видно стало оставленного костра, и решил вернуться.

Идя назад, смотрел в воду – не стоит ли ещё где рыба. В одном месте, у камня, заметил почти метрового налима. Тот стоял неподвижно, и только его маленькие глазки на сплюсненной большой голове сверкали от света факела.

Серёга забрёл в воду ниже его и ударил острой в голову. Налим взметнул хвостом фонтан воды и забился под острой. Придавливая ко дну, Серёга потихоньку вёл рыбину к берегу. Как только налим показался из воды, быстрым движением вытолкнул его на камни, где тот постепенно затих.

Было часа два ночи, когда Серёга вернулся к костру. «Удачно порыбачил, рыбу почищу утром, а сейчас – сушиться и спать».

Утром, поёживаясь от промозглой холодной сырости, он оживил костёр, вскипятил чаю и пошёл на берег проверять закидушки на налима. На девяти из них, натянув леску, стояли у дна зеленовато-пятнистые, словно в камуфляже, налимы.

Все они, одинакового размера, весом около двух килограммов, вяло сопротивлялись, пока Серёга тянул их на берег. Прямо здесь, у воды, он взялся чистить их от внутренностей. Скользкие и холодные, рыбыны выскальзывали из рук, падая на песок, приходилось их постоянно ополаскивать в воде. Из всех налимов только максы (налимьей печени) набралось почти ведро.

«Антоха привезёт соль, тогда и посолю рыбу, оставлю её на лабазе, а после перенесу на избушку, там сделаю копильню и закопчу налимов на зиму. Копчёные, они хорошо хранятся, надолго хватит», – думал он.

Подвесив большой котелок для ухи над огнём, стал пить чай, поглядывая на реку, не покажется ли из-за поворота лодка.

Антоха приплыл, когда Серёга уже, сварив уху из налима с максой, поел и задремал под ласково обманчивым осенним солнышком.

– Вставай, бродяга, ваша мать пришла, молочка принесла.

– Неужели привёз?

– Есть немного, под ушницу в самый раз будет, но вначале разгрузка, мне ещё сегодня двух таких же гавриков провести нужно.

Выгрузив из лодки муку, сахар, соль, макароны, крупу, Антоха достал завернутое в холстину ружьё.

– Вот для тебя расстарался, своё привёз, по молодости с ним охотился, пулей бьёт в самое яблочко. На первое время тебе дробы и пуль хватит. Постарайся сохатого или медведя завалить – с мясом зима короче будет.

И уже сидя за ухой, выпив по двести граммов сорокаградусной, Антоха разговорился, стараясь показать из себя добрейшего и заботливого мужика.

– Я ведь, парень, мало чем от тебя отличаюсь, такой же работник у хозяина. Единственно, что только могу без боязни, что посадят, среди людей жить. Моя работа – вас обеспечить всем необходимым в тайге, чтоб вы не передохли раньше времени. Вот ты, к примеру, кого-то там убил и теперь в тайге будешь скрываться и работать на хозяина. Меня не интересует твоё прошлое, я должен тебе создать условия для охоты, чтобы ты смог добыть пушнины и оправдать расходы, потраченные на тебя уже в первом сезоне. В январе я приеду уже на снегоходе сюда за пушниной и двадцать соболей ты обязан мне сдать в уплату долга: за продукты и всё остальное. Сдашь больше – можешь заказать у меня что-то из одежды, продуктов и прочего. Одним словом, если подфартит, будешь жить как у Христа за пазухой. Вот я привёз тебе карту твоего участка и соседних. Помечены крестиком избушки, где охотятся такие же гаврики, как и ты. Других охотников здесь почти нет, правда кержаки иногда заходят на солонец. Держись от чужих подальше, а со своими можешь общаться, но не забывай, что свои тебя могут скорее закопать, чем чужие. Рядом с тобой избушка Лёхи Сохатого. Он в тайге уже третий год живёт, удачлив в промысле. Просит у хозяина бабу ему какую-нибудь прислать, вот у него и будешь учиться охоте. Он тебе покажет, как ставить капканы, как снимать шкурки с белок, соболей, норки, лисиц. Да и остальным премудростям таёжной жизни у него обучишься. Я уже сказал ему насчёт тебя, обещался зайти к тебе в гости. Одним словом, обживайся. Переживёшь зиму – станешь таёжником. А сгинешь, никто тебя искать не будет. Выживай как можешь, думай о себе сам, учись всему по ходу дела, здесь все сейчас так живут...

Долго смотрел Сергей вслед удаляющейся лодке, пока не затих звук мотора за поворотом. Теперь пять месяцев до следующей встречи придётся жить в одиночестве.

«Ну что же, буду привыкать к новой жизни, тем более что о старой хочется вытравить все воспоминания».

2. ЛЁХА СОХАТЫЙ: «СЕЙЧАС ТЕБЯ ТАЙГА НА ЗУБ ПРОБОВАТЬ БУДЕТ!»

Несколько дней ушло на перетаскивание груза на избушку. Серёга уходил к устью речки вечером, рыбачил, ночевал в шалаше, а утром, нагрузившись, шёл обратно.

Днём он сделал коптильню для рыбы, сложил в поленницу дрова, переделал множество неотложной работы. В одну ночь выпал первый снег, который к обеду растаял.

«Нужно идти к этому Лёхе Сохатому, пора выставлять капканы, пусть покажет, как и где», — думал Серёга. Решил идти завтра с утра, но вечером тот сам пожаловал.

Лёха был совсем не таким, как Серёга его себе представлял. Вместо огромного богатыря он увидел щуплого, невысокого мужичка.

— Что так смотришь на меня? Наверное, думал, раз Сохатый, так уж и на лося похож?

— Да нет, — смутился Сергей, — а почему такое прозвище?

— Меня так в первую зиму прозвали. Продукты у меня кончились — в общем, ложись и помирай, ружья ещё не было. И вот я решил с топором сохатого загнать. Встал на лыжи и по следу пошёл. Хорошо в ту зиму снегу было метра в три. Сохатый, как бульдозер, прёт, грудью снег разгребает, а я по его следу, как по дороге, бегу. Остановится он, пар из ноздрей как от паровоза, я тоже отдыхаю, потом снова бежим. Привыкли друг к другу. Я уже его рукой по спине погладил. В одном месте увяз он в низине, только голова из снега торчит. Вот по лбу его топором и врезал. Так благодаря ему и вышел, после меня все стали Сохатым звать.

— А меня Сергеем называй или Серёгой, прозвища пока не имею.

— Будет со временем, здесь ведь в тайге как: имя или прозвище должно характеристикой человеку быть, отражать его суть. Ну, показывая свои хоромы.

Избушка Сохатому понравилась.

— Ладно, смастерил, не верится, что до неё ни одной не ладил. Где-то же учился?

— По телевизору однажды смотрел от нечего делать, как домик на даче из кругляка рубят. Запомнил, вот и пригодилось.

— Откуда знал, что дверь с южной стороны делается? Я вот только через две зимы понял, что неправильно распланировал.

— Не знал я, просто интуиция. Что на пригорке нужно избушку ставить, догадался, снег таять начнёт, или ливень, так вода быстрее скатиться.

— Верно, но кое-что подладить придётся. Вот вижу, мха ты пожалел, поленился как следует пазы забить — в морозы тепло выходить из дыр будет, пока снегом мох не завалило, набери про запас и проконопачь стену. Печку железную где раздобыл?

— Антоха показал на Песчаной сгоревшую избушку, вот с неё и притащил.

— Чтoб твоя не сгорела зимой, обложи печку камнями, а трубу разделкой от потолка отгороди, от камней тепло будет в избушке держаться. А что это ты в избушке картошку, лук и другие продукты держишь?

— Вот собираюсь на лабаз переложить.

— Не правильно. Срочно делай холодильник в ручье. Картошка, лук в целлофановых мешках в воде храниться лучше, чем в холодильнике. Туда же и копчёную рыбу свою переложить, чтобы не высохла в камень, а солёная — не пропала. Только яму в ручье глубже копать и плитняком выложить, чтобы медведь не учуял. Не приходил ещё проверять тебя? У каждого мишки свой участок, не поладишь со своим — начнёт тебе пакости делать. Он за порядком на своей территории следит что надо. Чужаков выгоняет, беспределщину не допускает, при первой встрече словами ему скажи, что жить с ним в мире хочешь.

— Смеёшься надо мной? Разве зверь слова человеческие разумеет?

— Ишь ты, «разумеет». Ещё как разумеет, ты вот про Серафима Саровского читал? Тот медведей с рук кормил, не потому что приручил их, а потому как говорил с ними. Или вот ещё один старец, недавно читал о нём, отец Сергей, который себе руку оттяпал топором... Слушай, а ведь тебя тоже Серёгой зовут и отшельником ты жить будешь. Однако будут тебя Отцом Сергеем кликать. Ну что, Сергей, попьём чайку?

Серёга с Сохатым сидели на чурках у небольшого костерка, смаковали крепко заваренный чай и разговаривали.

— Сейчас тебя тайга на зуб пробовать будет. Если увидит, что ты крепкий и не собираешься сдаваться — отпустит. Здесь как на зоне: скуксился — и капец тебе. Всему придётся учиться, тайга тебя будет учить. За ошибки она наказывает строже, чем в школе. Ты всегда должен оставаться сильным. Сломаешь ногу по своей не-

осторожности – погибнешь, никто к тебе на помощь не придёт, замёрзнешь – и даже кости твои мыши сгрызут. Заболеешь – пиши пропало, тот же конец. Со зверем один на один схватишься – победит тот, кому повезёт. А страшнее зверя в тайге человек. Хитрый он и коварный, чтобы самому выжить, может даже друга замочить, и ещё жадность его не имеет предела. Ты вот Антохе доверяешь. А я нет. Кержацкий выродок, за несколько соболиных шкурок удавит и не пожалеет. Он с тебя за ружьё сколько соболей берёт? Спорим, не меньше четырёх, а ружью этому цена-то всего одна шкурка... Или наш хозяин, кормилец и спаситель. Он на нашей жизни в тайге себе жизнь делает. Таких, как мы, у него сотни, одни от власти прячутся, других он обманом, а то и силой в рабство загнал. Он знает, что никто нас здесь искать не будет, потому такой, как Антоха, нас за просто здесь похоронить сможет, а есть и похлеще Антохи. Так что людей опасайся больше, чем тайги. Тайгу нужно понять, и тогда она тебя примет. А если примет, то уже никогда не предаст.

– Выходит, что мне и тебя опасаться нужно, кончится у тебя мука – придёшь и грохнешь меня?

– Я уже три года в тайге, когда жил с людьми на зоне и в городе – не задумываясь, нож в дело пускал. Ты знаешь лагерную заповедь «Не верь, не бойся, не проси»? Вот по ней и жил. А потом заметил за собой, что мысли мои другой оборот принимать стали. Я так понимаю, что это тайга на человека действует. Да ты сам со временем поймёшь это, а сейчас мои слова тебе ничего не скажут. Вот, к примеру, пока я сюда не попал, жил, думая только о себе. Вся моя забота была только на себя направлена. Какое мне дело до других. Пусть сами о себе думают. А сейчас не смогу смотреть, как, предположим, даже ты в тайге по своему неумению пропадать будешь. Намыкался я в тайге в первую зиму, удивляюсь сейчас, что смог выжить. Некому было меня натаскать и совета спросить не у кого было. Но вот на вторую зиму привелось мне поговорить с двумя староверами, их здесь кержаками кличут. На солонце встретился с ними. Народ они обособленный, но вот в беде, если случится, никого не бросят. Мне пришлось на Камчатке бывать, так вот там, когда красная рыба на нерест идёт, медведи на речках жируют. Медведь, он порядок любит, на свой участок чужака не пустит, даже метки на границе ставит, а вот здесь на реке в нерест они друг друга не трогают, понимают, что всем кушать хочется. Так

и кержаки на солонце терпят чужих, «мирских», ведь тайга, она, как Бог, каждого человека принимает и разницы по первости ни в ком не хочет видеть. Вот с ними три дня на солонце я сидел, поговорить о многом успели. Хлебом со мной поделились, хотя в остальном своих привычек, обычаев держатся.

Так вот я от них о тайге столько узнал, что можно пособие по выживанию писать. И вот ещё что я после понял. Мне пришлось в тайге с тунгусом встретиться. Тот о тайге совсем другое думает, хотя живут и тунгусы, и староверы всю жизнь в ней.

Тунгусы тайгу принимают как Бога, духам её молятся, а староверы, кроме своего Иисуса, никому не поклоняются, не принимают никаких идолов. Для них тайга, они считают, Богом создана, для их жизни в тайге плодятся лоси, олени, другая живность, в реках рыба для них плавает. А тунгусы не считают так. Они в тайге такие же, как и все остальные обитатели, на равных правах. Чтобы добыть мясо для себя, просят духов тайги разрешить им это. Я пока не понимаю ни тех, ни других, хотя чувствую, что тайга надо мной силу имеет. Так вот эта сила меня теперь от любого убийства себе подобного хранит... Насчёт меня можешь быть спокоен.

– Странные рассуждения... Возможно, они от одиночества, от оторванности людей происходят. Поживём – увидим.

Долго в тот вечер Серёга с Сохатым не могли заснуть. Хотелось наговориться, многое узнать. Лёха рассказывал, как нужно и где ставить капканы на соболя.

Утром Лёха собрался к себе на избушку, Сергей пошёл с ним до водораздела, чтобы разнести часть капканов и сразу определить им место.

Они шли вдоль таёжной речушки, пересекая впадающие в неё ручьи.

– Капканы лучше всего устанавливать на местах кормёжки соболя. Вдоль ручьёв у воды всегда держится много живности, на которую охотится соболь. Это и рябчики, мыши, зайцы, да и ягоды много остаётся на зиму: голубицы, рябины. Место для капкана выбирай на пригорке или полянке, чтобы, значит, и самому после не потерять капкан и запах от приманки будет лучше ветерком разноситься. Вот смотри – подходящая полянка.

Место действительно было удобное и к тому же красивое. Здесь ручей впадал в речку.

Небольшая полянка на косогоре окружена мелким березняком и оврагами.

– Вот здесь всю зиму будет держаться выводок рябчиков. Во-первых, они будут кормиться здесь, склёвывать почки на берёзках, во-вторых, спрятаться им от врагов легко через овраги. Ставь здесь капкан, не ошибёшься, такое место ни один соболю не пропустит.

Серёга сбросил мешок с плеч, достал топор, хотел срубить молоденькую сосёнку, росшую рядом, но Лёха остановил его.

– Постой, вот попадётся соболю в твой капкан и начнёт биться в нём, всю смолу с твоей сосёнки на свою шкурку соберёт. Всегда выбирай жердь из сухостоины и устанавливай её не под смоловыми деревьями.

Сергей вырубил жердь из стоявшего неподалёку сухого тонкого листвяка, прибил её гвоздём к берёзе, так, чтобы конец, где будет капкан, находился от ствола больше чем в метр, чтобы пойманный соболю не смог дотянуться до него и вырваться из капкана.

Потом привязал капкан через вертлюжок к жерди проволокой и надёжно её закрепил.

– Ставь капкан перед приманкой так, чтобы зверёк не перешагнул его и наступил в него передней лапой. Я по первому разу не учёл этого, соболю попадался задней лапой и висел вниз головой, обделается весь, вот и чистишь шкурку. Приманку, конечно, лучше всего из потрохов рябчика подвешивать, а если что другое подвешиваешь, то всё одно намажь жердь у приманки содержимым желудка и кишок рябчика, я иной раз зимой из лунок его помёт собираю для этой цели. Запах рябчика приманивает соболя издалека.

Закончив с установкой капкана, Сергей присел рядом с лежавшим на листьях Лёхой.

Сквозь сбросивший с себя листья березняк хорошо проглядывался противоположный берег речки, поросший огромными елями и выделяющимися на их тёмном фоне зелёными кедрами.

Серое небо, обещавшее продолжение нудного дождя, давило тоскливой отрешённостью и безразличием ко всему миру.

Даже говорливый ручей журчал уже иначе, чем в ясный день золотой осени. Исчезли в его песне весёлость и беззаботность, чувствовалась настороженность перед будущими изменениями.

– Жди сегодня ночью снега. Нутро и всё вокруг подсказывает это. А ты зря куришь, бросать

надо. Я на второй год бросил. Во-первых, курица не напасёшься, а во-вторых, тайга не любит курящих. В тайге курящего человека за километр можно почуять, уж очень дым ядовитый. А возле капканов старайся вообще не курить, не отпугивай зверя. Лиса к капкану и месту, где курили, никогда не подойдёт, а сохатый, медведь курящего человека, даже если он и не курит сейчас, обойдут стороной. Ну что, прощаться будем? Я отсюда по ручью вверх пойду, на горе водораздела у меня тропа, которая к избушке приведёт. Как будет время или нужда – прибегай.

Лёха пошёл по ручью, а Серёга дальше по речке. Он думал, что вот каким бы человек не был, а всегда в любом пробивается (откуда-то из души) что-то доброе.

3. КРАСОТА – ЭТО ЖИЗНЬ. А ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА В ЛЮБОМ ЕЁ ПРОЯВЛЕНИИ

Первый снег в тайге это не то же, что первый снег у человеческого жилья: в деревне, городе.

Перемена здесь естественна, она ожидаема тайгой и её обитателями. Эта новизна первого снега здесь не так бросается в глаза.

Присыпанные снегом смёрзшиеся листья хрустят под ногами, ломаясь, они лежат в ямке от следа почерневшими осколками золотистого бабьего лета. Припорошенные ели словно накинули на себя белый пуховой платок и теперь стоят, любясь на своё отражение в реке. От снега по берегам реки вода стала темнее и спокойнее. Она несётся уже без прежнего шума, подчиняясь всеобщей торжественности обновления природы. И только на перекатах позволяет себе что-то сказать о преобразившей тайгу красоте. А красота эта величественна и не нуждается ни в каком приукрашивании, она прекрасна именно своей естественностью. Она создавалась веками и не для того, чтобы ей красовались и восхищались.

Красота – это жизнь. А жизнь прекрасна в любом её проявлении. Даже во сне. Вот с первым снегом тайга засыпает до весны. Первый снег – как лёгкая простыня, что укрыла её перед сном. Потом будет ещё одеяло, под которым она проспит, пока оно не будет растоплено весенним солнцем, и сейчас в воздухе висит предсонная тишина и нега, которая охватила всё. Затихли и попрятались обитатели тайги. Они вдруг испугались, почувствовав, что окружающий их мир засыпает, оставляя их самих на себя, и что многие из них погибнут зимой без материнского присмотра тайги.

Но это уже мудрость жизни, мудрость природы.

Сергей сегодня остался дома, чтобы переделывать кучу неотложных дел. Он успел ещё до снега сложить дрова в поленницы, выкопать и обложить камнями «холодильник» в ручье, проконопатить мхом ещё на раз стены избушки. А теперь готовился к охоте.

Первый снег от тепла раскис, а с ветвей капал холодной водой. Идти в тайгу по такой слякоти не имело смысла, тем более что вся живность тоже попряталась в тяжёлом мокром тумане, пахнущем прелыми листьями.

На поляне перед избушкой жарко горит костёр, разогнав вокруг себя на несколько метров тяготную мокреть. Пламя костра словно смеётся над нависшим над поляной туманом. Весело потрескивают сучья, выстреливая иногда в него снопом искр.

Сергей уже добыл десятка три рябчиков и успел до слякоти насторожить капканы. Он разрывал тушки на пять частей, оставлял себе грудки для еды, а остальное шло для приманки.

Её было мало, нужны были зайцы. У сгоревшей избушки вместе с печкой он нашёл кусок мягкого японского троса для лебёдки и вот теперь расплетал его на жилы. Три оставил для ловушки на медведя и лося, а остальное использовал на петли для зайцев.

Он отжёг проволоку в костре добела, когда та остыла на воздухе, надраил её до блеска песком и накрутил петли.

Сергей наслаждался работой у костра, делал её неторопливо и даже с ленцой, понимая, что это небольшая передышка перед самым промыслом.

Всё живое в тайге замерло и не подавало жизни. Чувствуя приближающийся холод и снегопады, зайцы торопливо меняли серую летнюю шубку на белоснежную зимнюю.

И вот через два дня сплошной стеной повалил снег. За несколько часов тайга преобразилась. Теперь в ней царствовал белый цвет. От снега, лежащего повсюду, она как бы уменьшилась и стала уютней. К вечеру снегопад кончился, и ночью опустился на тайгу настоящий морозец в пятнадцать градусов.

И в этот засверкавший морозный мир бросились зайцы. Они торопились натоптать, пробить в снегу свои летние тропы, чтобы по ним убегать от своих врагов. Их враги лисицы, соболя ещё

лежали в своих убежищах, тоже меняя свои шубки, «выходили», как говорят охотники.

За зайцами в обновлённый мир вылетели из ельников выводки рябчиков. Они сидели на ветвях молодых берёзок. Иногда пытались склёвывать замёрзшие почки и учились нырять в снег, где, ворочаясь, делали себе лунку для тепла.

Из-под снега вылезали, пробивая в нём туннель, мыши-полёвки, потом они перебежали по нему, оставляя цепочку следов до своих кладовых.

Вылезла из своего дупла и спустилась на снег белка. Непривычные к снегу лапки озябли, и она, смешно вскидывая зад, перебежала до ели, быстро взобралась на неё. Белка была уже «выходная», в светло-бусой шубке.

Сергей прошёл по путику вдоль капканов, иногда сворачивая в сторону, чтобы поставить на заячьей тропе петлю. На другой день он вынул из петель четырёх зайцев, теперь с приманкой для капканов проблема отпала.

Он весь вечер провозился, снимая с зайцев тонкие, как целлофановая плёнка, шкурки. Потом, напившись чаю, лежал на топчане. Вспомнилась мама, сёстры и как он попал сюда.

Сергей жил у матери с тех пор, как разбежались с женой. Разошлись они мирно, делить им было нечего. Детей так и не завели.

Жена говорила ему

— Родила бы для нормального отца, а с тобой, непутёвым, не буду.

Сам Сергей себя непутёвым не считал, детей он любил, а то, что был постоянно навеселе и имел полгорода приятелей, с которыми проводил всё своё свободное время, считал нормальным явлением — все так живут.

Так что когда ушла жена, он словно и не заметил этого. Остались, как он считал, друзья и подруги.

Вот только мама, а за ней и сёстры давили на мозги, что, мол, никакие собутыльники семью не заменят.

Однажды на очередном корпоративчике у друга до Серёги докопался один очень въедливый «вьюнош». Он доставал его своими философскими теориями, а напоследок переманил к себе его подругу Ксюшу Сучак, которая, охмурённая красноречием студента, перепрыгнула тому на колени.

И тогда Серёга схватил столовый нож и пырнул им студента в бок.

Друзья увели Серёгу к матери, а утром «опохмелили» его новостью, мол, он убил человека, посоветовали скрыться от правосудия.

Они же нашли вербовщика, который набирал людей для работы в тайге: «Поживёшь в тайге годика три, пока всё поутихнет, денжат подзаработаешь, окрепнешь на свежем воздухе».

Так он и попал из города в тайгу, которую увидел воочию только теперь.

Захотелось курить, но курева не было. Серёга, следуя совету Лёхи, решил бросить эту привычку и сжёг все свои запасы табака в костре.

От этих воспоминаний Сергей выскочил из избушки. Свежий морозный воздух ворвался в лёгкие, уничтожая в них остатки никотина, и помчался с кровью к голове и сердцу, захватывая по пути всё ненужное и вредное для организма.

Сергей раз за разом выдохнул из себя этот отравленный воздух. Освободившись от тяжести воспоминаний, он огляделся.

Тёмный свод неба сверкал множеством звёзд, которые, пульсируя, как кровь в жилах, посылали через огромные расстояния свой свет. Этот свет, отразившись от белизны снега, входил в Сергея, наполняя его спокойствием и уничтожая остатки страха и тоски.

Свет звёзд отличался от света луны, которой сегодня не было в небе. Свет луны – мёртвый свет, мистический, рождает в душе беспокойство и страх, а звёздный свет – живой. Он – как вестник чего-то нового, хорошего, незнакомого.

Долго стоял Сергей, впитывая в себя эту тишину и вечность времени, среди необъятной, огромной тайги.

Утро было чудесным. Хотя солнца и не было видно за сплошным покровом белёсых туч, но чувствовалось, что оно там, наверху, за ними. От снега, который лежал везде и поскрипывал под ногами, была прекрасная видимость: мягкая и успокаивающая.

Тайга преобразилась до неузнаваемости, приняла сказочный вид.

Сергей шёл, с трудом угадывая тропу, которую пробил ещё до снега, и только его затеси на деревьях не давали уклониться в сторону.

Он был весь в предвкушении первой добычи. Казалось, что вот в первом же капкане будет сидеть схваченный стальными челюстями соболь.

Но капканы были пусты. И каждый капкан приходилось поправлять. То он был захлопнут, видимо, от тяжести снега, то кто-то сорвал приманку. А вот и разгадка: в капкане сидела схваченная за обе ноги лесная сойка, или, как её звали все охотники, кукша. Эта, всегда кажущаяся растрёпанной и неопрятной, птица с крикливым голосом следит за охотником с целью пожить чем-нибудь около него и по своей глупости попадает в капкан. Зачастую пришедший к капкану соболь сжирает её, оставляя в капкане только лапки.

Вытащив из капкана кукшу, с длинным любопытным носом, и подвесил как приманку.

В один из капканов попала белка, видимо, ей захотелось попробовать мясца рябчика. Сергей стукнул её по головке тяжёлой рукояткой ножа, сделанной из рога сохатого, вытащил из капкана и положил в рюкзак, вечером в избушке снимет шкурку.

У одного капкана было множество следов соболя, тот даже взобрался на жердь, перешагнул капкан, сорвал приманку, прыгнул вниз и тут же её проглотил, оставив только несколько пёрышек. Его следы направились к следующему капкану. Сергей пошёл быстрее с уверенностью, что теперь-то уж соболь будет пойман.

И точно, уже издалека он увидел, как на жерди мечется схваченный ловушкой соболь.

Это был первый увиденный им живой соболь. Зверёк, заметив охотника, замер на жерди, сжавшись, словно приготовившись к прыжку, наверное, он решил драться за свою жизнь. Но измученный тщетными попытками вырваться из капкана, чувствуя свою обречённость, он с ненавистью и злобой смотрел на человека, отобравшего у него свободу.

– Миленький, прости меня и пойми, ведь и у меня отобрана свобода, и я так же, как ты, попал в капкан, – говорил чуть ли не со слезами Сергей.

Уже намного позже, года через два, он, узнав все повадки и жизнь зверей в тайге, поймёт, что соболь умирает в капкане не от голода и мороза, а от тоски, причём в течение нескольких часов.

Поймёт и ещё одно, что в тот момент, когда он смотрел на умирающего от тоски соболя, тай-

га наблюдала за ним, просвечивала его как рентгеном, видя его чувства и помыслы.

За два сезона он добудет множество соболей, лисиц и другой живности, но никогда не будет испытывать азарта и удовольствия от убийства.

А тогда он, снимая шкурку с соболя, вдруг вспомнил себя мальчишкой, когда, поймав свою первую рыбёшку, испытал восторг и азарт ловли. Ему тогда показалась рыбка очень большой и красивой. Но после, когда принёс её домой и, хвастаясь маме своей добычей, вдруг увидел, что рыбка совсем маленькая, поблёкшая. И что живой она была гораздо красивее.

Красота — это жизнь.

Но поймёт это и многое другое Сергей ещё не скоро, долго будет работать тайга над его сознанием. А сейчас он делает только первые шаги в новую, незнакомую жизнь.

4. ЧЕЛОВЕК ЯВЛЯЕТСЯ ТАКИМ, КАКИМИ ЕСТЬ ЕГО МЫСЛИ

Так началась первая, самая трудная и долгая зима. Октябрь и ноябрь пролетели быстро. Весь короткий день Сергей ходил по своим путикам, подправлял капканы, снимал добычу.

Приходил в избушку уже потемну, растапливал печку, готовил ужин и садился обдирать пойманных зверьков. Пока шли переходной соболей и белка, добычи было много. Уставал он до изнеможения, закончив работу, падал на топчан и спал как убитый.

В ноябре наступила в охоте передышка. Навалило снегу выше метра, и он встал на лыжи. Теперь то расстояние, что он пробегал в начале сезона за день, приходилось проходить за три и четыре дня.

И если в начале сезона он снимал с капканов до десятка соболей, то теперь попадался один, а то и вообще ничего.

Сергей стал готовиться к охоте на лося. Он уже сходил к Лёхе и обговорил условия и свои действия в этой коллективной охоте.

Лёха, смеясь, объяснял ему:

— Мы будем загонять семью лосей толпой, как первобытные люди гнали мамонта. Этот способ надёжный, и уж точно, что мы добудем мясо.

В назначенный день Лёха Сохатый зашёл за Сергеем, и они отправились на избушку к Виктору, на участке которого паслась матуха с двумя бычками.

Виктор, молодой парень, но в тайге уже больше пяти лет, как рассказал о нём Лёха:

— Ушёл в тайгу по причине несчастной любви, но никому свою историю не рассказывает.

У Виктора на избушке уже сидел Колька Лысый. Этот неунывающий и вечно балагуриящий мужик лет сорока шутил по поводу своей блестящей, как бильярдный шар, головы:

— Сколько себя помню, всегда такой голова была, в школе, может, небольшой пушок и рос, так и тот вылез по причине большого ума. Я так понимаю, что ум у меня из головы прёт и выдавливает все волосья. В восьмом классе у нас физик был, и у него — плешь со лба до затылка, так вот он очень меня уважал, наверное, за то, что лохматее меня. Когда мы проходили закон отражения света. Помните, угол падения равен углу отражения, и второй, что луч, падающий и отражённый, находятся в одной плоскости. Так вот он сидел рядом со мной, на наши головы направляли солнечный зайчик, и тот отражался только от моей головы. Учитель объяснял всем, что коэффициент отражения у моей головы выше. Я же до сих пор уверен, что отражал свет от моей головы мой умственный потенциал, который был выше его.

У Лысого была отвратительная привычка пить чай, насыпая сахар чуть ли не до половины стакана. Привычку и любовь к сладкому Лысый объяснял потребностью своего мозга к глюкозе. Стакан после него был липким, с налётом сахара.

Со временем все знакомые Лысого при его приходе научились прятать сладкое и выставляли ему только один стакан на стол. Тот не обижался, он просто не замечал этого.

У Лысого была пара собак, которые умели загонять и держать зверя.

Весь вечер проговорили. Виктор вытащил бутылку браги, которая ещё пенилась, но решили попробовать и опорожнили её до половины. Говорили только про охоту. Распределили каждому обязанности. Потом стали рассказывать интересные истории из нынешнего сезона.

Виктор рассказал, как попавшего в капкан соболя сожрал до половины другой соболей.

— Переходного соболя нынче много, а корму не хватает — вот и дошло до каннибализма, — авторитетно заявил Сохатый.

Нынешним сезоном все были довольны.

— Вот добудем мясо — до весны можно только печку топить, — хохотнул Лысый.

— А если нет? — буркнул Виктор.

— Тогда пойдём ко мне медведя поднимать из берлоги, я его на такой случай берегу.

Серёга прислушивался и приглядывался к мужикам. Они ему начинали нравиться: простые, незлобивые.

Утром Сергей и Сохатый пошли в обход стада, чтобы встретить выстрелами, когда его погонят на них Виктор и Лысый с собаками.

Выбрали удачное место. Большая поляна, которую придётся перебежать посям, просматривалась идеально.

Через два часа где-то далеко прозвучал выстрел. Это был сигнал, что охота началась.

– Ну теперь молчок и никаких движений, стреляй только наверняка, – предупредил Лёха Сергея.

Лоси на поляне появились неожиданно. Первыми выскочили два бычка, за ними огромная матуха, взбрыкивающая длинными ногами в сторону наседавших лающих собак.

Раздался выстрел, и один из телят, подломив передние ноги, ткнулся головой в снег, то выстрелил Сохатый.

Сергей выцеливал место на груди второго бычка, потом нажал на спуск. Бычок завалился на бок и стал бить ногами в воздух.

По матухе выстрелили одновременно. Всё закончилось. Пришедшие через полчаса Виктор и Лысый начали обдирать матуху, телят уже разделявали Сохатый с Сергеем.

К вечеру управились. Всё мясо поделили на четверых, перенесли его на избушку к Виктору, приспособив для этого лыжи как нарты.

Потрескивает дровами печка. От её дверцы по стенам избушки прыгают отблески пламени, разгоняя темноту.

Уставшие, но довольные охотники наелись свежатины, запивая мясо бульоном, и теперь лежали каждый на облюбованном им месте.

Лёха учил Сергея, как засолить сохатину в рассоле:

– С вечера мякоть залей водой, пусть вымочится за ночь. Порежь мясо на небольшие кусочки и уложи в посудину для хранения. Приготовь рассол – на пять литров воды поллитровую банку соли. Да, когда будешь укладывать мясо, то пересыпай его ягодами можжевельника – лучше любых специй. А потом посудину с мясом – в ручей. Три года простоит и не испортится, только мягче станет.

– Слышь, Сергей, – подал голос Виктор, – а как ты кровь переносишь? Не мутит?

– Да вроде нет, снимаю шкурки и зайцев разделяваю без брезгливости.

– По-разному бывает. Убить зверя, который может тебя стоптать (да чего греха таить, все мы здесь не святые), или человека, который с тобой то же самое может сделать, – это одно. А вот убить белку или беззащитного зайца – совсем другое дело. Это как убить ребёнка.

– А ты не думай об этом, а то будет с тобой как с Кающимся Охотником, – встрял в разговор Лысый.

– Рассказывают, Серёга, что жил в наших местах и охотился один человек. Молодой, здоровый, везло ему в добыче. Столько зверья добыл, что страсть. Азартный в охоте был и до денег жадный. Шутить любил: «В моих соболях все проститутки Санкт-Петербурга и Парижа щеголяют». А того не разумел, что за убийство этих зверьков на него вина ложится. Ведь оно как получается, охотник снимает шкурку первым с убитого соболя, после их выделывают, шьют. И вот вся боль, страдание животного, что сидел в капкане, переходит на него. Знаешь, что почти у всех охотников-промысловиков к старости появляется неизлечимая аллергия на волос, на животных. Хочется расцарапать эти руки, что касались убитых зверьков. Экзема, язвы – награда за фальшивое удовольствие охоты. Так вот у того Охотника вдруг объявилась гемофобия. Стал его преследовать беспричинный страх, особенно при виде крови. Он чувствовал её запах, ему казалось, что у него руки запачканы ею. Он постоянно бегал их мыть. И вот зимой он вышел без одежды из избушки и пропал. Искали его друзья, но безрезультатно. Прошло некоторое время, и однажды у одного охотника ночью открывается дверь. Стоит в проёме фигура человека, в избушку не заходит и дверь не закрывает. Стоит и молчит, только морозный воздух туманом вползает по полу и избушку выстужает. Надо бы подняться закрыть дверь, а страх сил лишил.

А потом привидение заговорило. И стало просить прощения у хозяина, если когда-то обидело чем. А затем повернулось, чтобы уйти, и видно стало, что это тот Охотник. Вот так и появилось в наших местах привидение, что ходит по тайге и просит прощения у людей и особо у животных. Прозвали его Кающийся Охотник.

– И у тебя оно было? – спросил Сергей.

– Может, и было, об этом никто не скажет, но многие стали держать в избушке кто крест, кто икону.

– Может, смеяться будете, но какая-то доля истины в моих рассуждениях есть, – заговорил Сохатый. – Вот вы сами говорите, что приходится платить по счетам за кровь животных. Я мыслю, что это тайга нам счёт предъявляет, пытается вразумить. И вот эта гемофобия и аллергия разве не наводят на мысль о неправильности нашего существования. Или вот ещё. Вы не задумывались, не замечали, что природа давно ведёт борьбу с человечеством. Возьмём те же самые вирусы разных болезней. Все они направлены только против человека, но не заражают животных, наоборот, они даже приходят к человеку через животных, те как инкубатор для них.

Я вот Библию читал, и там Бог людей из рая выгнал, а что если Он людей на Землю изгнал, и мы здесь как колонизаторы с природой воюем. Та вначале человека приняла, а теперь сопротивляться его беспределу стала.

Вот тайга, сколько пушнины, мяса, рыбы она даёт человеку. Но тому всё мало. Соболя с каждым годом становится всё больше, но вот шкурка его стала больной, медвежье, лосиное мясо заражено личинкой, рыба – тоже, даже ягода, грибы становятся несъедобными. Вот вам ответ природы на нашу жадность и глупость.

– Наверное, Кающийся Охотник с таких вот мыслей и начинал, а кончил безумием, – пробормотал Виктор.

В избушке наступила тишина, никому не хотелось ни говорить, ни спорить. Все лежали молча, и каждый думал о своём.

Сергей думал: «Вот кровь, нечаянно пролитая им среди людей, привела его в тайгу и теперь продолжает свою жатву, требуя от него всё новых и новых жертв».

Утром Сергей с Сохатым, уложив мясо по нарам, собрались в путь. Попрощались с Виктором и Лысым, который шутливо сказал Сергею:

– Буду я тебя, Сергей, Сергием кликать, а то «Серёга» как-то пресно звучит. А «Отец Сергей» – очень даже ничего, ты только палец себе не оттапай. Читал, наверное, про отшельника у Льва Толстого? Если нет, то прочти, хорошая книжка.

Лёха отвернулся, пряча ухмылку, а Сергей ответил:

– Зови, если нравится, а я тебя попрошу оставить мне щенка от твоих собак и приглашаю заглядывать в гости.

До Серёгиной избушки добрались только к вечеру. Лёха остался ночевать. И опять разговорам после ужина не было конца.

Сергей был почти одного возраста с Сохатым, но тот понимал жизнь гораздо глубже и нашёл для себя уже давно ответы на вопросы, что мучили Сергея.

– Почему люди бывают и плохими и хорошими? Один и тот же человек в разное время может быть добрым и злым, честным и вруном? – спросил он Лёху.

– Человек является таким, какими есть его мысли. Все люди одинаковы, но одни следуют своим мыслям и желаниям, что одолевают его в данное время, а другие нет. В этом разница между людьми. Нельзя давать волю своим желаниям, учись руководить ими. Если ты научился подавлять в себе низменное, то ты приблизился к Человеку. Тому, что может жить в согласии с природой и другими людьми.

5. Я ИСКАЛ ЗОЛОТО, ДУМАЯ, ЧТО НАЙДУ СЧАСТЬЕ. ЗОЛОТО НАШЁЛ, А СЧАСТЬЯ НЕ ИСПЫТЫВАЮ

Ржавый умирал. Умирал он уже давно. Какая-то боль под сердцем растекалась по всему телу, доходила до головы и начиналась борьба между ней и сознанием. Последние полгода он не выходил из избы, лежал на нарах на стареньком замызганном матрасе, набитым болотной осокой.

Дочь Нинка несколько раз пыталась уговорить его сменить простыню и наволочку на подушке. Но он только бессвязно рычал, давая этим понять, что не хочет.

На его половине избы воздух был вонючим, застоявшимся. На предложение дочери проветрить комнату также отвечал отказом, надеясь, что удушающая атмосфера скорее прикончит его.

Он был убеждён, что смерть не приходит к нему в отместку. Она наказывала его, давая время день за днём вспоминать его, как теперь оказалось, никчёмную и жалкую жизнь.

В изголовье на нарах лежало золото: песок в кожаных мешочках, самородки в железных банках из-под пороха. Видимо, оно и не отпускало.

Когда он слёг, почувствовав приближение конца, то отправил Нинку в свой тайник, чтобы она перенесла поближе к нему то, что составляло весь смысл его жизни, то, что он выковыривал из земли песчинка за песчинкой, камешек за камешком, – его золото.

Он вдруг подумал о мистическом свойстве золота. О том, как оно любит втягивать в себя

тепло человеческого тела, околдовывать, отбл-
рая разум и делая человека своим слугой.

Вспоминал, как оно заставляло его пересы-
пать себя из ладони в ладонь, перебирать и по-
глаживать самородок за самородком и напол-
няло его чувством восхищения и рабской покор-
ности.

Он понял, почему золото идёт на украшения,
деньги. Оно жаждет человеческого тепла, оно
высасывает жизнь из человека взамен чувства
обладания им.

«Вот я вынул его из земли, и оно теперь бу-
дет жить и гораздо дольше, чем я. А я заменяю
его в земле. Потому что я раб его. Я искал золо-
то, думая, что найду счастье. Золото нашёл, а
счастья не испытываю. Вот оно зовёт меня, что-
бы я полюбовался на него, потрогал руками и от-
дал ему последние капли жизни. Но я не буду
его трогать, отомщу хотя бы немного за то, что
оно забрало у меня» — эта мысль не давала ему
в последнее время покоя ни днём, ни ночью. Он
метался в кошмарах и звал Нинку, пытался объ-
яснить ей, чтобы не прикасалась к золоту, иначе
оно заберёт её.

Нинка поила водой отца, метавшегося в жа-
ру, ругая проклятое золото.

Перед самым концом к Ржавому пришла не-
обыкновенная ясность мышления, плавающая в
лёгкой ностальгической дымке. Он ясно и до
мельчайших подробностей вспомнил свою
жизнь. Был ли он в ней счастлив? Наверное,
был, когда-то очень давно, ещё ребёнком. Потом
появились ненависть и страх. Они не оставляли
его после всю жизнь.

Вспомнил, как сразу по совершеннолетию
попал в тюрьму, отбывал свой срок в лагере сре-
ди такой же тайги. Там он и получил своё новое
имя — Ржавый.

Страх, живущий в нём, заставил придумать
хитроумный план побега. Ему оставалось не-
сколько месяцев до освобождения. И он с двумя
такими же зэками работал под охраной одного
конвоира с собакой далеко от лагеря.

Никому в голову не могло прийти что лю-
ди, которым выходить на свободу, решатся на
побег.

Но Ржавый давно для себя решил, что сво-
бода там, за проволокой, условна и что абсолют-
ной свободы не существует. Он ненавидел всех
людей. Для него они были постоянным злом и
причиной всех его несчастий.

В день побега лил дождь, погода была на
стороне Ржавого. Два других зэка работали, ох-
раннык сидел, закутавшись в плащ-палатку у за-
тухающего костра, овчарка спряталась под ку-
чей брёвен.

Ржавый убил ножом охранника и ранил бро-
сившуюся на защиту хозяина собаку. Потом
схватил карабин, сумку, сорвал плащ с охранни-
ка побежал в тайгу.

Когда прибежали остальные двое к костру, то
увидели убитого охранника и скулящую овчарку,
зализывающую рану на боку.

Зная, что им никто не поверит, два зэка, про-
клиная Ржавого, решили тоже бежать. Они рину-
лись в сторону железной дороги, по которой вы-
возился лес. Овчарка, поднявшись, побежала в
сторону, куда ушёл Ржавый.

Погоню снарядили только на другой день.
Искали беглецов на пути к железной дороге и ре-
ке. Тем временем Ржавый уходил всё дальше на
север, в нетронутые таёжные дебри. За ним шла
овчарка.

Через пару дней двух беглецов схватили, на
Ржавого послали запрос по месту его житель-
ства, надеясь, что рано или поздно он заявится к
себе на родину. Но для того не существовало ро-
дины, родителей, он ненавидел всех и вся.

Только на пятый день Ржавый развёл ночью
костёр, чтобы поджарить мясо убитой косули.
Он давно заметил крадущуюся за ним собаку, но
не трогал её. Он бросил кусок мяса, и та, голод-
ная, ослабевшая после раны, жадно проглотила
его. Первый шаг к дружбе был сделан.

Уйдя далеко на север, где не было никаких
поселений и людей, Ржавый повернул на за-
пад параллельно огромной сибирской реке.
Это и был тот знаменитый каторжанский путь
в Расею.

Но он не собирался выходить к людям без
нужды, а если и делал это, то с огромной предо-
сторожностью. Первую зиму он провёл в забро-
шенной охотничьей избушке. Эта зима сдружила
человека и овчарку.

На следующее лето Ржавый обосновался на
небольшой таёжной речке, изобилующей рыбой,
вокруг были богатые места для охоты, а ещё он
обнаружил на одном из ручьёв, впадающих в
речку, золото.

Так началась его новая, поначалу казавшая-
ся счастливой, жизнь. Ржавый нашёл человека,
через которого наладил торговлю. Он сбывал

ему меха, шкуры животных, желчь, кабарожью струю взамен на провиант, ружья и другие необходимые в тайге товары.

Зимой он охотился, летом мыл золото в ручье. Овчарка, которую он так и звал – Овчарка, стала его преданнейшим другом. Ни к кому из людей, а после и к потомству Овчарки, Ржавый не испытывал чувства, похожего на любовь, как к этой первой его собаке.

Овчарка предупреждала его о любых людях, появившихся в тайге, наверное, только благодаря ей он смог укрываться от постороннего внимания.

Она предупредила его однажды, что на ручье появились чужаки. Это была семья старателей, муж и жена. Ржавый впервые изменил своим правилам не общаться с людьми.

Представившись старателем, предложил совместно мыть породу в ручье, добываемую из пробитой шахты. Целое лето работали вместе. А осенью случилось несчастье. Мужа женщины, которую звали Настя, придавило породой в шахте, и он задохнулся.

Только Ржавый знал, как это случилось на самом деле. Похоронив его, он стал жить с Настей как её муж, забрав все документы.

Через год Настя родила девочку, которую называли Нинкой.

Ржавый не испытал в детстве родительской любви, потому он не научился любить и своего ребёнка. Необходимую любовь Нинка получала от матери и ещё от собак. Ещё до рождения Нинки Овчарка в тайге подружилась с волком и понесла от него.

Маленькая Нинка возилась со щенками, словно была одним из них. Когда ей было четырнадцать лет, родился Гром. Это был волк, рождённый от собаки. Он стал другом и покровителем Нинки.

Настя умерла, когда дочери только исполнилось восемь лет. Похоронил её Ржавый рядом с бывшим мужем и вскоре забыл, только Нинка ухаживала за могилой матери и носила на неё цветы.

Вся эта жизнь пронеслась у Ржавого перед глазами, словно вспыхнувшая и сгоревшая спичка.

«Вот и конец», – подумал он и почувствовал огромное облегчение, словно сбросил с плеч невыносимо тяжёлую ношу. Потом закрыл глаза и умер.

Нинка похоронила отца. Вырыла могилу, опустила в неё завернутого в целлофан отца. Теперь на пригорке высились три холмика. Вначале она хотела положить всё золото отца к нему в могилу, но вспомнив, как в последние дни отец проклинал его, решила вернуть песок и самородки в то место, откуда они были выкопаны.

Нинка не плакала, она не умела плакать с детства. Когда её обижали, она скулила по-собачьи и бежала к собакам, прижималась к ним и те слизывали своими языками обиду и боль с её лица.

Она вспомнила, как однажды мать решила бежать с ней «к людям».

– Тебе скоро в школу, да и не следует девке мотаться по тайге. Вырастешь, найдётся для тебя муж, может, попадётся хороший, который будет любить тебя, дети пойдут, вот и испытаешь счастье, – говорила она.

Но побег провалился. В первую же ночь их догнал Ржавый. Он избил Настю, сломав ей ногу, пообещал сломать другую, если она побежит снова. Та больше не решилась, смирившись с судьбой.

Перед смертью Настя начала учить дочь грамоте. Нинка быстро научилась считать и запомнила все буквы. Мать, наверное, чувствуя свой скорый конец, торопилась передать ей всё, что должна знать взрослая женщина.

Когда мать умерла, Нинка осталась совершенно одна. Отец не имел жалости ни к кому. Он заставлял её работать, мыть породу в холодной воде и радовался только каждой блеснувшей в лотке золотой песчинке.

Несколько лет прошли для Нинки словно на каторге. Когда появился Гром, то он стал для неё радостью. Она ухаживала за ним как мать, дала имя, разговаривала с ним, как с ребёнком. Собаки растут быстро, и уже в два года Гром опекал Нинку, как свою единственную хозяйку.

Когда однажды Ржавый ударил дочь, Гром прыгнул, сбил его с ног и оскалил страшные клыки над горлом.

Так Нинка стала свободной. Она больше не мыла золото. Прибравшись в доме, убегала с Громом в тайгу, где охотилась на птицу, зверя. Она научилась охоте, стреляла по зверю только раз, но жадности к добыче не испытывала, добывала ради еды.

Соболя, белку, рысь, лисицу стреляла только для себя, сама выделывала шкурки, шила из них шапки, унты, дошки.

Зимние морозы были для неё не страшны, они только заставляли быстрее бежать кровь в её жилах, выгоняя на щёки яркий румянец.

Нинка становилась настоящей таёжной красавицей. Когда бежала на лыжах по тайге, мороз дарил ей своё серебро, украшая лицо, волосы сказочными нитями, снежинками, блёстками.

Она была дочерью тайги. Понимала её разговор в журчании воды летом, в шуршащем шепоте снежинок зимой. Слышала её в звенящей капели весной и в грустном трепетании листьев осинки осенью.

Нинка была счастлива. Она не знала другой жизни. Её не тянуло к людям, наоборот, она даже побаивалась их. Но не так, как отец. Если тот боялся людей и ненавидел, то у неё не было в душе даже понятия ненависти.

Просто люди с их жизнью были для неё чужды. Она читала книги, про эту жизнь, знала что-то о ней из рассказов отца и воспринимала её как сказки.

Похоронив отца, она не осталась одна, с ней рядом была её мать тайга и верный друг и брат Гром.

Она родилась в тайге и та вошла в неё с первым глотком воздуха, а после тайга воспитывала её. Нинка не была испорчена людскими пороками.

Возможно, она так бы и прожила в счастливом незнании человеческого мира и умерла бы, соединив своё сознание с сознанием мира тайги, но судьба всё решает по-своему.

В неиспорченной душе всегда поселяется самое возвышенное и чистое чувство, названное людьми именем Бога.

6. ЧЕЛОВЕК ГУБИТ ПРИРОДУ СВОЕЙ ЛЮБОВЬЮ

Сергей окунулся с головой в таёжную жизнь. Приходилось до всего доходить своим умом. Он сравнивал себя с первобытным человеком, изобретающим для жизни необходимые вещи.

Учиться приходилось на своих ошибках. Когда он впервые сделал для себя лыжи, они казались ему верхом совершенства, но поехав на них по снегу, а после ещё испробовав лыжи Виктора, понял, что нужно делать новые. И так во всём. Но времени было предостаточно для таких вот дел.

Наступил декабрь. Дня не хватало для того чтобы успеть проверить все ловушки и петли на

кабаргу, лисиц. Уходил утром, когда только начинал брезжить день, и приходил в избушку потемну.

Но всё же успевал делать многое: поправлять ловушки, проверять капканы на норку и сразу же снимать налимов с уд. А кроме этого, делал ещё многочисленную работу по дому.

Снегом засыпало всю поляну и избушку. Она выглядела теперь как сказочный домик среди укутанных в белые шубы деревьев.

Нужно было расчищать от снега проход и дорожку к дровам, а так же спуск к ручью.

Первые крепкие морозы показали, где нужно проконопатить стены избушки, что Сергей и сделал.

Он уже сроднился с этим кусочком тайги за полгода, иногда казалось, что знал это место очень давно.

Приехал на снегоходе Антоха. Он пересмотрел придирчиво все шкурки, раскладывая их по сортам. Первым сортом взял только несколько соболей, чёрных с сединой.

Но Сергей был рад и той сумме, что определил Антоха за кучу шкурок. Хватило рассчитаться за провиант, ружьё, припасы и даже затовариться на полгода вперёд.

Сергей заказал Антохе кое-что из одежды, сети и множество мелких вещей (иголки, нитки, свечи, керосин и т. д.). Всё это тот обещал привезти уже на лодке по большой воде.

Антоха уехал, а Сергей собрался сходить к Сохатому в гости, захватив с собой одну из привезённых бутылок водки.

Лёха был рад приходу Сергея. Уже за столом под водочку он рассказал, что очень удачно нынче сдал свою пушнину Антохе. Говорил, что теперь сможет летом съездить «в люди» и найти себе жену.

— Нет, ты представь, Серёга. Приходишь из тайги на избушку мокрый и замёрзший, а уже печка потрескивает дровами, тепло. Сядешь на лавку, а жена с твоих ног сапоги стягивает. Потом тебе на стол горячих оладушек целую миску ставит. А ты решаешь про себя, с чего начать: то ли с оладушек, а то ли с губ её сладких.

— Да чего там, ты делай, как в анекдоте. Сразу в постель, а после лыжи снимешь. Нет, Лёха, я думаю, что никакую женщину в тайгу не заманишь. А если и решится какая, то долго не задержится. Для женщины что главное? Чтобы можно было с подругами посудачить, похвастаться чем угодно, но похвастаться. Нет, не

сможет женщина в тайге жить. Мужу в тягость, а уж ей невесте будет.

— Всё одно поеду и найду, мне не нужна красавица, пусть будет кривая или хромота, может, ещё какой дефект, главное, чтобы живой человек под боком, а уж заботиться о ней буду лучше, чем о самом себе.

— А как же любовь? Вот я со своей бывшей жил, теперь понимаю, что никакой любви не было, потому и разбежались.

— Я так думаю, что любви учиться надо, в совместной жизни приобретать её. Вот как в Библии написано. Бог людей создал, душу в них вдохнул, а ведь любви им не дал, наказал только, чтобы они любили друг друга и размножались. Как и все животные в природе. А первые люди что сделали? Они эту самую любовь через яблоко у Бога спёрли. А как ей пользоваться, не знали и до сих пор не знают. Вот любовь зачастую зло и приносит вместо добра. Так же и с любовью к природе и к этому миру. Человек говорит постоянно о своей любви к природе, но он губит природу именно своей любовью. Своим неумением любить. А уж о любви к ближнему своему и говорить не приходится, никогда этого на этом свете не будет. Как убивал человек человека из ненависти и непонимания, так и будет убивать. И все войны человечества будут нескончаемы...

Проговорили, как обычно, за полночь. Утром Сергей собрался к себе, прихватив у Лёхи с десятком книг и стопку журналов.

Договорились отмечать Новый год у Виктора, до его избышки ближе добираться всем.

— Да, Сергей, не забудь приготовить номер для выступления, мы каждый Новый год встречаем таким небольшим концертом для поднятия настроения.

— Да какой из меня артист.

— Мы все одинаковы, но традиция, понимаешь.

Декабрь — самый сонный месяц. Снегу добавляется почти ежедневно, его уже не замечаешь, привыкаешь к нему. Привыкаешь и к сонной тишине укутавшей тайгу своей пеленой. Кажется, что спит весь мир, и только ты один бодрствуешь в нём.

Теперь, когда день стал таким маленьким, а вечера нескончаемо длинными, выручали от дум о прошлом и будущем только книги.

В тайге между охотниками книги очень ценятся. Почти у каждого собрана небольшая би-

блиотечка. Книги в ней перечитаны на много раз, и ни у кого не поднимется рука использовать даже небольшой печатный листок для растопки.

Сергей вдруг открыл для себя новый, другой мир — мир художественного слова. Ни в школьные годы, ни после его как-то не интересовали книги, хватало телевизора. Он смотрел те фильмы, что ему предлагало телевидение. И если до торжества золотого тельца оно Сергея как-то развивало, то с приходом в литературу и культуру коммерции стало оглуплять и вызывать безразличность.

И вот теперь пришло время наверстать упущенное. Сергей вдруг увидел красоту слова. Слово было таким же красивым, как тайга вокруг избышки.

Он выходил из дверей, любовался сверкающей под звёздами и луной заснеженной тайгой и, испытывая вдруг накатившийся на него восторг, декламировал:

*Но я люблю — за что, не знаю сам, —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье.*

76

Ему не казались уже эти стихи напыщенными и надуманными, они словно рвались из его души, становились своими и были как благодарность этому миру, этой жизни.

Возможно, в школе Сергея заставляли учить эти строки, рассказывали о Лермонтове и других поэтах и писателях, видящих красоту и мудрость природы, но он не помнил этого. А возможно, тогда были только заложены в него эти семена любви, а вот теперь пришло время им прорасти.

Как бы ни было, но небольшая книга стихов Лермонтова была им почти заучена вся, и он повторял эти стихи вслух спящей под толстым снежным одеялом тайге, и казалось, что та внимает ему с благодарностью и пониманием.

На избышке у Виктора — предпраздничная атмосфера. Гости и хозяин готовятся к встрече Нового года. Сергей с Лысым расчистили снег до небольшой ёлки на краю поляны, поставили там берёзовые чурки около будущего костра и теперь украшают лесную красавицу.

— Представь себе, Сергей, ёлочка спит и ей снится, что два взрослых бородатых мужика наряжают её.

Они нарезали из фольги звёздочек, полосок, приспособив для украшения и различные безде-

лушки. У Виктора хранился настоящий ёлочный шар, усыпанный блёстками, его повесили на видное место, и он сразу дал всем понять, что сегодня любимый с детства праздник. Праздник надежды и веры в хорошее будущее.

Виктор и Лёха Сохатый готовили новогодний ужин. Украшением стола должны были стать настоящие котлеты и блины.

Лысый приобрёл у Антохи ручную мясорубку, и теперь Виктор важно перекручивал сохатину вперемешку с зайчатиной, делая фарш для котлет.

Вскоре из дверей избушки потянул аппетитный запах жарящихся котлет и пекущихся блинов.

За стол уселись в шесть вечера. Уже замигали звёзды из черноты космоса. В темноте, спустившейся в тайгу, весёлым дразнящим языком потрескивал костёр, освещая своим пламенем новогоднюю ёлку.

Выпили по стакану водки, хранившейся для этого случая, проводили старый год. Закусили горячими котлетами и разговорились.

Потом Виктор открыл праздничный самодеятельный концерт, объявив свой номер:

– Выступает непризнанный талант и гений в иллюзионизме, факир и карточный фокусник Махмуд ибн Виктор.

Виктор с шутками и прибаутками очень даже профессионально показал несколько фокусов, используя вместо цилиндра берестяной туесок. А карты в его руках вытворяли невообразимое, они словно жили своей жизнью, то прячась, а то возникая ниоткуда.

Потом Лёха Сохатый прочитал рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Он читал весь рассказ почти по памяти, только иногда заглядывая в книгу. Дойдя до слов: «В отчаянии он опустился на мокрую землю и заплакал. Сначала он плакал тихо, потом стал громко рыдать, будя безжалостную пустыню, которая окружала его; и долго еще плакал без слез, сотрясаясь от рыданий», Сохатый задумался на несколько мгновений, видимо, вспомнил, как он, голодный, бежал за лосём, потом, встряхнув головой, продолжил.

После рассказа вся компания вышла к костру, к ёлке. Помолчали, глядя в огонь, каждый думал о своём, что-то вспоминал, потом вновь разговорились. Принесли бутылку, выпили здесь же у костра, каждый остатки водки плеснул в огонь, а Лёха сказал:

– Пусть огонь и его тепло никогда не покидают нас.

Потом Сергей чувственно продекламировал «На севере диком стоит одиноко на горной вершине сосна...».

– Ты здорово рассказывать стихи умеешь, а ещё приbedнялся, – сказал ему Сохатый.

– Ладно, теперь моя очередь подошла, идёте в избу я вам свой новый рассказ прочитаю. Сергей, я ведь тоже писатель, пописываю понемногу, меня иногда даже в журналах печатают, – сказал Лысый.

– Слышь, Лысый, можно тебе историю рассказать? – перебил его Виктор. – Однажды граф Бенкендорф на балу разговорился с Пушкиным: «Вы знаете, Александр Сергеевич, а ведь я тоже, представьте себе, пописываю». На что ему поэт ответил: «Позвольте вам заметить: пописывать вредно для мочевого пузыря. Если уж с..., то с...».

Насмеявшись, пришли в избушку, где Лысый предложил всем занять удобное положение и слушать, как он выразился, гениальное творение – синтез научного наблюдения и пытливой работы его неукротимого ума.

Крысы

Моя бывшая жена, а прожили мы с ней почти пятнадцать лет, мне на прощание сказала:

– Эх, Коля-Коля, променял ты меня на крыс. Ну ладно, овладела бы тобой любовь к красивой женщине, а то ведь крысы. Фу, какая гадость: усаые, облезлый хвост, заразу разносят – и ты чуть ли не целуешься с ними. Неужели ты думаешь, что я тебе позволю меня трогать теми же руками, что ты крыс гладил?

– Других рук у меня нет. Вот если бы хвост был, знаешь какая от него огромная польза?

– Тогда бы ты чёртом точно выглядел. Лысый с хвостом, не зря говорят, чёрт лысый.

На том и расстались.

А началась история за несколько лет до этого. Был я однажды в городе. Не люблю эти города, машины туда-сюда, вонь от выхлопных газов.

Стою у перехода, жду, когда зелёный на светофоре загорится. Смотрю, из-под решётки сливной канавы крыса вылезла и сидит, ждёт тоже, когда зелёный загорится. Загорелся, я пошёл, и она рядом бежит по переходу, никуда не сворачивая. Я думаю: «Вот ведь умная такая». С тех пор стал я всё читать о крысах. И узнал, что они не глупее человека, а, как я после понял, даже намного умнее.

Мы с женой дома свинью держали. А где свиньи – там и крысы. Не зря пишут, что каждый шестой фермер только на крыс работает. Потом-то я дотумкал, что крысы людей терпят именно за то, что они на них работают.

Стал я за крысами наблюдать, записывать свои наблюдения на бумагу. Сижу этак у свиньи в катухе, тепло там, Машка похрюкивает. Смотрю, из дыры в половицах мордочка крысиная показывается. Глазки любопытные и такие смышлённые. На меня зыркнут, мол, чего здесь делаешь, а после вылезет крыса – и к кормушке.

Через несколько дней крысы меня уже не боялись, бегали, как серые кролики, и ноги мои обнюхивали.

Прочитал я, что в Индии крысиный храм есть и там крыс за священных животных почитают, кормят, ухаживают. Кстати, крысы очень чистоплотные. Пишут, что они разносчики чумы и других человеческих болезней. Правильно, разносчики. Но никто не задумывался почему? Ведь эти болезни, человеческие эпидемии крыс не задевают, хотя строение тела у них, эта самая физиология, такое же, как у человека.

Только я догадался, что крысы регулируют популяцию человека. Как расплодится человечество сверх нормы и войны никакой нет, так они эпидемию и занесут.

Распирает меня, знаете ли, самодовольство, что вот я, Колька Лысый, стал вроде какого-то там научного аспиранта и создаю свою теорию, равную, а может даже, и выше Дарвинской.

Но вот только жаль, что не могу ей поделиться ни с кем. Жена слушать не хочет, лысым идиотом называет, друзья и знакомые, только начну им про крысиную жизнь рассказывать, исчезают, и надолго. Так и оказался в изоляции, одни только крысы меня жалуют.

Расскажу вам подробнее о жизни крысиной. У каждой семьи, а она очень многочисленна, своя территория обитания и люди, которые их кормят.

У меня, не без гордости скажу, крысы были ухоженные, с лоснящейся серой шубкой, подвижные и очень красивые, не то что у соседа: глуповатые на вид, совершенно без признаков интеллекта, одним словом, все в своего хозяина.

Крыса живёт почти два года, это я знаю точно, потому что мой любимец Филька жил у меня с грудного возраста и умер на моих руках.

О его уме я мог бы написать целую книгу, но жаль, что читать не будут. Филька даже спал со мной. Ляжет на подушку, прижмётся своим мягким тёплым животом к моей лысине, а длинным хвостом иногда по лицу меня ласково поглаживает.

Жена в тот день от меня и уехала, когда Филька впервые к нам в постель забрался. Для неё, как она выразилась, это была последняя капля, при чём здесь капля, не понимаю до сих пор. Как она визжала, соседи бог знает что думали о нас. Она не слушала моих доводов, что, мол, кошке можно на постели валяться, а вот моему Фильке нет. Кстати, кошка из дома ушла сразу же, как только поняла, что крысы – друзья дома. Несовместимость, знаете ли, у этих животных.

Уехала жена, забрала все свои вещи. Удручающее, скажу вам, зрелище, когда в шкафу висит только мужской костюм, стоят одиноко туфли большого размера. Раньше с моим костюмом в обнимку висело платье жены, множество других её вещей создавали цветную гамму, а теперь остался сиротливо серый цвет в тон моим крысам.

Подумал я, погоревал этак минут пять после её ухода и решил, что жизнь продолжается, как в песне поётся. Включил чайник, чтобы чайку попить, глядь, а сахара нет. Не знаю, может, кончился, а может, жена в отместку с собой забрала или высыпала, зная, что я без глюкозы становлюсь совсем беспомощным. И тогда я заплакал от обиды. Филька залез ко мне на плечо и стал тереться головой о щёку. «Вот, один я теперь остался, сирота сиротой, и даже сладкого в доме нет ни грамма», – пожаловался я ему.

Тот убежал и, знаете, минут через десять появляется, в зубах шоколадная конфета «Ласточка» зажата, кладёт её передо мной и так уморительно мордочку скривил, что у меня сразу настроение сменилось.

Утром я проснулся, а на столе целая гора шоколадных конфет, наверное, мои крысы натаскали. Так в моём доме опять сладкое появилось, и мой мозг, получив глюкозу, стал усиленно работать, переводя наблюдения за крысами в научную теорию.

Позже я узнал, что в нашем сельмаге кто-то украл несколько ящиков шоколадных конфет. Участковый подозревал всех деревенских мальчишек.

А теперь я подхожу к концу моей истории о крысах. Он очень жесток, и потому прошу слабонервных удалиться.

Мой сосед, тот самый, скудоумный, видящий мою любовь к крысам и плюющий на меня через забор, когда я выходил кормить их, высыпая в кормушку еду, решил покончить разом с моими подопечными.

Этот фашист вырастил у себя в железной бочке крысиного волка. Вы, наверное, знаете, если человека изолировать от общества, лишить его человеческих привилегий и свобод, окружить ненавистью и злобой, то из такого человека получится каннибал. Такой человек, совершая побег, берёт в напарники другого, которого съедает по дороге. Вот и у крыс то же самое. Можно вырастить крысиного каннибала, который будет питаться только своими товарищами. Крысы, как и люди, сразу чуют такого каннибала в своей среде. Они или убивают его, нападая всей кучей, или убегают от него прочь.

Когда мой сосед выпустил этого крысиного волка, то все мои крысы ушли. Я остался один.

Сначала ушла жена, потом крысы. Вот и вся моя история, правда, я послал свои исследования в Академию наук, но ответа ещё не получил.

Лысый отложил тетрадку, прокашлялся и спросил:

— Ну как?

— Однако... — промямлил Виктор.

— Ты сам-то понял, что написал? — спросил Сохатый.

— Конечно, ведь я же автор.

— А-а-а, тогда ладно.

— А мне надо переварить всё это хорошенько, — сказал Сергей.

7. Я ЕСЛИ ПОЛЮБЛЮ, ТО БУДУ ЛЮБИТЬ ТАК, ЧТОБЫ ОНА НЕ МОГЛА БЕЗ МЕНЯ НИ ЖИТЬ, НИ ДЫШАТЬ

Была середина января. Морозы доходили до минус сорока и не отпускали по несколько дней. После них двадцать и пятнадцать градусов казались оттепелью. В один из таких дней Лёха Сохатый решил сходить к Сергею, провести, как тот пережил пик холода.

По старой, хотя и подзанесённой снегом лыжне идти было легко. Он вышел на путик Сергея и

удивился: по нему не ходили уже больше месяца. Лыжня еле угадывалась под укрывшим её снегом. Подходя к избушке, почувствовал неладное. Не пахло дымом из трубы, не видно было свежих следов. В избушке никого не оказалось.

«Возможно, Сергей ушёл к Виктору и живёт у него, пережидая морозы, — подумал Лёха, — но в таком бы случае он не оставил на печке кастрюльку с кашей, которая замёрзла, да и вода в ведре, замёрзнув, выдавила дно».

Подумав, он решил переночевать здесь, а утром идти к Виктору, чтобы убедиться в своём предположении.

У Виктора Сергея не было с новогоднего праздника. Мужики стали решать, что делать дальше. К Лысому Сергей уйти не мог, не зайдя к Виктору, значит, что-то с ним случилось.

— Искать его в тайге спустя две недели не имеет смысла. После таких морозов даже опытный таёжник вряд ли выживет, — сказал Виктор.

— Но что-то делать надо, — возразил Лёха.

— Ждать весны, когда тело вытаит, чтобы похоронить. И не говори «а вдруг», этого просто не может быть. Найти его сейчас по заметённому следу мы не сможем, даже если позовём Лысого с собаками. Можно, конечно, попытаться поискать, чтобы не чувствовать себя подонками, но уверен, что пользы от поисков не будет.

Пять дней ходили они по тайге на участке Сергея, но, кроме старых, почти невидимых следов от лыж, ничего не нашли.

Сергей же в это время метался в горячке, и жизнь его зависела от совершенно незнакомого человека и ещё от того, что люди называют судьбой.

В первые дни нового года Сергей пошёл по путику, он давно уже не проверял капканы и ловушки. Охота была неудачной, кроме нескольких белок в капканах, ничего не было.

И тогда Сергей нарушил одну из таёжных заповедей охотника. Короткий путь к жилью, но незнакомый, может оказаться намного длиннее знакомого.

Сергей шёл незнакомым распадком, зная, что тот выходит недалеко от его избы.

Что же такое судьба? Почему почти все охотники фатально верят в неё.

Кто может объяснить, почему Сергей именно сегодня решил идти незнакомой тропой? Почему он не делал этого раньше?

Почему именно сегодня вылез из своего временного жилья, не накопивший жиру на всю зиму старый и больной медведь? Встань он раньше или позже – и его бы добил мороз.

Почему именно сегодня Нинка пошла на охоту в места, куда никогда не ходила?

Какая сила руководит разумом и направляет людей на принятие того или иного решения? Как много вопросов и как мало ещё человек знает этот мир.

Сергей не ждал нападения затаившегося на его пути медведя. Он не успел даже сорвать с плеча ружьё, как был сбит с ног прыгнувшим на него зверем. Чтобы выжить, голодный медведь должен был убить человека, чтобы жить – человек должен был убить зверя. Чью сторону примет судьба?

Медведь рвал лапой одежду на Серёге, его огромные когти добирались уже до тела, оставляя порезы, словно от ножа.

Одна мысль только была в голове охотника – ружьё. Сергей смог освободить его из-под себя и направить ствол под левую лапу зверя, который, правой лапой зацепив голову человека, когтями срывал кожу с волосами.

Страшная боль заставила Сергея надавить на спуск и в то же время вырубил его сознание.

Пуля пробила сердце медведя и тот, завалившись набок, затих.

Выстрел услышала Нинка, которая была не подалёку. Гром, подняв голову, завыл, давая ей понять, что случилось несчастье.

Придя на место схватки человека с медведем, Нинка увидела мёртвого зверя и изуродованного, но ещё живого человека. Быстро соорудила носилки из двух ёлок, уложила на них человека и побежала по своей лыжне к избушке.

Потом, когда сознание полностью вернулось к Сергею, он собирал, как осколки стекла, те мгновенные его проявления, чтобы вспомнить, что же произошло. Оскаленную пасть зверя и боль сменила морда собаки, которая ласково слизывала кровь с его лица и глаз. Потом он увидел лицо девушки, той самой, что приходила к нему во сне. Увидев её, он успокоился, исчез страх, и он вновь провалился в беспамятство.

Нинка выхаживала у себя подобранный в тайге парня. Он был изуродован шатуном. Сломаны рука и два ребра, глубокие порезы от когтей зверя на груди и полностью обезображено лицо.

Она приложила к черепу снятый скальп и, как смогла, собрала рваное в клочки лицо. Глаза, слава Богу, были целые, забинтовала лицо и голову, прижав кожу. Наложил шину на руку и перемотала грудь бинтами.

Она постоянно меняла холодные компрессы, чтобы сбить температуру и боль. Пока ухаживала за ним, почти не спала, а когда забывалась небольшими урывками сна, то за больным присматривал Гром, прислушиваясь к его дыханию.

Нинка меняла повязки, давая возможность организму справиться с болезнью. Глядя на изуродованное лицо парня, гадала, каким оно было до трагедии. Иногда он приходил в сознание, глаза его становились осмысленными, смотрели на неё.

Прошло два месяца. Однажды вернувшись из беспамятства, Сергей почувствовал, что в него вновь возвращается жизнь. Он узнал от Нинки, что с ним произошло и сколько времени был в кризисе.

Постепенно исчезала слабость, зарубцовывались раны, и пришло время, когда был снят последний бинт с лица.

Увидев ставшее совершенно чужим лицо, Сергей был подавлен. Он вдруг почувствовал себя кем-то другим, незнакомым даже самому себе. Он стал думать о том, что такое «потерять лицо». Ведь даже имя меняет судьбу, а здесь лицо. Лицо – это первое в контакте с другим человеком. Теперь на него все будут смотреть если не с состраданием, то с любопытством и жалостью.

Чувствовать себя жалким среди остальных людей Сергею не хотелось.

Нинка, которая увидела, как Сергей смотрит на себя в зеркало, вначале попыталась успокоить его, говоря, что любая жизнь – это красота. Потом, почувствовав, что он принимает своё физическое несовершенство как подмену личного «я», стала расспрашивать о его жизни, надеясь, что воспоминания помогут вернуться в себя.

Нинке, которая почти не видела людей в своей жизни, было интересно узнавать, как живут они там, в городах. Иногда её вопросы и рассуждения смешили Сергея, и он улыбался и даже смеялся, чем вызывал её удовольствие.

Но и Нина смеялась над Сергеем, когда он рассказывал ей, как жил эти полгода в тайге.

– Удивительно, что ещё выжил, ведь ты совершенно ничего не знаешь о тайге, – говорила она.

– У меня соседи охотники есть. Лёха Сохатый мне другом стал, многому научил, помогал чем мог.

– Наверное, он хороший человек, а я мало людей знаю, иногда к староверам хожу, они меня терпят и к себе зовут, а ещё приплывает сюда по весне торговец из посёлка. Он очень нехороший человек, когда отец живой был, то имел с ним дела, менял шкурки на провиант, провизию, менял своё золото на деньги. Как умер отец, я стала покупать у него за деньги всё необходимое для жизни, а он всё пытал меня, где отец золото спрятал. А однажды попытался меня взять силой, но Гром его так отвозил, что тот пообещал пристрелить его. Теперь я только с ружьём к нему выхожу, а Гром из кустов за мной наблюдает.

– Таких подонков среди людей очень много. Тебе с твоей красотой там жить опасно.

Сергей стал выходить из избы на воздух и пытался даже что-то делать по дому. Нинка посмеивалась, но не возражала, понимая, что любое занятие и работа отвлекают его от тяжёлых дум.

А весна в тайге становилась заметнее с каждым днём. Тающий днём снег к вечеру начинал сжимать лёгкий морозец. Он схватывал его ледяной коркой, выжимая запах снега.

Это был чудесный запах. Запах весны. Весна имеет множество запахов, но запах тающего снега особенный, потому что он первый. С него начинается весна. Потому что любое живое существо с жадностью вдыхает его в себя, чувствуя будущие перемены в природе.

Сергей вдыхал этот пьянящий запах, и тот рождал в нём чувство уверенности, что всё будет хорошо, а всё плохое осталось позади и уходит вместе с зимой.

Весеннее солнце уже прожигало своими лучами проталины в снегу, вначале у подножия деревьев и на возвышенных местах. Вода от растаявшего снега собиралась по низинам, после ручейками сбегалась в большие ручьи, которые несли её в речки, где она взламывала ледяные запоры, поставленные ей зимой.

Сергей смотрел, как весна врывается в тайгу, будя её от зимней спячки, и повторял полюбившиеся ему строчки из книжки стихов Лермонтова.

*Когда весной разбитый лёд
Рекой взволнованной идёт,
Когда среди лугов местами
Чернеет голая земля*

*И мгла ложится облаками
На полуюные поля, –
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей, –
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведёт,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдёт.*

Он вдруг ощутил сердцем каждую строчку стихотворения, понял, что Лермонтов пережил то же состояние, которое заполняет сейчас его. Кажется, с одной стороны – весна, которая несёт всегда время надежд и обновления, а с другой – непонятная потеря, что точит душу.

– Хорошие стихи, грустные, особенно эти строчки... «Природа молодеет, но молодеть лишь только ей»... А ещё автор чем-то разочарован, воспекает природу, но сожалеет о короткой жизни, – сказала Нинка, прислушиваясь к стихам.

– Для чего же создан человек природой, как не для прославления и восхищения ею. Вот другая часть человечества считает, что они созданы Богом для того, чтобы прославлять создателя.

– Не знаю, не думала об этом. Я живу в тайге и сознаю себя как её частичку, она руководит мной, мыслит за меня. Я в ней, как и она во мне. Если я уйду из тайги, то связь с ней будет утрачена. Мне придётся самой искать все решения в этом мире.

– Непонятно мне всё это, вот и Сохатый тоже говорит, что тайга руководит человеком, а я не чувствую пока её внимания.

– Потому что не думал об этом. Откуда тебе знать, может, это тайга решила, кого оставить в живых: тебя или медведя.

К маю Сергей чувствовал себя уже почти что в нормальном состоянии. Он решил идти домой, как теперь считал для себя свою избушку и тот кусочек тайги, в котором охотился.

Нинка собралась проводить его. Вышли утром, Гром бежал впереди, дошли до места схватки Сергея с шатуном. От медведя уже почти ничего не осталось, кроме костей, черепа и местами разбросанных пучков волоса. Гром обнюхал череп и презрительно поднял над ним заднюю лапу.

В избушке стоял нежилой запах. Нинка с интересом разглядывала жилище Сергея. Гром

сразу же нашёл себе место у стены с солнечной стороны и улёгся на кучку наметённых с осени листьев.

На столе лежала записка месячной давности: «Сергей, если ты жив, сразу же приходи. Лёха».

Решили идти к нему завтра. Начали приводить избушку в жилой вид. Сергей чувствовал себя отлично, шутил, говорил Нинке, что теперь они будут часто встречаться, и рассказал, как в первую ночёвку в новой избе ему приснилась девушка, и это была она.

– Давай-давай, заливай. С чего бы я тебе приснилась, если мы никогда до того не встречались?

– Точно тебе говорю, что это ты была. А может это, как ты мне рассказывала, тайга в меня входила?

– Всё может быть. Только ты меня из своих снов гони, я девка своенравная. Жить с тем буду, кого полюблю. Насмотрелась в детстве на мамку с отцом. Лучше совсем не жить с мужиком, чем так-то жить.

– А я если полюблю, то буду любить так, чтобы она не могла без меня ни жить, ни дышать. Потому если женщина может собраться и уйти от тебя, то любви тут никакой нет.

– И что это мы о любви разговорились. Ты случаем глаз на меня не положил?

– Куда мне. Ты такая красавица, а я чудище таёжное.

– Не знаю, как другим девушкам, а для меня внешность не самое главное. Мне важно, чтобы меня любили по-настоящему.

На другой день пошли к Сохатому. Лёха был очень рад. Он не знал, как выразить свою радость, как вести себя с другом, его смущало уродство Сергея.

Но зато Нинку он окружил заботой, как самую знатную гостью.

– Первый раз меня встречают с такими почестями, как бы не загордиться, – смеялась та.

Проводили Нинку, и вновь началась обычная таёжная жизнь с её работой, заботами. Вскрылись реки, унося лёд, и засновали по ним моторки, вывозя и завозя грузы.

Приехал Антоха, привёз всё необходимое для будущего сезона, он очень удивлялся на Сергея:

– В рубашке ты, парень, родился, не всякому так повезёт. Но экзамен ты, видать, на таёжника сдал, теперь легче твоя жизнь будет.

С Антохой уехал на всё лето Сохатый – на поиски жены. На прощание ему Лысый посоветовал:

– Ты, Лёха, главное – не бойся баб. Это они с виду на мужиков не похожие. А если внутрь к ним залезть, так они ещё похлеще нашего брата будут. Если не согласятся в тайгу ехать – так ты силком увези. Мешок на голову – и айда. Как на Востоке делают. Кто сейчас искать бабу в тайге будет? У ментов своих дел по устройству личного счастья невпроворот. Так что не теряйся.

Каждый заказал Сохатому, что привезти. Сергей ещё до отъезда дал ему письмо и адрес своей матери, наказав сходить до них и рассказать, что он жив, здоров, а вернётся, как будет возможность.

8. В ЛЮБОЙ ЛЮБВИ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ОБМАНА

К Нинке тоже приплыли гости. Человек, у которого она покупала всё необходимое для жизни в тайге, привёз с собой парня.

– Знакомься, это Виталик. Он режиссёр-документалист. Когда узнал, что здесь с самого рождения живёт девушка, то уговорил меня отвезти его к тебе. Пусть поживёт у тебя с месяц, снимает кино. У него всё своё, обузой тебе не будет, а что он мужик, так ты за себя умеешь постоять, да и тихий он.

Нинка осталась наедине с новым жильцом. Если Сергей попал к ней в беспомощном состоянии, выхаживая его, прониклась жалостью и материнской любовью, после чего между ними установились дружеские отношения, то здесь всё было иначе.

Виталик был крепким здоровым мужчиной, очень даже симпатичным, с чувством юмора и, похоже, большим умением обольщения женщин. Нинка, чувствуя своё превосходство над ним на своей территории, совершила обычную для женщин ошибку: играя с мужчиной, сама попала в чужие сети.

Виталик, снимая её на видеокамеру, сыпал комплиментами, и это было так естественно и ненавязчиво, что пробуждало в ней чувство благодарности к нему и чувство близости, родственности. Всё шло к тому, чтобы чувство близости углубилось. И это однажды произошло. Нинка показала Виталику место на речке, где она обычно купается, и он настоял на том, что должен снять купание лесной феи.

Купание закончилось для неё первой близостью с мужчиной.

Сергею очень хотелось повидаться с Нинкой. Он чувствовал какую-то пустоту в своей жизни без неё.

Он пошёл к Нинке, неся вместо цветов ведро свежесолёного хариуса. Цветы в его положении казались ему неуместными. Сергей оставил букет собранных для неё пылающих жаром таёжных огоньков дома. Он стеснялся своей безобразности, боялся даже намёком показать свою растущую к Нинке любовь.

«Она никогда не сможет полюбить такого уродца, как я, а её жалость вместо любви меня будет просто угнетать», — размышлял Сергей.

Он подошёл к избе, ещё издали увидев Нинку, развешивающую бельё. Сергей поздоровался с ней и, заметив на верёвке мужскую рубашку, насторожился.

Выскочил откуда-то Гром и, с радостью прыгая около Сергея, пытался лизнуть его в лицо.

— Надо же, как он любит тебя, а вот Виталика никак не признаёт.

— Какого Виталика?

— Это меня. Давайте знакомиться, — сказал вышедший из избы высокий и красивый парень.

Этот Виталик сразу вызвал у Сергея чувство неприязни, и он ответил:

— Говорят, что собака и ребёнок интуицией распознают мысли чужого человека.

Потом, за столом, Виталик всячески старался принизить Сергея в глазах Нинки, посмеиваясь над его речью и выискивая в его рассуждениях нелепости.

«Сколько же этих «студентиков» в этом мире! Одного прикончил, так меня и здесь, в тайге, такой же достаёт. Нужно уходить. А Нинке он, по всему виду, нравится. Вон с каким восхищением его слушает», — думал Сергей.

— А Сергей любит стихи Лермонтова и целую книгу может читать по памяти. Сергей, прочти нам что-нибудь, — сказала Нинка.

— Лермонтов давно не в моде, да и стихи его — для людей слабых, не умеющих жить. Голубиной несёт от них. Настоящий мужчина не должен быть лохом. Если любовь, то нужно бороться за неё, а не плакаться, что женщина ушла с другим, — сказал Виталик.

— Любовь, она разная. Всякий человек понимает её по-своему. А Лермонтова можно понять, если только в сердце живёт правда.

*Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:*

*Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.*

*И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осуждён страдать я долго в нём,
И в нём лишь буду я спокоен.*

Лично я понимаю что, правда — это любовь. Любовь не может, не должна обманывать. И дом — наша жизнь дана человеку именно для любви, как и говорит поэт. В любой любви не должно быть обмана. Пусть то будет любовь к другому человеку, к женщине, к Отчизне, к природе. А если вдруг в чувстве появляется фальшь и даже лёгкий обман, то это уже не любовь.

— Нельзя быть максималистом, особенно в любви. Человеческие чувства изменчивы, — возразил Сергею Виталик. — Идеальной любви не бывает, как и остального прочего на этой земле. Говорят, только Бог идеален и свят.

Уже дома Сергей, вспоминая разговор, продолжал спорить с Виталиком. Он был убеждён в своей правоте. Люди несчастны именно потому, что разучились говорить правду друг другу, скрывают свою любовь, стыдятся её.

Размышляя так, он вдруг осознал, что сам поступает неправильно, скрывая свою любовь к Нинке, пусть даже из чувства страха, что та не ответит взаимностью. И он решил обязательно при следующей встрече признаться ей в любви. Но вновь судьба решила всё по-своему.

Нинка сама пришла с Громом к Сергею через неделю. Она сразу сказала, что влюбилась и уезжает с Виталиком, чтобы посмотреть, как живут люди вне тайги. Сказала, что Виталик любит её и хочет сделать счастливой.

— Нина, ты подумала, в чём твоё счастье? Любишь ли ты его так, что сможешь забыть тайгу, совершенно поменять свою жизнь ради него?

— Не знаю, я должна проверить себя.

— Я не смогу тебя удержать и доказать, что ты совершаешь ошибку, но мне очень больно за тебя.

— Наверное, ты прав, и что-то мне говорит об этом, но я ничего не могу поделать с собой. Я пришла оставить у тебя Грома и попросить присмотреть за домом и огородом, возможно, я вернусь сюда. В любом случае не думай обо мне плохо.

Прошёл месяц, как уехала Нинка. Сергей, приходя к её дому, вместе с Громом тосковали. Гром клал голову на колени Сергею, а тот, поглаживая, рассказывал ему, как он любит Нинку. И оправдывался в том, что отпустил её с городским проходимцем.

А жизнь продолжалась. Неподалёку от участка Виктора поселились два новых охотника.

Один из них, называвший себя Дедом (ему было около шестидесяти лет), решил поставить себе избушку в пяти километрах от Сергея и Виктора.

— Вы, парни, не обижайтесь близкого соседства. Я ведь в тайгу помирать пришёл, как это делают охотничьи собаки. всю жизнь в ней прожил, не принимает меня людское общество. Вам я в тягость не буду, если только похоронить придётся.

Избу Деду, которого звали Афанасий Петрович, ставили вчетвером. Дед, Сергей, Виктор и Кузьма управились с работой за три дня. Изба получилась просторная, тёплая.

— Теперь все сходки здесь будем проводить, — пошутил Виктор.

Пока работали, хорошо перезнакомились. Дед любил поговорить и пофилософствовать. Знал он о тяжёлой жизни действительно очень много и охотно делился своими знаниями.

Кузьма был человек верующий, отлично знавший Библию и всегда готовый прийти на помощь. После того как срубили избу Деду, он ушёл в верховья речки Белой, чтобы поставить там себе избушку поменьше и подготовиться к сезону.

После отъезда Нинки и Лёхи Сергей остался совершенно один, если не считать Грома. И он сблизился постепенно с Кузьмой. Кузьма был старше его почти на два десятка лет. Спокойный, иногда до флегматичности, он вызывал уважение к себе.

Сергею нравились его рассуждения. В разговорах Кузьма часто обращался к Библии, ища в ней ответы на спорную тему. Но он не давил собеседника её авторитетом, не поучал, как делают многие «христиане» независимо от их концессии.

Однажды Сергею пришлось стать очевидцем невероятного события в избе Афанасия Петровича, где он ночевал с Кузьмой.

В тот вечер уснули все рано, день был очень насыщен работой. Несколько раз небо проливалось на всех сильным дождём, потом сквозь ту-

чи прорывалось солнце, подсушивало немного. Вдруг опять тучи затягивали всё от горизонта до горизонта, напознала темнота — и раздавались раскаты грома под зигзагистые, ослепительные молнии, а после вновь шёл ливень.

Промокшие за день и уставшие от дополнительной работы, все после ужина не стали, как обычно, разговаривать лёжа на лежанках, а сразу отрубались, провалившись в здоровый, восстанавливающий силы сон.

И вдруг какое-то чувство самосохранения заставило Сергея очнуться.

Он увидел, как над Кузьмой появился из ниоткуда светлый шарик, похожий на солнечного зайчика, но только не такой яркий, а нежно-голубого цвета. Из тела Кузьмы отделился почти такой же шарик, но только гораздо темнее. Эти шарики слетелись, стукнулись друг об друга, разлетелись, и началась между ними игра, похожая на игру двух бабочек: слетятся, разлетятся, потом вновь слетятся.

Сергей смотрел на эту игру и не чувствовал страха. В нём было чувство лёгкой грусти, какое бывает, когда видишь клин улетающей на юг стаи птиц.

Эта вся игра продолжалась не больше двух минут, вот один шарик оторвался от другого и исчез в черноте потолка. Другой медленно опустился на тело Кузьмы и растаял.

Сергей услышал покашливание Деда, потом его шаги. Тот поднялся с постели и вышел на улицу.

«Интересно, видел ли он это?» — подумал Сергей.

Утром Сергей не торопился уходить, сидел, потягивая чай, дожидаясь, когда Кузьма уйдёт первым.

Когда тот ушёл, спросил Деда:

— Вы ничего ночью не видели необычного?

— Ты про души?

— Так это были души?

— Я так думаю, что да. Уже несколько раз видел такое. Это душа умершей жены Кузьмы приходит к его душе.

— Но ведь это — мистика.

— Так-то оно так, но, как видишь, бывает и такое. Ты не рассказывай о том, что видел, никому, а то тебя сочтут за полоумного. Люди верят только в то, во что хотят верить.

В следующий раз Сергею пришлось ночевать с Кузьмой уже осенью, и вновь он видел

игру двух светлых шариков, но только у себя в избушке. Утром он не выдержал и спросил об этом Кузьму.

Вот какую историю тот ему рассказал:

«Женился я поздно, мне было около тридцати, а моей Варе только двадцать стукнуло. Девушка она была красивая; не той бросающейся сразу в глаза красотой, а спокойной, ласкающей взгляд. Рядом с ней было легко, она успокаивала только своим присутствием. И любовь её ко мне тоже была спокойной и доверчивой, как любовь ребёнка. Она и меня научила любить именно так.

Варя была из семьи православных верующих, почти каждое воскресенье ходила в церковь. Это она приучила меня читать Библию, которой я увлёкся, не отрываясь, на несколько лет.

Так получилось, что моя любовь к Варе совпала с любовью к Богу. После мне скажут баптисты, что любовь к Богу бывает, как первая любовь, от сердца, которая потом перерастает в любовь от разума. И я сам убедился в мудрости этих слов из Библии: «Возлюби Господа Бога своего всем сердцем своим, всем разумением своим».

За год жизни с Варей я полюбил её так, что не представлял себе жизни без неё. Полюбил я и принял в сердце Спасителя, прошёл обряд крещения, а через три года мы с Варей обвенчались в православной церкви.

Всё у нас было хорошо, только не было детей. Варя побывала у хорошего врача, и тот сказал, что рано или поздно ребёнок у нас будет, и мы с ней молились, чтобы Бог даровал нам это счастье.

Мои отношения в посёлке с людьми всегда были хорошими. Человек я незамкнутый, общительный, со всеми находил общий язык. Я давно заметил, что неверующих людей пугает Библия, думал, что это от непонимания и незнания её. Когда я отказался полностью от алкоголя и табака и стал трезво мыслить, многие от меня отодвинулись с опаской.

Со временем я понял, что людей разъединяет грех. Слова апостола Павла «кто не с нами, тот против нас» оправдывались. Сектанты для себя делали строгое разграничение: мы и мир. Мы – святые, последователи Христа, искупленные Его кровью, а мир – это все остальные, что не с нами, и их ждёт геенна огненная.

Я во многом не согласен был со всеми церквями. Не мог назвать себя святым, считая, что святость посещает человека только в определённые моменты, ну там крещение, исповедь и другие, иначе, мол, как мог бы грешить человек, имеющий в себе Святого Духа. Не признавал святых затворников, чудеса православной церкви: всякие там исцеляющие мощи, помазания и другие чудотворные дела. Они напоминали мне шаманизм и фетишизм. Иконы я видел, но молился живому Богу.

Одним словом, я не подпадал ни под какую концессию, иногда ходил в православную церковь, поп меня терпел, наверное, из-за моей жены. Верил я только Богу, попы и другие священнослужители для меня были такими же грешниками, как и я.

Я полюбил Бога-Любовь.

И вот эта моя первая любовь ко Христу рухнула, смяв меня, как травинку под копытом сохатого.

На седьмой год забеременела моя Варя. Для нас это была огромная радость. Мы уже мечтали, как будем звать ребёнка, а Варя готовила кружевные распашонки, чепчики, одеяльца, хотя опытные старушки предостерегали от этого, веря в приметы.

Я смотрел на неё, когда она перебирала и переглаживала все эти детские наряды, иногда присаживаясь и поглаживая нашего ребёнка через живот, и был счастлив за неё.

Наверное, Варя говорило подсознание, что не испытать ей радость материнства, потому и спешила она почувствовать себя мамой сейчас. Негодились её обновки нашему малышу, не пришлось нам с ней видеть его в этих сшитых с любовью и лаской нарядах.

После её смерти я, как язычник, положил все эти непригодившиеся вещи в гроб Вари. Мне казалось, что нельзя отбирать у неё, даже у мёртвой, надежды и счастье.

Похоронив Варю и неродившегося ребёнка, я потерял любой интерес к жизни. Зачем она мне, если в ней нет самого дорогого и нужного для меня.

Я не запил, как обычно это происходит у нас на Руси, только потому, что хорошо помнил, Варя боялась и не хотела моей пьянки.

«За что Ты наказал меня, зачем отобрал единственное, что я имел в этой жизни? Где же Твоя любовь к любящему Тебя человеку? Зачем Ты предал мою любовь к Тебе? Я ненавижу

Тебя и Твои лживые заповеди», – так теперь я взывал к Богу.

А внутри меня голос безжалостно отвечал на мои вопли:

– Ты считаешь, что любить нужно за что-то. Хотел заключить сделку с Богом. Бог не заключает сделок ни с кем. Любовь – это правда, а правда всегда жестока.

– Что это за правда, если она уничтожает другую любовь?

– Любовь в мире одна, и ты это хорошо знаешь. Любовь Бога к людям, который отдал Своего Сына ради неё. Она огромная эта Любовь и состоит из всех мельчайших частиц триллионов человеческой любви, здесь все её разновидности: любовь к жене, девушке, матери, детям, животным, родному дому, одним словом, это та Любовь, что создает. И зачистую Любовь – это жертва. Если Бог пожертвовал Своим Сыном ради людей, то Он вправе взять от любого из них жертву.

– Не может Любовь убивать веру в себя в другом человеке.

– Она этого и не делает, тебе ещё предстоит это понять.

Но мне ничего не хотелось понимать в моём горе. Я почти полностью отдалился от людей. Видеть чужое счастье было невозможно. Большую часть времени проводил в тайге, живя у Деда. Вот тогда-то впервые Дед мне рассказал о встречах моей души с Вариной.

Это случалось, когда я особенно уставал и моё тело слабее удерживало душу. Мне снилась в такой момент Варя, она не только вселяла в меня необходимость жить, но и возвращала в меня любовь: «Наша разлука – ничто перед вечностью. Это миг, небольшая вспышка и только. Ты не должен отрицать Бога, иначе нам никогда не встретиться. Отрицая Бога, ты отрекаешься от Любви, от нашей с тобой Любви. Ведь мы с тобой повенчаны, наши души соединил Бог-Любовь».

Я вновь стал спокоен, во мне появилась надежда на встречу с Варей, пусть это будет даже в ином мире.

Дед мне говорил, что после этого минутного появления души Вари в его тёмной пачуге становилось светло и радостно, и он вспоминал свою жену, душа которой тоже ждёт его».

Через полгода на вопрос Сергея, приходит ли к нему Варя, Кузьма ответил, что видит ино-

гда её во сне и всегда она счастлива, но души больше не встречаются на этом свете.

– Я получил помощь, Варя не оставила меня после своей смерти, сейчас в моей душе живут вера и надежда на скорую встречу, а когда встретятся наши души, то в них будет жить только Любовь, – так ответил он Сергею.

9. СТЫД – ЭТО ГРЕХ

Уже месяц Сохатый жил среди людей. Устал от них и мечтал: «Скорее бы вернуться домой в тайгу».

Он побывал у матери Сергея, которая была очень рада весточке о сыне. Она рассказала, что убийства не было, тот, кого Сергей ударил ножом, отделался лёгким порезом.

Узнав, что Сергея изуродовал медведь, очень расстроилась. Она плакала и умоляла Лёху, чтобы тот убедил её сына вернуться домой. Сохатый искренне пообещал ей это сделать.

Он выполнил все наказания, и осталось только найти себе жену. Но с этим ничего не получалось. Женщины, стоило им только узнать, что их зовут жить в тайгу, смеялись и брали самоотвод.

Лёха уже стал подумывать о том, чтобы обмануть будущую жену, увезти её в тайгу и там поставить пред свершившимся фактом. Уйти она оттуда не сможет, а после, глядишь, и привыкнет.

Деньги, накопленные за несколько лет для женитьбы, быстро таяли. Оставалось кольцо с бриллиантом, которое Лёха купил для будущей избранницы.

Однажды он стоял за столиком в небольшом кафе, пил чай с булочкой и вертел это кольцо в руках.

– Красивая вещь, несколько тыщ стоит, – сказал стоящий у соседнего столика парень с бутылкой пива.

– Да, – ответил рассеянно Лёха.

– Наверное, невесте купил, видимо, любишь очень.

– Нет никакой невесты. Кольцо есть, а вот невесты нет.

– Сбежала в последнюю минуту? Такое бывает. Как дойдёт до них, что замуж – это на всю жизнь, вот страх и появляется.

– Да не было у меня её вообще. Приехал из тайги, чтобы жену здесь найти, а любая, даже самая неказистая, вначале согласна, но как узнает, что жить её в тайгу увезу, отказывает.

– Плохо твоё дело. Декабристки уже давно повывелись в стране, но я тебе могу помочь.

Знаю я одну девушку, она собралась уйти в монастырь, чтобы не видеть людей, думаю, что она будет согласна с твоим предложением насчёт тайги. Если согласится, то ты мне кольцо за мои хлопоты. Как? Идёт?

– Согласен, но учти, мне она как жена нужна, а не как монашка-сестра.

– Понял, постараюсь уговорить. Встречаемся здесь через два часа.

Через два часа парень привёл с собой невысокую миловидную девушку. Она сразу понравилась Лёхе.

– Вы поговорите между собой, а я на улице подожду.

Девушку звали Рита, она была моложе Сохатого на пять лет, а выглядела его ровесницей.

Лёха сразу, без подготовки, выложил ей своё предложение.

– Я живу вдали от людей, вокруг тайга, у меня почти всё есть, нет только жены. Я готов жить для неё и будущих детей, если найду согласную. К тайге можно привыкнуть, жизнь в ней – это не одиночество, как многие думают. Если станет тяжело жизнь со мной, то я тебя сам провожу до людей.

– Я пойду с тобой, даже если ты маньяк-убийца. Мне незачем жить на этом свете, убьёшь – только благодарна буду. Сама я на себя руки наложить не смогу: и без того грех великий на мне. А может, ты мне послан в искупление и я должна пройти его. И ещё. Наверное, вдали от людей я смогу забыть всё и начать жизнь по-новому.

Сохатый с Ритой вышли из кафе, Лёха распрощался с парнем, отдал ему кольцо, поблагодарил за помощь и в тот же день с будущей женой уехали из города.

Рита или, как её звали подруги, Марго стала привыкать к новой жизни. Эта жизнь оказалась полной противоположностью старой. Она словно вернулась в детство. Безмятежность и полнейший покой окружали её. Было ощущение её полной растворённости в окружающем мире. Она будто бы распалась на мельчайшие молекулы и кто-то огромный, но добрый, перебирает их и укладывает по-новому.

У неё исчезло желание пить – этот ежедневный ритуал опьянения или перенаправления своих мыслей. Оказалось, что не нужно заставлять себя с помощью алкоголя быть другой, изгонять или прятать куда-то далеко вовнутрь ту

частичку души, которая отвечает за стыд и совесть.

Она вдруг подумала: «Что же такое стыд и почему он живёт только среди людей? Почему люди испытывают его, почему боятся смотреть друг другу в глаза?»

Намного позже Кузьма скажет ей:

– Стыд – это грех. Люди боятся правды и потому скрывают свой грех друг от друга. Они знают, что Бог видит их грех, и признаются Ему, каются, но стыдятся друг друга. Потому Библия и говорит: «У Тебя, Господи, – правда, а у нас на лицах стыд».

Оказавшись вдали от людей, Рита перестала испытывать постоянный стыд, и потребность прятать его отпала.

Она в первый же день рассказала Лёхе всю историю своей жизни. О том, как работала продащицей у хозяина, приворовывая на алкоголь, содержала сожителя, от которого однажды забеременела. Ребёнок не нужен был ни её хахалю, ни ей. И она избавилась от него сразу по рождению. Когда поняла, что натворила, было уже поздно. Свой стыд заливала вином и пойлом, называемым пивом.

Лёха выслушал её и сказал:

– Мы здесь все не ангелы и не святые. У каждого за душой своя история, которую хочется забыть, и тайга нам в этом помогает. Поможет и тебе. Человеческая жизнь – это обязанность, которую мы не вправе сбросить с себя.

Лёха расстроился, узнав от Сергея, что Нинка уехала. Он хотел её познакомить с Ритой, чтобы той было не так скучно в тайге.

Сам он, познакомившись с Дедом, стал частенько бывать у него вместе с Ритой. Иногда у того собирались почти все охотники.

Дед любил поговорить, как и большинство стариков. Охотничьи байки, а порой философские рассуждения сыпались из него словно из рога изобилия:

«Это было в давние советские времена. Однажды увидел я по телевизору передачу из Звёздного Городка, где один из космонавтов сказал, что очень хочет поесть черемши, и решил, что надо ему отвезти. Хорошо, что в те времена билеты почти ничего не стоили. Взял я трёхлитровую банку солёной черемши, поругался на прощание с женой, которая обозвала меня идиотом и пожалела себя, что столько лет мучается со мной, выехал в Красноярск,

чтобы потом на самолёте долететь до Алма-Аты и уже оттуда – на Байконур.

До Алма-Аты я добрался быстро. Автобус в сторону Байконура отправлялся вечером, и целый день я слонялся по городу. Обедая в какой-то столовой, которая вечером становилась рестораном. Я попросил три порциипельменей, зная, что одна утолит голод только ребёнка. Очень удивился, когда съел несколько штук, – пельмени оказались сытные, мяса в них было не меньше теста.

Меня заинтересовал вкус теста пельменей, и я попросил официанта позвать повара. Вышел громадный детина с недовольным лицом, готовый послать меня или выкинуть вон, но, услышав, что я прошу у него рецепт теста, умилился и выложил его без утайки. До сих пор я удивляю гостей своими пельменями.

В автобусе было жарко и душно, сосед оказался русским, и я стал его расспрашивать, как попасть на Байконур. Он спросил: «У тебя вызов есть?» Я сказал: «Нет». – «Ну тогда не пустят».

Ехали мы по шоссе через степи, и меня уже стала раздражать эта голая пустыня. Как эти казахи там живут, не понимаю. Около развилки стоял милицейский пост. Асфальтовое шоссе шло на Байконур, а автобус сворачивал на гравийную дорогу. Высадив меня, автобус поехал дальше.

Я подошёл к посту и спросил ментов, как и на чём можно добраться до космонавтов. Они очень быстро и ловко проверили мои карманы, документы и сумку, вытащили банку с черемшой, спросили: «Что это?». Я объяснил.

Один из них трахнул её об обломок рельса. И вокруг на всю степь распространился родной запах сибирской тайги. Зажав нос, матерясь, милиционеры посадили меня в свой газик и повезли обратно.

Ночь я провёл в камере. Когда меня утром привели к майору, я начал качать права. Тот обозвал меня тем же словом, что и жена, вызвал дежурного, приказал отвезти в аэропорт и отправить снова в Сибирь.

Я поблагодарил его, сказав: «Если будете на Ангаре, заходите в гости».

Домой я вернулся очень довольный и всем рассказывал, как меня встретили космонавты.

Так я стал первым банконосцем России ещё в советские времена.

Потом увидел я по телевизору, как все везут банки с огурцами, помидорами и другими

солениями на «Поле чудес» Якубовичу, и ехидно спросил жену: «Они что, тоже идиоты?».

Мужики хохотали над байкой Деда, а Рита добавила:

– Конечно идиоты, наши простые русские идиоты, которых обманывают все кому ни лень.

– Но вот другая история будет не такая весёлая, хотя подумать есть о чём.

И он рассказал такую историю:

«О дуэлях вы, конечно, все читали и знаете, как Пушкина убил Дантес.

Дуэль – дело честное, недаром раньше она была разрешена только благородным людям. Сейчас тоже ещё бывают дуэли, офицеры иногда стреляются, но редко, легче убить противника клеветой, доносом, наконец, деньгами.

У нас в тайге до сих пор существует таёжная дуэль. Она, конечно, сильно отличается от старых дуэлей, но о благородстве её готов поспорить с любым.

Что в дуэли самое важное? Конечно, вызов. Вызывая противника при свидетелях, не даёшь ему шанса отказаться – или позор, или дуэль. Секунданты, врач, всё по-честному.

А как же быть сейчас? Дуэль давно запрещена законом, считается убийством, вызвал – и сел, хорошо, на год, а то и больше навесят. Редкие смельчаки осмеливаются стреляться, но стреляются.

Случаи есть. Ушёл в тайгу человек и пропал, а ведь бывает, что он таёжник коренной. Но народ-то у нас наблюдательный, всё смекает и видит, правда и лишнего не скажет.

Правила вообще-то несложные. Дуэлянты без свидетелей договариваются встретиться в каком-нибудь квартале (вытаскивают его по жребию, а квартал – это два на четыре километра), и сходятся в центре, как увидят друг друга, стреляют. Здесь главное – умение скрадывать и терпение, если ты плохой таёжник или слишком горяч, то лучше вызов не принимай.

Говоришь, что будет, если не примешь? Тогда по правилам ты должен уехать из этих мест и никогда не показываться здесь больше. А что, в благородстве и честности эта дуэль берёт верх над любой, и неизвестно, кто побеждает: тот ли, что убил, или тот, что убит.

Вот я об одном случае хочу рассказать.

Жили в посёлке Илья и Степан, почти одноклассники, родились и выросли здесь. Оба крепкие парни, на медведя не раз хаживали. Но вот не было между ними мира.

На реке они делили постоянно одно рыбное место и не раз хватались за ружья там, да вот всё свидетели были. В драке таким сходиться нельзя, пока шевелятся, будут долбить друг друга.

А началось с того, что Степанова жена гульнула с Ильёй. Шалавая бабёнка была. И ведь любила Степана и детей ему нарожала, в доме отличная хозяйка, всё в её руках играет, а вот найдёт на неё иной раз блажь соблазнить чужого мужа, и хоть ты её убей, своего добьётся.

Не бил её Степан, любил, и когда такое случалось, напивался, садился в моторку и гонял пьяный по реке, наверное, надеясь, что Ангара примет его и укроет в своей пучине. Но в тот раз не пил Степан. Видели люди, мол, подошёл Степан к дому Ильи, когда тот что-то мастерил в ограде. Недолго они говорили, а потом разошлись.

Пришла осень и с ней сезон охоты. Мужики уходили в тайгу на месяц и больше. Ушёл Илья, а через пару дней и Степан. Кто-то заметил, что не взяли с собой собак. Ну что же, бывает, может, капканить только хотят.

Первой встревожилась Анна, жена Ильи. «Что-то сердце ноет», – жаловалась она подругам. После того как один за другим возвращались мужики с охоты, а Ильи и Степана не было, заволновались родственники обоих и решили сходить к ним на избушки.

На избушках никого не было, и не видно, чтобы кто-то охотился.

Эмчезовский вертолёт, облетая тайгу, добрался до соседнего района, с вертолёта заметили дымок над заброшенной избушкой. Опустившись на поляну, спасатели вошли в избушку. Оба были там.

Илья лежал, закутанный во всевозможное тряпье, а бледный исхудавший Степан, с перевязанным плечом, готовил стряпню из добытого глухаря.

В больнице сразу определили, что раны у обоих огнестрельные, но они в один голос заявили: «Неосторожное обращение с оружием».

Никто никогда не узнал, что же там произошло у них, хотя догадаться было нетрудно. Выстрелили они разом, и Илье пуля попала в грудь, а Степану в плечо. Степан дотащил Илью до избушки – сработал инстинкт выживания в тайге. Борясь за жизнь, они оба многое поняли и даже подружились.

Как живут сейчас? Хорошо живут. И рыбачат вместе, и охотятся, и даже работают в одном гараже шоферами. А уж дружба у них – проверенная тайгой. Вот и подумай, откуда оно, это благородство, идёт».

10. ВСЁ, ЧТО ОТНОСИТСЯ К ЛЮБВИ, – СОЗИДАЕТ, А РЕВНОСТЬ РАЗРУШАЕТ

Только на седьмой год жизни в тайге Виктор впервые рассказал историю своей любви Деду и Кузьме.

Боль от предательства жены за семь лет уже утихла, а на смену ей пришло желание понять и разобраться, почему его предала Ирина.

Виктор хорошо помнил и знал, что она любила его. Они поженились, и почти год для них жизнь была сплошным счастьем. Ничто, казалось, не сможет погубить любовь, между ними не было даже обычных мелких семейных ссор.

Вот в это время пришёл с армии бывший друг Ирины. Виктор знал от неё, что до армии они были влюблены друг в друга.

Он вернулся инвалидом, без одной руки, друзья предупреждали Виктора присматривать за женой, но он доверял ей полностью.

Как Виктор потом много раз думал, не будь он так уверен в своей жене, то, может, не случилось бы той измены, но ведь любовь – это и есть доверие.

Виктор застал Ирину с дружкой в постели.

– Прости, я виновата, но поверь, что люблю я только тебя.

– Не смей говорить о любви после того, что я видел. Ты растоптала самое дорогое, что у нас было.

– Всё случилось неожиданно, он мне рассказывал о своём несчастье и говорил, что любит меня. Мне стало его жалко.

– Ты будешь спать со всеми, кого пожалеешь? Меня это не устраивает. Прощай, я ухожу навсегда.

Так они расстались. Вот уже семь лет Виктор жил в тайге, вначале он гнал от себя все воспоминания, связанные с Ириной, они доставляли ему нестерпимую боль. Но время лечит, как говорят люди, постепенно боль сменило разочарование, а после появилось презрение ко всему женскому роду.

Смущали только рассказы Кузьмы и Деда о своих жёнах.

«Наверное, они оказались более удачливыми в любви», – думалось ему.

И вот в один из таёжных вечеров он поведал друзьям свою историю.

– Что мне оставалось делать? Делить её как сучку в собачьих свадьбах? – с горечью закончил он.

– Да, история, но ты такой не один, большая часть мужиков проходит через это, – сказал Дед.

– Поймите, не сочувствия и жалости я ищу, мне хочется понять, отчего так получилось, где моя ошибка? Сколько лет меня терзает ревность, сжигает во мне все хорошие воспоминания о нашей любви с Ириной. Я сбежал скорее от своего стыда и сочувствующих взглядов знакомых. Почему меня, такого хорошего, здорового, вдруг променяла жена на калеку? И ещё, почему моя ревность всё это время искала способа отомстить именно жене? К сопернику у меня, кроме презрения, никакого чувства. Я прочитал о ревности много. Эти умники психологи пишут, что ревность – животное чувство, перешло человеку от его предков. Но почему они не придумывают лекарства от него? Взял таблетку, проглотил – и вот уже ты спокоен, всё хорошо и все хорошие.

– Неправильно считают твои психологи. У животных нет никакой ревности. Ревность – чувство не от животного мира, все низменные чувства – от человека. Возьми, к примеру, эту же самую собачью свадьбу. Сучка выбирает среди кобелей самого сильного. Тот доказывает свою силу, чтобы продолжить породу, завоёвывает её в драке, закладывает потомство, а после она тешился с другими, и никакой ревности от её завоёвателя. В природе секс – для воспроизведения потомства, а не для удовольствия, как у людей. И любовь у животных отличается от человеческой, – ответил Виктору Дед.

– Значит, ты считаешь что любовь и ревность – разные чувства? И что если не ревнует, то не любит? Выходит, я столько лет ревновал свою Ирину к прошлому, не любя её?

– В народе есть пословица «Бьёт – значит, любит», бьёт, понятно, из ревности. И убивают из ревности. Закон был, что ревность – смягчающее обстоятельство, оправдывают, значит, ревность. Представь себе, если в природе животные убивали друг друга из ревности, много их бы осталось? Это ещё раз говорит о том, что ревность не животное чувство. Ты правильно сделал, что уехал, не стал мстить жене и разжигать в себе ревность. Значит – в тебе настоящая любовь.

– Не согласен я с тобой, Дед. Ревность и любовь – разные понятия, это правильно, но человека ты напрасно принижаешь перед животными, – вступил в разговор Кузьма.

– Ну-ну, давай скажи, что по этому поводу в Библии пишут, – подмигнул Виктору Дед.

– А вот нигде не пишут, что ревность и любовь – одно и то же. Но человеку становится ясно: любовь – это добро, а ревность – зло. Судите сами, всё, что относится к любви, – созидает, а ревность разрушает. Ревность разрушает в первую очередь душу и спокойствие духа ревнивца. Зло хочет завоевать эту душу, изгнать из неё любовь, придумывая для этого различные способы. Будь ревность любовью, разве гнала бы она саму себя?

Вот ты говорил, что ревность толкает на убийство, а Библия учит любить «врага своего». Не может любовь толкать человека на грех. Вот и выходит, что ревность – полная противоположность любви, и ничего общего с ней не имеет.

– Спасибо, друзья, помогли. Один о животных всё рассказал, другой из идеального несуществующего мира объяснения взял. А мне как в этом грешном мире свою проблему решить? Приходилось мне разговаривать с теми, кто в такой же ситуации побывал и выкарабкался из неё. Все они утверждают, что ревность – это болезнь. Душевная болезнь, болезнь нервов и разума. И любовь, особенно безответная, – тоже болезнь и лечить её невозможно, лечит только время. Кто год, кто два болел, а вот со мной что-то непонятное – столько лет не отпускает, может, потому, что вне людей живу, с людьми легче и быстрее было бы справиться с ревностью и любовью?

– Кажись, ты прав, к людям тебе надо перебираться, снова свою жену повидать, увидишь, какая она стала, может, уже детишками обзавелась... Вот сразу и полегчает, – сказал Дед.

– И всё равно не согласен я с вами. Люди привыкли любой свой грех болезнью оправдывать. Наркотики – болезнь. Алкоголь, табак – болезнь. Блуд и мужеложество – болезнь. Я думаю, что всё это распущенность, – заявил Кузьма.

– Хорошо, пусть ревность есть грех, зло. Но любовь, так думаю, – всё же болезнь, – добавил Виктор.

– Любовь – скорее лекарство от всех болезней! – сказал Кузьма. – Потому нечего тебе сидеть бирюком в тайге, езжай обратно, повидай-

ся с женой. Если она нашла себе другого мужа, дай ей развод, а главное, прости на словах ей, а в душе для себя.

– Правильно, Кузьма, ехать ему надо, на месте всё само решится. А тебе, мил человек, совет мой: за любовь драться нужно, за деньги и барахло разное не дерись, а вот любовь не отдавай никому, тогда страдать ревностью не будешь, – добавил Дед.

А в тайгу пришёл март. Сезон охоты закончился. Виктор собирал капканы, закрывал ловушки. За день солнце протаивало снег, ходить по нему на лыжах было трудно. Снег налипал на лыжи, и они становились словно чугунные утюги. Ночью мартовский морозец схватывал мокрый снег в ледяную корку – наст. Бегать по нему утром было одно удовольствие, лыжи на ремне тянутся за тобой, а ноги несутся, не разбирая дороги, по твёрдой белой целине.

Речка преобразилась, все её промоины, зимой укрытые снеговыми шапками, теперь открылись, и в них радостно зажурчала, блестя и играя на солнце, вода.

Зачертили по насту на токовищах глухари, приглашая к любовным играм скромных, застенчивых копалушек.

По кустам вдоль речки засвистели свои любовные песни краснобровые самцы рябчики.

Виктор увидел трёх белок. Два самца, подняв свои великолепные яркие хвосты, как знамёна, прыгали по насту около скромницы белки, которая, не обращая на них внимания, шелушила сосновую шишку. Она ему сразу напомнила девушку на гулянье, что сидит независимо на скамье, лущает семечки, не обращая внимания на поглядывающих в её сторону парней.

В эту весну и в его сердце творилось нечто невообразимое. Через неделю он уезжает домой, где не был почти десять лет. Мысль о том, как он увидит Ирину, как она посмотрит на него, что с ней стало, насколько она изменилась, и множество других вопросов не давали Виктору спать по ночам.

Иногда приходил страх перед предстоящей встречей, а потом он вдруг улетучивался, и становилось легко и всё понятно, словно была решена за много лет какая-то непонятная и трудная задачка из его далёкого школьного детства.

Виктор радостно вдыхал пахнущий весной воздух, и ему хотелось крикнуть на всю тайгу: «Я еду к Ирине!».

И приходила уверенность, что всё будет хорошо.

У каждого человека есть своя любимая река. В основном это речка детства. Она может быть и ручьём, и ручейком, и огромной рекой, но она есть обязательно. Это её журчание в воспоминаниях успокаивает и переносит человека на свои берега, это в её струи хочется опустить ладони, зачерпнуть воды и омыться после долгой разлуки.

Для Виктора такой речкой стала таёжная красавица Норка. Так звал её только он, для остальных она имела на карте имя, данное ей тунгусами. Речка так была похожа на маленького гибкого и вёрткого зверька, живущего по её берегам, что другим именем назвать её не поворачивался язык. Вот она бесшумно скользит среди мохового болота, тёмная вода даже не отражает куски голубого неба с кучерявыми облаками, она словно крадётся, изгибаясь среди кустов карликовой берёзки и багульника и прячась под нависшие над ней зелёные космы травы.

А вот уже несётся прыжками по каменистой россыпи, разбиваясь на мелкие брызги о большие валуны.

Сколько воспоминаний связано с ней, сколько воды выпито из неё, сколько летних ночёвок на её берегах у костра под баюкающее журчание. Почти десять лет Виктор не расставался с этой речкой, на её берегу стояла его избушка. Он сроднился с Норкой, знал её коварные повадки зимой, можно было провалиться под тонкий подмытый подводными ключами лёд. Летом после дождя она моментально поднималась, неся в своей воде муть, а весной, вырвавшись из своих берегов, хищно ломала течением кусты, подмывала водой и валила большие сосны.

Полюбил он Норку и потому, что напоминала она ему Ирину своим необузданным характером. Обида и рана, что Ирина ему нанесла, постепенно забывалась, остались только одни светлые воспоминания.

Из дальних странствий возвратясь... Как много уже написано об этом. Каждый человек испытывает одни и те же чувства при встрече с этим вдруг ставшим крохотным уголком на огромной планете местом. Местом из своего прошлого, здесь для него остановилось время. Он живёт в другом месте, где кипит и изменяется жизнь, но ему кажется, что там всё осталось прежним.

Человек пытается вернуться в прошлое, но все его попытки терпят неудачу, он убеждается, что и здесь, в его прошлом, всё изменилось. Начинает понимать, что между прошлым и настоящим есть связь, нет между ними твёрдой границы. Да и существуют ли те границы? Границы в бесконечности. Что может человек противопоставить от себя бесконечности? Только чувства, вернее, одно из них. Любовь.

Виктор уже два дня в том месте, которое считал для себя когда-то домом. Как он рвался сюда, особенно в последние дни, когда решение вернуться и повидаться с Ириной твёрдо созрело в нём.

В мыслях он представлял эту встречу по-разному, но всегда для него Ирина была замужем. Он не мечтал вернуть её, не собирался менять то, что есть, ему нужна была только встреча с ней. Хотелось убедиться, не ошибся ли он? Сбросить с себя ставшую за несколько лет невыносимо тяжёлой ношу.

Виктор думал, что к прошлому нет уже возврата, ведь прошлое – оно и есть прошлое. Увидит Ирину – поймёт, что она чужой человек, заберёт у неё свою, ту, самую важную частичку сердца, что второпях забыл, уходя от неё, и наступят в его душе мир и спокойствие. Всё вышло иначе. Ещё до встречи с ней Виктор узнал, что Ирина не замужем.

Невозможно рассказать, какие чувства переполняли его при встрече. Была растерянность за свою оплошность, все приготовленные для разговора с Ириной слова оказались ненужными и вылетели из головы.

Виктор смотрел на неё и не мог произнести ни слова. Но она хорошо поняла его, и сама сказала, то о чём они думали оба: «Я знала, что ты вернёшься, я ждала тебя, ведь ты оставил мне то, без чего человек не может жить. Я берегла это, знала, что ты возвратишься за ним».

Зачем потеряны молодые годы? Зачем и нужна ли была эта разлука с Ириной? Для чего и для кого нужны были те страдания, что они перенесли?

«Человек приходит в этот мир, чтобы узнать ответы на свои вопросы, узнаёт одни, а уходит ещё с большими вопросами!» – так сказал когда-то Виктору Дед.

Наверное, Ирина вернула ему ту частичку его сердца и души, без которой невозможно существование человека на этой земле, а может,

она вернула ему взамен свою, а его оставила у себя. Да какая разница, если они теперь навсегда вместе.

11. ЛЮБОВЬ... ВСЕМУ ВЕРИТ, ВСЕГО НАДЕЕТСЯ, ВСЁ ПЕРЕНОСИТ

Сергей сидел у костра около своей избушки, неподалёку лежал Гром, положив между лап голову с закрытыми глазами. Казалось, что он спит, и только его уши настороженно вслушивались во все звуки тайги.

Тайга уже приготовилась ко сну и ждала первого снега.

Догорают последние обугленные сучья. Обжигающего пламени уже нет, есть только ласковый домашний прирученный огонь, он согревает и сразу освещает вокруг себя круг в несколько метров.

За этим кругом уже незаметно сгущается темнота осенней ночи. Иногда горящий сук выбрасывает вверх искру, которая летит к ярким звёздам, принимая их за своих подруг, но холод гасит её.

Глупая искринка, вот так и человек угадает в этой жизни, не рассчитав своих сил и возможностей.

Осенняя темнота окружала избушку. В ней таялась даже стена леса, окружавшая поляну. Яркие осенние звёзды освещали весь небосвод сплошным молочно-серебряным светом. Он падал на землю, но чернота поглощала его, и от этого становилось грустно и тоскливо. Хотелось поднять голову к этим звёздам и пожаловаться им на нехватку света и любви длинным волчьим воем.

Сергей подумал: «Вот уже вторая моя осень в тайге, и скоро начнётся сезон охоты. Прошёл всего один год, а кажется, что целая жизнь. Я выжил в тайге, она приняла меня, подвергнув тяжкому испытанию. У меня появились здесь друзья. Я понял главное, что нельзя считать тайгу своим врагом, к ней нужно относиться как к матери. Ведь любая мать знает, что лучше для её ребёнка в тот или в иной момент. Мы думаем, что уже достигли зрелости и стали умнее своей матери, но нам никогда не постичь её мудрости, потому что, кроме знания, она ещё и имеет огромную любовь к нам. Как там сказал Кузьма: «Любовь долго терпит, всему верит, всего надеется, всё переносит».

Вот и моя любовь к Нине надеется, что, возможно, найдёт отклик в её сердце. Вчера ночью она вновь приснилась мне, была такая счастли-

вая, наверное, всё хорошо у неё. Да и Гром в последние дни ведёт себя очень спокойно, перестал тосковать по ней, а уж его чутью можно позавидовать.

Гром, словно услышал мысли Сергея, открыл глаза и, подняв голову, стал вслушиваться в вечернюю темноту. Вдруг он вскочил и, радостно лая, бросился в тайгу. Через несколько минут к избушке и костру вышла Нинка с прыгающим около неё ликующим Громом.

– Сергей, я вернулась! Как мне не хватало тайги, тебя, Грома!

Уже через полчаса, сидя у костра, она рассказала, что добралась сюда на лодке с Виталиком и его дядей – тем самым торговцем.

– Я поняла очень скоро, что Виталику я не нужна, ему нужно было отцовское золото. Это его уговорил дядя, узнать от меня, где оно спрятано. Я так тосковала эти несколько месяцев по тайге, что согласилась показать им, где оно спрятано, только чтобы вернуться к вам.

– Значит, они опять здесь?

– Здесь, я ушла сразу к тебе, не дожидаясь утра, а им показала шахту, где лежит это проклятое золото. Они сразу в неё полезли оба, я не стала ждать, мне оно не нужно. Расскажи, как вы здесь жили.

Сергей сообщил ей все новости их таёжной жизни, сказал, что Сохатый привёз себе жену.

– Завтра же пойдём к ним знакомиться, – сказала Нинка.

– А как же твой Виталик с дядей?

– Не говори мне о них. Я откупилась, заплатила им за свою свободу. Да они и не будут меня ждать, возьмут золото и уплывут. Так мы договорились.

– Значит, ты не любишь больше Виталика?

– Я очень скоро поняла, что любви у нас с ним нет и никогда не будет. Ты правильно говорил: мы совсем разные люди. Я теперь понимаю, что такое любовь.

Они ещё очень долго сидели у слабеющего огня, смотрели на затухающие отблески, проскакивающие по углям, и говорили.

В сердцах росло спокойствие и уверенность в том, что всё теперь будет хорошо. У их ног дремал Гром, а вокруг прислушивалась к словам Сергея и Нинки тайга – добрая и ласковая мать.

Сохатый и Рита очень обрадовались приходу гостей. Женщины быстро нашли общий язык,

а мужчин уже волновали детали наступившего охотничьего сезона. Нинка научила Риту стряпать пироги в новых условиях.

А к вечеру пришёл ещё один гость – Колька Лысый.

– Я как знал, что сегодня здесь пироги будут. По пути сюда дамам подарок прихватил.

И он подал Рите берёзовый туюсок отборной, крупной брусники.

Вечером Лысый рассказал, что из Академии наук ему прислали ответ. Письмо месяц назад привёз Антоха:

– Ничего они там, в Москве, не понимают в крысиной жизни. Далеки они от природы, витают где-то в космосе, а в том, что творится на земле, ни черта не смыслят. Посоветовали мне сменить научную тему, мол, крысы уже достаточно изучены.

Подумал я, подумал и решил в литературу податься. И не какую-нибудь там, а в художественную. Вы сами знаете, что читать сейчас стало совершенно нечего. Кроме классики, ничего в голове не задерживается, прочёл и забыл, что там читал. И вот я решил возродить в русской литературе то, что забыто со времён Державина. Все знаете, кто такие готы и что выросла эта субкультура в Англии в восьмидесятых годах. А ведь начало её зародилось в России. Ещё Державин писал стихи и оды на темы потустороннего мира. Не избежал влияния анакреонтической лирики и его ученик Александр Пушкин. Его «Гроб Анакреона» говорит об этом, и даже «Анчар».

К смерти нужно относиться как к должному, а к потустороннему миру – как к нашему. Не должно быть обречённости, жизнь – это как в физике, переход тела из одного состояния в другое... Теперь я войду в литературу с новыми страшилками про вампиров, «жмуриков» и прочая, и прочая.

– Значит, решил в готы прописаться через свои истории? А что, Лысый Гот – звучит неплохо. Можешь псевдонимом взять себе, – сказал Сохатый.

– Ну и что ты уже написал? Прочитай, послушаем, – добавил Сергей.

– Раз вы так настойчиво просите, то придётся уступить. Прочитаю вам одну историю, «Три землекопа» называется:

«В наши времена исчезла эта достойная хорошо описанная в задачниках по арифметике профессия землекопа.»

Да и задачки и сама арифметика исчезли. Появились новые совершенно немыслимые вопросы для детей в школах, от которых тупеют даже те, кто вырос на добрых милых землекопах.

Землекопов заменили машины, особенно известный всем «Беларусь» с навесным ковшом. Последние задачки ставили такой вопрос: «Сколько нужно землекопов, чтобы выкопать траншею в десять метров, которую трактор «Беларусь» выкапывает за десять минут?»

Исчезли землекопы, на смену им, как говорил товарищ Бендер, пришла железная лошадка.

Но в глубинках, в некоторых местах, но не в нашем районе, ещё встречаются люди с лопатами. Которые за бутылку водки берутся выкопать яму для нужника, траншею для дождевой воды и даже могилку на кладбище для усопшей старушки.

Вот о трёх таких землекопах и пойдёт мой рассказ. Предупреждаю читателя, хотя я и не Минздрав, что рассказ — из серии чёрного юмора или ужасиков, рассказываемых на ночь капризным жёнам.

Представьте себе такую обычную для каждой семьи картину. Муж и жена уже в постели, и жена просит мужа рассказать ей на ночь сказочку про козлика. Муж начинает рассказывать: «В некотором царстве, в некотором государстве, моя козочка, жили три землекопа. Однажды они копали могилочку на кладбище и по этой причине сильно перебрали. Вылезти из ямочки они уже были не в состоянии и потому заснули прямо в ней.

Ночью похолодало, один из них проснулся. Представляешь, моя козочка, смотрит он вверх из почти готовой могилочки, как в окошечко. На чёрном небе яркие звёздочки мигают, сама вечность подмигивает ему. Бесконечность Вселенной, бесконечность бытия человеческого проникла к нему в продрогшую душу. Растворилась в ней ледяным холодом, сковала его всего страхом и страшным голосом прозвучала в его быстро трезвеющем мозгу:

— Кто ты в субстанции времени? Зачем пришёл в мир этот? Почему не знаешь ответа на главную задачу человечества?

Бедный землекоп растолкал, разбудил своих товарищей, прижались они друг к другу, стучат зубами от страха, холода, а главное, с похмелья.

Можно было бы им самим выбраться из ямочки, моя козочка, но они как представят, что там, наверху, везде крестики и ещё луна всходит, а на её свет из гробиков покойнички вылезут погреться, и становится им совсем неуютно на этом свете.

Вот сидят они, так и начинают друг другу сказочки рассказывать, чтобы не страшно было. Слушай дальше, правильно делаешь, что закрылась одеялом до самых глаз, так теплее будет.

Жила в одной деревне женщина. С давних пор она работала почтальоном, разносила письма, газеты, телеграммы и всё прочее по домам.

Однажды приснился ей сон. И видит она в нём свою почту, комнату в которой она разбирает корреспонденцию, перед тем как её разносить по адресатам. Видит она облупившуюся штукатурку под окном, уже лет десять не ремонтировалась комнатка, а за этой штукатуркой — уголок какого-то конверта. И голос такой загробный, как у переводчика Гоблина, слова произносит: «Возьмёшь этот конверт и завтра принесёшь его мне на кладбище, моя могила справа от могилы председателя колхоза, что пьяный в свином навозе захлебнулся три года назад». Проснувшись наша почтальонша и сделала, как ей голос велел. Принесла письмо по адресу к могиле, там какой-то солдат похоронен был. Хотела положить на могилку и уйти, а в голове слова прозвучали: «Прочти мне, что там написано, сам я, понимаю, не могу».

Прочитала она ему письмо от девушки-бурятки, которую муж убил за измену с солдатом. Очень жалостливое письмо то было, даже всплакнула письмоносица.

А голос ей снова чудится: «Ты напиши ответ на это письмо, укажи, что я здесь похоронен и что люблю её даже после смерти, потому что всё умирает, кроме любви. И отправь письмо по такому-то адресу. На расходы тебе деньги понадобятся, так ты возьми там же, где конверт лежал, колечко с бриллиантом, продай его, но себе не вздумай оставить его. А когда мне ответ от любимой придёт, прине-сёшь сюда и прочитаешь».

Так та женщина и сделала. Письмо написала и отправила, колечко нашла, и так оно ей приглянулось, что решила ни за что с ним не расставаться, на палец надела, а оно словно для неё сготовлено было.

С тех пор так и пошло, стала она носить письма и на кладбище. Однажды она читала письмо солдату, а рядом какая-то бабка находилась, старая-старая. Услышала всё и рассказала в деревне. Слухи пошли, мол, почтальонша почту покойникам носит.

А у той своя беда приключилась. Кольцо стало в палец вращаться и силу из неё высасывать. Решила она отрубить палец с кольцом. Отрубила и померла сразу. Вот такая история».

– А как же письма? Кто после их солдату приносил? – спросила жена мужа.

– Так про то землекоп забыл рассказать, ты засыпай, засыпай, чего в мою руку-то вцепилась».

– Ну и как вам мой рассказ?

– Это что-то из серии чёрного юмора, но забавно, свои читатели у тебя будут, – сказал Лёха.

– А мне понравилось, пиши, Лысый, когда прославишься – гордиться будем, что с таким человеком общаться приходилось, – добавил Сергей.

– Какой вы умный, а я думала, что в тайге одни медведи живут, – восхищалась Рита.

На другой день Сергей с Нинкой и Громом пошли к ней в избу. Виталика с дядей уже не увидели, не было и лодки, а сходяв до шахты, обнаружили, что та обвалилась.

– Вот и хорошо, пусть даже воспоминаний об этом золоте не будет. Наверное, они специально обвалили шахту, чтобы другие не искали здесь, – сказала Нинка Сергею.

Не знала она и никогда не узнает, что обвалившаяся шахта похоронила и золото, и Виталика с дядей.

Лысый, конечно, смог бы красочно описать о том, что забравшихся вдвоём под землю людей, не доверяющих друг другу, похоронил призрак Ржавого, которому и после смерти суждено было охранять золото. Это он после обвала столкнул лодку в реку, спрятав тем самым все следы пребывания здесь двух проходимцев. Но их судьба не интересовала ни Нинку, ни Сергея, они теперь были вдвоём.

Нинка никогда не замечала уродства Сергея, она знала и чувствовала, какая красота живёт внутри него. Она поняла, что любовь всегда красива во всём. Она уже знала, что у них будет свой дом, дети и любовь.

**Олеся
НИКОЛАЕВА**

СТРАНА МОЯ ЛЮБИТ МЕТЕЛЬ

В ДЕТСКОЙ

Мальчик, усни...

Это – комната детская.

Это не ты, искушённый и опытный:

рядом облезлая кукла немецкая –

слушатель и утешитель безропотный.

*Не для того ль ты, дурной, заблудившийся,
рыскал и плакал ночами ненастными,
чтобы проснуться от жизни приснившейся
в утренней комнате с окнами ясными?*

СЛОЖНЫЙ ГЛАГОЛ «БЫТЬ»

Кошки горящий взгляд,

Птицы тревожный крик.

Ветер ночной сад

пробует на язык.

Рьяно ему в ответ

бредет приبلудный пёс.

В зелени лунный свет

порист, как купорос.

Всё это – «жизнь проста»,

как говорится здесь:

тяжкая суета,

страх, шебуршенье, взвесь.

*Писк среди травы густой,
возле кустов – возня.
Именно что простой
стать учили меня.*

*Попросту – выживать,
теснить с разных краёв,
выдавливать, выживать
всяких там воробьёв.*

*...Лучше уж петь, плыть,
разрывать у берега сеть,
сложный глагол «быть»
в тесной груди вертеть.*

МЕТЕЛЬ

*Меж землёй и небом моя постель,
и на воздух ступает нога.*

*Потому страна моя любит метель,
что она и сама – пурга.*

*Изо льда, и воды, и ветра. Того гляди –
укачает всех на весу,
прижимая жалость свою к груди,
как ребёнка, найденного в лесу.*

*Потому все линии смещены,
а огни расплывчаты. Близорук
каждый куст, и призраками луны
всякий недруг взят на испуг.*

НИКОЛАЕВА Олеся (Ольга) Александровна родилась 6 июня 1955 года в Москве. Русская поэтесса, прозаик, эссеист. Печатается с 1972 года. В 1979 году окончила Литературный институт им. Горького (семинар Е. Винокурова). Член Союза писателей СССР с 1988 года. Член русского ПЕН-центра с 1993 года. Произведения Олеси Николаевой переведены на многие языки мира. Лауреат премии «Поэт» (2006), Патриаршей литературной премии (2012). Профессор Литературного института им. Горького. Живёт в Москве.

Меж землёй и небом колыхается колыбель,
выставляет месяц рога,
потому страна моя любит метель,
что она и сама – пурга.

Из порывов и перехлёстов – сон,
на лету – любовь, на суку – ночлег,
а когда душа из тела выходит вон,
черноту убеляет снег.
Ничего очевидного – только звук:
то ли эпос, то ли Псалтирь,
и дитя большое берёт из рук,
словно грудь материнскую, – ширь.

Крутит-вертит сияющую канитель,
сшивающую берега,
потому страна моя любит метель,
что она и сама – пурга.
Из забвенья, трепета, слёз, могил
плетущая письмена.
А не так, то Кто её подхватил
на качающиеся рамена?

ЧУЖАЯ ДУША

Потёмки, ночь: душа чужая.
Мерцанье. Морок. Бездорожье.
Она идёт, опережая
Благую весть и Царство Божье.

Заденет, тронет – ан всё мимо
скользнула, ранив больно, страшно.
И вновь с ладоней серафима
рассеянно вкушает брашно.

А то – на свет, на звук и шорох
летит, мечтая взять с полочным,
мешая свой подмокший порох
с рассыпшимся зерном горчичным.

То – в коме будто, чуть живая,
то – дерзко так, страшась, храбрится
и перевозносит, унижая,
и, прибедняясь, богатится.

А то – вслепую, близоруко
прищурившись, берёт на мушку,
куму ночей бессонных – муку
догадок, топчущих подушку.

А то – сама в своём тумане,
как бы за плотной драпировкой,
играя спичками в кармане,
проходит с голубой спиртовкой...

И мне – судить её сложнее,
чем тьму выдёргивать по нитке,
чем ветер завязать на шее,
чем кольца разогнуть улитке.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Поначалу, конечно, роптала,
и к щеке прижимала ладонь,
и, чернея, рвала и метала,
и швыряла – подальше – в огонь!

Но мудрейший и многоочитый
демон сердца смешал с мишурой
твой умышленный, твой нарочитый,
твой подчёркнутый холод глухой.

Потому что туда, где убого
только трепет таился в крови,
ты привёл подозрительно много
доказательств своей нелюбви.

**Александр
КЕРДАН**

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ...»

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Любовь, как известно, субстанция капризная. Одному, вроде бы ничем не выдающемуся и даже дурковатому, она ласково улыбается и драгоценные подарки преподносит. Другому, ладному, не глупому и со всеми достоинствами – только рожи корчит, а то и вовсе стороной обходит...

Старший прапорщик Аристарх Виленович Дралов был из числа «других». И вроде бы не дурён собой, и сложен атлетически, и Баха от Фейербаха отличал, ан нет: до сорока пяти лет дожил, а что такое любовь, так и не узнал.

В армию Дралов угодил по недоразумению – в университете, где он обучался философии, не оказалось военной кафедры. Пришлось после окончания вуза отдавать долг Родине срочником.

Замполит батальона уже через полгода предложил ему:

– Давай-ка, Дралов, иди на курсы прапорщиков! Назначим тебя комсоргом батальона, а это офицерская должность... Прапорщикам с высшим образованием, стоящим на ней, разрешается лейтенантов присваивать. Получишь лейтенанта, а там тебе прямая дорога в генералы!

Дралов повёлся – и пролетел.

Стоило ему получить звёздочки прапорщика, вышел приказ приостановить присвоение первич-

ных офицерских званий тем, кто не имеет военного образования. Дралов поступил в среднее военное училище и экстерном окончил его. Тут новый приказ. Мол, в стране и без того достаточно выпускников высших военных училищ, чтобы вакансии лейтенантов такими, как Дралов, заполнять...

Можно было бы ему уволиться в запас, но Дралов как человек настырный продолжал идти к своей цели. Он несколько раз писал рапорты Министру обороны СССР и даже в Комитет партийного контроля обращался, требуя справедливости. Из высоких инстанций приходили обнадеживающие ответы, дескать, потерпите, товарищ прапорщик, всё ещё может вернуться на круги своя, и станете вы офицером.

Но время шло, а лейтенантские звёзды всё не загорались.

После тридцати Дралов перестал реагировать на армейские шуточки типа: «Курица не птица, Монголия – не заграница, а прапорщик – не офицер» – и расстался с должностью комсомольского вожака. Его назначили начальником солдатского клуба в артиллерийском полку. Он как-то быстро прижился на новом тёплом месте, получил звание старшего прапорщика и остался выслуживать стаж, необходимый для выхода на военную пенсию.

КЕРДАН Александр Борисович родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета, 27 лет прослужил в Вооружённых силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор более 60 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, на Урале и в Западной Сибири. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живёт в Екатеринбурге.

Командование полка квартиру пообещало, как только он надумает жениться. И хотя ни к кому из женского пола он возвышенных чувств не питал, но от возможности получить квартиру отказываться не хотел.

Вскоре и невеста подходящая нашлась.

С будущей женой Варварой познакомился Дралов на танцах в клубе, где служил начальником.

Коренастая, грудастая и широкозадая Варвара была далека от идеала, воспетого романтиками, но Дралов смотрел на жизнь трезво: «Хорошо рожать будет!» – и подошёл к ней.

– Я ведь девушка ещё... – призналась Варвара в первый же день знакомства.

«Женюсь!» – решил Дралов и женился.

Сходили они с Варварой в ЗАГС и расписались. Скромно отметили свадьбу в гарнизонном кафе.

После первой брачной ночи глянул Дралов на супружеское ложе, а простынь на нём – как двор после первого снегопада.

– Обманула! – вздыбился он.

– Девушка я была! – упёрлась Варвара. – Не веришь мне, пойдём к гинекологу!

Конечно, не мужское это дело по таким кабинетам ходить, но ради правды и собственного спокойствия потащился Дралов вслед за супругой.

Ожидая в коридоре женской консультации, пока осмотрят жену, Дралов ёрзал на низеньком диванчике, гадая, врала ему Варвара или нет? Он прокручивал в мозгу варианты, как поступит, если врала, и как, если не врала...

Наконец, в кабинет вызвали и его.

Гинекологом в районной больнице оказался долговязый мужчина лет пятидесяти, с большими ушами и крючковатым носом, из которого торчали чёрные волосы.

Дралов сразу смутился. Но вопрос свой из себя выдавил. Гинеколог не удивился. Наверно, много чего в своём кабинете повидал.

Усадив Дралова на кушетку рядом с супругой и глядя поверх их голов на плакат, рассказывающий, на каком сроке беременности у плода формируется центральная нервная система, гинеколог, устало вздыхая, прочитал целую лекцию о том, что не всегда дефлорация сопровождается крововыделением, что врачебная практика знает немало других случаев...

Дралов выслушал лекцию, набычась. И хотя доводы гинеколога его не убедили, но Варвару он больше не попрекал.

Однако жизнь семейная как сразу не задалась, так и покатилась.

Один за другим родились два сына. Незаметно выросли. А любви у Дралова к жене и к детям так и не возникло, и привычка, которая, как писал классик, свыше нам дана и служит заменой счастью, тоже не появилась. Он тянул семейную лямку терпеливо и обречённо, как лямку служебную, и всё больше укреплялся во мнении, что нежное чувство, которое изгаляются описывать все эти поэты и романисты, есть обыкновенное недоразумение природы, и с ним лично ничего подобного случиться не может.

Только в возрасте, когда бабы становятся опять ягодками, а мужикам начинает лезть бес в ребро, любовь, эта капризная субстанция, вдруг повернулась к Дралову своим ясным ликом.

В очередном отпуске, который он по многолетней привычке проводил с супругой врозь, на военной турбазе в Кудепсте, Дралов познакомился с Анжелой. Они оказались соседями в столовой.

Разговорились. Анжела была не замужем, лет на пятнадцать моложе Дралова, работала продавщицей в окружном военном универмаге в Ленинграде.

Внешне она являла полную противоположность Варваре. «Звонкая и прозрачная», как он сразу окрестил её, с точёной фигуркой, миловидным личиком и копной золотисто-рыжеватых волос. Вылитая Анжелика – графиня де Пейрак из французского фильма.

Анжела решительно упростила сложное имя Дралова, доставшееся ему в память о деде.

– Можно, я буду звать вас Арик? – кокетливо улыбнулась она.

– Арик? Так меня ещё никто не называл... Что ж, я не против, – согласился он.

После обеда они вместе отправились на пляж.

На следующий вечер Дралов, от природы скуповатый, пригласил Анжелу в ресторан на берегу, а после они купались в ночном море – в чём мать родила...

Тело Анжелы отливало лунным, русалочьим серебром. Перламутром мерцала морская гладь, и таинственный бледный свет заливал пустынный пляж, создавая ощущение внеземного ландшафта.

Говорят, что Луна обладает магической способностью воздействовать на людей, вызывает у них странные реакции, побуждает на безрас-

судные поступки. Так это или не так, но в голове у Дралова как будто щёлкнул какой-то переключатель. Он враз вспомнил всё, что читал в юности про «флюиды и родство душ», и прочую, как ему тогда думалось, белиберду, которая теперь увиделась совсем не белибердой, а чем-то главным, единственно важным в жизни.

И чего уж совсем от себя Дралов не ожидал, он начал сочинять стихи, сравнивая в них Анжелу то с золотой рыбкой, исполняющей желания, то с таинственной звездой, зажжённой на его мрачном небосклоне...

В общем, случилось невозможное: он влюбился.

Они вместе ездили на экскурсии, загорали, целовались, бродили до рассвета по кромке прибоя, при первых лучах солнца собирая раковины...

Знойные отпускные дни, наполненные безумной страстью, пролетели быстро.

– Переедешь ко мне? – спросил он, даже не представляя, куда поведёт возлюбленную, если та согласится променять свой Ленинград на его задрипанный Энск. В этот миг он словно забыл, что у него только одна двухкомнатная квартира, где Варвара и сыновья, один – студент, другой – старшекласник.

– Запросто! – бесшабашно пообещала Анжела. – Приезжай за мной на белом коне...

– Приеду! На машине, – посулил Дралов, – на «запорожце»...

Анжела надула губки:

– На «запорожце»? В «запорожец» мои вещи не войдут... Я ведь невеста богатая...

– Лапуня, да я за тобой на КамАЗе примчусь! – Дралов был готов ради возлюбленной горы свернуть. – С тентом!

– Если на КамАЗе, – развеселилась Анжела, – приезжай! Я согласна! – дала ему адрес и телефон, и они разъехались в разные стороны.

Но одно дело – пообещать, и совсем другое – выполнить обещанное.

Не успел Дралов вернуться домой, как жизнь стала вносить в его планы свои коррективы.

В первый же день после отпуска начальник огорошил:

– Пиши рапорт на увольнение в запас, тебе же сорок пять стукнуло! Пора на заслуженный отдых! Забыл, что ли?

Дралов в связи с новым обуявшим его чувством и впрямь забыл о своём пенсионном возрасте и предстоящем увольнении.

Он попытался заикнуться, что готов ещё служить, но начальник и слушать не стал:

– Всё решено! Пиши рапорт! Кадровики торопят. Везде сокращения, и на твоё место уже претендент имеется! Месяц тебе, Дралов, на всё про всё, чтоб и ВВК пройти, и клуб сдать преемнику, и со всеми службами разобраться...

Дралов сказал: «Есть», но выполнять приказ не торопился: прикинул, если уйдёт в запас сейчас, у него один календарный год останется не закрытым, а это, как ни крути, три процента к будущей пенсии. Если же протянет на службе три месяца, год как раз и закроется.

Через знакомого прапорщика в военном госпитале устроил Дралов себе возможность залечь на углублённое обследование. Там разохался, разнылся, стал жаловаться на боли в спине, на язвенную болезнь, на почечные колики... Словом, наплёл с три короба и сумел в госпитале два месяца вылежать. Ещё один месяц сдавал дела. Так что своего не упустил и уволился тогда, когда запланировал.

Конечно, из госпиталя он звонил Анжеле в Ленинград по военной связи. В этом помог ему ещё один знакомый прапор.

– Что-то ты ко мне, Арик, не торопишься, – упрекнула Анжела.

Дралов обещал ей скоро приехать.

И опять случилась задержка. Из-за развода. Варвара ни в какую разводиться с ним не хотела. Она плакала, уговаривала Дралова одуматься, ведь столько лет вместе прожили.

На суде она упирала на то, что нельзя советскую семью разрушать! Судья согласилась с её доводами и дала два месяца на примирение супругов. А после ещё один, так как у них есть несовершеннолетний ребёнок. Когда же в феврале следующего года состоялся третий суд и их всё же развели, остался Дралов без жилья, ибо маломерную семейную двушку суд обязал его оставить Варваре с детьми.

Как ни жалко было Дралову отдавать свои квадратные метры, он спорить не стал. Да и о чём жалеть, если впереди светит безоблачное счастье!

Перевёз он свой чемодан в однокомнатную квартиру с мебелью, которую снял, заплатив вперёд за полгода, и отправился к другу детства Феде Кочкину, директору автобазы.

Кочкин поначалу заартачился:

– Аристарх, какой КамАЗ? Ты не понимаешь, о чём просишь? Это же такая ответственность –

машину посылать в командировку через пол-страны... А если что в дороге случится, с меня же три шкуры сдерут!

– Что ты, Федя, заладил: «случится», «три шкуры сдерут»? Неужели нет никакой нужды для твоего гаража в тех краях: скажем, запчасти какие-то дефицитные или попутный груз? У меня судьба решается! Ты мне кто: друг или пороссячий хвостик?

Кочкин помялся ещё недельку и согласился:

– Лады, найду для тебя КамАЗ и водилу лучшего дам! Доставит туда и обратно с комфортом!

С комфортом добраться до Ленинграда не получилось: гололёд, метели, а ближе к концу путешествия – неожиданная оттепель. Дважды меняли колёса, а в Череповце у двигателя полетел масляный насос.

«Лучший водитель» – сорокалетний мужик по имени Гоша – все руки в наколках, набитых за две ходки, всю дорогу матерился, костеря и свой «агрегат», и кочки на дороге, и Кочкина, директора автобазы, и Дралова, свалившегося на его голову...

И даже распитая с ним на двоих во время вынужденной остановки бутылка «Московской» не сделала Гошу добрее.

Дралов терпел изо всех сил, чтобы не набить 77 Гоше морду, успокаивая себя только тем, что скоро они приедут в пункт назначения, он заберёт свою лапуню, и заживут они долго и счастливо, как обещают в любовных романах.

В Ленинграде остановились в небольшой гостинице на окраине.

Гоша, отогнав КамАЗ на стоянку, сразу накупил водки и жратвы. Но пить и есть не стал. Не раздеваясь, завалился на кровать, хотя день ещё был в самом разгаре и объявил:

– Батонить буду...

– Это как?

– Закатаюсь, буду дрыхнуть после прогона...

А потом – нажрётся! Всё равно обратно выезжать только завтра утром...

– Ну отдыхай, – миролюбиво кивнул Дралов, успевший помыться и побриться, а сам отправился в окружной универмаг.

В отделе по продаже военного ассортимента, где работала Анжела, её не оказалась. Пышная блондинка с оплывающим чрезмерно нарумяненным лицом окинула Дралова взглядом контролёра ОТК и, очевидно, посчитав «изделие соответствующим ГОСТу», пропела, налегая на «о»:

– Анжела сегодня в отгуле. Может, передать что-то хотели, так я передам...

«Наверное, слышала обо мне от лапуни... Вот и пялится теперь, как на картину в Русском музее...» – весело подумал Дралов, а вслух сказал:

– Спасибо. Сам всё, что нужно, передам.

Из универмага он отправился по домашнему адресу Анжелы, решив не звонить ей предварительно, сделать сюрприз.

Честно говоря, звонить Анжеле он не любил. Жила она в большой коммунальной квартире, трубку всегда поднимали чужие люди. Кто-то сразу звал Анжелу к телефону, кто-то начинал расспрашивать, зачем да почему. Одна мегера (и кто только придумал, что ленинградки все вежливые!) нахамила, мол, «задолбали всякие кобели своими звонками»...

«Понятно, почему лапуня с радостью согласилась ко мне перебраться, – посочувствовал он тогда Анжеле, – с такими стервами жить под одной крышей – запросто с ума сойдёшь! Сколько же народу у них в коммуналке толкётся? Это ж попробуй вытерпеть такое, если и кухня, и туалет, и ванная – одна на всех!»

Дом, где жила Анжела, находился в самом центре, в каких-то двух шагах от Невского.

Старой, дореволюционной постройки, он весь был украшен барельефами в виде женских голов с вьющимися, как у Анжелы, волосами и узорчатыми карнизами, с которых гроздьями свисали гигантские сосульки.

Они так переливались на выглянувшем из-за туч солнце, так истекали светлыми слезами – ранней капелью, что дом показался Дралову таким дворцом Берендея, в котором ждёт его Снегурочка, то есть Русалочка...

Стены подъезда ошарашили ободранной штукатуркой и нацарапанными повсюду фразами, наподобие тех, какими его всю дорогу потчевал Гоша.

Поднявшись на третий этаж по грязной, заплёванной лестнице, он отыскал нужную дверь. В стену рядом с нею было вмонтировано с десяток разноцветных кнопок, не имеющих подписей.

Дралов нажал наугад на первую из них. На звонок никто не отозвался. Он надавил на следующую, затем ещё на одну.

Наконец послышались шаркающие шаги. Дверь отворил тощий старик испитого вида, в грязном трико с отвислыми коленями, с чадающей «беломориной» во рту.

– К Анжеле, – не дожидаясь вопроса, представился Дралов.

Не вынимая папиросу изо рта, старик прошамкал:

– Тринадцатая дверь направо. Стучи громче, а то не услышит, – и пошкандыбал прочь.

По тёмному коридору Дралов, то и дело запинаясь о чьи-то башмаки, ведра, швабры, велосипедные колёса, добрался до Анжелиной двери. Из-за неё раздавалось громкое пение.

«Эй, вы там, наверху...» – надрывалась Алла Пугачёва, грозя соседям явиться к ним на праздник и испортить настроение.

«Но я-то – жданный гость!» – Дралов с энтузиазмом забарабанил в дверь, представляя, как обрадуется ему лапуня.

Дверь отворилась не сразу. В дверном проёме возникла Анжела – в халатике, с взлохмаченной копной на голове.

– Здравствуй, лапуня... – ринулся к ней Дралов.

Анжела выставила вперёд ладони, будто не узнавая его.

– Это же я – Арик! – воскликнул он и осёкся, увидев через плечо Анжелы здорового мужика в семейных трусах, валяжно развалившегося на диване. Он успел ревнивым взглядом выхватить стул, с висящим на нём чёрным флотским кителем, золотистые погоны капитан-лейтенанта.

– Привет! – удивилась Анжела. – Ты как здесь?

– Приехал за тобой... На КамАЗе...

– С ума сошёл, что ли? Какой КамАЗ?

– Ты же сама говорила, у тебя вещей много... Обещала поехать со мной... – по-дурацки улыбаясь, забормотал Дралов.

– Вот ещё придумал, – вдруг разозлилась Анжела. – Никуда я не поеду! Иди ты со своим КамАЗом! – и, оттолкнув его, решительно хлопнула дверь.

Дралов долго стоял в полумраке, пребывая словно в обмороке.

А из-за двери, перекивая Пугачёву, раздавался голос Анжелы:

– Васечка, да это просто недоразумение...

«Недоразумение... Как же так?..» – Дралов, двигаясь, как лунатик, покинул коммунальную квартиру, медленно спустился и вышел из подъезда.

Он успел сделать несколько неуверенных шагов по скользкому нечищеному тротуару, как за его спиной что-то грохнуло.

Дралов медленно обернулся. Там, где ещё мгновение назад находился он сам, валялись куски огромной ледяной глыбы, разбившейся вдребезги, точно так же, как его мечты о счастливой семейной жизни, о взаимной любви...

«А ведь это недоразумение могло меня прямо по темечку тукнуть...» – вдруг трезво и безо всяких эмоций подумал он.

АДЬЮНКТУРА

Подполковник Кичанов в учёные мужья не собирался, хотя и окончил военно-политическое училище с золотой медалью, а после – военную академию имени Ленина с красным дипломом.

Человек деятельный и энергичный, он не любил просиживать штаны (то есть форменные галифе) в кабинете. Предпочитал «живую работу» с личным составом на полигоне и танкодроме, хорошо стрелял и водил БМП, чем выгодно отличался от многих своих коллег по политическому цеху. Может быть, благодаря этим качествам да ещё и определённом фарту, не имея «мохнатой лапы» и не лебезя перед старшими начальниками, Кичанов быстро продвигался по служебной лестнице: к двадцати восьми годам стал заместителем командира мотострелкового полка по политчасти, а когда ему исполнилось тридцать два, был назначен на должность заместителя начальника политотдела военного вуза.

Завидная карьера! Ещё один шаг, и он – номенклатура цэка, советская элита, ведь начальник политотдела приравнялся к первому секретарю райкома и даже горкома партии, которым и кабинет, и телефон-«вертушка», и персональный автомобиль с водителем положены...

Но человек предполагает, а судьба располагает. Прибыл Кичанов в пресловутый вуз в день указа президента-реформатора об упразднении КПСС, соответственно, всех политических органов, и в один час оказался человеком без профессии и без каких-либо дальнейших перспектив.

Полгода был он за штатом, получая денежное содержание только за звёздочки на погонах. За эти полгода многое передумал о своей службе. Вспомнил, как несколько лет назад предлагали ему кадровики пойти служить в окружную газету начальником отдела боевой подготовки. Дело в том, что у Кичанова было хобби – он писал рассказы об армейской жизни, публиковал их в газетах и порой даже в толстых литературных журналах...

– Прямая дорога тебе, Иван Николаевич, в военную журналистику! Перо у тебя бойкое, слог ясный, опыт службы в войсках имеется. Побудешь начальником отдела годик-другой, а там замредактора станешь, а это уже полковничья должность... – ласково и с каким-то состраданием озирая Кичанова выпуклыми, воловьими очами, убеждал его начальник отдела кадров.

Кичанов тогда от предложения наотрез отказался, гордо заявив, что считает себя строевым офицером, видит свою карьеру в войсках и не собирается переходить дорогу всяким там выпускникам Львовского политехнического университета, того самого, где готовили военных журналистов.

«И что я, дурак, не пошёл в газету, – запоздало корил он себя, – военных газетчиков реформы не коснулись... Кропают себе статейки безо всякого партийного руководства и в ус не дуют. Мне, видать, придётся на гражданку топтать... А кому я там нужен?..»

Но судьба сделала очередной зигзаг. Начальник училища, присмотревшись к Кичанову, нашёл для него должность преподавателя на кафедре общественных наук. Бросил, так сказать, на амбразуру – поручил преподавать никому доселе неведомую культурологию, ворвавшуюся в программы российских учебных заведений, когда рухнул «железный занавес»...

Пришлось Кичанову стремительно осваивать новую профессию – педагога.

Обложившись книгами в областной научной библиотеке, он за неделю составил учебную программу, ещё за две сумел подготовить курс лекций. Тутгодились и литературные навыки, и армейский опыт. Лекции на кафедре одобрили, и он стал читать их будущим военным инженерам. А когда подошли к изучению военного этикета, то и начальник училища, и другие старшие офицеры на его лекции зачастили, где ещё узнаешь, какой вилкой рыбу есть, а какой салат...

Всё вроде бы складывалось хорошо, да только должность преподавателя – тупиковая, подполковничья.

Полковничьих должностей на кафедре всего две: начальник и его зам. Оба – немногим старше Кичанова: ждать, когда они свои кресла освободят, жизни не хватит. Но если бы даже вакансия и образовалась, претендовать на неё в первую очередь имели право кандидаты наук или хотя бы адъюнкты, то есть те, кто в адъюнктуре (военной аспирантуре) обучается. Таковых на

кафедре не было. Основная масса преподавателей – офицеры в возрасте, считающие дни до выхода в запас. Кичанов – самый молодой, но не кандидат наук и не адъюнкт...

И хотя не в характере Кичанова, натуры деятельной, было тосковать, а нет-нет да хандра его одолевала, особенно когда о сорвавшейся перспективе вспоминал.

И вдруг вызвал Кичанова к себе начальник кафедры подполковник Полторацкий, которому до полковника – рукой подать, и настоятельно посоветовал:

– Думаю, надо вам, Иван Николаевич, поступать в адъюнктуру. Если напишете рапорт, не раздумывая, подпишу! С одной только оговоркой – учиться будете заочно. Мы своими кадрами не разбрасываемся...

Советы начальника даже и на кафедре равны приказу.

Кичанов тут же написал рапорт с просьбой о зачислении его кандидатом для поступления в адъюнктуру Военного университета в Москве, именно так с некоторых пор называлась его альма-матер – Военно-политическая академия имени Ленина.

– Сразу, Иван Николаевич, беритесь за научный реферат, – посоветовал Полторацкий как недавний выпускник этой самой адъюнктуры. – Затем подготовьте пару научных статей и учебное пособие. В списке публикаций обязательно сошлитесь, что у вас есть напечатанные художественные произведения. Вы же пойдёте адъюнктом на кафедру культуры и искусства, а там это зачтётся...

– Ещё ведь и вступительные экзамены сдать надо... – Кичанов вдруг усомнился, что успеет всё подготовить к нужному сроку.

Полторацкий заметил перемену в его настроении и подбодрил:

– Ну что вам, золотому медалисту, экзамены? Подготовитесь и сдадите. Не боги горшки обжигают! Главное: кандидатский минимум по иностранному языку никоим образом не сдавайте в Военном университете! Вы же помните, какие мымы там на кафедре сидят. Они на поступающих офицеров как на врагов народа смотрят... Если рискнёте туда сунуться, больше тройка вам не светит! А для поступления нужна пятёрка!

Кичанов, конечно, помнил преподавательниц английского из родной академии. Это были все как на подбор дамы бальзаковского возраста с

неприветливыми лицами и ярко наведёнными бровями и губами. В их голосе, осанке и самой походке как будто сквозила смертельная обида на весь офицерский корпус, на то, что они потратили свои молодые годы, обучая этих ничего не смыслящих в языке Шекспира и Байрона солдат-фонов...

– Так что же мне делать с английским? – спросил он.

– Выход есть, – обнадёжил Полторацкий. – По положению об адъюнктуре кандидатский минимум можно сдать в любом гражданском институте, где есть учёный совет по иностранному языку. Я сам сдавал его здесь, в сельхозакадемии. Дам вам телефон одной весьма милой дамы, она и поможет всё устроить. Но без ящика шампанского и моей записки к ней не ходите...

– Ну за шампанским дело не станет... – слегка приободрился Кичанов.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков упомянутой академии Ирина Арнольдовна и впрямь оказалась дамой, как сказал бы Гоголь, приятной во всех отношениях. Ровесница Кичанова, она в свои тридцать три могла бы дать фору многим двадцатилетним: симпатична, стройна, ухожена, умна и прочее – сам Бог велит за такой приударить, тем более что он вот уже несколько месяцев находился в разводе с женой, не сумевшей вынести разлуку и нашедшей себе другого избранника.

Однако, окинув Ирину Арнольдовну с головы до ног восхищённым взглядом и одарив её «гагаринской» улыбкой, Кичанов решил ни в какие амурные истории не ввязываться, ибо по опыту уже знал: дружба – дружбой, а служба – службой. Нарушение этого принципа ни к чему хорошему не ведёт. К тому же Полторацкий предупредил его, что Ирина Арнольдовна собирается уехать за рубеж на ПМЖ – зачем же женщине голову морочить?

Он передал Ирине Арнольдовне записку от Полторацкого и загрузил в багажник её «семёрки» ящик «Советского» шампанского.

Ирина Арнольдовна была дама опытная. Она почувствовала настрой Кичанова и тоже повела себя по-деловому: вручила ему толстый философский трактат на английском языке, указала, сколько страниц он должен перевести, на какие вопросы необходимо сделать устные ответы и к какому сроку надлежит быть готовым для сдачи кандидатского минимума.

Английский язык Кичанов учил и в средней школе, и в военном училище, и в академии. Особыми способностями он не блистал, но всё, что нужно знать по программе, усвоил. В анкетах честно писал: «Читаю и перевожу со словарём». А вот произношением похвастаться не мог, ибо не в семье дипломата рос, за границей никогда не жил и языкового опыта не имел. Допрос военнопленного, которому их учили в академии, сводился к нехитрым предложениям типа: «Вот из ё нэйм, гад?», и к инструкциям по получению от захваченного противника нужной информации, так сказать, при помощи «палки и верёвки».

Словом, Кичанову пришлось изрядно попотеть, переводя двести страниц текста и готовя ответы на вопросы, относящиеся к трети от всего переведённого (шампанское и было «платой» за подобное послабление). За три месяца он справился с этой нелёгкой задачей. А ещё через месяц успешно сдал экзамен, на котором председатель комиссии – старичок-фронтовик с орденскими планками, он же – известный в своих кругах профессор-лингвист, даже привёл его в пример молодым аспирантам, сдававшим кандидатский минимум в тот же день:

– Смотрите, лоботрясы, человек служит Родине и так подготовился к экзамену! А вы...

Ирина Арнольдовна, сидевшая за экзаменационным столом по правую руку от профессора, при этом так ласково улыбнулась Кичанову, что он невольно пожалел о своих дурацких принципах...

С рефератом всё вышло ещё удачней.

Кичанов посвятил его проблеме формирования чести у курсантов военных училищ средствами культуры и искусства. Феномен воинской чести издавна интересовал его. Он мечтал быть похожим на тех, кто олицетворял собой эту честь, читал книги об офицерах, собирал и хранил в папке все публикации, относящиеся к этой теме, и даже сам написал несколько очерков и рассказов о лучших представителях русского офицерства.

Опираясь на имеющиеся в заглавнике материалы и знания, полученные при подготовке курса лекций по культурологии, Кичанов написал реферат довольно быстро и вместе с необходимыми сопровождающими письмами отправил в Военный университет...

Месяцы ожидания вызова на вступительные экзамены были заполнены обычной служебной деятельностью, не оставляющей возможности

для праздных мечтаний. Но чем бы он ни занимался: проводил ли семинары с курсантами, заступал на дежурство по училищу, ходил ли в офицерский патруль – мысли об адъюнктуре не оставляли его: «Допустят к экзаменам или нет? Пройдёт экспертную оценку реферат или посчитают ненаучным? А если пройдёт, то какой балл заслужит?...»

Вызов пришёл, когда Кичанов отсыпался у себя в офицерском общежитии после очередного наряда.

– Ваня, хватит дрыхнуть! Беги к телефону, начальство зовёт! – громко постучала в дверь комнаты дежурная, женщина простая, ко всем постояльцам относившаяся фамильярно.

«Начальство», то бишь Полторацкий, огоршило:

– Иван Николаевич, вам уже завтра надлежит быть в Военном университете. Командировочные и проездные документы я сейчас оформляю в штабе училища... Жду вас через час на кафедре!

Даже обрадоваться полученному известию Кичанов не успел. На бегу умывшись, побрившись, он помчался в училище получать необходимые бумаги, а после так же бегом – покупать билет в воинской кассе, собирать чемодан...

Ещё одно радостное известие пришло к нему под вечер. Буквально перед самым отъездом принесли телеграмму, извещавшую, что приёмная коллегия Союза писателей России наконец-то утвердила его кандидатуру и он может прибыть в Москву для получения членского билета.

История со вступлением Кичанова в Союз тянулась почти два года. Его приняли на собрании писателей Прикамья, где он тогда служил, и отослали выписку из протокола в Москву. А потом случилась смена власти в стране, началась неразбериха в Союзе писателей... То шла борьба за здание на Комсомольском проспекте, которую затеяли авангардисты во главе с громогласным Евтушенко, то долго не могли собрать членов приёмной коллегии... И вот наконец утвердили!

Поскольку в Военный университет Кичанов должен был явиться к пятнадцати часам, он с Казанского вокзала направился напрямик в Союз писателей.

Седовласый и сухопарый секретарь Союза Ляпин вручил ему красную книжицу с орденом Ленина на обложке и золотым тиснением «Член Союза писателей СССР» и, извиняясь, сказал:

– Новые билеты зависли в типографии... У нас нет денег, чтобы их выкупить. Пока походите со старым, со временем обменяем...

Кичанов поблагодарил Ляпина и вышел из его кабинета, ещё не ведая какую роль полученный только что билет сыграет в его дальнейшей судьбе.

В Военном университете Кичанова уже ждали. Начальник кафедры культуры и искусства капитан первого ранга Игнатъев, человек с невыразительным лицом и вялым рукопожатием, торопливо принял от него документы и тут же познакомил с невысоким плечистым полковником, у которого на чёрных петличках поблёскивали скрещенные пушки:

– На время поступления это ваш куратор. Прошу любить и жаловать: полковник Ремезов. Все возникающие вопросы – к нему.

Первое, о чём спросил Ремезов, когда они вышли из кабинета начальника:

– Вы и в самом деле писатель?

Кичанов кивнул и протянул полковнику новый членский билет.

Ремезов погладил себя по блестящей лысине и уважительно произнёс:

– Да-а, впечатляет... Что же, и книги у вас свои есть?

– Есть. Две, изданные на Урале. Ещё одна готовится к выходу в «Воениздате»...

– Молодец... – похвалил Ремезов и заговорил о насущном. – Ваш реферат я прочитал. Мне он понравился... Если всё сложится удачно, я готов стать вашим научным руководителем.

– А разве может быть неудачно, если реферат понравился? – наивно поинтересовался Кичанов.

Ремезов сдержанно улыбнулся:

– Реферат – увы, не самое главное. По крайней мере, на данном этапе. Он, действительно, станет определяющим, если вы поступите. Но место-то в заочной адъюнктуре одно, а претендентов на него – два. Вы и ещё один кандидат. Капитан второго ранга. Непростой капитан... – тут Ремезов понизил голос. – Внук адмирала флота Советского Союза... Понимаете?

– Что уж тут не понять... – стараясь держаться молодцом, обречённо ответил Кичанов, смекая, что хотя и Советского Союза уже нет и адмирал уже не у дел, но друзья-то у него влиятельные остались...

– Отчаиваться не стоит! – по-отцовски приобнял его за плечи Ремезов. – Надеюсь, к экза-

менам вы готовы? Так вот, сдавайте экзамены, получайте пятёрки, а там видно будет...

Соперник Кичанова, упомянутый капитан второго ранга Кашков, оказался вполне симпатичным. Держался он с Кичановым запросто, нос не задирал, своей родословной не кичился. Они вместе сдавали экзамены по теории культуры и философии, проходили собеседования на кафедре, обедали в университетской столовой и за время «хождения по мукам» вроде бы даже сдружились.

Но Кичанов хорошо понимал, что Кашков являлся для него конкурентом, и конкурентом серьёзным, ибо за ним маячила тень его прославленного деда.

Все дальнейшие события это подтвердили.

В первый же день знакомства с Кашковым выяснилось, что он прибыл на экзамены без сданного кандидатского минимума по иностранному языку и без готового реферата. Для любого другого претендента эти два обстоятельства означали бы полный провал.

Но только не для Кашкова. При всей строгости «мыр» с университетской кафедры иняза он получил за кандидатский минимум оценку «отлично». И реферат у него спустя три дня после приезда вдруг появился и был оценён Игнатьевым на пятёрку...

Конечно, сдача Кашковым упомянутого минимума и защита его реферата происходили без участия Кичанова. Может быть, Кашков и впрямь хорошо «спикал» на языке некогда потенциального противника, а сейчас – лучшего партнёра и союзника россиян. Может, он в самом деле оказался до такой степени одарённым, что за три дня сумел написать добротное исследование, достойное столь высокой оценки...

Только всё остальное, что происходило у Кичанова на глазах, свидетельствовало совсем об иных качествах Кашкова. Во время экзаменов и собеседований, которые они проходили вместе, капитан второго ранга не отличался ни знаниями, ни умением рассуждать. Кичанов не однажды созерцал, как его соперник тонет, не находя нужных ответов, или гребёт в противоположном направлении, но всё равно получает в зачётную ведомость отличную оценку.

Сам Кичанов пахал на пределе сил. Он даже осунулся и похудел на несколько килограммов – пришлось на ремне, поддерживающем его форменные брюки, делать новую дырку.

«Как же так, – негодовал он на несправедливость происходящего, – я ночи не сплю, зубрю,

напрягаю все извилины, чтобы высокий балл заслужить, а Кашкову пятёрки подносят на блюде с голубой каёмочкой, ставят просто за красивые глаза, а вернее, за благородное происхождение... Конечно, ему, внуку адмирала, можно дружески похлопывать меня по плечу и ласково мне улыбаться, он уже знает весь расклад! Начальник кафедры – каперанг, да и сам Кашков – в чёрном кителе, а сколько ещё благодетелей за ним стоит в главном штабе ВМФ? Целая флотская мафия! Место адъюнкта мне, сухопутному, не светит...»

Его так и подмывало плюнуть, махнуть рукой на этот цирк, как он в сердцах окрестил сдачу экзаменов, да и отбыть к себе в училище, но злость да ещё, может быть, упование на какую-то нечаянную удачу не позволили ему этого сделать.

К итоговой комиссии у них с Кашковым оказалось равное число баллов. И это, если брать в учёт все известные обстоятельства, лишало Кичанова всякой надежды на поступление.

Об этом он и думал, когда стоял бок о бок с Кашковым перед дверью стеклянного зала, где заседала кафедра.

Следуя новым демократичным порядкам, на этом заседании и должна решиться их судьба, да что там решиться – просто быть оформлена протоколом...

Из-за дверей доносились голоса преподавателей и преподавательниц. Кафедра культуры и искусства была второй в Военном университете после кафедры иностранных языков, где работало много женщин. Они были профессорами, доцентами, преподавали теорию культуры, историю литературы, искусствознание и другие невоенные предметы...

Сначала что-то долго и нудно вещал Игнатьев. В его речи звучала только фамилия Кашкова...

Кичанов совсем упал духом. Ему вдруг вспомнился нищий, которого увидел сегодня утром, выйдя из вестибюля метро. Старик, в офицерской изрядно потрёпанной шинели без погон, сидел на гранитных плитах, подстелив под себя газету «Правда». Перед ним – донцем вверх лежала офицерская фуражка без кокарды, но с витым золотистым тренчиком. В ней уныло поблёскивало несколько пятаков. Мимо старика челноками сновали москвичи и гости столицы, а старик всё тянул к ним свою скрюченную ладонь, прося милостыни.

Кичанову вдруг ощутил себя на месте этого старика: «Вот так и Кашков с Игнатовым на меня

смотря, с сожалением и презрением, как на отработанный материал... Ну нет, я просить милостыни не стану! Что бы ни решила кафедра, при-
му это по-офицерски, достойно!»

А в стеклянном зале взял слово Ремезов. Он говорил взволнованно и громко. Кичанов отчётливо услышал:

– ...у нас на кафедре есть и профессиональные художники, и композиторы, а тут судьба посылает нам профессионального писателя... Мы не должны упускать такой счастливый случай...

Выступали ещё офицеры и какие-то незнакомые Кичанову женщины. Одну из них перебил Игнатов, на что она гневно выкрикнула:

– ...не надо на меня давить, я не военнообязанная!

За дверью всё ненадолго стихло. Затем снова раздались негромкие голоса, время от времени перебиваемые жидкими аплодисментами.

Напряжение всё нарастало. Кичанов поглядел на Кашкова. Тот тоже сгорал от нетерпения. Заметно волнуясь, извлёк из пачки с изображённым на ней верблюдом сигарету, долго вертел её в руке и снова спрятал в пачку, так и не решившись отойти на перекур.

Казалось, ожидание не закончится никогда.

Наконец дверь распахнулась. Первым из неё вышел начальник кафедры. С лицом в красных пятнах, он, не глядя на Кичанова, сутулясь и как-то боком подошёл к Кашкову, взял его под локоть и повёл в сторону своего кабинета.

До Кичанова долетели приглушённые слова каперанга:

– Кафедра проголосовала не в вашу пользу... Мне очень, очень жаль, но ничего нельзя было поделать... Мнение, так сказать, большинства... Я готов вас зачислить в очную адъюнктуру, если вы только пожелаете...

К Кичанову подлетел сияющий Ремезов:

– Рад за вас, Иван Николаевич! Вы приняли! – сказал он, пожимая своей крепкой ладонью мгновенно вспотевшую ладонь Кичанова.

– Благодарю, – выдавил из себя Кичанов, ещё не веривший в случившееся.

– Да не меня, Иван Николаевич, а женщин нашей кафедры должны вы благодарить от всего сердца...

Тут Ремезов придвинулся к Кичанову и перешёл на горячий шёпот:

– Из-за вас с Кашковым была целая баталия! Можно сказать, битва при Ватерлоо... Как дошло до голосования, многие наши офицеры не

дерзнули поддержать вашу кандидатуру, хотя и понимали ваши преимущества... Не захотели, видишь ли, с начальником кафедры отношения портить... А вот наши искусствоведы и культурологи не спасовали и отдали свои голоса за вас! Ох, как же правы были французы, провозгласившие: «Шерше ля фам!» – тут он снова заговорил в полный голос: – Идите же, мой друг, благодарите этих милых и храбрых женщин!..

Спустя полчаса Кичанов вышел из Военного университета победителем.

Пройдя чуть более сотни метров по Садовому кольцу, он свернул на улицу Горького и направился к Центральному телеграфу. По межгороду позвонил в училище, на кафедру и отпрапортовал Полторацкому, взявшему трубку:

– Докладываю: я поступил, товарищ подполковник!

– Поздравляю, Иван Николаевич! Вы – профессор! – голос начальника кафедры звучал глухо, с перебоями, с трудом пробиваясь сквозь треск и шумы в телефонной трубке.

Кичанову показалось, что он ослышался:

– Ещё не профессор, только адъюнкт...

– На нашей кафедре ввели новую должность профессора! – торжественно объявил Полторацкий. – Она – полковничья и ваша по праву! С начальником училища это уже согласовано. Видите, как всё удачно складывается... Возвращайтесь скорее! Ждём вас!

Кичанов повесил трубку и на радостях отправился в редакцию журнала «Честь имею» (так в новое время стал называться «Советский воин» – литературно-художественный журнал Министерства обороны). Его просил занести свои рассказы старый товарищ по совещаниям армейских писателей Николай Иванов, недавно назначенный главным редактором.

Светлоглазый и улыбчивый, он встретил Кичанова в новом просторном кабинете, дружески обнял и спросил в лоб:

– Пойдёшь ко мне постоянным корреспондентом по Уральскому округу? Место только что освободилось...

Кичанов замялся:

– Да я вот в адъюнктуру поступил. В училище на должность профессора назначили. Мне же через полтора года полкана получать...

– Адъюнктура, профессура... Это, конечно, заманчиво... Но ты пойми, Ваня, у нас же журнал литературный, ты стал членом Союза писа-

телей, сможешь, наконец, настоящей творческой работой заняться и при этом продолжить службу... – весело поблёскивал глазами Иванов. – Должность корреспондента, конечно, подполковничья, но есть шанс со временем стать старшим посткором... Так что, ты согласен?

Кичанову пришло на ум классическое: «Чин следовал ему, он службу вдруг оставил...». Он вздохнул, вспомнив все перипетии своего поступления в адъюнктуру, мысленно содрогнулся, представив, как будет объясняться с Полторацким, и дал Иванову согласие.

КВАРТИРА РЯДЫШКОМ С МЕТРО

– Серёга, где хочешь жить после выхода в запас? – дурачась, спрашивали Коркина однокашники по училищу связи.

– Да где угодно, лишь бы метро было поблизости... – на полном серьёзе отвечал он.

Что Коркин знал о метро? Да ничего не знал. Он даже не видел его ни разу. В Донецке, где он родился и провёл детство, метро отродясь не было. Да и во всей стране победившего социализма таковое имелось только в Москве, Ленинграде и некоторых столицах союзных республик...

Но почему-то думалось ему, Коркину, мол, если есть метро рядом – так ведь и жизнь другая...

Дослужившись до майора, Коркин понял, что офицеров, желающих прозябать в захудалом гарнизоне на краю света, не бывает. Все мечтают служить в хорошем месте, и уж если выходить в запас, то пусть и не в столичном, но в каком-то приличном областном городе, чтобы квартиру успеть получить рядом с благами цивилизации.

Он же от своей наивной юношеской мечты жить рядышком с метро так и не отказался.

Коркин служил всегда далеко от центра: в ДальВО и ЗабВО, и всё надеялся перевестись в какой-нибудь престижный округ: Киевский, Одесский, Закарпатский или Прибалтийский... Но он и предположить не мог, что когда наступит срок распрощаться с армией, не будет уже ни этих престижных округов, ни самой «непобедимой и легендарной», а вместе с нею не останется и страны, которой он присягал, да и увольнение его в запас произойдёт намного раньше, чем того требует выслуга лет...

Однако именно так и вышло. Новая власть, убаюканная заверениями бывших противников СССР, которых стали именовать «друзьями и партнёрами», что «холодная война» окончена и России больше никто не угрожает, ничтоже сум-

няшеся, издала указ об одностороннем сокращении Вооружённых сил. Под него и угодил майор Коркин, едва успевший разменять двадцать календарей.

К этому времени он успел получить служебную квартиру на окраине Читы и даже приватизировал её, следуя новой моде. Но оставаться в Забайкалье навсегда Коркин не собирался: климат здесь не подарок, да и метро в Чите в ближайшие лет сто не предвидится...

Получив приказ об увольнении, Коркин расстелил на кухонном столе карту Российской Федерации и вместе с женой Галиной стал выбирать, куда переезжать.

После недолгих обсуждений сошлись на Екатеринбурге, бывшем Свердловске, там и метро, пусть самое короткое и самое долгостроящееся в мире, в наличии, и родители супруги недалеко живут. Можно было бы поехать в Донецк. Но отец и мать Коркина умерли, квартиру свою они приватизировать не успели, да и Донецк оказался теперь в другом государстве...

В пользу переезда на Урал сыграло ещё одно обстоятельство – старый приятель, ещё с курсантских времён, Виктор Хрясько служил в особом отделе Уральского военного округа. Он обещал помочь подыскать временное жильё и с трудоустройством.

Сказано – сделано. Наскоро продав читинскую квартиру, Коркин упаковал вещи в положенный ему для переезда трёхтонный контейнер и отправил его до станции Екатеринбург-сортировочный. Загрузил Галину и двух сыновей-погодков Костю и Мишу в старенький москвичок и своим ходом отправился к новому месту жительства.

Хрясько не подвёл. К приезду Коркиных он подыскал им в спальном районе квартиру, сдающуюся в наём, и при помощи знакомого директора, офицера-отставника, зарезервировал для друга в одной из гимназий место преподавателя ОБЖ. Он же подсказал, что в одном из районов города начато доленое строительство кирпичного дома и посоветовал: «Район хороший. Недалеко от автовокзала. Ты с этим, Серёга, не тни! Заключай договор и скоро со своей квартирой будешь!»

Коркин съездил в указанный район, увидел котлован, вырытый под новый дом. Место в самом деле оказалось приличное. До центра – рукой подать. Но главное, в шаговой доступности строится станция метро. Он нарочно прошёлся от котлована до забора с буквой «М». Всего

десять минут неторопливого хода. Это и оказалось решающим аргументом.

В тот же день Коркин отправился в районную администрацию, где заключил договор на строительство трёхкомнатной квартиры, на третьем этаже, с окнами, выходящими на будущую станцию метрополитена. Ему даже номер будущей квартиры назвали: «Сорок восемь». Он тут же внёс в кассу предварительно снятые со сберегательной книжки деньги и получил квитанцию об уплате.

Дом обещали сдать через полгода. Оставалось одно – ждать. Ожидание облегчалось тем, что можно было воочию наблюдать за ходом строительства.

В семье Коркиных это стало излюбленным семейным мероприятием: чуть ли не каждый выходной они садились в машину и ехали посмотреть на «свой дом».

Когда он был возведён и начались внутренние отделочные работы, Коркин узнал, что в администрации «дольщикам» начали выдавать смотровые ордера, и тут же отправился за своим.

Но на этот раз заместитель главы администрации, маленький и круглый мужичонка с непомерно большой лысой головой и глазами навыкат, с которым Коркин и заключал договор, оказался вовсе не рад ему.

– Ваша очередь ещё не подошла, – огоршил он Коркина, когда тот протянул ему договор и паспорт.

– Как же так! – возмутился Коркин. – Передо мной к вам заходил человек, чья квартира в моём подъезде и этажом выше... Он ордер получил. А почему я не могу?

– Мало ли кто куда заходил и где у него квартира... Ваша очередь ещё не подошла! Это я вам говорю! – логика замглавы была просто убийственной.

– Я буду с вами судиться! – попытался урезонить замглавы Коркин.

– Это ваше право, – глядя сквозь Коркина, нагло заявил хозяин кабинета. – Будет решение суда – будем разбираться! Пригласите следующего...

Растерянный Коркин вышел из кабинета, махнул рукой следующему посетителю и тупо уставился на секретаршу.

Секретарша, судя по всему, считаящая своим главным достоинством бюст, как у Памелы Андерсен, ещё подлила масла в огонь:

– Что, ордер не дали? Вы не первый сегодня! Значит, будете ждать ещё полгода, когда вторую

очередь дома сдадут... А что будет через полгода, кто знает? Столько теперь кругом этих обманутых дольщиков... Ходят и ходят, жалуются и жалуются! – и закатила к потолку свои болотного цвета глазки с густо подведёнными ресницами.

Коркина затрясло от предположения, что его надули, что в одночасье может превратиться в пар его заветная мечта. Он помчался на москвиче в школу, достал из сейфа в кабинете ОБЖ учебный ПМ со спиленным бойком, сунул его в карман куртки и снова поехал в администрацию района.

Пока ехал, в голове крутились истории про обманутых дольщиков, которые он слышал по телевизору. Он и представить не мог, что нечто подобное может приключиться с ним. Что он скажет Галине, когда она с детьми вернётся от родителей, из Режа, куда они отправились на весенние каникулы? В воображении Коркина рисовались самые страшные картины, что он и денег своих не вернёт, и без квартиры останется...

Он решил, что без ордера из кабинета замглавы не выйдет.

Припарковав машину на стоянке перед зданием администрации, Коркин взбежал на второй этаж и буквально ворвался в приёмную. Секретарша вышла куда-то, и посетителей не было: самый конец рабочего дня.

Осторожно приоткрыв дверь, Коркин заглянул в кабинет замглавы. Тот озабоченно перебирал на столе какие-то бумаги.

Коркин вдруг сделался хладнокровным. Таким, наверное, становится тигр перед броском на выбранную жертву. Он спокойно вошёл в кабинет, прикрыл за собой дверь, извлёк пистолет и приблизился к столу.

– Ну, как тебе, гнида, такой аргумент? – нацелил ствол в голову замглавы: «Вряд ли этот штафирка определит, что ПМ – учебный...»

Замглавы оторвался от своих бумаг, увидев пистолет, испуганно отпрянул назад вместе с креслом.

– Вы что?! Вы кто?! – тонким голосом возопил он, пытаясь нащупать на столе телефон.

Коркин передёрнул затвор.

– Не дёргайся! Голову разнесу...

– Вас посадят... Вас судить будут... – пролепетал замглавы.

– А мне всё равно. Я в Афгане контуженный...

– Что вы хотите, гражданин? – замглавы ещё пытался сохранять начальственный вид, но трясущиеся губы выдавали то, как сильно он напуган.

Коркин усмехнулся:

– А то ты не знаешь? Ордер мой смотровой давай! Квартира номер сорок восемь...

– Это вам не поможет, вы всё равно не сможете в квартиру попасть... – попытался вразумить его замглавы. – Она уже отдана другому... Сегодня ордер выписан... Вот, сами посмотрите, – он схватил со стола чёрную папку и стал лихорадочно перелистывать документы, – гражданину Почуеву...

– Мой ордер давай! – Коркин покачал стволом пистолета перед носом замглавы.

– Он ещё не выписан...

Коркин снова начал злиться.

– Так выписывай скорей! – приказал он. – И за тем же номером, что ты выписал этому... Почуеву...

Замглавы трясущими руками выписал смотровой ордер на бланке с печатью и протянул его Коркину.

Коркин взял ордер, прочитал, аккуратно спрятал в нагрудный карман и, погрозив замглавы пальцем, направился к выходу из кабинета.

– Вы не понимаете, с кем связались! Вам теперь не жить! Вас закопают... – в спину ему понесли угрозы.

Коркин медленно обернулся и снова погрозил пистолетом. Замглавы умолк.

На стоянке Коркин успел сесть в свою машину, когда к администрации подлетели два чёрных джипа.

«Неужели по мою душу? Так быстро...» Из джипов вывалились несколько крепких «качков» с битами и бегом устремились к нему.

Коркин дал по газам. Москвичок был его гордостью: при помощи армейских умельцев он, ещё служа в ДальВО, поставил на него форсированный двигатель с японской иномарки.

Но качки оказались шустрыми. Прежде чем Коркин вырулил со стоянки, они успели разбить у его машины два габарита и заднее стекло.

Коркин помчался по улице, судорожно соображая, куда ехать: «В городе они меня всё равно достанут и за город вырваться не дадут...»

Одной рукой крутя рулевое колесо, другой он достал из бардачка ещё одну свою гордость – сотовый телефон, подаренный сослуживцами на его увольнение. Массивная телефонная трубка размером напоминала полевой телефон ТАИ-43, которым пользовались несколько поколений советских связистов.

Коркин набрал служебный телефон Хрясько:

– Витя, выручай! Бандосы преследуют...

– Где ты сейчас? – пророкотал друг.

– Около цирка... – Коркин, рискуя влететь в другие машины, проскочил на красный и выиграл пару минут, отрываясь от преследователей.

– Дуй прямо на Ленина тринадцать! Я предупрежу «территориалов», чтобы тебе ворота открыли... – скомандовал Хрясько.

По этому адресу находилось управление федеральной службы безопасности. «Туда бандосы точно не сунутся!» – мысленно поблагодарил друга Коркин.

Хрясько ждал его во дворе у «соседей»: его управление располагалось неподалёку.

– Ну, куда ты влип? – спросил он Коркина, оглядывая его израненный автомобиль.

Коркин начал рассказывать, что случилось, когда зазвонил его мобильник.

– Верни то, что не твоё! – раздался в трубке незнакомый голос.

«Откуда они мой телефон знают? Ах, я же его указал в договоре...»

– Мужик, – голос в трубке звучал как-то даже сочувственно, – отдай ордер прямо сейчас! Иначе, сам понимаешь! Мы про тебя всё знаем... Пожалей жену и сыновей... Надумаешь, позвони по этому номеру...

– Всё так плохо? – спросил Хрясько.

– Хуже некуда, Вить...

– Ладно, паркуй свою машину в дальнем углу. С коллегами я договорился: она здесь пока постоит. А мы пойдём помаракуем, что дальше делать...

В кабинете Хрясько они просидели допоздна, обсуждая, что предпринять.

– Совсем братва распоясалась, – бурчал Хрясько, поглядывая на бронзовый бюст Феликса Дзержинского, стоящий на столе, – год назад авторитета «центровых» прямо во дворе обкомовского дома завалили. Из автомата! Чикаго, мать его...

– А вы-то куда смотрите? – спросил Коркин. – Тоже мне, чекисты!

– А что мы? – огрызнулся Хрясько. – Политическая воля нужна! Прикажут – мигом всех скрутим.

– Выходит, нет такого приказа...

– Пока нет! – Хрясько посмотрел на часы и посоветовал: – Звони Галине! Пусть сидит в своём Реже и носа сюда не кажет, пока не позовёшь! И на телефон твой пусть не звонит – вся связь через меня... А с тобой мы поступим следующим образом. Ты сегодня у меня здесь на диванчике

перекантуешься. Подушка и одеяло – в шкафу. А завтра с утра я к соседям наведаюсь, поспрошаю, может, кто что и посоветует...

На следующий день Хрясько сходил к «территориалам». Они дали такой совет, от которого у Коркина мурашки по спине побежали: идти к «смотрящему за городом» воровскому авторитету и с ним договариваться...

– Мне самому это не нравится, – хмуро сказал Хрясько, – но другого пути, Серёга, нет. Да ты не дрейфь: ребята обещали по своим каналам за тебя слово замолвить, да и я подстрахую... После обеда нам позвонят и дадут адресок, куда надо подъехать...

Адрес «явки» появился ближе к вечеру. Дом в районе кинотеатра «Заря», на Уралмаше.

Хрясько подвёз туда Коркина на служебной машине. У подъезда дома сталинской постройки высадил его, назвал номер квартиры, предупредил:

– Позвонишь три раза через короткий интервал. Тебя ждут. Много там не болтай. Больше слушай. Удачи!

Коркин поднялся по крутой лестнице на четвёртый этаж. Дверь распахнул здоровяк, наподобие тех, что вчера громили его машину.

Он ощупал карманы Коркина и, не найдя оружия, жестом показал, куда идти. По полутёмному коридору Коркин прошёл в большую комнату.

Она совсем не напоминала воровскую «малину» из телесериала «Место встречи изменить нельзя». Обычная обстановка: выдавшая виды стенка, диван, телевизор, стол. За столом сидел человек невзрачного вида.

«Неужели этот сморчок и есть авторитет?» – Коркин сделал несколько шагов к столу.

На Коркина глянули два острых глаза-буравчика. От этого взгляда ему сделалось зябко.

– Люди за тебя просили. Говори, с чем пришёл, – глуховатым, невыразительным голосом распорядился смотрящий, тонкие губы его почти не шевелились.

Коркин, стараясь говорить как можно короче, изложил суть дела: мол, деньги заплатил, договор заключил, пришёл срок получать ордер, его кинули, у него жена и дети, других денег нет...

– Ты кто есть? – спросил смотрящий, когда он умолк.

– Офицер.

– Мент или конвойный?

– Нет, армейский, в запасе... – поторопился отречься от внутренних органов Коркин и разо-

зился на себя за это: ещё подумает, что я его боюсь...

От пронизательного взгляда смотрящего и это не укрылось.

– Не люблю краснопёрых... – процедил он. – Армейский – это куда ни шло... Что же мне делать с тобой, офицер?.. Вёл ты себя, конечно, по беспределу: волюной размахивал перед лицом нашего человека...

– Ствол-то не боевой был... Учебный... – оправдываясь, сказал Коркин. – Я стрелять и не собирался... Так, припугнул... У меня выбора другого не было...

– Выбор всегда есть... – смотрящий умолк, уставясь в одну точку.

Наконец он принял решение:

– Тех, кто за тебя слово замолвил, обижать не хочу, да и ты мне понравился – не ссыкливый. Ладно, спишем ситуацию на твою молодость. Своих у тебя с хвоста сниму и семью твою пресовать не дам... Ступай.

Коркин остался на месте:

– А с квартирой как мне быть? – не понял он.

– Это – твоя забота. Сможешь занять без кровопролития, занимай. Мешать не стану...

Коркин кивнул и вышел.

– Ну как? – спросил Хрясько, когда Коркин уселся в машину.

– Пообещал не пресовать! Отвези меня на съёмную квартиру.

– Думаешь, бояться нечего?

– Да кто его знает... – отозвался Коркин.

Ещё несколько дней после этого он ходил по городу, озираясь. Но смотрящий сдержал слово: хвоста не было и с угрозами больше не звонили.

Коркин забрал свой автомобиль со двора ФСБ и сдал его в ремонт, а когда закончились каникулы, он поехал в Реж и привёз в Екатеринбург жену с детьми.

Решение, как занять свою квартиру раньше конкурента и без «кровопролития», нашлось неожиданно просто.

Гуляя как-то вечером возле своего готовящегося к сдаче дома, он познакомился со сторожем, охранявшим стройку. Разговорились. Сторожа звали Женя, «Женёк», как он представился. Женёк оказался бывшим прапорщиком и тоже связистом. Только служил он здесь, в уральской столице, в окружном полку связи.

– Да я самого комполка возил! У меня весь полк вот где был, – расхвастался Женёк, сжимая кулак совсем не внушительного размера.

– Да, водитель командира – это фигура, – подыграл ему Коркин. – Послушай друг, скажу тебе, как связист связисту: хочу в своей новой квартире дверь поставить железную, чтобы не возиться после сдачи... Вот у меня и ордер смотровой есть! Ты можешь посодействовать?

– Да какие вопросы, майор, – осклабился Женёк, – неси пару пузырей и во время моего дежурства ставь свою дверь сколько хочешь...

Сказано – сделано.

Коркин установил в квартире железную дверь. Привёз спальный мешок, тёплые вещи и заселился в квартиру, взяв на работе отпуск без содержания.

Полтора месяца, остававшиеся до сдачи дома, он находился в квартире безвылазно. Днём сидел тихо, как мышь, не подавая признаков жизни. А вечером приходила к дому Галина и приносила ведро с продуктами. Коркин на верёвке втягивал ведро на балкон, а второе ведро, так сказать, с «отходами жизнедеятельности», спускал вниз...

Конечно, жить в неотапливаемой квартире, без канализации и электричества было нелегко. Дни в стылom помещении тянулись медленно, как на гауптвахте, куда в годы учёбы в училище однажды угодил Коркин за самоволку – он тогда сорвался на свидание к Галке, в ту пору даже не невесте...

А вечерами, ворочаясь в неудобном спальнике на жёстком полу, предавался он невесёлым размышлениям: «Вот докатился, товарищ майор, живёшь, от людей прячась, стука в дверь боишься! Ешь по-собачьи и спишь так же! По нужде, как зэка какой-нибудь, в угол на ведро ходишь... Тоже мне, смотрящий за квартирой...»

И уж совсем горько было думать о том, что Галина принуждена его «нечистоты» на свалку выносить. «Я-то что – солдат, – терзался он, – мне всё привычно, а Галке за что такое? Другая бы уже бы истоналась вся, а она терпит... – с благодарностью думал он о жене и делал обобщающий вывод: – Вот что значит настоящая боевая подруга!»

С этими мыслями он обычно и засыпал, утешая себя тем, что трудности – не на век, что овчинка выделки стоит. Ибо вот она, квартира его мечты, ради которой он всё был готов вытерпеть и которую теперь охраняет.

С балкона хорошо было наблюдать за строительством метро, и это особенным теплом согревало Коркину душу. Он, будучи в добровольном заточенье, даже поговорку придумал, перефрази-

ровав знаменитое изречение Кутузова: «Велика Россия, а отступать некуда – позади метро!».

Наконец наступил день сдачи дома в эксплуатацию. В подъезды открыли доступ для жильцов, и в дверь квартиры, где забаррикадировался Коркин, постучали.

Приоткрыв дверь на цепочке, Коркин увидел перед собой мужика, примерно одних с ним лет, в кожаной дублёнке и бобровой шапке, какие в советское время носили члены правительства и цэка.

– Я – Почуев, хозяин этой квартиры, – заявил мужик, тыкая Коркину под нос смотровой ордер, где чёрным по белому значилось, что квартиру по такому-то адресу принадлежит такому-то владельцу и он может осмотреть её...

– Нет, уважаемый, – парировал Коркин, – квартира – моя!

Он показал мужику свой смотровой ордер и развёл руками, мол, ничего не попишешь: ордера у нас обоих за одним и тем же номером, выписаны в одно и то же время, кто в квартире на данный момент находится, тот и хозяин.

– Я буду с вами судиться, – грозно пообещал мужик.

– Со мной-то что? Судитесь лучше с администрацией района, – посоветовал ему Коркин, но, вспомнив своё обещание засудить пучеглазого замглавы, подумал, что совет дал Почуеву плохой: «Судиться с властью бессмысленно!».

Почуев, продолжая сыпать угрозами, ушёл, а через некоторое время Коркину принесли повестку в суд. Коркин, не без помощи верного Хрясько, нашёл хорошего адвоката и все суды по квартире во всех инстанциях выиграл.

Ещё спустя полгода он получил документ, подтверждающий его право собственности на квартиру. Вскоре и станцию метро рядом с домом достроили и открыли.

Только вот не пожилось Коркину в квартире рядышком с метро.

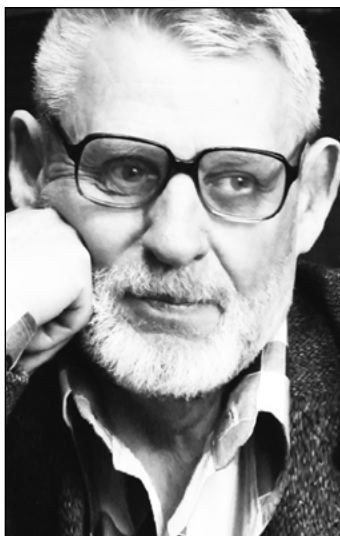
Галина после вселения в новую квартиру устроилась работать секретарём в областную прокуратуру. Там у неё случился роман с начальником.

Коркин с Галиной развёлся, оставил ей и детям квартиру, а сам стал снимать комнату на Сортировке, неподалёку от станции разгрузки, куда он отправлял из Читы контейнер с вещами.

Когда в четырнадцатом году началась война в Донбассе, он уволился из школы и уехал в Донецк добровольцем.

Юрий
МОГУТИН

ПРЕДОБРЫЙ СПАС, ПРОСТИ СЛЕПЦА

* * *

Сибирь глядела сумрачно на пришлых,
Давая мне понять, что я здесь лишний.
Хотелось жрать, но милостив Всевышний –
Я подыскал работу и жильё.

Чин невелик – литраб многотиражки,
И угол в заводской пятиэтажке.
В мороз меня спасал глоток из фляжки,
Рычали рудовозы, как зверьё.

Сибирь варила сталь и кокс спекала,
Здесь даже снег был с привкусом металла.
Сибирь кроила по своим лекалам,
Считая нас за собственных щенков.

Моей зарплаты вечно не хватало,
Случалось, и от голода шатало,
И я грузил вагоны у вокзала
До дрожи мышц,
До хруста позвонков,
И было мне в те дни не до стихов.

27 ноября 2017 года

1944

Я рос на хлебе и воде,
А часто даже и без хлеба.
Мечтал тоскливо о еде:
«Пожрать бы наконец-то мне бы!»

МОГУТИН Юрий Николаевич родился в 1937 году в семье дипломата, репрессированного в 1938 году. Детство прошло в эвакуации на Урале и в разрушенном войной Сталинграде. Окончил историко-филологический факультет Волгоградского пединститута, преподавал в Забайкалье русский язык, работал в сибирских газетах. Прожил в Кемерове 16 лет. Окончил Высшие литературные курсы. Член Союза писателей СССР. Автор многих книг стихов и прозы, лауреат Горьковской литературной премии и премий «толстых» журналов. Живёт в Москве.

Деревня съела всех собак
И даже кошек самых тощих.
Как выжил я тогда, слабак,
Обтянутые кожей мощи?

Маячил явственный кердык,
Но умереть не так-то просто.
И в небесах созрел вердикт:
«Отсрочка малому с погостом».

Война катилась на извод
В крови и скорби похоронок.
Там в ад шагал за взводом взвод,
Тут чах от голода ребёнок.

Как выжил он, который я,
В военном том голодоморе
Среди обносков бытия,
Где жизнь и смерть в извечном споре?

27 декабря 2017 года

МАЛЬЧИК ДЛЯ БИТЬЯ

Мне назначено мальчиком быть для битья;
Я с рожденья познал оплеухи.
Срок по зонам мотала родная семья,
Помереть не давали старухи.

А когда опочил августейший наш вождь,
В небесах перестроилось что-то
И на зонах, откуда не выскользнет вошь,
Распахнулись для ззков ворота.

Мой отец, отбывавший тогда четвертак,
Возвратился в родные пенаты.
Но ГУЛАГом ему повредило «чердак»,
И я стал без вины виноватым.

Мол, пока он пилил двухметровую рожь,
Я купался в довольстве на воле,
Стал виновен, что выжил я, тощий гаврош,
Ведь не зря меня столько поролои.

Безотцовство, скитанья в пространствах Руси,
На душе отщепенства короста.
Не надейся, не верь никому,
Не проси –
Вот нехитрые догмы сиротства.

31 марта 2018 года

* * *

Удел поэта – одиночество
В сакральном вещем сочинительстве.
А озарит его пророчество,
Решат, что это очернительство,
И обличат его в ловкачестве,
Чуть не в кощунстве и предательстве –
Несовместимым с общим мнением...
И кто ж его назначил гением?

И чем он лучше окружающих,
Ни бе ни ме не соображающих?
Поэт обходится без отчества,
Но он не может без Отечества.
Так пусть он будет понят обществом,
А может, даже человечеством.

22 апреля 2018 года

* * *

Я столько обижал Творца,
Что грех рассчитывать на милость.
Предобрый Спас, прости слепца
За всё, что криво получилось.

За жизнь нескладную мою,
За всех обиженных случайно,
За несуразную семью,
Распавшуюся изначально.

Теперь я стар и не здоров,
Забыт людьми и брошен властью,
И нет на свете докторов,
Чтоб вызволили из напасти.

Лишённый красок бытия,
Я вопрошаю безутешно:
Зачем Творцу вот этот я –
Безглазый червь во тьме кромешной?

И что мне весь роскошный мир:
Сибирь в снегах и блеск Парижа,
Луга в росе, Байкал, Памир,
Когда я этого не вижу!

Промчался век и был таков,
Ни славы, ни богатств, ни спеси...
Неужто груз моих грехов
Терпенье Бога перевесил?

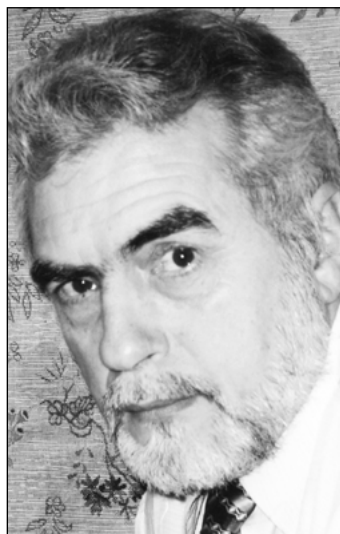
10 августа 2018 года

**Сергей
ЧИНЯЕВ**

ПО СЛЕДАМ СЫНОВЕЙ УНАМИС-ЧЕРЕПАХИ

Ностальгическая повесть
(Отрывок)

Все хорошие книги сходны в одном – когда вы дочитаете до конца, вам кажется, что всё это случилось с вами, и так оно навсегда при вас и останется.

Э. Хемингуэй

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ознакомился с публикацией Андрея Цунского «Когда мы играли в индейцев...», в которой автор описывает биографию кумира мальчишек прошлого века Джеймса Фенимора Купера. Мне показались тоскливо-пророческими первые строки этой статьи: *«Нынешнее поколение детей – последнее, которое может спросить у отца: «Папа, а во что вы играли, когда не было компьютеров?»». И получить ответ: «В индейцев!»»*.

В НЕИЗВЕДАННЫЙ ПУТЬ ПО УСКАТУ

– Слушай, Бизон, а не махнуть ли нам в Красулино?

– А где это?

– Ну это на той стороне Томи, на... левой. Если из Терёхино смотреть, то там за рекой село Казанково на горе видно. Речка в нашу Томь впадает – Ускат называется, так вот там выше по этой речке и стоит село Красулино.

– А чё мы там делать-то будем?

– Дак там же тоже, по-моему, тайга. Ну, по крайней мере, с той стороны от Терёхино видно, что горы все тайгой заросшие.

– Ну поехали, – согласился Вовка, и кисло-скупная гримаса на его лице преобразилось в задумчиво-спокойную.

Сельский рынок открылся, народ стал собираться – запахло зелёным лучком, малосольными огурчиками, а тут ещё откуда-то к остановке тётка в белом фартуке подкатила с коляской и давай зазывать: «Беляши! Подходим, берём беляши. Горячие беляшки!». Ну а уж когда она открыла притороченный к коляске армейский термос и по воздуху разлился аппетитный дух запечённого в тесте мяса, то не в силах уж терпеть голод мальчишки наскребли по карманам двадцать две копейки и купили у тётки по беляшу. С горячим беляшом-то и жизнь стала казаться веселее, а тут вскоре к остановке и автобус красулинский подрулил.

Пазик пылил по просёлочным дорогам, увозя парней к неизвестному им селу Красулино. Надо сказать, что географию родного края пацаны в школе изучали не очень внимательно. А посему, когда уже через полчаса автобусной тряски парни так и не увидели за окном таёжных дебрей, Димка стал сильно сомневаться в своих предположениях. Однако он всё ещё надеялся, что вот-вот начнётся тайга, запахнет пихтовой смолой, но автобус по-прежнему катил по бескрайним полям и лугам с небольшими берёзовыми перелесками и колками.

ЧИНЯЕВ Сергей Викторович родился 3 октября 1953 года в селе Терёхино Новокузнецкого района Кемеровской области. Служил в армии. В 1981 года окончил Томский государственный университет. Отработал в полевой геологии более тридцати лет. Прошёл путь от маршрутного рабочего до главного геолога. Работал в Монголии. Печатался в областной газете «Край», в журнале «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

Когда автобус остановился посредине какого-то села и из него стали выходить пассажиры, Димка для убедительности обратился к кондуктору:

– А это что, уже Красулино?

– Да, конечная, – отрезала кондукторша. – Все выходим!

С постными лицами парнишки выгрузили свои мешки на вытопанную местными бурёнками площадку с ещё не засохшими коровьими лепёшками.

– Ну и где здесь нехоженная тайга? – укоризненно спросил Вовка своего примолкшего товарища.

Димка, чувствуя свою вину, медлил с ответом, но затем, пораскинув мозгами, вроде как со знанием дела взглянул на солнце и, протянув по выбранному направлению руку, произнёс:

– Нам нужно вон по той речке идти на восток к берегу Томи.

– Далёко идти-то?

– Не, не очень...

Возле остановки – небольшой магазинчик, пацаны решили купить чего-нибудь для лёгкого перекуса. Деньжат у них было немного, потому взяли уже изрядно подсохшие булочки с повидлом да по бутылке лимонада. Теперь оставалось только выбрать место для пиршества. Чуть поодаль от автобусной остановки виднелся ветхий деревянный мосток через речку – к нему приезжие мальцы и направились. Открывшийся с мостика вид не впечатлил друзей: по тихому мелководью плавали гуси да утки, тут же бродили коровы, овцы, в сырых прибрежных кустах рылись свиньи, а по грязной воде тихо плыла зелёная тина да гусиные какашки.

– Пойдём, Белый Бизон, куда-нибудь подальше от села, – глядячи на всё это, предложил Димка.

– Согласен, Беркут, давай найдём местечко на природе подальше от этого свинства. Там и перекусим.

Мальчишки спустились с моста и отправились вниз по правому берегу речки. Берега реки заросли тальником, не везде можно было к ней подступиться. Наконец они нашли приятную солнечную полянку, поросшую ромашками, красным клевером и яркой шелковистой луговой травкой. И так славно было на этой полянке: солнышко пригревает, кузнечики в траве стрекочут, бабочки по цветочкам порхают. Хорошо! Булочки с лимонадом умяли быстро – не хватило,

решили ещё по пряничку употребить следом за булочкой. Опять хорошо. Ещё ласковой солнышко светит, ещё пуще кузнечики стрекочут, а в кустах и птички защебетали. Прямо-таки райское местечко!

Ну и, уж конечно, после такого вкусного перекуса в окружающей их благодати мальчишки разомлели – лень по телу разлилась, а потому решили малость поваляться на травке, понежиться на тёплом солнышке. Прошлую-то ночь, впрочем как и позапрошлую, они провели в полудрёме, толком не спали, и оттого довольно скоро под этот убаюкивающий стрёкот кузнечиков полуденный сон овладел ими.

Проснулся Димка от какого-то непонятного шума и крика. Приподняв над травой голову и увидел, что они в окружении коровьего стада, а его дружок, уцепившись обеими руками за морду пёстрой бурёнки, пытается что-то вырвать у неё изо рта.

– Помогай! – увидев приподнявшего голову друга, завопил Вовка.

Димка поспешил на помощь ратоборствующему с животным товарищу и теперь только понял, что корова зажевала их розовый узелок с пряниками и никак не хочет его возвращать. Общими усилиями парням удалось-таки отстоять похищенный узел, однако теперь он имел такой измусоленный вид, что пацанам пришлось его просто выбросить, да и не жалко было, потому как пряники после коровьих зубов-жерновов превратились в сплошное крошево.

– Представляешь, – стал рассказывать Вовка, – сплю я себе спокойно и вдруг слышу: кто-то прямо у меня над самой мордёнью челюстями жамкает, открываю глаза, а прямо передо мной огромная башка с рогами и выпученными глазами – мне со сна-то показалось, что чёрт. Я сначала-то напугался даже, а потом уж в себя пришёл и понял, что это корова и что она пряники наши зажевала.

– Надо же, Бизон коровы напугался, – посмеялся Дмитрий.

– Дык спросонку чё тока не привидится.

– Да, – многозначительно произнёс Димка, – вот и закончились Юркины прянички. Наверно, вспоминает теперь нас, завидует поди...

– Ага, – тихонько хихикнув, подхватил Вовка, – представляет, как мы сейчас на плоту по Томи сплавляемся.

Димка почесал затылок, посмотрел на солнце и изрёк:

– Солнце уж высоко, пора, однако, нам в путь-дорожку. Мы снова идём к большой воде, Белый Бизон!

Вовка согласно кивнул головой и решительно но забросил за спину свой увесистый рюкзак.

– Я готов, Мудрый Беркут!

– Тогда вперёд, Белый Бизон!

Несмотря на преследовавшие парней неудачи, у них ещё не иссяк запас оптимизма, и они по-прежнему готовы были к преодолению непредвиденных трудностей.

Бодрым шагом мальчишки направились вдоль берега реки. Они не ведали, сколько километров им предстоит прошагать до устья, знали лишь, что эта речка впадает в Томь.

Русло оказалось очень излучистым – парни отметили это сразу же, как только пошли по слишком крутой дуге. Сначала они не придали этому большого значения, потому как из-за высоких кустов не было видно ни поворотов реки, ни её изгибов, но когда в следующий раз они пошли по берегу уже в обратном направлении, то поняли, что эдак они далеко не уйдут.

– Чё-то, Мудрый Беркут, мы какими-то кругами ходим, – слышался из-за Димкиной спины упрёк. – Солнце то в правый глаз светит, то в левый, а то вообще в затылок греет.

Речка Ускат в своём течении здесь изобиловала множеством причудливых излучин. Река годами вымывала глинистые берега, образуя крутые извилистые повороты – меандры, и иногда эти меандры образовывали почти замкнутые петли. Вот из-за этой особенности реки мальчишки и кружили по берегу, шагая то на восток, то на запад. Через полчаса такой ходьбы они оказались почти в том же месте, откуда и начали свой путь. Тому свидетельствовали мирно пасущиеся невдалеке пёстрые коровы, те самые, которые совсем недавно стащили у них пряники.

– Нам нужно выбраться вон на тот пригорок и осмотреться, – заявил Димка после недолгих раздумий.

С небольшой возвышенности хорошо стало видно, как заросшая кустарниками река, извиваясь причудливыми петлями, словно огромная зелёная змея, убегает в бесконечную даль.

– Я так думаю, Белый Бизон, что кратчайшее расстояние между двумя точками – это прямая линия, – тоном знатока провозгласил Димка, – и потому мы больше не будем кружить вдоль берега, а пойдём напрямик через поля, вон в том

направлении, – перстом указав, закончил он свою мудрую речь.

– Истину говоришь, сагамор, – поддержал Вовка, – твоя мудрость, конечно, велика, но хоть у меня и трояк по геометрии, помнится мне, что в школе нам математичка на уроке что-то про это говорила...

Димка, еле сдержав улыбку, не ответил на дружескую подковырку, поддёргнул рюкзак и резво двинулся вперёд. Некошенные луга чередовались с небольшими берёзовыми рощицами, и потом снова тянулись нескончаемые поля, заросшие бурьяном и крапивой. Брести по высокой траве и кустарникам было весьма неприятно, но вдруг путники вышли на грунтовую дорогу. Удивились. Однако идти стало намного легче и быстрее, ноги не путались в траве. Вскоре дорога постепенно стала уводить их в сторону и потом и вовсе повернула в какую-то видневшуюся вдаль небольшую деревеньку.

– Что за деревня? – спросил Вовка.

В ответ Димка недоумённо пожал плечами. Тут путники увидели, что к ним навстречу со стороны деревни тащится запряжённая гнедой лошастью телега. Мальчишки скинули рюкзаки и стали ждать. Вот повозка поравнялась с ними.

– Здравствуй, деда! – обратился Димка к пожилому вознице. – А это какая деревня?

Мужичок, натянув вожжи, остановил лошадь и, не слезая с повозки, степенно ответил:

– Здорово, ребята! Так это село Недорезово, – затем, хитро прищурив один глаз, поинтересовался: – А вы сами-то, хлопчики, откель будете? И чего тут в наших краях промышляете?

– Да мы с города, – замямвшись, пояснил Димка, по привычке пряча за мешками чехол с ружьём, – на рыбалку вот приехали.

– Э-э, ребяташки, какая уж тут нонче рыбалка... Вот раньше, старики сказывали, эта речка-то Ускат, по-старому называлась Уксом, это остяки её ещё так называли, что по-ихнему значит «стерляжья река». Так-то вот. Наши-то деды в былые времена тоже стерлядку в ней ловили, да хорошо ловили, даже на продажу в Кузнецк её вывозили.

– Вот ни фиги себе! – удивился Вовка. – Никогда бы не подумал, что тут стерлядка водилась!

– Да в ней и другой-то всякой рыбы полным-полно было... А щас речка спортилась, зачернили её, запоганили... – погрустневшим голосом доложил дед. – Там, в верхах, уголёк нашли, шибко

уж рюкзак, и всё – ушла стерлядка. Так что ступайте на Томь – там ещё можно рыбку словить.

– А далёко, деда, нам ещё до Томи-то тэ-пять? – поинтересовался Вовка.

– Да не, не так чтоб уж... – ответил неопределённо дедуля, осматривая тяжёлую ношу мальчишек. – Вы ребята, я смотрю, резвые, беготливые, так что к вечеру как раз и доберётесь. – Возница тронул вожжами лошадь и, причмокнув губами, продолжил прерванный путь. – Вот Чичербаево тока минуете – и там рядом, – обернувшись вполоборота, добавил на ходу дед вместо прощания.

Такой ответ оставил ребят, а особенно Вовку, в некотором недоумении – про это Чичербаево они впервые слышали, да и сколько им ещё идти, тоже толком не поняли. Проводив взглядом удаляющуюся скрипучую телегу, мальчишки продолжили путь.

Долго шли пацаны под палящими солнечными лучами – кругом ни теничка. Жажда уж стала их донимать, а к речке неохота заворачивать, да и ту воду так не попьёшь – кипятить надо. Хорошо, попался им на пути ручеёк – напились досыта чистой холодненькой водицы. Надо было бы и с собой в дорожку воды налить, да не во что набрать – бутылки-то из-под лимонада зря выбросили. Передохнули чуток и снова пошли.

Время уж к вечеру, а пути и конца не видно. Встретилось им по дороге ещё одно село – наверно, это и было то самое Чичербаево, о котором говорил дед.

Только они миновали его, Вовка не преминул высказать впереди идущему товарищу:

– Говорил «недалёко», а вон уж вторую деревню проходим, где ж то Казанково? Его и не видать ещё... И этот дедуля тоже... «Рядом». Ему на лошади-то, конечно, всё рядом...

– Ну теперь-то точно немножко осталось. Вон Ускат заворачивает вправо, а слева за речкой на тех горах должно быть Казанково, – успокаивал Димка подуставшего друга, хотя и сам умотался вусмерть.

Эта дальняя изматывающая дорога заставила ребят на какое-то время позабыть об условностях их «великого похода», забыть о том, что они вожди краснокожих. Им теперь явно было не до игры и не до упражнения в индейской красноречивости. Дотащиться бы до места.

Лишь на закате парнишки вышли на устье мутного Уската. И вот снова у них перед глазами зелёная река – тихоструйная спокойная красави-

ца Томь. Однако было им теперь совсем не до любований, усталость тянула к земле. Прошли пешочком они в этот день немало – около двадцати километров, да ладно бы налегке, а то ведь со снаряжением и с месячным запасом сухого пайка на плечах.

Чуть поодаль от устья Уската возвышался двадцатиметровой стеной скалистый берег Томи. Между рекой и скалами узенькой полоской тянулся бечевник, усталый речным галечником да скатившимися со скал глыбами серого песчаника. Парни протащились немного вдоль берега и, сбросив рюкзаки, растянулись прямо на отмытой рекой крупной гальке. С полчаса они просто лежали, вытянув намятые за дорогу ноги.

Но вот диск солнца уж коснулся деревьев, и Вовка, не вставая с камней, предложил:

– Надо бы чё-нибудь сготовить, и лучше горяченького, мы ж третий день толком не ели.

– Может, супчику забабахаем?

– Давай, у нас там, кажись, есть вермишелевый с мясом.

– Ну тогда пошли дрова искать.

Вдоль берега среди кустов и камней после весеннего паводка осталось довольно много плавника, и ребята скоро вернулись с охапками сухих веток.

Зачерпнув из реки воды в кастрюльку, построили её меж двух камней и зажгли под ней огонь. С костерком на берегу сразу стало уютней.

– Я думаю, пару пакетиков вермишелевого сыпанём, – предложил Димка, – чтоб посытней-то было.

Вода быстро закипела, и через четверть часа супчик был готов. Черпака, конечно, не взяли и потому кружками разлили по мискам довольно густое варево, добавили в него сухариков, и застучали ложки по чашкам. Поели и снова отвалились на камни; от ощущения сытости стало неумолимо клонить в сон. Сумерки уже сгущались, всё мрачнее становились вечерние краски неба.

– Слушай, Белый Бизон, а нам надо убираться с этой узкой тропы. Мы устали, уснём ведь крепко, а бледнолицые здесь шныряют по берегу. Хорошо, если просто ограбят, а то могут ведь и скальпы с нас снять!

– Ты прав, Мудрый Беркут, на этой тропе оставаться опасно.

– Когда дрова собирали, я заметил во-о-он на тех скалах небольшую нишу, – кивком головы указав место, пояснил Димка. – Давай-ка в ней схоронимся.

– Давай, – согласился Вовка, пристально всматриваясь в то место, куда указал друг.

Уже в сумерках парни карабкались со всем скарбом вверх по каменистому обрыву к неглубокому гроту. Добравшись до скальной ниши, друзья довольно быстро уснули прямо на голых камнях – как говорится, под головы кулак, а под бока и так.

Миновала тихая ночь. Спали пацаны этой ночью не шелохнувшись и лишь ближе к рассвету заёрзали на жёстком каменистом ложе, выгребая из-под себя руками острые вдавившиеся в тело обломки камней.

А к утру по-над Томью, над самой гладью воды, завис густой белый туман. На прибрежные травы упала обильная роса, отсырели и повлажнели камни на берегу, постепенно сырость пробралась и в пещерку, где отдыхали юные путешественники. Ощувив в теле зябкость, мальчишки поднялись с холодных камней и стали выбирать из-под скальной ниши.

Туман над рекой с первыми лучами солнца быстро растаял. Чтобы прогнать из тела утренний озноб, парнишки распалили на берегу костёр.

– Ну мы дали с тобой вчера! – вспоминая дорогу, молвил Вовка. – У меня ноги до сих пор гудят!

– Это точно, приличный путь проделали, – поддержал Димка. – Хороша тренировочка! Но мы всё ж дошли с тобой до устья! А, Бизон?

– Да, дошли, только... – не договорил Вовка, уставившись в костёр. Его явно терзали сомнения в правильности выбранного Димкой маршрута.

– Куда дальше двинем? – спросил Вовка. – Мне здесь не катит – вон банки, бутылки валяются. Да и людно здесь как-то. Никакой дикости.

– Да уж, с Терсями не сравнишь... – мечтательно произнёс Димка. – А вода там какая... Я на Средней Терси ещё пацанёнком был – мы с мамкой на кукурузнике туда летали к её сеструхе в Ячменюху, так я на речку сбегал поглядеть. Все камушки на дне видно, будто воды и нет вовсе, и, мелко-мелко так, кажется, а зайдёшь в воду – там по грудь. Во вода какая!

– Здоровски! А представляешь, мы могли бы вот это место уж проплыть по реке на нашем плоту, – как-то отрешённо добавил Вовка. – И потом доплыли бы до Терсей... Если бы не этот...

– Слушай, друган, – резко перебил его Димка, – а у меня ж дядька постоянно в Терёхино на

рыбалку приезжает, а у него большая лодка со стационаром, я даже прошлым летом помогал ему красить её суриком. А вдруг он щас там, в Терёхино!.. Да он нас запросто на своей лодке до устья Терси подбросит!

– А как мы до Терёхино доберёмся?

– Надо какую-нибудь лодку ловить, чтобы на ту сторону нас перевезли, на остров. Вот это перед нами же остров Терёхинский – он большой, длинный, а за островом – Терёхинская протока, там есть брод, по нему даже машины ездят во время покоса. Ну а за протокой сразу и деревня прям на берегу стоит.

Предложение Димки в данной ситуации было заманчивым, да и выбора особого у «скитальцев» теперь не было, парнишки на том и сговорились.

В ДЕРЕВНЮ С НАДЕЖДОЙ

Ждать лодки пришлось не очень долго – на этот раз повезло. Моторка поднималась снизу и, судя по ходу, направлялась как раз к устью Уската. Лишь только лодка причалила к берегу, мальчишки уж были подле неё. На просьбу пацанов перевезти их на другой берег немолодой хозяин лодки согласился, но не в сей момент, а малость попозже – нужно ему было сходить ещё в село по каким-то своим делам.

Вернулся хозяин лодки примерно через час и, ни слова не говоря, стал сталкивать в реку острый нос лодки. Ребятам показалось даже, что он забыл о своём обещании, они поспешили помочь ему да заодно и о себе напомнить. Лодочник взмахом руки указал пацанам загружаться, а сам прошёл на корму к мотору. Пока хозяин наматывал шнур на маховик стартера, ребята закинули в лодку свои рюкзаки. На третьем рывке шнура мотор взревел.

Через какие-то десять минут лодочник уже высадил ребят на остров. Парни поблагодарили немногословного моториста, тот кивнул и унёсся вниз по течению.

Снова взгромоздили пацаны рюкзаки на плечи и снова вперёд – через заросли тальника и черёмушника к противоположному берегу острова. Неожиданно на пути им встретилась старая курья, обильно заросшая по берегам невысокими кустами – даже Димка не знал о её существовании. Пришлось ребятам какое-то время идти вдоль берега этой довольно глубокой старицы. И тут вдруг явилось им чудо – в небольшом проёме между ветвей черёмушника

взору открылась удивительная картина: в тёмной стоялой воде среди кувшинок и лилий купались две юные красавицы. Одна из девушек с обнажённой грудью стояла по пояс в воде и увлечённо плела из кувшинок венки, а другая плавала рядом. Потом та, которая плавала, подняла глаза и, увидев незнакомых парней, тихо предупредила об этом плетущую венки подругу. В следующий момент они обе устали и стали беззастенчиво знаками звать их к себе. Ошеломлённые пацаны замерли – в первый момент им даже не верилось, что всё это происходит наяву.

– Идём отсюда, – наконец полушёпотом произнёс опомнившийся Димка, – и побыстрому!

Не дожидаясь реакции друга, Димка рванул в сторону подальше от этого тёмного водоёма. Вконец растерявшийся Вовка, оглядываясь на ходу, устремился следом за ним.

– Ты чё так шустро сбежал-то? – спросил он, догнав дружка. – Такие девахи симпатные, да ещё и сами нас поманили...

– Какие девахи?! – полушёпотом выдавил Димка. – Откуда им здесь взяться-то? Ты ноги-то у них видел?!

– Нет, они ж обе в воде по пояс...

– Вот то-то и оно! Не девки это вовсе, а русалки-болотницы! А вместо ног хвосты у них рыби. Заманят в омут – и всё, пиши пропало! От них уж не вырвешься... И косточек твоих потом не найдут! Водятся тут в озёрах такие – мне про них ещё бабка рассказывала.

Теперь Вовка следовал за другом в глубокой задумчивости – очень уж он сомневался, что те симпатичные девчонки на самом деле русалки. «Надо было спрятаться да подсмотреть за ними, выяснить, что там у них ниже пояса: ноги или хвосты», – рассуждал на ходу заинтригованный парнишка.

Между тем юные путники миновали заливные луга, пока ещё не кошенные, и уже подходили к протоке. Здешние места были хорошо знакомы Димке – в деревне жили его родственники и здесь в детстве он провёл не одно лето, на этой протоке ловил он пескариков в тихоструйных песчаных отмелях; прекрасно знал Димка, в каком месте можно перебрести протоку. Неглубокий брод, где вода доходила чуть выше колена, мальчишки перебрали без курьёзов и сразу, не переобуваясь, в чвакающих на ходу мокрых кедах, направились в село.

Рубленый дом под вальмовой крышей, в котором проживала Димкина тётка, располагался совсем не далеко от реки. Брёвна дома от времени уж сильно потемнели, да и сам сруб снизу подопрел и оттого немного осел в землю. Парни вошли через калитку во двор, но на лай взъерепенившегося пса никто на крыльцо не вышел. Димка повернул на двери кольцо щеколды и вошёл в сенцы, а затем и в избу, кликнул хозяев, но и там никто ему не ответил, и он снова вышел во двор. Пёс наконец-то признал Димку и успокоился.

– Нет никого, – объявил Димка присевшему на лавочку товарищу.

– Может, в магазин пошла? – предположил Вовка, отгоняя ногой окруживших его наглых рябых куриц.

– Ну тогда бы хоть замок на дверь накинула, – и тут Димку осенило: – Да она, скорее всего, в огороде копается.

В подтверждение его догадки тётка Аграфена уже подходила к огородным воротцам с большим пучком лебеды в руках.

– Здравствуйте, тётъ Груня!

– Ой ты батюшки мои, никак гости у меня! – возрадовалась Аграфена. – А пошто так поздно? Автобус-то с города уж давно пришёл.

– Да мы не на автобусе, – пояснил племянник, – мы пешком пришли из Красулино.

– А-а?! – недоумённо произнесла Аграфена, разбрасывая по двору лебеду оживившимся курам.

– Мы с другом путешествуем, – поспешил Димка с разъяснением.

– Устали, поди? – посочувствовала тётка. – Есть, небось, хотите? Щас я что-нить сготовлю. А пока вон простокыши попейте – там она, в сенцах.

Простокваша у тётки Груни была знатная, Димка это хорошо помнил – резкая, крутая и аж пластами закисающая в банках. В сенцах на столе рядом с банками стояла большая кружка, и пацаны с удовольствием выхлебали почти половину трёхлитровой посуды.

– Слушай, Дим, – напившись простокваши, вспомнил Вовка, – а как нам насчёт твоего дядьки-то с лодкой разузнать?

– Это я сейчас же выясню, – ответил Димка и, не мешкая, отправился на летнюю кухню, откуда тянуло уж аппетитным запахом – Аграфена жарила на сале большую сковороду яишенки.

Из разговора с тётушкой выяснилось, что зять её Виктор на рыбалку ещё не приезжал, да и

о том, когда он собирается рыбачить, Аграфена тоже не ведала. Конечно, такая неосведомлённость не улучшила парням настроения, но и уныния особого тоже пока не вызывала, ведь их расчёт на моторную лодку основывался лишь на Димкином предположении; оставалось только ждать в неведении, опять надеясь на авось.

Снова, в который уж раз, рушились планы мальчишек, словно кто-то чинил им эти препоны и расставлял на пути ловушки, будто какая-то неведомая таинственная сила не пускала их в те глухие таёжные дебри. И никак не могли они добраться к своей изначально намеченной цели – к той самой прозрачной речке, где в серебряных струях резвится быстрый хариус, где в дремучих лесах обилие дичи, а по таёжным ключам хоронятся золотые самородки.

Вскоре тётка Аграфена кликнула мальчишек к столу. За обедом она исподволь поинтересовалась, чем парни собираются заняться.

– Да мы, тётъ Грунь, ещё не решили, как и куда дальше двинем, – ответил Димка. – Сегодня, наверно, переночуем на вашем сеновале, а к утру определимся.

– Ну вот и хорошо, куды вам торопиться-то, – наливая парнишкам чай, рассуждала Груня, – авось сёдня картошку мне поможете ополоть – попозже, вот токо пекло чуток спадёт.

Друзья переглянулись и согласно закивали, как же не помочь.

Ближе к вечеру Аграфена засобиравалась в огород. Повязав на голову белый платок, она зашла в подсобку и загремела там инструментом. Когда из сарайчика послышался металлический звон рашпиля о лезвие тляпки, парни поняли, что это и есть сигнал, оповещающий о начале прополки.

В огороде у Аграфены картошки было посажено немало – соток эдак пять, а то и больше, и взгляд мальчишек тоскливо заскользил по заросшим травой ровным длинным рядкам. Однако занятие это было им, считай, с раннего детства знакомо, и парни со знанием дела взялись за тляпки.

Окончив прополку, друзья забрались передохнуть на набитый сеном чердачок хозяйского коровника – там было устроено место для ночлега. Растянувшись во весь рост на духмяном сене, мальчишки наслаждались наконец-то более-менее мягкой постелью.

– Послушай, Беркут, мы что-то потихоньку превращаемся в скваттеров, – приподнялся Вов-

ка на локоток, – а индейцы племени ленапов жили в лесах. Мы что, так и будем здесь, на хозяйском дворе, ожидать твоего дядьку? Когда он ещё приедет-то?

– Ты верно говоришь, Белый Бизон, но мы сегодня всего лишь помогли женщине, а завтра, я думаю, нам надо уходить в лес. Пойдём на реку, подальше от деревни, к большим тополям, там поставим вигвам и будем ожидать его. Я бывал в тех местах раньше – там почти не бывает людей.

– Как мы тогда узнаем, что он приехал?

– Скажем тётке, в каком месте будем ждать, она ему и передаст.

– Хорошо, – потянулся Вовка, – потёпаем на реку, будем жить на берегу – рыбки там хоть половим.

Ближе к вечеру со двора послышался призывный зов Аграфены – тётушка зазывала мальчишек на ужин. Парни шустренько спустились по приставной деревянной лестнице – на столе их ждала томлёная в сметане картошечка и прикрытая марлей кринка с молоком. Плотно поужинав, друзья поведали Аграфене о своих планах на завтрашнее утро и снова отправились на сеновал.

77

На сытый желудок мальчишек сразу потянуло в дремоту. Они ещё поговорили немного о традициях индейцев, живущих на берегах Великих озёр, и, накрывшись одеяльцами, сами не заметили, как погрузились в безмятежный сон.

Утром ранним-ранёшенько Димка проснулся от настойчивого сиплого крика петуха – тот взлетел на плетень и орал что есть мочи, казалось, нарочно в сторону сеновала, где спали мальчишки. Этому хриплому кочету поочерёдно вторили соседские петелы, и это горластое одногласие разносилось далее по всей деревне. Солнце ещё не взошло, но через щели в досках уже просачивался струящийся розовый свет от занимающейся на востоке зари.

Вставать не хотелось, но во дворе звякнуло ведро, и через минуту до слуха донеслось монотонное: «Бзынь-бзынь, бзынь-бзынь». Это струи молока из коровьего вымени били об алюминиевое днище подойника. Тётка уже вышла на утреннюю дойку своей любимой коровушки.

– Просыпайся, – тронул Димка за плечо сладостно посапывающего товарища, – нам пора в дорогу.

– Ага, – помедлив, отозвался Вовка, лениво поднимаясь с лежанки, – хорошо поспали.

Ему не очень-то хотелось просыпаться именно сейчас, как раз снились те вчерашние игривые русалки.

Собирались друзья недолго – рюкзаки подготовили ещё с вечера и потому могли выдвинуться в путь немедленно. Тётка Аграфена уже подоила корову, теперь через марлю процеживала молоко и разливала его по банкам. Конечно же, на дорожку тётушка налила мальчишкам по кружке тёплого парного и слегка сластившего молочка.

Уже первые лучи солнца позолотили малиново-розовый небосклон востока – день по всем приметам обещал быть ясным. Аграфена проводила гостей до калитки и тут же следом стала выпроваживать корову на пастбище. Парни довольно резво взяли старт из деревни и вскоре вышли на ведущую к реке прямую улицу. По деревне со всех дворов и проулков уже слышалось то протяжное, то отрывисто-зычное мычание плетущихся бурёнок – они словно маленькие ручейки вытекали из тесных деревенских улочек, сливаясь в одну большую пёструю речку. Вот послышался хлесткий, словно выстрел, щелчок плетёного бича по воздуху – пастух на коне собирал коров в стадо.

ВИГВАМ НА ПРОТОКЕ

Миновав крайние избы, друзья вышли за деревню. Сразу за околлицей нужно пересечь ручей, вытекающий из Долгого озера. Чтоб с раннего утра не мочить кеды, мальчишки разулись и босыми перебрали ручей. Далее перед ними расстилалась обширная луговина, а за ней в обозримой дали виднелся тёмный лес. Солнце уже взошло над горизонтом, и в его лучах травы на лугу засветились бисерной росой. Хоть трава на поляне росла невысокая, всего лишь до щиколотки, но этого вполне хватило, чтоб тканевые советские кеды сразу же промокли насквозь и смачно зачавкали при ходьбе.

– Зря только разувались, – пробурчал на ходу Вовка.

За ровной луговиной, растянувшись вдоль речной поймы, сразу начиналась рёлка с множеством небольших торфяных кочек, чередующихся с влажными ложбинами и длинными невысокими буграми, по которым клочками топырились заросли калины, шипастого боярышника и черёмухи. Под ноги стали попадаться сухие ветки боярки с острыми, словно швейные иглы, шипами – эти места даже коровы, единожды уколотившись, обходили потом стороной. Теперь и

парням в обувке с тонкой резиновой подошвой шагать нужно было очень осторожно – с приглядкой под ноги. Луговая неудобница протянулась вдоль берега до самого леса. А за этой релью пойма реки выполаживалась, исчезал кочкарник, и эти места облюбовал чёрный тополь – осокорь. Тополя вырастали здесь до огромных размеров – иной раз встречались стволы такой толщины, что вдвоём руками не обхватишь. На самом берегу протоки обильно росла ива и разный другой мелкий кустарник. Суглинистый берег местами круто обрывался в реку, но мальчишкам за излучиной удалось найти хорошее место с пологим песчаным пляжем.

– Давай здесь ставить вигвам, – обнаружив ровную полянку чуть выше пляжа, устало выдохнул Димка.

– Хуг! Отличное местечко, Мудрый Беркут! – поддержал его вошедший в игру Вовка.

– Ну что, начнём обживать? Для вигвама нам понадобится с десяток жердей, – уминая ногами траву на поляне, рассуждал Мудрый Беркут.

– Наши томагавки остры, – согласился Белый Бизон, – я думаю, что в этом лесу найдутся подходящие деревца.

Мальчишки разбрелись по лесу. Вскоре выяснилось, что не так-то уж и просто выбрать из подлеска более-менее ровные да ещё и с рога-тупинкой на конце жерди. Строительство вигвама затягивалось, пока парни не наткнулись на островок молодого осинника – здесь было довольно тонких прямых деревьев, и дело пошло быстрее.

К полудню остов вигвама был готов, оставалось обвязать жерди поперечными хлыстами и накрыть каркас жилища зелёными ветками (никакого холста для покрытия жилища у пацанов, конечно, не было). Не забыли друзья в этот раз и о постели – натаскали внутрь шалаша тонких веток и охапки скошенной ножами травы, а вход в вигвам завесили всё тем же незаменимым куском полиэтилена.

– Неплохо смотрится, – пяťясь к реке, оценил жилище Белый Бизон, – правда, индейцы накрывали вигвамы выделанными кожами, да и спали они на тёплых медвежьих шкурах, но за неимением... и так сойдёт.

– Летом жить можно, – согласился Мудрый Беркут.

– Надо нам теперь дровишек впрок заготовить для костра, – напомнил Белый Бизон, – а то скоро обед.

Сухостоя и валежника даже в обозримом лесном пространстве было предостаточно – оставалось лишь подтащить его поближе к вигваму.

– Слушай, Дим, может, я пока один дрова потаскаю, а ты костром займёшься? И обедом...

– Ладно, договорились, – согласился Димка, – сегодня я готовлю.

Пока Вовка волочил из лесу сухие коряжины, Димка с усердием занялся оборудованием кострища. В нескольких метрах от входа в вигвам он вбил в землю пару черёмуховых рогатуллин, притащил с берега десяток больших камней, обложил ими кострище и только тогда запалил костёр. Приятно запахло дымком – Димка заморозенно наблюдал, как огонь жадно пожирал сухие веточки.

Подкинув ещё дровишек в костёр, Димка с кастрюлькой ушёл на реку и, прежде чем зачерпнуть воды, обмыл потные лицо и шею. Тут его внимание привлекли стайки спящих у берега мальков, и он подумал, что неплохо было бы и рыбки на уху наловить, и сразу же вспомнил, что у них нет ни картошки, ни лука... Он досадовал теперь на себя, что не догадался спросить об этом у тётки в деревне.

В костре уже нагорели докрасна угли, и от них веяло сильным жаром – самое время подвешивать кастрюлю с водой. Пока Димка, читая надписи на пищевых брикетах, рылся в рюкзаке, выбирая подходящий концентрат, вода в кастрюле уж нагрелась. В это время и Вовка, решив немного передохнуть, тоже подсел к костру.

– Чего у нас будет нынче на обед? – спросил он колдующего над кастрюлей сотоварища.

– На обед у нас будет суп молочный с вермишелью, – сорвав с брикета обёртку, объявил Димка.

Он попытался было раскрошить прессованный брикет над кастрюлей, но тот плохо поддавался, и в конце концов просто сбросил плохо размятый концентрат в ещё не закипевшую воду.

– Разварится! – со знанием дела пояснил Димка наблюдающему за процедурой товарищу.

Надо сказать, что суп из спрессованного брикета Димка готовил впервые, и что-то ему подсказывало, что он чего-то не учёл. В сомнении он поднял сорванную с брикета обёртку и только теперь начал читать пояснения к способу приготовления.

– На ноль целых восемь десятых литра воды! – удивился парень. – Хм! Как бы я отмерял эти ноль восемь?

Это было первое несоответствие инструкции, но далее концентрат предварительно требовалось тщательно растолочь.

– Да-а! – почесал повар затылок и, сняв кастрюлю с костра, попытался раздолбить ножом утонувшие в уже побелевшей мутной воде крупные куски брикета. Вскоре это занятие ему надоело, и он вновь вывесил кастрюлю над костром.

Вовка всё это время молча наблюдал за поварским искусством друга. Но вот наконец-то в кастрюльке закипело, забулькало.

– Пусть подольше покипит, – помешивая ложкой белое варево, решил Димка, – авось разварится... да и вода лишняя повыкипит.

Ждали ещё четверть часа – на большее терпения не хватало.

– Бери ложку, давай пробовать, – предложил повар.

– Давай испробуем, чего ты там забодяжил...

Белая молочная водичка была ещё так себе – солоновато-сладковатая, но лапшинки в этой воде поймать ложкой было затруднительно. Иногда всё же удавалось выловить цельный кусок концентрата, обгрызть его сверху, а сырую, непроваренную середину выплюнуть.

– Кажись, поели, – съехидничал Вовка.

– Ну наперёд нам будет наука, – спокойно ответил Димка, – сначала рецепт на упаковке читать надо, потом уж готовить.

– Это, конечно, не обед индейцев, – заметил Вовка. – Вот Соколиный Глаз, наверно, уже оленя бы завалил, и щас бы на углях мяско с Чингачуком жарили. Да-а. Кстати, что твой винчестер молчит?

– Эх, Белый Бизон, здесь же не тайга глухая, и вместо оленей хозяйские коровы по кустам бродят.

– Когда мы только до неё доберёмся – до тайги-то?

– Вот зайцев я здесь видел, но только один раз.

– Ну и зайчатинка бы сошла щас за милую душу.

– Погода посмотрим. Сначала надо осмотреться, разведать, что тут и как. Вдруг где-нибудь поблизости бледнолицые затаились.

– Верно говоришь, Мудрый Беркут! Давай тогда уж сегодня до конца оборудуем стоянку, а завтра – на разведку.

Весь остаток дня друзья занимались обустройством лагеря: перерубили для костра все приволоченные из лесу сухие стволы и сучья –

получилась хорошая поленница; вокруг вигвама и около кострища вытоптали высокую траву; из жердей соорудили небольшой обеденный столик. А под самый вечер у Вовки возникла хорошая идея – вырезать из черёмухи удилища да окуньков половить. Черёмуховых кустов в окрестностях множество, и можно без особого труда отыскать ровные и длинные пруты. Вырезав по паре хлыстов, парни вернулись к дымящемуся ещё костру.

– На ужин-то чё-нить готовить будем? – ошкуривая ножом удилище, поинтересовался Вовка.

– Да надо бы, – отозвался Димка, – но давай уж теперь по рецепту каши сварганим.

Отложив в сторону своё уже почти очищенное от коры удилище, Димка полез в рюкзак и достал брикет с надписью: «Каша пшеничная с мясом».

– Вот с мясом-то оно само то будет! – удовлетворённо заявил Димка и принялся готовить, строго следуя указаниям на обёртке. – Сегодня я готовлю, а завтра твоя очередь.

В этот раз варево у него получилось правильное – даже вид у каши был вполне съедобным и аппетитным. Парнишки с удовольствием умяли пшеничную кашку да стали готовиться ко сну.

Эта первая ночь в вигваме не оправдала ожидания друзей. Поначалу мягкая зелёная подстилка, источающая запах вянущей травы, вполне их устраивала, но постепенно неприятная сырость трав, проникая сквозь одежду к телу, охлаживала спину и заставляла ворочаться с боку на бок. А тут ещё и комары, несмотря на завешанный полиэтиленом вход, проникли в шалаш и принялись досаждать своим нудным писком.

Среди ночи Димка, не выдержав холодающей сырости и комариного натиска, выбрался из вигвама наружу. Небо было усыпано мириадами ярких звёзд. Над лесом и луговинами, укрытыми чёрным ночным покрывалом, висела сонная тишина, лишь речка лениво лепетала, словно беседовала с крутым глинистым бережком.

Насладившись ночным покоем, Димка подошёл к кострищу. Угли под пеплом прогоревших поленьев ещё были горячими, и парень, подкладывая сухие тонкие веточки, стал раздувать угольки. Вскоре робкий огонёк вспыхнул в темноте, и по мере того, как Димка подкладывал всё более крупные хворостины, пламя быстро разгоралось. Когда уже костёр осветил стоящий невдалеке вигвам, из него выполз и второй «индеец» – вид у него был слегка очумелый. Ему

опять приснились фривольные русалки, но в этот раз они уже пытались утащить его на дно тёмного омута...

– Да, Мудрый Беркут, что-то постель в нашем вигваме сыровата, – подсаживаясь к костру, изрёк Белый Бизон, – надо будет подсушить днём траву на солнышке.

– Ага, – отозвался Димка, – и дымокурчик посередине соорудить от комаров не помешало бы. Так чукчи делают – у них очаг прямо посреди чума.

– Да чё чукчи, и у индейцев тоже вон во всех фильмах да и в книжках на картинках я видел – дымок из вигвамов выёлся, – зевнул Вовка и удобно расположился возле огня.

Примолкшие мальчишки, словно замороженные, смотрели на пляшущие языки пламени, и думки их теперь были подобны пламени этого костра – лёгкими, тёплыми и уютными. Но тут Вовке опять вспомнились приснившиеся коварные русалки.

– Слушай, Беркут, а те русалки ведь от нас недалеко... Они случаем не приплывут к нам по реке?

– Не, не должны, – как-то неуверенно ответил Димка, – они ж по реке не плавают... Это ж болотницы, они только в тёмных омутах обитают...

– Откуда ты знаешь? – усомнился Вовка. – Мне вот они опять ночью чё-то привиделись...

Остаток ночи друзья так и провели возле костра. К утру посвежело, на луговые травы опустилась роса; зябко пацанам стало у затухающих углей, и, ленись снова разжигать огонь, они перебрались досыпать в зелёный шалаш на свои травяные лежанки.

Проснулись друзья в это утро довольно поздно, когда солнце уже, разогнав лёгкий туман, взошло над луговинами и подсушило выпавшую на травы росу. Вьюрки в зарослях кустарников уж вовсю насвистывали извечный мелодичный вопрос: «Медведя видел? Медведя видел?»... Хотя в этой местности жители почему-то считали, что птичка эта, красноголовая чечевица, вопрошает: «Никиту видел?».

Первым делом пацаны сбегали на речку, умылись и, взбодрённые прохладной водицей, взялись наводить в вигваме уют. Для начала выгребли из шалаша и расстелили на солнце всю натасканную за минувший день траву и затем отправились на берег собирать подходящие для очага камни.

Камней мальчишки натаскали даже с избытком и теперь увлечённо выкладывали ими круг посредине вигвама. Довольные своей придумкой, они запалили небольшой костерок в обложенном валунами круге и вышли наружу глянуть, как идёт дымок из вигвама. Зрелище их несколько разочаровало – получилось не совсем как на картинках: дым валил не только из верхушки конуса, но и пёр из всех щелей зелёного шалаша; со стороны вигвам несколько смахивал на загоревшуюся копёнку. Однако мальчишек это обстоятельство не очень-то и расстроило.

– Нормально, – заявил Белый Бизон, – дымверху тянется, а внизу его нет. Зато комаров всех из вигвама выгонит.

– Это верно, – согласился Мудрый Беркут, – раньше бани так в деревне топили: по-чёрному.

Поворошив разбросанную вокруг вигвама и уже подсыхающую траву, парнишки направились к костру.

– Однако, Белый Бизон, сегодня твой черёд готовить.

– Справедливо, Мудрый Беркут, я готов.

– Ну а я, пожалуй, схожу на разведку с ружьём, авось чё попадётся!

– Во, это дело, – обрадовался Вовка, – зря мы его, что ли, с собой таскаем. Глядишь, и свежатинки отведаем, – потом с расплывшимся от улыбки лицом повернулся к Димке: – Помнишь, как мы его покупали у того мужика?

Димка улыбнулся в ответ и согласно кивнул головой. История с приобретением ружья была действительно странной и неожиданной.

Случилось это прошлым летом. Друзья тогда возвращались из леса, где упражнялись в метании ножей и «томагавков». Они уже добрались до Байдаевского посёлка и направлялись к автобусной остановке. И тут на углу Мурманской улицы пацаны наткнулись на торгующего всякой всячиной мужичка. За небольшим прилавком мелочник разложил старую обувь, посуду, какие-то тряпки и... ружьё! Оторвать взгляд от воронёного ствола Димка уже не мог – это была его заветная мечта. Пальцы парнишки скользили по холодному металлу, по истёртому прикладу – одноствольная курковка была уже не новой, но вполне исправной. Парень заглянул в ствол – тот отливал зеркальным блеском, взвёл курок, щёлкнул бойком и деловито по-взрослому спросил продавца:

– За сколь продаёшь?

– За пятнашку отдам, – оценивая покупателя, ответил мужик, – со всеми прибабасами.

Торговаться Димка не умел, да и цена была невысокой (в магазине такая одностволка стоила двадцать один рубль, но к тому времени охотничье оружие уже продавали лишь по охотничьим билетам). Но где ж взять такие деньги? Пятнадцать рублей! И тут парень вспомнил, что на краю посёлка в частном секторе проживали его родственники. Упустить такую возможность он уже не мог.

– Я куплю, только щас вот за деньгами сбегаю. Подождёшь маленько? А?... Я быстро...

Мужичок согласно кивнул.

– Вовка, покарауль, – снимая рюкзак, обратился он к дружку, – а я смотаюсь к родственникам, попробую денег занять. Да смотри, чтоб он больше никому не продал!

Ждать попутного автобуса у Димки не хватало терпения – он весь был на взводе, и потому припустил во всю прыть по Мурманской бегом. Он бежал, пока хватало дыхания, затем, устав, переходил на шаг и потом снова бежал, бежал до изнеможения, до колик в боку. Он нёсся по улицам, не зная точно, дома ли родственники и найдут ли они деньги, – бежал наудачу.

И удача его не подвела: родственники оказались дома, а дядька, видя горящие глаза племянника, пожертвовал своей схороненной заначкой.

Обратный путь Димка так же пронёсся, не чуя под собой ног. Вовка уже заждался друга и очень возрадовался, когда запыхавшийся Димка наконец-то воротился с деньгами.

Сделка с покупкой оружия состоялась. Вместе с ружьём довольный продавец передал пацанам патронташ с латунными гильзами, немного дробы, капсюлей и даже свой охотничий билет – он ему теперь был без надобности.

Все охотничьи прибабасы Димка уложил в рюкзак, туда же вошёл и приклад с казённой частью, но вот длиннющий ствол никак не помещался и торчал из рюкзака. Тогда парень просто засунул ствол в штанину, привязав его верёвочкой за подствольный крючок к поясному ремню. И таким манером, изображая прихрамывающего инвалида, покандылял к автобусной остановке. Конечно, и в автобусе ему пришлось стоять всю дорогу на задней площадке. Ну а уж добравшись до городской квартиры, Димка, как говорится, поставил отца перед свершившимся фактом. Обратного хода сделка уже не имела. Вот так вот и появилось у Димки ружьё.

Побродив по берёзовым колкам и до одури нализавшись по зарослям черёмушников, Димка довольно быстро понял, что никакой дичи он здесь не встретит. Он уже собирался повернуть обратно, но тут до его слуха донеслось карканье ворон, и взыграл охотничий азарт у парнишки. Размышлял он просто: ворон, конечно, не едят, но им-то, «индейцам», нужны ведь перья для украшения головных уборов. В то время отстрел серых ворон приветствовался всеми охотничьими обществами в независимости от времени года. Вороны наносили большой ущерб охотничьим угодьям, потому что разоряли гнёзда как промысловых, так и непромысловых птиц. По весне вороны склёвывали яйца, а позже вытаскивали неоперившихся птенцов прямо из гнёзд. Среди охотников даже была поговорка: «Ворона – два патрона», потому как в охотообществе можно было получить за каждую воронью лапку по снаряжённому дробью патрону.

Пригнувшись к земле, Димка всё ближе и ближе подбирался к вороньей стае. Ступал очень осторожно, чтоб без шороха, как это делали индейцы, скрадывая намеченную жертву. И хоть на ногах его были советские «мокасины», он всё равно старался красться по-кошачьи, так, чтоб под его ногой не хрустнула ни одна сухая веточка. Вот уже голоса птиц стали громче и в просвете меж кустов парень увидел ворон, разместившихся на ветвях чёрного тополя. Теперь оставалось лишь подкрасться к ним на расстояние выстрела. Димка совсем припал к земле и медленно-медленно, хоронясь за кустами, пополз по траве к тополю. Ему не терпелось добыть скорее трофей, и когда уже птицы стали отчётливо видны, он тщательно прицелился и выстрелил. Ещё дым от выстрела не рассеялся, а Димка уж со всех ног нёсся к дереву. Воронья стая сорвалась с облюбованного дерева и разлетелась по округе, в траве под тополем парнишка нашёл свой первый трофей. Воронья тушка оказалась совсем не крупной, но она и не представляла для него интереса – перья, вот что было главной целью его охоты. Выдернув из хвоста парочку, Димка воткнул их себе в нечесаную шевелюру и с добычей направился обратно к вигваму.

Тем временем Вовка по-быстрому сварил вермишелевый суп из пакетиков и убежал на речку удить рыбу. Место ему попало удачное – в ямке под перекатом отменно брала на червя сорожка, и, захваченный диким азартом, парень совсем забыл про оставленный без присмотра лагерь.

Не обнаружив на стоянке друга, Димка подошёл к оставленной возле потухшего костра кастрюле, открыл крышку, глянул на уже разбухшие вермишелевые звёздочки, от вида которых у него мгновенно разыгрался аппетит. Он уж было собрался пообедать, но потом решил всё же сначала отыскать своего товарища – Белого Бизона. Сразу же подумал: «Ну где ж он ещё может быть, как не на реке?».

Внимательно осмотрев зелёные берега, Димка не сразу обнаружил своего друга, и лишь только когда из-за кустов мелькнуло недавно ошкуренное белое удилище, понял, что тот удит рыбу.

– Эй, рыбак! Айда обедать!

Ответа не последовало, и Димка стал подходить ближе. Уже на подходе к рыбаку заметил, как тот ловко подсёк и подтащил по воде серебристую рыбку.

– Что, хорошо клюёт? – задал снова вопрос Димка.

– О-о, Диман, – отозвался наконец Вовка, – не то слово, сорожняк хватает, да крупный... Во! – приподняв из воды тяжёлую от рыбы сниску, вырезанную из ивового прута, похвастался рыбак.

96

Тяжёлая сниска впечатлила, и Димка присел рядышком понаблюдать за процессом. Но, как назло, рыба перестала клевать, и Вовка вышел с удочкой из-за куста.

– А как твоя охота? – оглядывая утыканную перьями голову друга, спросил Вовка. – Я слышал выстрел.

– Да тут одно вороньё в округе. Вот перьями разжился, – указывая на голову, ответил Димка.

– Здорово смотрится! Ты прям настоящий индеец, Мудрый Беркут! Дашь мне опосля стрельнуть из ружья?

– Постреляем потом по мишеням. Я и тебе принёс перьев, мой брат Белый Бизон! Однако я смотрю, ты, оказывается, неплохой рыбак. Снисочка-то поболее килограмма будет!

– Да-а! Щас на костре вот пожарим! И будет у нас и первое, и второе.

Мальчишки сообща шустро почистили рыбу и направились к костру. Быстро развели огонь и, пока нагорали угли, навернули с сухариками подостывший вермишелевый супчик.

А вскоре и жар в костре нагорел. Пацаны стали приспособлять над углями рыбу, нанизывая её на тонкие заострённые палочки. Но ожидаемого результата это не принесло – подпёкшаяся на

жару рыба стала отваливаться с жёрдочек, падать в костёр и подгорать. Доставая из костра горелые хвосты и полусырые развалившиеся спинки, мальчишки выбирали кусочки мяса и чёрными от углей пальцами отправляли в рот. Вкусно, конечно, но как-то неловко и мизерно. Да и рожи у обоих «индейцев» были уж измазаны чёрной сажой, с прилипшими крошками рыбы.

– Я где-то читал, что можно в глине запекать, – вспомнил Вовка, – мож, попробуем.

– Давай, – сразу же согласился Димка, – здесь в крутом берегу должна быть глина.

Мальчишки снова ушли на реку. Глину они нашли довольно скоро и здесь же на берегу, намесив её до пластичного состояния, вернулись с жёлто-коричневыми кусками к очагу. Теперь дело пошло куда лучше – в глине рыба хорошо пропекалась в собственном соку, была цельной, очень вкусной.

– Вот это царская еда, – нахваливал Вовка, расплываясь в довольной улыбке.

– Ага, – соглашался Димка, – только я думаю, что чешую можно и не чистить, кожа-то всё равно на глине остаётся.

Это был приобретённый мальчишками походный опыт, который останется с ними на всю жизнь.

Наевшись до отвала, пацаны развалились возле костра, и тут Вовка вспомнил:

– Хороший нынче день, надо бы за удачу трубку мира выкурить. – Не дожидаясь ответа, он встал и направился к вигваму. По пути обернулся: – А где мои перья? А то ты прям вождём сидишь, а я как бледнолицый.

– Там за вигвамом, справа от входа ворона лежит.

Вернулся Вовка уж с набитой табаком трубкой и с чёрным пером в светлых волосах.

Ритуал, заведённый индейцами, был соблюден, но особого удовольствия от горечи ядрёного табака-горлодёр пацаны не испытывали, а потому, по-быстрому попыхтев невзятая синим дымком, решили по окончании церемонии запахать ароматный фруктовый чаёк.

– Какие на завтра планы, Мудрый Беркут? – спросил Вовка.

– Да вот, Белый Бизон, получается, что мы не лесные, а береговые индейцы. Дичи здесь нет, а потому займёмся, наверно, рыбалкой. Ты как думаешь?

– Я – за! – сразу же оживился Вовка. – Результат ты сам видел. Вдвоём мы ещё больше

рыбы наловим... Мож, даже засолим впрок... – потом поднял взор на реку и добавил: – Да чё завтра... И сёдня на вечерний клёв можно выйти! Река-то – вот она!

Эта идея вызвала у мальчишек новый всплеск активности. Быстренько пошвырвав горячего чайку, они разбрелись по лесу в поисках наживки. На черёмуховых кустах можно было собирать гусениц, в траве стрекотали кузнечики, а в сырых местах под корягами и валежником прятались дождевые черви.

Солнце ещё не опустилось к горизонту, а пацаны уж были на речке. Вовка вернулся на своё облюбованное место, а Димка отправился вверх в поисках рыбных ямок. То обстоятельство, что лагерь остался без присмотра особого опасения не вызывало. В это время покосы ещё стояли нетронутыми и деревенские сюда не заходили, а лодки по протоке не ходили из-за того, что её русло изобиловало мелкими перекатами, где можно срезать шпонки на винтах, потому все моторки бегали по основному руслу Томи. Встречались на протоке и тёмные спокойные омуты, да такие глубокие, что деревенские сказывали, будто там с ручками скрывает, дна не достанешь – хоть заныряйся. Ещё говорили, что рыбы в тех ямах живут огромные и был случай, что у пацана леска от закидушки с живцом вокруг ноги запуталась, так огромная рыбина утащила его в омут.

Врали деревенские иль нет, Димка не знал, но когда ему встретилось широкое место на протоке с тёмным невидимым дном, вспомнил ту байку. Поймать крупную рыбку в омуте было, конечно, весьма заманчиво. Насадив на крючок крупного червя, он закинул удочку в тихую воду и на всякий случай проверил висевший на поясе нож – мало ли что? А вдруг не врали?!

Минут десять Димка смотрел на неподвижный поплавок, потом ему это тихое ленивое спокойствие надоело, и он стал потихоньку перемещаться по берегу к перекату. И тут за краем прибрежных лопухов поплавок резко ушёл под воду. С охватившим его душевным трепетом парень подскочил к рыбине и потащил её на берег. Рыба сильно сопротивлялась, но вот уж из воды показалась её голова, и Димка, совсем ошалев от азарта, одним рывком выволок добычу на песчаный берег. Глаза парня горели от счастья – в его руках бился довольно крупный полосатый красавец окунь. Распалённый удачей, Димка сменил наживку и вновь закинул удочку. Теперь он уже был весь на взводе и, не отрывая глаз, внима-

тельно следил за поплавком, ожидая следующей поклёвки. Вскоре ему удалось выловить ещё одного окуня, потом ещё...

Димка уходил всё выше и выше по протоке и опомнился лишь поздним вечером, когда в сгустившихся сумерках поплавков был едва различим на воде.

Уже в крошечной темени вернулся на стоянку. Вовка к тому времени отрыбачил и поджидал друга у распалённого костра.

Пацаны похвастались каждый своим уловом, но время было позднее, и, слегка подсолив рыбу, они уложили вечернюю добычу до утра в кастрюлю. Тут и ночь навалилась всей своей чернью на лагерь – настала пора готовиться ко сну. Разбросанная вокруг вигвама трава хорошо подсохла на солнышке, парни перетаскали её на свои лежанки, и теперь их постели приятно шуршали высушенным сеном. Перед тем как улечься спать, развели посредине вигвама небольшой костерок и, довольные собой и тем, что они так ловко всё устроили да ещё и рыбы заготовили, вернулись в образы гордых бывалых индейцев. Они наконец-то после всех мытарств ощутили радостное удовлетворение от своего похода – не всё, но хоть что-то у них получилось так, как они задумывали.

– Мудрый Беркут всё верно придумал, – первым изрёк «индеец» Вовка. – Он достоин почётно- *98* го места на совете вождей деловаров!

– Белый Бизон – великий воин племени ленапов, – вторил ему Димка, – и хороший добытчик! Вождь Таменунд был бы им доволен!

В вигваме витал терпкий миндальный аромат от горевших в очаге веток черёмухи и талины – этот сладковатый дымок, словно фимиам, располагал парней к благодушию и мечтательности. Не было теперь нудного писка комаров, и в такой приятной атмосфере мальчишки безмятежно уснули.

Наутро сразу вспомнили о рыбе – она ещё пахла свежестью, но парни понимали, что при такой жаре её срочно нужно либо жарить, либо варить, но нужно съесть как можно быстрее. Поняли пацаны также, что впрок-то заготовить рыбу у них не получится. Кастрюля-то одна, а она им нужна каждый день – то чай вскипятить, то сготовить чего-нибудь.

– Маленько можно и подвялить, – рассуждал Вовка, – но мухи опять же, а следить за ней нам некогда... Мы ж не взяли с собой скво, а так бы они весь день мух от рыбы отгоняли, пока мы промышляем.

Димка улыбнулся, представив свою одноклассницу, покорно весь день отгоняющую мух от сохнущей рыбы.

– Я думаю, с нашими скво поход бы закончился на том острове, где мы бросили плот, – отреагировал Димка.

– Да, – согласился Вовка, почёсывая затылок, – как бы мы их оттуда вытаскивали ещё? – потом воспрянул: – А может, заварганим уху – тройную?

– Тройная уха – это здорово, только мы ведь даже недотумкали взять у тётки хотя бы немного картошки. Как уху-то варить?

– А давай с перловкой от каши? Ну типа рыбьего супа получится.

– Давай попробуем, – согласился Димка, – рыбу всё одно использовать надо, пока не чёкнулась.

Долго, в три приёма, варили рыбу с перловкой. Получился суп наваристый, духмяный, да и рыбы варёной целая гора – ешь сколько хочешь!

Трапеза растянулась надолго – пацаны уж наелись, как говорится, от пуза, а рыба всё не кончалась, да и юшку из кастрюльки не всю выхлебали.

– Никогда столько рыбы не ел зараз, – пожаловался Вовка, поглаживая рукой живот. – В меня уж больше не лезет.

– Да и я чё-то натрескался до предела, – подержал Димка, – давай на обед оставим. Поди не скиснет до полудня...

Прихватив кастрюльку с недоеденной ухой, мальчишки перебрались в тень своего вигвама. На сытый желудок пацанов почти сразу же потянуло в дремоту.

Когда они проснулись, им показалось, что проспали весь день. Лениость ощущалась во всём вялом теле, и, чтоб как-то разогнать эту непроходящую сонливость, мальчишки потянулись к реке охлануться. Прохладная водица мигом взбодрила тела и прояснила сознание. Наплевав вволю, пацаны стали соображать, чем им теперь заняться.

– Рыбачить, наверно, сёдня уж не будем, – вымолвил Вовка, – пусть рыбка новая подойдёт, поднакопится. Да мы и ту ещё не доели.

– Ты прав, Белый Бизон, рыба никуда не денется. А давай пойдём потренируемся томагавки метать!

– О, это дело! Воины ленапов должны постоянно упражняться в боевом искусстве. Кстати, ты и из ружья мне обещал дать стрельнуть.

Пацаны вернулись к вигваму, нашли свои вороньи перья, навтыкали их в лохматые головы и, прихватив оружие, отправились к стоящему невдалеке мощному тополю. На сером стволе осокоря очертили круг и, отойдя от дерева на несколько шагов, принялись швырять томагавки в обозначенную цель. Получалось у пацанов неважно – всё как-то больше попадали обухом, но иногда топорики вонзались в дерево лезвием. Это вызывало бурю восторга, и на удачливого «индейца» сыпались похвалы от соплеменника.

– Ну давай теперь ружьё пристреляем, – не терпелось Вовке, – заодно и проверим бой на кучность.

– Давай. Ставь какую-нибудь мишень.

Вовка быстро отыскал небольшую корягу и пристроил её на сухой сук тополя. Попасть в коряжку не требовало большой меткости, но после выстрела мальчишки принялись считать попавшие в неё дробины. Вторым стрелял уже Вовка, и снова после выстрела шёл тщательный подсчёт дробин.

– А давай с пули попробуем? – подначивал Вовка. – А то вдруг в тайге медведь нападёт, придётся ведь стрелять наверняка...

Димке жалко было впустую жечь пулевые заряды, но азарт уже и им завладел. Тем более друг указал очень вескую причину.

С тридцати метров парни поочерёдно выстрелили по нарисованной на стволе тополя мишени и остались довольны – обе пули угодили почти в «яблочко».

– Не зря мы с тобой в тире тренировались из «воздушки», – деловито произнёс Димка.

– Это как пить дать! – гордо подхватил Вовка. – Я все мельницы в тире сбиваю!

Вволю поупражнявшись в стрельбе и метании томагавков, друзья вспомнили, что дрова у них уж на исходе, и в боевом расположении духа разбрелись по лесу собирать валежник. Пока натаскивали сушняк для костра, день стал склоняться к вечеру.

Так у них и повелось: ловили рыбу, готовили дровишки для костра и упражнялись в искусстве метания томагавков. Уху варили, но по-прежнему без картошки, и ели вприкуску с сухариками. Конечно, можно было бы в деревню сходить и там разжиться и картошкой, и хлебом, но нет – это было не по их правилам. Ушли так ушли, и никакой связи с цивилизацией бледнолицых. Уговор был пользоваться только тем, что взяли с собой,

и подножным кормом, тем, что добудут сами в дикой природе.

С погодой пацанам везло – дни стояли солнечные, и за всё время лишь один денёк выдался пасмурным, даже вдали на горизонте прогремела гроза. От такого летнего зноя крытый зелёными ветвями вигвам совсем высох, стал коричневым и шуршал иссохшими листьями даже при лёгком дуновении ветерка.

Прошла неделя. Как-то тёплой душевной ночью, когда комары совсем одолели мальчишек, решили они пошибче разжечь костерок в вигваме, а чтоб комаров выгнать, добавили в огонь сырьё из веток и травы. Дымокур получился у них хороший, едкий – всё комарьё, конечно, покинуло их шалаш, но и самим пришлось высунуть носы в щели вигвама для продыха. Когда густой дым немного рассеялся, можно было и подкопчённым «индейцам» спокойно вздремнуть. Однако долго почевать пацанам не пришлось – через какое-то время наваленные в костёр сырые ветки высохли и полыхнули высоким пламенем. Пламя лизнуло сухие, как порох, листья, покрывающие вигвам, те моментально вспыхнули, и огонь с лёгким треском распространился по всему перекрытию. На спящих «индейцев» посыпались пепел и угольки догорающих листьев. Но только когда горячие уголёчки стали жалить открытые части кожи, парни проснулись и мигом вскочили. Какой тут начался переполох! Ночлежники быстро сообразили, что произошло, и спешно стали вытаскивать из вигвама дымящиеся уже рюкзаки, а заодно и всю сухую траву, что натаскали для лежанок. К тому времени листья на своде вигвама уж обгорели и лишь тонкие веточки ещё тлели и светились, словно зажжённые сигареты, красными угольками. Скучное имущество мальчишек не успело сгореть, лишь рубашки да и все тряпичные вещи были теперь в небольших коричневых пятнышках и мелких дырочках.

Остаток ночи парни провели у костра. Спали плохо – обоих одолевала одна и та же невесёлая думка: «Что дальше? Стоит ли оставаться здесь?». Но вот уже над горизонтом на востоке появилась светлая полоса, обозначившая утро нового дня. Предрассветная прохлада окончательно выгнала дремоту, и Димка принялся раздувать угли затухшего костра. Вскоре разгорелся огонь, и в этот раз Димка, в отличие от прошлых утренников, совсем не жалел дров. От ярко запылавшего костра поднялся и Вовка.

Он словно понял настроение друга и первым начал назревший разговор:

– Да, Мудрый Беркут, мы уж боле недели тут живём, а дядьки твоего всё нет. А приедет ли он вообще?

– Не знаю. Мы ж не договаривались с ним. Откуда ему знать, что мы поджидаем его тут. По идее-то должен на рыбалку приехать...

– Вот-вот! А вдруг он куда-то в другое место уехал? А то и вообще куда-нибудь с семьёй в отпуск на юга маханул?

– Всё так, Белый Бизон, неопределённость хуже всего. Если бы точно знать, что скоро приедет, то вигвам восстановить несложно. Ведь так?

– Да чё там, делов-то: веток нарубить да перекрыть... Только смысл какой? Ну просидим ещё неделю, ожидаючи... Рыбу мы тут почти всю повыловили, охоты тут нет, золотишко в этой протоке тоже не намоешь. Надо кочевать однако, Мудрый Беркут...

– Согласен. Ладно, давай-ка будем собираться. Пойдём в деревню, может, там у тётки что-нибудь поточнее разузнаем.

Конечно, как бы пацаны ни хорохорились, ни бравировали друг перед другом, а настроение сгоревший вигвам им подпортил. Да и надоело им торчать в одном месте, этот ночной пожар лишь подтолкнул их к назревающему решению. 100

Около трёх часов пополудни мальчишки заявились во двор к тётке Аграфене. Та не очень-то и удивилась их появлению.

– Возвернулись! Долгонько ж вы там на рёлке пропадали... – смотрела она на парнишек весело, с притаившейся в уголках рта улыбкой. Потом, памятуя о наказе мальчишек и своём обещании, добавила: – А Виктора с лодкой не было, не приезжал он нонче.

Погрустнели лица у мальчишек – улетучилась их последняя надежда: добраться до заветной таёжной речки. Они уже стали привыкать к мысли, что не удастся им попасть в терсинскую тайгу, хоть и упорно старались не показывать этого. Наверно, где-то в подсознании друзья понимали, что можно было бы начать всё сызнава, нужно лишь вернуться в город, сколотить новый плот, но надо опять скобы искать... Или ещё проще: дожидаться возобновления рейсов автобусов на Осиновое Плёсо. Но теперь это не так интересно – прошёл запал у мальчишек, пропал тот неудержимый азарт, с которым они готовились к походу, да и наскитались, набродились они досыта. Подустали юнцы.

Эту ночь друзья провели на сеновале, обсудили все свои мытарства. Никто из них не хотел напрямую признаться в поражении, в отступлении от намеченной цели, ведь для воинов племени ленапов это считалось бесчестьем. Но, похоже, глубоко в душе они оба уже были к этому готовы.

– Что скажешь, Белый Бизон, – первым начал разговор Димка, – не покроем ли мы свою голову позором, не добившись намеченной цели?

– О, Мудрый Беркут, тропа наша была трудной, немало испытаний выпало на наши плечи и почти все их мы преодолели. Но обстоятельства почему-то так складываются, что мы не можем продолжить наш путь.

– Да, я согласен с тобой, Белый Бизон, на нашем пути было немало препятствий. Мне порой даже казалось, что это великий дух Маниту предостерегает нас о какой-то грозящей опасности.

– Духов надо слушать, это всё неспроста. Разве так бывает, что нам ну прям везде облом?! Это как? Так что давай не будем испытывать судьбу, Мудрый Беркут. Честно признаюсь, что у меня появились сомнения ещё раньше, ещё тогда, когда мы бросили наш плот.

– Я это почувствовал.

– И потом во второй раз, когда мы приехали на автобусе в Красулино и вместо тайги глаза Белого Бизона обозрели обширные степи. Но ты, сагамор, всегда что-то придумывал и вселял в меня надежду. А теперь, похоже, мы по кривым тропинкам бледнолицых забрели в тупик...

– Хорошо, Белый Бизон, я тебя услышал. Я думаю, что у нас ещё много счастливых дней впереди... Может, потом, когда Маниту будет к нам более благосклонен, мы ещё вернёмся на эту тропу и пройдем её от начала до конца. Хау! Я всё сказал!

На этом и закончилось первое путешествие мальчишек. Уговорили они сами себя и друг друга вернуться домой. Всё это, конечно, было мальчишеской игрой, в которой они подражали книжным героям, но в этой игре они до самозабвения представляли себя индейцами-могиканами – сыновьями великой Унамис-Черепахи.

А впереди у пацанов была целая жизнь. Постепенно год за годом уходило детство, отдалялась романтическая «индейская» юность – близилась пора взросления. Однако тяга к путешествиям останется в них навсегда, и во всех странствиях нет-нет да и отзовется щемящей тоской сохранённая в потаённом уголке сердца память о куперовских героях.

Софья ОРШАТНИК

ПРИМЕР СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Цыгане идут по поезду от Кайска
до Лапшангй.
Снежит кропотливо, боязно.
Вокруг не видать ни зги.
Кому вы здесь нашаманите, расскажете,
что потом?
Кому усмехнёшься, мамонька, своим
златозубым ртом?
Из Кайска-то едут каяться, и тянет
101
локомотив,
Малой цыганёнок мается, мать за руку
ухватив.
Хреново остаться маленьким в такой-то
большой стране,
Такой-то смешной окалинкой на треснутом
чугууне.

Совру, сказав: «В деревне хорошо».
На деле – дрянь: бесцветно и дождливо.
Черёмуха, побитая паршой,
Поганый куст, ублюдочная слива.

Ко мне не едут, в гости не зовут,
Порой расскажет кто-то посторонний:
«Собака носом тычется в траву,
Опять мышей, мышей осенних роет».

Живи, собака, ласково, легко.
Подольше моего – лет тридцать-сорок.
Выпрашивай у местных молоко –
Скажу за тайну, есть у них и творог.

Урман таков, что глаз не соберёшь,
Ну разве что корзинку волчьих ягод.
И только жизнь запаслива, как ёж:
Её хватает неизменно на год.

Вода в копытце пахнет молоком –
Нет, обманула, – прелестью суглинка.
Когда умру, пусть блёклым тростником
Шуршит подольше рыжая скотинка.

Хвост колесом, а уши начеку.
Сопит и роет, шарится во мраке.
Вода всегда подобна молоку,
А человек... А человек – собаке.

А потом я звонила из Таштагола,
Из корвалола, кеторола и обезбола,
Из состояния скверного рок-н-ролла,
Которое, кстати, быстро переборол.
Пару раз звонила из Казахстана,
Чтоб заверить: больше звонить не стану.
Из состояния пепела и омелы
Я избрела казахскую тарантеллу.

Оршатник Софья Александровна родилась в 2001 году в европейской России. Училась в Литературном институте им. Горького, но ушла со второго курса. Стипендиат Союза российских писателей. Публиковалась в альманахах «Кольчугинская осень», «Земляки», журналах «Дружба народов», «Кольцо А», «Нижний Новгород». Автор двух книг – «Луг / Гул» (совместно с А. Бездетной, 2019) и «О чём поёт хиновянка» (2020). Живёт в посёлке Верх-Егос Кемеровской области, работает в газете «Шахтёрская правда».

А потом в пушных облаках Алтая,
 Где царевич Будда от дел пытается,
 Изломала в пальцах замёрзших симку.
 Спать с тобой нельзя, если не в обнимку.
 Не с тобой, так с царевичем на сноуборде,
 Так с хорошим парнем в собачьей морде,
 С оператором, верящим в абонента,
 С повелителем движущего момента.
 Но из живности здесь – только кедр-невротик,
 Чтоб звонить, нужен колокол, а не сотик.
 Чтобы связь даже с той стороной монеты.
 Но гудки – это твой вариант ответа.

ПРИМЕР СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

У нас ничего не случается всуе.
 Ржавеет лопата. «Наверно, к весне», –
 Приметил сосед по фамилии Зуев,
 Показывал мне. А кому, как не мне.

Ещё притворялся, что видит узоры
 На чайнике чёрном, что там изнутри
 Леса и моря, города и озёра.
 Трещит не приёмник – поют снегири.

Под вечер в метель снегурей выключали,
 Катился к весне котелок со стола,
 А выпуск газеты двестищипечальный
 Вздыхал еле-еле два мятых крыла.

Сворачивал Зуев прокуренный ватник,
 Ворочался, кашлял, кряхтел: не могу.

Наверно, к весне почерневший оршатник
 Стоит за окном по колено в снегу.

ЧАС ЛОТОСА

Который час? Безумствуют и пляшут
 Ожившие сухие семена
 Внутри глазастой лотосовой чаши,
 Забытой у январского окна,

Случайно кем-то купленной в Каире
 У знаменитых мемфисских руин.
 Час лотоса! Шагает по квартире
 Не божество, но тощий бедуин.
 Из божества выныривает кобра,
 Запечатлевшись в нильской глубине.
 Случайный штрих, невыразимый образ,
 В квартиру прорастающий извне,
 Открывшийся невыразимый лотос.
 Который час? В ре-ке плы-вут сло-ва.
 Змея идёт. Пустынный ветер пьёт из
 Мазутного речного рукава.
 Плывёт река. Танцует медный идол.
 Для божества вер-блюд не-сёт гла-гол.
 Который час? Воздвигнуть пирамиду.
 Строение. Гробницу. Треугол.

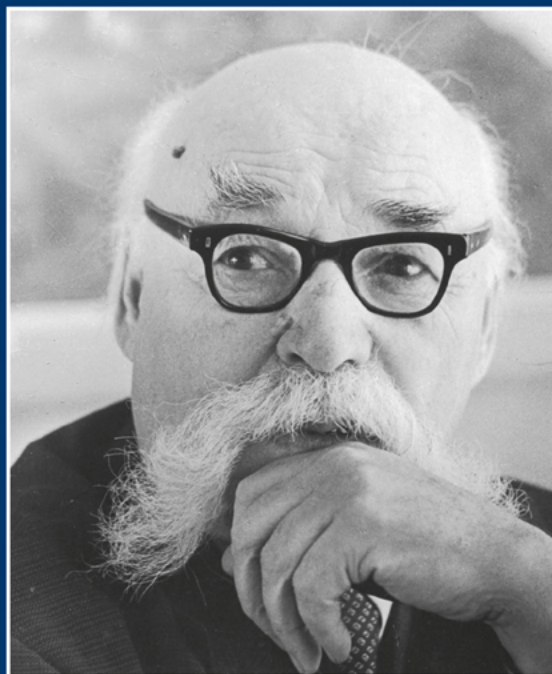
ИЗ ЗЕМЛЯНИКИ

Я собрала в саду стихотворенья
 Из земляники. Мама, поддержи
 Его в руках хоть чуточку! В варенье
 Кладёшь полночных яблок падежи.
 Увы, стихи не сахарно янтарны,
 Неизмеримы их объём и вес.
 А я тебя люблю эпистолярно,
 Что означает пару СМС,
 Нет, пару яблок, падающих в лужу,
 Что не сгодятся даже на компот.
 А ты готовишь на террасе ужин,
 Варенье на плите произойдёт
 Из яблок, чьи неожиданные удары
 В полночный час отчётливо тихи.
 Я до сих пор не отыскала тары,
 В которой бы произошли стихи.
 Недолго их в ладонях поддержи-ка,
 И ты поймёшь: по солнечным холмам
 Растёт-растёт такая земляника...
 Я покажу тебе, ну правда,
 правда, мам.

Художнику Кондратию Белову – 120 лет

Статью о художнике К. Белове
читайте на с. 160

Кондратий Белов. Фото Э. И. Савина
Городской музей «Искусство Омска»

Село моей юности. Холст, масло. 1987. Омский музей Кондратия Белова

Над Иртышскими просторами. Холст, масло. 1970
Алтайский музей изобразительных искусств

Родные поля. Холст, масло. 1960
Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля

Прииртышье. Холст, масло. 1973. Омский музей Кондратия Белова

Крах колчаковской армии. Холст, масло. 1968
Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля

Автопортрет. Холст, масло. 1969
Омский музей Кондратия Белова

Квалификационная работа. 1928
Из фондов Исторического архива
Омской области

Старый Омск. Холст, масло. 1982
Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля

Николай ХВОСТОВ

ДНЕВНИК ТОПОГРАФА

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, 1941 год

1. От Амазара к Шилке

Весной 1941 года я прибыл на станцию Амазар в распоряжение Грязнова – начальника геодезической партии экспедиции № 47 Новосибирского аэрогеодезического предприятия ГУГК.

Получив задание на полевой сезон, я немедленно приступил к подготовительным работам. Предстояло выполнить наблюдения с пунктов триангуляции* на юг от станции Амазар, в бассейне рек Шилки и Аргуни, а также верхнего течения Амура.

Вся территория моего участка работ имела всхолмлённо-таёжный ландшафт с многочисленными речками и ручьями, впадающими в Шилку и Аргунь. В необжитой тайге было множество звериных и конно-вьючных троп. Вблизи единственного населённого пункта – села Покровка – имелась грунтовая тележная дорога, которая шла вдоль государственной границы.

Я сформировал бригаду, в состав которой вошли три рабочих: Дмитрий Ожогин, двадцатитрёхлетний парень, Дмитрий Иванович, самый опытный и старший среди нас, и Александр, местный житель станции Амазар. Пять вьючных лошадей составляли наш транспорт, а молодая собака, клички которой сейчас не помню, должна была помогать нам в охоте. Снаряжение было походное: шестиместная палатка, запас продуктов, двуствольное ружьё – тулка, карабин и инструмент-универсал завода «Автомобилист» пятисекундной точности. Помощника у меня не было.

После праздника 1 Мая наш отряд приступил к выполнению Правительственного задания.

* Пункты триангуляции – геодезические точки, расположенные на господствующих вершинах (горы, сопки, другие возвышенности). Для удобства работы на выбранных точках геодезисты строят деревянные пирамиды, или сигналы, позволяющие видеть их на большом расстоянии. Следом за геодезистами идут отряды топографов. Они детально измеряют местность, собирают все необходимые сведения для будущей карты: названия хребтов, ключей, озёр, низин, скорость течения и глубину рек, характер лесного покрова, проходимость болот, прослеживают тропы, пересекающие местность, и др.

Снег в тайге в основном уже растаял, но лежал ещё на затенённых северных склонах, в расщелинах и глубоких залесённых распадах.

Солнечные и безлесные склоны возвышенностей в это время года были пастбищем для изюбрей и кабанов. Здесь мы добывали мясо.

При постоянных конно-вьючных передвижениях невозможно взять с собой необходимое количество продовольствия, поэтому успех работы в необжитой местности прямо зависит от умения самостоятельно добыть себе пищу. Для этого используется всё, что можно раздобыть: мясо, рыба, ягоды, грибы, орехи, черемша, полевой лук, листья и стебли ягодника (смородины, брусники, малины).

Радиостанций тогда в полевых бригадах не имелось, и если на участке производства работ не было населённых пунктов с почтовыми отделениями связи, то о ходе работы полевых бригад руководство ничего не знало долгое время.

Полная оторванность от мира делала встречу с любым человеком значительным событием в нашем однообразном ритме таёжной жизни. А что говорить о посещении населённых пунктов, которые попадались нам по пути следования. Любое село или деревенька были для нас центром мироздания, посещение которого становилось праздником. Здесь мы узнавали новости, запасались продуктами, полноценно мылись, стирали и чинили одежду.

103

Лето 1941 года было жарким, без дождей. Жара и сушь в июле способствовали распространению таёжных пожаров, от которых начали гореть торфяные хорошо высохшие болота.

Тайга наполнилась дымом, наблюдения более пяти километров стали невозможны. Значительные простои, связанные с ожиданием улучшения видимости, сопровождали нас весь полевой сезон, вплоть до первого снега. При этом даже в снегу торфяные болота продолжали дымить. Этот дым уже не был помехой для работы, однако нашлась другая причина, которую преодолеть мы не смогли. Трескучие морозы (до 60 градусов) в дальнейшем заставили нас закончить полевой сезон.

2. Метеопост

В конце августа мы вышли из тайги на левый, северный берег Шилки. Шилка – красивая большая река, на берегах которой лес подходит вплотную к воде. Луга богаты травяной и кустарниковой растительностью. Небольшие заливы, протоки и озёра – место обитания уток разных пород: от небольших чирков до крупных кряковых.

По моим расчётам, мы вышли к реке на два-три километра ниже того места, где располагался метеопост. На нём рассчитывали отдохнуть и запастись продуктами.

И верно, вдоль берега имелась грунтовая дорога, по которой мы тронулись вверх по течению реки.

Дорога – это благо цивилизации. После длительных походов по необжитым таёжным просторам всегда приятно и даже необычно оказаться на ровной поверхности, где ничто не мешает передвижению. Чувство лёгкости, воодушевления и благодарности людям, которые проложили здесь путь, испытывали, наверное, и наши лошади, ускорившие шаг настолько, что пришлось их придерживать.

Когда мы выехали за кривун реки, то разглядели впереди лошадь, впряжённую в длинные четырёхколёсные дроги. Сбоку повозку сопровождал человек. Заметив наш отряд, он остановился в ожидании. Подъехав ближе, мы увидели, что на дрогах за ним по дороге что-то волочит. Когда удалось разобратить, что это рыба таких огромных размеров, хвост её провисал до земли, удивлению нашему не было предела. Длина этого чудовища составляла четыре-пять метров, окружность примерно 80 сантиметров.

Хозяин упряжки, мужчина лет тридцати, назвал рыбу белугой. Познакомившись, мы вместе продолжили путь к метеопосту, куда транспортировал свой трофей наш новый знакомый. Он был служащим метеостанции. Его отец, начальник этой же метеостанции, пожилой и добродушный человек, большой мастер охоты и рыбалки.

Оказавшись принятыми в доме, находившемся в таёжном уединении на берегу реки, мы были приглашены его хозяевами за стол к обеду и с удовольствием познали качество белого мяса амурской белуги, заплывшей в многоводную Шилку.

За обедом нам рассказали, как ловится белуга на Шилке. Большой кованный рыболовный крюк с насаженной на него приманкой привязывают одним концом крепкой верёвки и ставят на глубине. Вторым концом верёвки крепят за бочку, которая выполняет роль поплавка.

Рыба заглатывает приманку, а с ней крюк. Не имея возможности избавиться от снасти, белуга плавает по реке в разных направлениях.

Дело рыбака заключается в том, чтобы найти свой поплавок на реке и, привязав конец свободной верёвки к лодке, плавать за бочкой, как на буксире. Если белуга останавливается, то необходимо подёргивать снасть, беспокоя её. Наконец, ослабевшая рыба повинуетя тяге и следует за рыбаком, плывущим к берегу и буксирующим за собой добычу. На мелководье добытчик стреляет белуге в голову пулей или жаканом. Чтобы вытянуть её на берег, требуется помощь лошади, запряжённой в дроги.

Здесь, на берегу Шилки, мы впервые за лето встретили людей да ещё добрых и гостеприимных. От них мы узнали что 22 июня фашистская Германия вероломно, без объявления начала войну против

нашей Родины – Союза Советских Социалистических Республик. Находясь в дальневосточной тайге и выполняя правительственное задание по картографированию территории, наша бригада была полностью оторвана от мира. О начале войны мы, конечно, не знали, и эта новость потрясла нас, особенно переживал Дмитрий Иванович, который был родом из Белоруссии. Он вспоминал многочисленных знакомых и родственников, оказавшихся в оккупации. И у меня была тревога за моих родных: младший брат Иннокентий проходил срочную службу в армии на западной границе в Брест-Литовске, а двоюродный брат Гавриил после окончания Томского военного артиллерийского училища служил в Кишинёве. Положения на фронте на метеопосту хорошо не знали, потому что сами получали новости с большой задержкой.

Здесь мы гостили два дня, впрочем, напрасно времени не теряли: подремонтировали, почистили своё снаряжение, пополнили запас продуктов. Наши новые знакомые рассказали о характере местности и особенностях тайги в развилке рек Шилки с Аргунью. Нам стало известно о наличии буреломов, завалов, гарей, болот, о том, где следует ловить рыбу, добывать птицу, искать охотничьи зимовья.

Наконец, наш отряд был готов продолжать путь на правый берег Шилки. Без каких-либо происшествий с помощью начальника станции мы переплыли через реку. На правом берегу мы с чувством глубокой благодарности попрощались с перевозчиком и тронулись к триангуляционному пункту.

3. Трудности нас преследуют

Требовалось спешить, чтобы наверстать много упущенного времени из-за дымовой завесы, созданной лесными пожарами, но нас преследовали неудачи.

Как-то, поднявшись после ночного отдыха, мы не обнаружили горячего молодого мерина по кличке Гнедой. Парни уехали на поиски, а я отправился на сигнал.

Смежные пункты, подлежащие наблюдению, я отыскал быстро, и, как только закончил программу в шесть круговых приёмов, приехал один из трёх моих спутников. Он сообщил, что Гнедой нашёлся метрах в двухстах от ночного табора, возле родника, где получил травму и не может самостоятельно подняться. Я бросил работу, и мы спустились по склону к роднику.

Гнедой беспомощно лежал прямо в воде на левом боку, выбившись уже из сил, оставил попытки подняться самостоятельно. На ночь мы его спутали побочным, то есть связали переднюю с задней ногой, что давало лёгкий свободный ход, но не позволяло бег рысью. Очевидно, Гнедой хотел напиться,

оперевшись передними ногами на гольцы, но не удержался и упал. Пытаясь неоднократно подняться на ноги, он протёр о камни кожу и сухожилие на заднем левом стегне. Мы сделали козлы и с помощью верёвок с большим усилием подняли Гнедого. Но он только висел на козлах, а самостоятельно держаться на ногах не мог. Пришлось положить коня на правую сторону и оставить.

Вернувшись на пункт, я закончил всю работу. Вечером опять попробовали поставить мерина на ноги, но безуспешно. Утром наш Гнедой был мёртв. Мы остались с четырьмя лошадьми и лишним седлом. Пока готовился завтрак, я написал акт гибели лошади, все расписались в нём, для полной формы не хватало лишь подписи и заключения ветеринара.

После утраты лошади на одном из последующих пунктов произошла новая задержка. В створе на один из смежных пунктов стояло громадное лиственничное дерево. Оно закрывало видимость на смежный пункт, необходимо было его завалить, но у нас отсутствовала пила. Пришлось рубить в два топора, сменяясь попарно через несколько минут.

Рубка крепкого смолистого лиственничного дерева лёгкими топорами здорово измотала нас. Казалось, что не хватит сил и терпения, чтобы завалить это препятствие.

После нескольких часов непрерывной работы, волокна древесины начали рваться. С воодушевлением мы продолжали работать, и вскоре вершина дерева плавно стала наклоняться. Треск и скрежет усиливался и перешёл в гул обламываемых сучьев. Наконец, последовал глухой и тяжёлый удар дерева о землю.

Мы повалились на землю вслед за нашим деревом и, распластавшись на траве, отдыхали, довольные своей победой. Мои спутники шутили, а я думал о том, что появились уже первые признаки наступающей осени, поэтому подножный корм для лошадей в ближайшее время начнёт подсыхать и станет менее питательным. Скоро холода, а наш отряд не имеет тёплой одежды. Надо спешить, нельзя терять более ни одного часа.

Уже неделю как мы уменьшили норму потребления оставшихся продуктов. Теперь ещё пришлось сократить время сна и отдыха. Стараясь как можно больше делать в течение каждого дня, мы не смели специально задерживаться для охоты или рыбалки. В пути между тригопунктами стреляли рябчиков, реже глухарей, каждый день надеялись на удачу добыть косяку, кабана или изюбра.

Впрочем, несмотря на нашу экономию, перед последним пунктом в развилке рек Шилки и Аргуни продукты полностью закончились. Двигаясь к нему, два дня мы ели только переспевшую бруснику да мелкий орех кедрового стланика. Такой скудный рацион стал причиной болезни всего отряда. Желудки

наши не могли переварить орех, который мы глотали вместе с шелухой, пытаясь утолить голод.

Только за два километра до знака в ельнике нам удалось наконец настрелять рябчиков в достаточном количестве, благодаря чему мы впервые за несколько дней поели досыта. Переночевав в том же ельнике, рано утром наш отряд отправился на сигнал.

Видимость была отличная, ничто не закрывало обзора на смежные пункты, подлежащие наблюдению. Я успешно выполнил привязку азимутных пунктов, измерил высоту знака, снял редукцию пункта и центровку инструмента. Затем измерил зенитные расстояния и рассчитал их в журнале наблюдений.

И вот работы на этом участке закончены. Мы дружно крикнули: «Ура!» – и немедленно выдвинулись в обратный путь.

4. Снова метеопост

На обратном пути удалось подстрелить двух глухарей и трёх рябчиков. Этой добычи было достаточно для ужина и завтрака. Лошади от напряжённой работы сильно похудели и устали, поэтому мы двигались не спеша, испытывая возвышенное чувство выполненного долга. А те трудности, которые удалось преодолеть нашему отряду, усиливали удовлетворение от выполненной работы.

Когда подошли к реке против метеопоста, то просигналили выстрелами, вызывая лодку. Расседлав и стреножив коней, отпустили их пастись до утра. Нас забрал на правый берег Шилки начальник метеостанции. После дружеских приветствий первым делом мы спросили о военных событиях на Западе. За ужином и перед сном всё говорили о войне. Новости были чертовски неутешительными. Я долго не мог уснуть: думал о судьбе своих братьев, о том, когда же наступит перелом в войне и что можно ожидать от Японии – союзника гитлеровской Германии.

Утром для нас затопили баню, а мы под руководством начальника метеостанции отправились переплавлять лошадей на левый берег. Лошади были измотаны непрерывной работой и ослаблены недостаточным питанием, поэтому их решили переплавлять по одной за каждый рейс.

Половину реки лошадь плыла за лодкой, поддерживаемая мной на поводе, а потом она отказалась работать ногами и легла на бок. Мне пришлось подтянуть её голову и держать за уздечку как можно выше от воды. Такими же были последующие три рейса. На середине реки лошади теряли силы, и их приходилось держать за морды и волоком протаскивать по воде.

После бани и сытного обеда, посоветовавшись, мы решили отдохнуть два дня.

За это время привели в порядок снаряжение, пополнили запас продуктов рыбой, которую нало-

вили здесь же. Кроме этого, начальник Шилкинско-го метеопоста обеспечил наш отряд вяленным мясом, овощами, мукой и солью.

Надо сказать, в моём служебном удостоверении было указано, что партийные, военные органы, а также другие советские учреждения обязаны оказывать нашему отряду при необходимости всестороннюю помощь, так как мы выполняли правительственное задание и наша работа была необходима для нужд народного хозяйства и обороны страны. К моему удовольствию, удостоверение мне не пришлось предъявлять начальнику метеопоста. Добрые советские люди бескорыстно помогали нам в столь тяжёлое для всех время. В благодарность я подарил хозяевам этого гостеприимного дома полностью укомплектованное кавалерийское седло, оставшееся от нашего Гнедого. Собаку с собой дальше мы решили не брать, так как охотницей она оказалась неважной, а таскать её по тайге только для того, чтобы кормить, мы не имели возможности. Поэтому нашу сучонку я тоже предложил в подарок.

Спустя два дня наш отряд двинулся на восток, рассчитывая попасть через несколько дней на пограничную заставу, которая располагалась на слиянии рек Шилки и Аргуни.

После заставы нам предстояло работать вдоль Амура, уходя в тайгу на двадцать километров. Был уже конец сентября, а ещё предстояло выполнить очень много работы.

5. Застава

Пожары снова вмешались в наши планы. Наблюдения на каждом тригонометрическом пункте осуществлялись со значительными задержками из-за плохой видимости. Продукты закончились, и два дня мы ничего не ели. Я решил оставить работу и отправиться на заставу, до которой осталось семнадцать километров.

Поход мы начали ранним утром по конно-вьючной тропе. Вскоре вышли на оставленный табор наших коллег-топографов. Кострище, колья от палатки, утоптанная трава, другие признаки их пребывания, а главное, надпись, старательно выполненная на большой затёсе: «Прощай, наш табор! Едем домой!». Ниже стояли подписи двух топографов. Осталось им только позавидовать, перекурить и natoщак двинуться дальше.

На заставу прибыли во второй половине дня. Она располагалась на берегу Амура и представляла собой несколько деревянных одноэтажных казарм, небольшое административное помещение, отдельно располагались столовая и склады.

Нас встретили красноармейцы. Они вызвали начальника заставы. Я представился по всей форме и предъявил свои документы. После официального знакомства меня пригласили в служебное помеще-

ние. Там я рассказал о проделанной работе. Командир сказал, что он поджидает нас несколько дней: посты оповещения заметили группу из четырёх человек, следующих с запада на восток к заставе. Он задавал вопросы со знанием дела, и мне было приятно, что начальник заставы прекрасно знает топографическую службу и понимает её значение для государства.

Догадываясь, что мы голодны, он отвёл нас в небольшой дом, где указал комнату, которую мы можем занять. С армейской точностью мы пришли к назначенному времени в столовую, где уже ожидал повар. Улыбаясь, он подал каждому суп, кашу и, словно извиняясь, сказал: «Не удивляйтесь, что приготовил для вас маленькие порции. Командир сказал, что вам нельзя сейчас много кушать. Съешьте это, и через два часа приходите обедать по-настоящему».

После обеда я был вновь приглашён к начальнику заставы. Он информировал меня об обстановке на западном фронте, о положении на советско-китайской границе. По его просьбе я подробно по карте рассказал о дальнейшем маршруте и показал пункты триангуляции, подлежащие наблюдению. Вместе прикинули время, за которое мы дойдём до села Покровка, где стоит пограничный отряд. Получилось пятнадцать дней. Исходя из этого мы посчитали необходимое количество продуктов на этот переход и составили официальную заявку. Командир распорядился приготовить для нас всё необходимое, а я отправился на берег, где отдыхали мои товарищи.

День был солнечный и безветренный. Мы лежали на траве, наслаждаясь кратковременным отдыхом, когда услышали шум военного катера. Подняв головы, увидели, как под национальным флагом проходит японский катер вверх по течению Амура. На палубе не было экипажа, кроме офицера, стоявшего на мостике. Возле нашей заставы катер приблизился к берегу, что было безусловной провокацией вражеского судна. Мы были удивлены и возмущены нахальством японских военных.

На другой день наш отряд получил продукты в соответствии с заявкой. Расписавшись в получении, я сказал, что могу уплатить за провиант. Начальник заставы, быстро обернувшись, строго на меня посмотрел, и, увидев, видимо, мою серьёзную физиономию, улыбнулся: «Вы расписались, и этого достаточно. Мы не торгуем».

Начальник заставы посоветовал нам быть особенно бдительными в пограничной полосе. Он сказал, что нельзя ночевать на берегу Амура, на открытых высотах костра не разводить. Нельзя также в пограничной полосе охотиться и вообще стрелять без крайней необходимости. «Успеха в труде», – закончил он и крепко пожал каждому руку.

Мы набрали высокий темп в работе. Погода, удачно выбранный маршрут, достаточное количество продуктов, качественные геодезические пункты, а главное, хороший обзор во все стороны с этих сигналов – всё это способствовало высокой производительности нашего отряда. Работали с энтузиазмом и взяли на себя обязательство до седьмого ноября закончить всю работу на данном участке. С поставленной задачей мы справились и отработали на последнем сигнале перед селом Покровка за день до праздника Великой Октябрьской социалистической революции.

Седьмого ноября приготовили праздничный завтрак, уже не жалея провизии, так как до села осталось всего двенадцать километров. Насытившись, перекуривали у костра, когда неожиданно буквально в десяти метрах от нашего табора пробежала косуля. Она двигалась с большим трудом, тяжело дышала, язык уже вываливался изо рта.

От неожиданности мы все оцепенели, потом похватили оружие, но я вовремя опомнился и запретил стрелять, напомнив, что рядом граница. Попадись она нам в другом месте или при других обстоятельствах, мы бы её, конечно, подстрелили, не рассуждая.

Бедное животное, безусловно, убегало, от какого-то хищника, мы оцетинились оружием в противоположную сторону, ожидая преследователя. Но никто не появился. Очевидно, хищник понял, что сам может стать жертвой, и оставил преследование. Получилось, что мы спасли эту дикую козу. Быть может, она намеренно вышла на наш табор, рискуя от безысходности. Пробежав ещё метров сто, косуля пошла шагом, покачиваясь и непрерывно оглядываясь назад, не утратив, впрочем, своей грациозности.

Но ни праздник, ни этот удивительный случай не оставляли нам право на задержку. Уже выпал первый снег, впереди зима, а работа ещё не была выполнена. Более не мешкая, мы уложили вещи, потушили костёр и отправились в Покровку.

6. Покровка и пограничный отряд

Около двух часов дня мы прибыли в Покровку. Я нашёл в деревне контору колхоза и застал там председателя. Представившись и наскоро познакомившись с ним, я высказал просьбу дать возможность разместиться отряду в селе на некоторое время.

Нас отвели в отдельный домик. Выяснилось, что мы просчитались на один день и раньше срока отметили праздник. Колхозники готовились к торжественным мероприятиям на завтрашний день, и было неловко докучать им своими просьбами.

Мои товарищи остались отдыхать, а я отправился в пограничный отряд. Военные были осведомлены по своей линии связи о нашем приближении.

Меня принимал заместитель начальника отряда, с которым я подробно обсудил последующий маршрут. Он дал мне дельные советы относительно того, где лучше оставаться на ночёвки, рассказал о состоянии дорог и троп, которыми нам предстояло идти и, главное, обозначил на карте точками места, где было заготовленное сено. Оно теперь являлось нашим стратегическим топливом. Вместе мы подсчитали время, необходимое для завершения работы на последнем участке, исходя из этого определили количество продуктов и тёплых вещей для нашего отряда. Как и в прошлый раз, я составил заявку на их получение.

Вернувшись в дом, где нас поселили, я узнал, что мы приглашены на праздничный вечер по случаю годовщины Революции и меня просят выступить с речью. Отказаться невозможно, хотя мне было очень жаль времени.

Главной нашей бедой было отсутствие печки. Холода с каждым днём крепчали. В тайге приходилось спать на земле возле большого костра, используя палатку лишь в качестве навеса над ним. При таком устройстве ночлега невозможно нормально отдохнуть, так как мы просыпались то от холода, то от жаркого пламени, тревожась за сохранность палатки и собственной одежды.

В общем, небольшая металлическая печь, которая могла бы уместиться в шестиместной палатке для нас была жизненно необходима. Но таковой в деревне не оказалось. Печь нужно было изготовить специально по размерам. Я подробно обсудил этот вопрос с председателем колхоза. Он меня заверил, что всё необходимое для нашего отряда будет предоставлено после праздника, восьмого числа, а пока он приглашал в баню и на ужин. Праздничные дни очень стесняли, но делать нечего, пришлось отдыхать.

На торжественный вечер мы пришли всем коллективом. Здесь впервые услышали песню-гимн «Священная война», которая произвела неизгладимое впечатление. После выступления председателя и передовиков колхоза, которые призывали к отдаче всех сил для фронта и для победы, слово предоставили мне. Я всегда был неважным оратором, но в этот раз, вдохновлённый выступлением предыдущих товарищей, сказал краткую, но взволнованную речь о работе аэрогеодезического предприятия на просторах нашей Родины. Поздравил всех собравшихся с праздником и высказал уверенность в скорой победе над фашистской Германией.

Ещё один день ушёл на сборы. Советские люди к нам отнеслись с глубоким участием и полностью экипировали наш отряд, ни в чём мы не получили отказа.

В качестве временной базы я решил использовать зимовье с заготовленным сеном. Вблизи него

на расстоянии от восьми до пятнадцати километров располагались несколько тригонометрических пунктов, это укрепило нашу уверенность в том, что задачу, возложенную на нас, мы сможем выполнить.

Итак, в полдень девятого ноября 1941 года наш отряд вновь углубился в тайгу с расчётом дойти до первого пункта наблюдения к вечеру.

7. Конец полевого сезона

Первый день работы на новом участке был успешным: мы без задержек отработали на сигнале, перед этим хорошо отдохнув ночью. Наша печь отлично справлялась со своей задачей: быстро нагревала внутри палатки, долго держала тепло, при этом совсем немного требовала дров.

Начались обильные снегопады, которые шли в течение двух недель с краткими перерывами. За это время в тайге выпало восемьдесят сантиметров снега. Плохая видимость была причиной больших задержек на каждом пункте. В эти снежные дни удалось отнаблюдать только три сигнала.

Наконец с работой мы добрались до зимовья. Это был небольшой, но добротный дом с деревянным полом, двумя окнами, нарами и большой чугунной печью. Главное, рядом стога заготовленного сена. Всё, казалось бы, располагало к тому, чтобы удачно завершить полевой сезон. Но после снегопада резко усилился мороз, и на первом пункте от зимовья работа остановилась. Видимость вновь стала плохой, тайгу затянул морозный туман. Кроме того, инструмент наш отказался работать на холоде: алидаду^{*} заклинивало на оси, и вращение её стало тугим. А ведь зима ещё не наступила, настоящие морозы впереди.

Стало ясно, что с маху этот пункт не отработать. Мы выбрали ровную площадку, расчистили её от снега, поставили палатку, устроили в ней печку и заготовили впрок дров. Я написал письмо хозяевам сена, которое мы использовали, указав адрес нашей партии в Амазаре и номер нашего геодезического отряда. В письме я заверил, что за всё сено, которое мы используем, будет внесена плата в полном объёме по указанной цене. Для верности я поставил штамп нашего отряда и отправил Александра с этим письмом в зимовье, где ему надлежало кормить и беречь лошадей.

Оставшись втроём в ожидании улучшения видимости, я отметил в своей памяти семнадцатое ноября. Ровно два года назад в Восточных Саянах, на хребте Хамар-Дабан с удивительным видом на озеро Байкал, я закончил свой полевой сезон.

Но в 1941 году не мог даже предположить, сколько времени нам ещё потребуется для полного завершения работы. Находясь в глубоком тылу, но

на своём переднем крае, мы делали всё, что от нас зависит, чтобы выполнить долг перед Родиной и советским народом. В те дни мы, конечно, не знали о героической защите Москвы и Ленинграда. Не знали мы и о том, что некоторые близкие нам люди уже погибли в боях с гитлеровской нечистью, но твёрдо были убеждены, что никакие силы не в состоянии растерзать нашу социалистическую Отчизну.

Проходили дни, видимость не улучшалась, мороз с каждым днём крепчал, алидада инструмента вращалась туго. Пробные приёмы не укладывались в допуски инструкции, что означало брак.

Мне пришла в голову мысль уменьшить количество масла на оси инструмента. Вскрыл ось, удалил с неё и бюксы всё старое масло, а затем дал мизерную порцию новой смазки. Инструмент работал, но качество приёмов не соответствовало требованиям. Вскоре вращение алидады вновь заклинило. Пробовал работать с сухой осью без смазки, что, конечно, рискованно – могут появиться задиры на оси и инструмент выйдет из строя.

Работа не двигалась, мы нервничали. Только отрегулируешь инструмент и готов наблюдать – но плохая видимость. Улучшается видимость – не вращается алидада.

Для меня стало ясно, что ось инструмента и его бюкса сделаны из разных металлов, поэтому имеют разные коэффициенты расширения и сжатия при изменении температуры. Решили дожидаться хорошей видимости, отработать всё же на этом пункте и потом принимать решение о продолжении или прекращении работ исходя из количества провизии, а главное – температуры воздуха. Мерить её было нечем, но и так понятно, что зима выдалась суровая.

Каждый вечер мы смотрели на небо, пытаясь угадать погоду на завтра. В один из таких вечеров при полном отсутствии ветра вызвездилось небо. «Значит, утром будет морозно, – сделали мы вывод, – и видимость должна быть хорошая». Наготовили дров на всю ночь и улеглись на наши перины, сделанные из сена. Уснули быстро, но проспали недолго. Я проснулся сразу. Дмитрий Иванович кричал: «Пожар! Горим!»

Мы вскочили – и оказались на открытом воздухе. Палатка сгорела почти целиком, от неё остались только нижние борта, скрытые под снегом. Осмотрелись и всё поняли. Грунт под печкой постепенно подтаивал и плоские камни, на которых она стояла, дали усадку с наклоном в одну сторону, из-за чего труба печи, выходящая в отверстие в потолке тоже наклонилась и, прижавшись к палатке, подожгла её. Сухая, нагретая палатка вспыхнула и сгорела за считанные секунды. Дмитрий Иванович проснулся от задевшего его лицо горящего куска материи.

Каждый из нас имел новые валенки, ватные брюки, телогрейку и полушубок, которые нам выдали

^{*} Алидада – вращающаяся часть геодезического прибора, на которой установлена визирная часть.

в пограничном отряде. Надев всё это, мы развели костёр и стали дожидаться утра. Дрова были заготовлены для печки, для костра их оказалось слишком мало. Расчищать снег, чтобы добыть валежник, значило промочить одежду, чего допускать никак нельзя. Поэтому мы расположились возле небольшого костра, постелив сено, которое, на наше счастье, не тронул огонь, поговорили немного и уснули.

Мне снилось, что я преодолеваю вплавь неширокую реку, вода дьявольски холодная, понижывает всё тело. Мои силы иссякают, я плохо загребая воду, а плыть ещё метров десять, но при всём старании я не в состоянии приблизиться к желанному берегу. Мозг сверлит мысль, что ещё немного – и начнутся судороги рук и ног, возле самого берега я утону. Приказываю себе плыть, делать больше усилий, больше движений, но заветный берег, кажется, всё отдаляется от меня. Эта борьба за жизнь, невыносимая мысль о том, что я сейчас погибну, дали необходимый сигнал, и я проснулся, вернее очнулся, от этого наваждения.

Я понял, что мы замерзаем, попытался встать, но ноги не слушались. Я упал рядом с костром, прямо лицом в снег. Руки, которые я пытался вытянуть для упора, предательски застыли на груди и в локтях не разогнулись. Горячий пепел костра полетел во все стороны, я сумел повернуться на спину. Лёжа на спине, плавно стал разводить руки и распрямлять их. Потом выпрямил ноги и после гимнастики с трудом поднялся на ноги.

Мой окрик не разбудил товарищей. Они крепко спали. С трудом я дошёл до Мити: «Проснись! Вставай! Замерзаем!». Митя в ответ только сопел. Я ударил его по голове кулаком, он крикнул от боли и проснулся. Я заставил его делать те же упражнения: разгибать руки и ноги в суставах. Тем временем я взялся за Дмитрия Ивановича, тряс его, бил по голове, в грудь, но он не просыпался. Подошёл Митя, мы вместе подняли его и навесу принялись разводить руки и ноги в разные стороны. Наконец Дмитрий Иванович проснулся и самостоятельно продолжил зарядку, чтобы разогнать кровь по всему телу.

Мы были близки к тому, чтобы не проснуться никогда. Я как руководитель бригады, ответственный не только за порученное дело, но и за людей, которыми руководил, за их жизнь и здоровье, не имел права засыпать вообще в сложившейся обстановке.

Оставшись без палатки, без дров в этот трескучий мороз, мы тем не менее были счастливы и ликовали от простой мысли, что живы. Не позволяя себе расслабиться, я затеял игры: петушинный бой и салочки до самого рассвета.

С первыми лучами солнца отряд наш отправился к зимовью. Шли налегке, не спеша, чтобы не потеть, без отдыха и перекуров.

Добравшись до зимовья, мы хорошо пообедали и с конями двинулись в обратный путь за инструментами. С пункта кратчайшим путем по карте и с компасом тронулись к Амуру, в деревню Покровка. Преодолев без остановок и приключений одним махом двенадцать километров по тайге без тропы по глубокому снегу, мы благополучно вышли на дорогу. Вблизи деревни общее напряжение спало.

Здесь, на берегу Амура, в дополнение к трескучему морозу добавился хилус – ветер по долине реки. Холод прожигал тело сквозь одежду и пробирал до самых костей. Вдоль дороги на другом берегу шёл обоз, и в темноте отчётливо был слышен скрип саней и разговор на китайском языке.

Нас догнал пограничный патруль из трёх конных красноармейцев, который, видимо, сопровождал обоз китайцев, движущийся вдоль границы. Нам приказали остановиться. Я представился и предъявил документы, после чего мы получили разрешение двигаться в Покровку.

Красноармейцы были очень тепло одеты. Кроме армейских бушлатов, ватных штанов и валенок, имели шерстяные шлемы с щелями для глаз; специальные шерстяные перчатки с напалком для указательного пальца, а поверх надеты ещё большие краги из шкуры косули. Однако лица большей части красноармейцев, которых мы видели в пограничном отряде, были всё же обморожены, с тёмными пятнами.

109

Три километра до Покровки мы преодолели с трудом из-за сильного мороза с ветром, который дул нам навстречу, так что приходилось идти спиной вперёд. В деревне мы узнали, что температура воздуха в этот день была около шестидесяти градусов ниже нуля.

Так закончился полевой сезон 1941 года. Нам не удалось выполнить весь объём запланированных работ, и меня не покидало чувство некоторого волнения за самовольный выезд с объекта при незавершённом производственном задании.

После двухдневного отдыха в Покровском колхозе мы двинулись в Амазар тайгой, по тропе, покрытой чистым белым снегом. У последнего колхозного стога накормили лошадей, отдохнули сами и, взяв впрок вязанки сена, продолжили путь.

С одной ночёвкой у костра за двое суток мы прошли девять километров и прибыли на станцию Амазар. Это произошло в двадцатых числах декабря.

Явившись в служебную квартиру, я застал там своего коллегу инженера Александра Осиповича Городовича. Мы вместе учились в Томске, а также проходили военную службу в Новосибирске в 1935 году.

Городович работал так же, как и я, в Амазарской партии. При производстве топографических работ

на своём участке Саша, ожидая хорошей видимости у прибора, имел несчастье получить временную слепоту от ультрафиолетовых солнечных лучей, которые отражались кристаллами снега. В связи с этим он был вывезен рабочими своей бригады и закончил на этом полевые работы ещё месяц назад. За это время Александр успел вылечиться и уже съездил в Хабаровск с начальником экспедиции Коншиным в штаб военного округа. Там они мотивированно доложили о создавшейся обстановке, в которой оказались полевые бригады. Наступившие морозы выводили из строя геодезические инструменты, что делало пребывание топографических бригад в поле бесполезным. Командование штаба округа согласилось с доводами, и был отдан приказ о прекращении полевых работ.

После рассказа Городовича я уже был спокоен, так как автоматически реабилитировался за свой самовольный выезд с участка работ. Надо сказать, что полевой сезон 1941 года оказался неудачным для многих полевых бригад. Подвели лесные пожары и, конечно, суровая зима.

Я сдал собранный полевой материал начальнику партии Матеву. Он принял мой отчёт и откомандировал на базу в Сковородино, где мои спутники занялись хозяйственными работами, а я приступил к выполнению камеральных работ.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ ИЛАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, 1942 год

1. Станция Иланская

Весной 1942 года я был отправлен в состав геодезической экспедиции, базировавшейся на станции Иланская Красноярского края.

На Иланскую я прибыл с женой и сыном Володи. После получения задания на новом объекте производства работ я с семьёй уехал в село Улюколь, которое располагалось в центральной части нового участка.

Этот участок был большим, поэтому его рекогносцировка сети триангуляции должна была занять всё время следующего полевого сезона. Начался участок чуть западней от станции Иланской и заканчивался возле Красноярских столбов.

Гидрография нового объекта оказалась очень бедной. Таёжные ручьи и речки немногочисленны и спокойны в своём течении. А флора и фауна, напротив, пестрили разнообразием.

Тайга богата ягодниками наземными и кустарниковыми. Здесь росли разные породы хвойного и лиственного леса, высокого и здорового, с небольшой захламлённостью. Почти полностью отсутствовали старые и новые гари, поэтому гнилого и сухостойного леса почти не было. В достаточном количестве было зверья и боровой птицы, поэтому

трудности с добычей мяса нам не грозили. Здешняя тайга лучше обжита человеком, чем на предыдущем, дальневосточном участке. Гораздо больше имелось охотничьих троп в таёжном массиве и дорог, которые проходили вблизи железнодорожной магистрали, но населённых пунктов всё же не было.

Несколько хуже для производства работ обстояло дело с рельефом местности. Отсутствовали резко выраженные высоты на общем фоне всхолмлённо-таёжного рельефа. Это требовало значительно больших затрат в последующей работе по обустройству высоких сигналов.

Бригада наша состояла из четырёх человек: кроме меня, два рабочих и проводник. Рабочие – парни Володя и Александр, оба эвакуированы в начале войны с западных территорий. Проводником нашим был Михалыч, житель деревни Улюколь, лет тридцати пяти. Он успел уже повоевать и был комиссован по ранению после трёхмесячного лечения в госпитале.

Примерно раз в месяц в течение полевого сезона мы выезжали на базу – в село Улюколь. Там мы немного отдыхали, брали продукты и все необходимое для продолжения работы, затем снова уходили в тайгу.

Забегая вперёд, скажу, что этот полевой сезон прошёл в целом спокойно, без трагедий и опасных приключений. Нашей бригаде удалось в срок выполнить весь объём работ.

2. Медведь с капканом

Как-то ранним утром мы ехали по охотничьей тропе верхами и увидели след, резко выделявшийся на траве, метра полтора шириной. Он пересекал тропу и уходил вниз к ельнику.

Михалыч слез с лошади, осмотрел примятую траву и спросил: «Что это за след, знаете?» Мы лишь пожали плечами. Михалыч рассказал нам, что на примятой траве нет росы, это значило, что след оставлен совсем недавно, а проходил здесь медведь, попавший в капкан.

Медвежьи капканы весят около пуда и сжимают лапу медведя с большой силой. Капкан крепится за колоду из сырого листвяка в полтора-два метра длиной. Медведь идёт, волооча за собой колоду, оставляя чёткий след, пока бревно не заякорится между деревьями и не остановит зверя. Если же этого не случится, то найти зверя не составляет труда, к тому же он, обременённый грузом, не очень опасен.

Михалыч предложил мне пройти по следу. Я загорелся этой идеей. Представился удобный случай увидеть вблизи хозяина тайги. Мы двинулись к ельнику, Михалыч впереди с берданой, я следом за ним с карабином. Шли осторожно, не спеша, стараясь не шуметь. Возле самого ельника Михалыч зна-

ком приказал мне стоять, а сам ушёл в чащу. Спустился несколько минут он позвал меня в полный голос. Я вышел на небольшую поляну, где в диаметре около десяти метров была вытоптана трава. В центре этой площадки лежали внутренности медведя, а в стороне, прикрытое ветками и обёрнутое шкурой зверя, прибрано разделанное мясо.

Михалыч сказал, что примерно в трёх километрах от этого места находится охотничье зимовье. Он предположил, что охотники, убившие медведя, уже варят мясо в своей избушке. «Пойдём к ним завтракать медвежатиной», – предложил Михалыч. Я согласился, и скоро мы были в гостях у новых знакомых.

Нас приветливо встретили. Мы рассказали о своей работе, о том, что случайно увидели след колоды, потом обнаружили место забоя медведя и догадались, где следует искать удачливых охотников. Мясо, как и предположил наш проводник, уже кипело в ведре.

Это был первый случай, когда я попробовал медвежатину. Володя и Саша тоже впервые пробовали это мясо. Вкус нам не очень понравился, но в целом, есть можно, хоть и без особой страсти.

Охотники посмеивались над нами и ели медвежатину с большим аппетитом.

До этого случая мне не приходилось слышать о том, что медведя можно добывать с помощью капканов, о чём я сказал за столом. Мне рассказали, что, кроме капканов, ставят ловушки на этого зверя. Такая ловушка представляет собой бревно, через которое необходимо медведю переступить к приманке. Выше устанавливается на взводе вторая колода, оснащённая длинными ножами, которые делают, как правило, из двуручной пилы. После того, как зверь задевает спуск, колода падает, врежется в тело и придавливает жертву. Позднее Михалыч показывал нам такую ловушку возле звериной тропы.

По окончании необычного завтрака нас снабдили медвежьим мясом, сырым и варёным, которое мы, конечно, съели за несколько дней.

3. Труп в тайге

В этот год нам приходилось часто передвигаться по охотничьим тропам, которых в Красноярской тайге много. Тропы эти постоянные, пользуются ими круглый год. Зимой их называют путиками, вдоль расставляют ловушки для пушного зверя. Проверять ловушки необходимо как можно чаще, чтобы шкурку попавшегося зверька не испортили лисы, птицы и другие обитатели тайги. Летом, понятное дело, добывают другого зверя, и тропы не остаются без внимания.

Так, верхами двигаясь по тропе в сторону очередного пункта рекогносцировки, мы почувствовали резкий запах пропастины. Смерд мертвечины –

верный признак опасности. Большая вероятность того, что медведь устроил где-то поблизости схрон и тушит добытое мясо. Разумеется, свою добычу он охраняет и всегда готов явиться к непрошеным гостям.

Михалыч, как обычно, следовал первым. Почувствовав запах, он спешился и пошёл в чащу. Осмотревшись, позвал нас.

Мы подъехали и увидели труп человека. Он лежал на спине в середине небольшого кострища. Лицо покрывала окладистая рыжая борода. На голове – меховая шапка-ушанка, одет в чёрную телогрейку, ватные брюки, на ногах – сибирские ичиги из юфтевой кожи. Шея перевязана шерстяным, домашней вязки белым шарфом, из голенищ ичигов были видны такой же вязки чулки. В целом одежда покойника тёплая и лёгкая – вполне удобная как для охоты, так и для перехода по тайге зимой.

Ноги покойника были круто поставлены коленями вверх. Грудная клетка прострелена пулей. Вокруг тела разбросаны вещи: котелок, мешочки изпод крупы, уже изъеденные мышами, небольшой топорик в чехле и ружьё – одноствольная курковая переломка двадцатого калибра.

Осмотрев место, мы отошли в сторону. Михалыч закурил, немного подумал и сделал заключение: «Слышал я, что в конце зимы в тайге пропал охотник. Видимо, это он и есть. Только это не добытчик, а таёжный вор. Он забирал в балаганах и зимовьях добытые шкурки белки и соболя, когда охотники ходили по тайге. Здесь вора догнали, убили и бросили на его же костер. Охотники забрали у него свою пушнину вместе с рюкзаком, которого здесь нет, а ружьё, топор и всё остальное брать не стали, тем самым доказывая, что сами они не воры и пришли только за своим».

Мы с большим вниманием выслушали нашего проводника. Всё сказанное очень походило на правду.

Я вернулся к трупу, поднял топор и спросил Михалыча, могу ли я его взять с собой. Он ответил, что теперь можно брать всё что угодно, но по выходе из тайги необходимо сообщить в милицию о нашей находке. Я предложил остановиться где-нибудь поблизости, чтобы начертить абрис, заодно немного передохнуть.

Мои спутники развели костёр, вскипятили воду для чая, пока я чертил абрис. Находясь под впечатлением от увиденного, Володя и Александр принялись рассуждать о том, правильно ли поступили охотники, убив человека. Михалыч слушал их, усмехаясь себе в бороду, потом объяснил нам поведение таёжников.

Неписанные законы тайги должен соблюдать любой человек. Тот, кто их нарушил, заслуживает одно наказание – смерть.

Вот эти законы: не брать чужое, никого не обманывать, оказывать помощь всем, кто попал в беду, не бросать товарища в трудный час, не хитрить, когда работаешь артельно, зверя каждого бить по сезону. Простые, очевидные правила всегда выполняются честным и сильным человеком, но нарушаются каждым алчным шаромыжником. Сейчас война, трудное время, многие голодают, но это не даёт никому права воровать и на войну списывать свою подлую сущность. Примерно так рассуждал Михалыч, похлёбывая чай.

А я, кстати, вспомнил и рассказал случай, который описал мой товарищ Александр Городович.

Саша, работая в дальневосточной тайге, наткнулся сразу на три трупа со следами пулевых ранений. Два тела лежали прямо на тропе в пяти метрах друг от друга, а третий труп находился чуть поодаль. После осмотра тел стало понятно, что все убитые – китайцы. Шли они на юг, в сторону советско-китайской границы, и кто-то стрелял им в спину. Рабочие в бригаде Городовича долго гадали, кто и за что мог их убить, а главное, зачем пришли китайцы на территорию СССР. Если это диверсанты и их уничтожили пограничники, то тела не оставили бы на месте, а обязательно забрали для дальнейших следственных мероприятий. Заблудиться китайцы не могли, так как для пересечения границы необходимо переплыть реку. В общем, никакие, даже самые фантастические предположения не могли рационально объяснить факт возникновения трупов на охотничьей тропе.

Городович отметил на карте это место. После окончания полевых работ Саша обратился в следственные органы. Его рассказом заинтересовались. Каждого из бригады несколько раз вызывали на допрос и очень подробно расспрашивали об увиденном, записывая и сопоставляя показания.

Спустя два месяца в управление нашей геодезической экспедиции пришло письмо из отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности, где была выражена благодарность бригаде Городовича за оказанную помощь в деле разоблачения опасного преступника.

Выяснилось, что найденные в тайге китайцы до своей смерти занимались незаконным промыслом: мыли золото на таёжных ручьях. Житель посёлка Усть-Карск оказывал старателям содействие: снабжал провизией и необходимым инструментом, давал советы, добывал мясо. После завершения работы китайцы рассчитались с ним золотым песком. Но жадность не знает границ. Злодей направил ватагу на тропу, где их сам же и застрелил, забрав всё, что они сумели добыть. При попытке незаконной реализации золотого песка преступника задержали, но не могли понять, где он взял столько ценного металла. Намыть почти три килограмма в оди-

ночку – дело нелёгкое. К тому же свой посёлок любитель лёгкой наживы надолго не покидал. Благодаря заявлению Городовича многое в этом деле прояснилось.

Закончив рассказ, я предложил своим спутникам продолжить путь. Все встали. А я уложил в поклажу понравившийся мне топор. Им я пользовался несколько лет.

Подробное описание найденного трупа в тайге в дальнейшем я передал участковому. Никто никогда не спрашивал нас больше о зловещей находке, и я об этом больше ничего не слышал.

4. Охота на изюбря

К исходу середины полевого сезона наш проводник сильно сдал. Его тревожили фронтальные раны. Ежедневные многочасовые переходы, интенсивная работа в течение трёх месяцев сильно утомили Михалыча, ему трудно было ходить. Только просьба самого Михалыча не отстранять его от дальнейшей работы остановила меня от этого шага.

К этому времени как раз возникла необходимость добыть мясо для нашего отряда. С этой задачей нам предстояло справиться самостоятельно, без участия проводника. Володя и Александр восприняли это с энтузиазмом, но я понимал, что их юношеский задор – плохой помощник в этом серьёзном деле.

Тратить время специально на охоту, преследуя или загоняя зверя, у нас не было возможности, поэтому мы решили испытать счастье на каком-нибудь солонце, которых здесь было достаточно.

Большинство солонцов имеют искусственное происхождение. Их специально готовят промысловые охотники в местах, где удобно оборудовать засаду. Они пробивают в земле между корней деревьев отверстия и засыпают туда крупную соль. При такой закладке соли хватает надолго из-за трудного к ней доступа. Засаду обустраивают, как правило, на деревьях, прибавляя к веткам несколько жердей, на которых может расположиться охотник.

Спускаясь с горы от одного из пунктов и следуя по распадку, мы увидели часто посещаемый изюбрями солонец. Вокруг мощной сосны было много следов зверя рядом с местом закладки соли. Однако на этом солонце место для засады было неудобным, она находилась на косогоре, в качестве прикрытия служили плотные заросли кустарника.

Мы уехали дальше и затаборились на ночлег. Я взял с собой фроловку, а Володя мелкокалиберную винтовку. Выслушав советы Михалыча, мы, как заправские охотники, отправились на солонец.

Прибыли на место засветло. Солнце ещё находилось высоко. Мы устроились за кустами. Я лёг на спину, а Володя расположился на боку, поглядывая сквозь ветки на солонец. Мы тихо беседовали, рассудив, что зверь раньше сумерек не подойдёт.

В какой-то момент Володя застыл, буквально перестал дышать и мимикой стал мне показывать в направлении солонца. Я осторожно перевернулся, подтянул винтовку и сквозь кусты увидел молодого самца изюбря. Он находился в пяти метрах от нас. Подняв высоко голову и широко раздув ноздри, олень нюхал воздух, внимательно слушал и осматривался вокруг. Он никуда не спешил, желая наверняка убедиться в собственной безопасности.

Успокоившись, изюбрь подошёл ещё ближе к нам. Наклонил к земле голову и сразу стремительным броском отскочил в сторону за сосну. Я видел тень животного, стоящего за деревом. Олень вновь поднял голову и изучал окружающую обстановку.

Я готов был стрелять, но дерево целиком скрывало зверя. При полном отсутствии ветра, запах от нас стелился по земле. Поэтому когда зверь стоял с высоко поднятой головой, нас не чувствовал, а опустив голову, поймал наш дух и отпрянул за укрытие, где встал, оставаясь в сомнении.

Я мимикой показал Володе, чтобы он сделал манёвр в сторону укрытия изюбря, надеясь на то, что зверь отскочит от сосны и даст мне шанс на прицельный выстрел.

Как только Володя сделал движение, зверь молнией развернулся за спасительной сосной и умчался стремглав в чащу. Я наудачу выстрелил вслед, впрочем, без всякой надежды на успех. Зверь мне ответил протяжным рёвом, предупреждая своих собратьев об опасности.

Оставалось досадовать только на себя. Мы были не готовы к появлению изюбря, который позировал перед нами в нескольких метрах. Надежды на то, что в ближайшее время на солонец придёт ещё какое-нибудь животное, не было, поэтому мы с Володей, перекурив, отправились к нашему табору.

Михалыч, выслушав наш подробный рассказ, сказал, что не стоит слишком уж казнить себя за проявленную оплошность. Он знал наверняка, что километров в двадцати по пути нашего следования был обустроен хороший солонец, с удобной засадой.

На другой день мы поднялись раньше обычного и работали с удвоенной энергией, чтобы успеть засветло на солонец, который упоминал Михалыч.

Закончили работу и не тратя время для устройства ночлега, на этот раз всё же с Михалычем, мы отправились «за мясом». Володя и Александр остались на новом таборе с заданием раздобыть воды, приготовить ужин, выставить палатку, наготовить дров и ждать нас с добычей.

К солонцу мы шли ускоренным шагом по удобной тропе, но прибыли с опозданием, уже после захода солнца, о чём сожалели, но напрасно. Солонец оказался негоден для охоты. Кто-то его испортил по неопытности или попросту пренебрёг правилами

охотника. В тридцати метрах от него были оставлены вынутые внутренности убитого зверя, которые источали сильное зловоние. Понятно, что запах пропастины привлекает только медведя, уже порядком наследившего вокруг своего продовольственного склада.

В такой обстановке вероятность нападения хозяина тайги увеличивается, и мы быстро ретировались, будучи в полной боевой готовности, со взведёнными курками и поднятым оружием.

Михалыч был очень возмущён и расстроен таким безответственным поведением предыдущих посетителей солонца. Он вновь вспоминал о таёжных законах и сетовал, что нынче в тайгу ходят за чем ни попадя и кто попало.

Когда мы вернулись, Володя и Саша с сожалением выслушали наш рассказ. Хорошо, что в запасе у нас были рябчики, которых ребята сварили. Поужинав, мы легли спать, не мечтая уже об удачной охоте.

Спустя два дня, двигаясь с работой, мы вновь обнаружили солонец. Засада здесь была очень удобная. Она представляла собой три жерди, прибитые между веток сосны, где должен располагаться охотник. Укрытием стрелка служила густая хвоя дерева. Было понятно, что солонец давно никто не посещал, так как одна из жердей уже успела прогнить. Зверь же, напротив, истоптал всё вокруг, словно на пастбище.

113

Я забрался на лабаз, где поменял прогнившую жердь, и сел на него, проверяя крепость конструкции. Отличный обзор места, куда должен был выйти зверь, небольшое, а значит, убойное расстояние, возможность упереться спиной о дерево, что давало шанс лучше целиться. Всё это вселяло уверенность в успешной охоте в случае появления зверя.

Я объяснил своим спутникам, что остаюсь здесь, а им следует двигаться по маршруту и затабориться в трёх километрах от этого места, поблизости с тропой, по которой мы двигались.

Было бы логичней, конечно, оставить здесь Михалыча как опытного охотника, но мне захотелось побыть одному. Последнее время я очень переживал о судьбе своего родного брата Иннокентия, от которого наша семья не получала никаких известий уже более года. Поверить в то, что он погиб, я отказывался.

Просидев на лабазе с мрачными мыслями около двух часов, я увидел, что сгущаются сумерки. Пока ещё было светло, я несколько раз имитировал свой выстрел по зверю: поднимал ружьё и направлял в места, откуда можно было ожидать появления животного.

Наконец, наступила почти полная темнота. Солонец слабо освещали звёзды и луна. Вокруг стояла тишина. Её изредка нарушали еле слышные

шорохи и негромкие звуки, значение которых я понять не умел.

Я не услышал как подошёл к солонцу изюбрь. Зрение, впрочем, не подвело, и мне удалось разглядеть силуэт зверя. Затем мой слух уловил, как он чавкает, пережёвывая солёную землю. Изюбрь стоял боком к моей засаде. Медлить было нельзя, зверь мог развернуться и встать вдоль линии огня или отойти в сторону. Я поднял винтовку и нажал курок. Резкий звук выстрела эхом прошёл по тайге. Мгновение – и глухой звук упавшего животного дал мне повод ликовать.

Подход к раненому зверю в темноте весьма опасен. Я приготовил винтовку к повторному выстрелу и стал вглядываться в темноту. Тело поверженного зверя мне с трудом удалось увидеть. Немного выждав, я спустился и осторожно подошёл к изюбрю. Молодой самец был мёртв, лежал на боку с запрокинутой назад головой. Он был избавлен от предсмертной агонии, убит выстрелом в сердце.

Я проткнул ножом брюшину животного, чтобы исключить вздутие до утра. Перекурив, с чувством победителя пошёл по тропе к нашему табору.

На другой день я удостоился похвалы Михальца и в какой-то степени реабилитировался за предыдущий свой неудачный поход на солонец.

5. Завершение полевого сезона

В конце сентября осталось отработать на последнем участке, который находился в тридцати шести километрах от посёлка Улюколь.

Отряд наш к тому времени сильно поредел. Михалыч чувствовал недомогание, и Александр был слишком утомлён постоянными переходами. Поэтому вдвоём с Володей мы решили ехать налегке, не обременяя себя лишним скарбом, надеясь быстро закончить работу, а затем успешно поохотиться, чтобы обеспечить свои семьи мясом.

Выехав верхом ранним утром из посёлка, к вечеру следующего дня мы закончили всю работу. На ночлег остановились возле зимовья, которое было очень сырое. Пришлось рядом поставить палатку. В зимовье сложили продукты и полупальто из комплекта спецодежды. На большой валежник мы уложили сёдла, лошадей спутали, надели на них ботало и отпустили пастись.

Утром, наскоро позавтракав, налегке, без лошадей, мы с Володей отправились на охоту. Днём хотелось настрелять побольше боровой птицы, а вечером сходить на солонец.

Охота оказалась удачной: мы набили достаточно рябчиков, а также удалось добыть несколько глухарей. Вернувшись к зимовью, мы насторожились. Утром я оставил приметку: воткнул в землю невысокую ветку возле входа в избушку, она была опрокинута. Стало ясно, что в наше отсутствие здесь кто-

то был. Держа оружие на изготовку, мы обошли наш лагерь, но не увидели ничего подозрительного. Лошади паслись рядом, сёдла лежали на месте. Заглянули в палатку: там тоже был порядок.

Развели костёр, чтобы приготовить ужин, и обнаружили, что все продукты, которые были оставлены в зимовье, кто-то забрал.

Кто мог быть вором? Кто мог быть в тайге в эту пору? Никаких работ здесь сейчас никто не производит. Это мне было достоверно известно.

Быть может, это дезертир, который укрывался от призыва на фронт, или сбежавший заключённый из лагеря? Следы таких вынужденных таёжников мы встречали неоднократно, они, конечно, всегда представляли для нас потенциальную опасность. Но почему человек, оказавшийся в отчаянном положении, пренебрёг палаткой, тёплыми вещами, запасом пороха и патронов, лошадьми, наконец? Так или иначе мы с Володиёй не рискнули покидать лагерь и перед наступлением ночи идти на солонец.

Рассуждая за ужином о случившемся, мы пришли к выводу, что человек, который украл у нас продукты, следил за нами, быть может, от самого посёлка, зная наверняка, что у нас есть сухари, соль, крупа, чай и консервированное мясо. Дождавшись, когда мы уйдём, он осуществил свой план. Скорее всего, взятые продукты предназначались для какой-нибудь семьи, испытывающей постоянное недоедание, если не голод. Взятый продуктовый запас выгодно можно обменять, к примеру, на муку.

Наши геодезические отряды получали всегда неплохое продуктовое и денежное довольствие, о чём, конечно, многие знали.

Мы с Володиёй несколько не сожалели об утраченной провизии, но испытывали досаду от того, что многие люди вынуждены идти на крайние меры во время тяжёлых испытаний, связанных с войной.

Одновременно крепла уверенность в общей победе советского народа над фашистскими стервятниками. Поскольку даже в такой трудный час не были свёрнуты работы по картографированию нашего государства, по изучению его недр и ресурсов. Это значило, что народ созидателей, а не фашистские варвары останется полноправным хозяином советской Родины – страны Великого Октября.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ ИЛАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, 1943 год

1. Село Улюколь

После окончания зимнего периода 1942–1943 годов на базе экспедиции станции Иланская я получил задание на следующий полевой сезон и сразу выехал на работу с женой и сыном. От Иланской мы доехали до Канска на поезде, потом пересели в машину и добрались до села Улюколь. Здесь

наша семья разместилась на квартире у добрых людей, которых мне посоветовали в правлении колхоза.

Задание в этом полевом сезоне было большое: выполнить рекогносцировку звена триангуляции второго класса от лесостепной части Дзержинского района строго на запад в сторону Енисея. Протяжённость участка составляла сто километров. Следом за мной будет двигаться бригада техника Тузовского с постройкой геодезических знаков. По окончании рекогносцировки наша бригада должна вернуться и пойти с работой по отстроеным пунктам, наблюдая с них.

Несмотря на большой объём работ, в этом году я не стал привлекать второго рабочего, желая увеличить продуктивный паёк на уменьшенный состав бригады, взяв на себя больше физической нагрузки.

В составе бригады, кроме меня, был рабочий Володя, с которым мы трудились в прошлом году и проводник Анатолий Дмитриевич. Володя за прошедшее время уже женился, и у него родился сын. Александр, второй рабочий моей бригады, ушёл добровольцем на фронт.

Нового проводника мне порекомендовал Михайлич, который по состоянию здоровья не мог длительное время работать в тайге.

Анатолий Дмитриевич был крепкий мужик, несмотря на свой преклонный возраст. Когда я узнал, что ему семьдесят один год, то позавидовал и удивился его крепкому здоровью. Он был высокого роста, широк в плечах, обладал хорошим зрением и утверждал, что является прямым потомком первых казаков, покорявших Сибирь. Глядя на его ружьё, я в это охотно верил. Старинная двустольная пистонка заряжалась не патронами с казённой части, а со ствола шомполом. Дмитрич сначала засыпал порох в ствол, который усердно пыжил, потом сыпал дробь или картечь, опять пыжуя. Выстрел с ружья производился спуском курка, ударом которого срабатывал пистон, расположенный на специальном выступе. Бой у ружья был прекрасен по дальности, кучности, пробойной силе и ронкости. Впрочем, эти достоинства не компенсировали неудобства его заряжания, а также использования в походных условиях.

Несколько дней мы с Дмитричем ожидали Володю, который с четырьмя лошадьми ехал тайгой из Иланска до Улюколя.

Участок, на котором нам предстояло работать, был совсем необжитым. Рельеф здесь был хорошо выраженный, с многочисленными сопками и резко выделяющимися каменными останцами.

Останец как результат геологического процесса выветривания образуется в процессе разрушения вокруг него более слабых пород. Они имеют значительное превышение над рельефом, поэтому мно-

гие из них удалось использовать для обустройства триангуляционных пунктов.

Гидрография участка представлена множеством ручьёв и речек. При этом полностью отсутствовали озёра и болота.

Флора и фауна на участке в сравнении с другими массивами тайги оказались очень бедными. Это объяснялось просто. Когда-то здесь прошли большие лесные пожары, они были неоднократны, так как старые гари были совершенно свободны от захламлённости упавшего и гниющего леса.

На более старых гарях вырос молодой таёжный лес, а новые были покрыты бурной травяной растительностью и редко – растущим березняком. Проход по таким местам на лошадях – лёгкий и удобный, даёт хороший обзор при подъёме на какое-либо возвышение.

Лесные пожары уничтожили наземные и кустарниковые ягоды, кедрач, сильно снизили промышленные запасы строевого леса, заставили уйти в другие лесные урочища белку, соболя, козулю, изюбря, сохатого и других зверей. Поэтому за всё время нашего пребывания в тайге единственными трофеями были рябчики и глухари. Более бедного участка за все мои сорок лет работы в тайге я не встречал.

2. Лыжный поход

Прошедшая зима была очень снежная. Высота снежного покрова в тайге достигала двух метров. Двигаться на лошадях в конце апреля ещё не было возможности, поэтому решено совершить первый выход в тайгу на охотничьих лыжах.

Мы рассчитывали на успешные переходы по снежному насту в утреннее и частично ночное время, пока солнце не топит прямыми лучами снег.

Наш отряд вышел из села ночью, и за десять часов мы прошли тридцать километров, потратив на это уйму сил. Усталые, отдыхали мы у доброго костра на острой, как копна, горке, покрытой редкими небольшими соснами. Снег на ней уже полностью растаял. Поэтому, подрубив сосновых веток, мы улеглись на них и хорошо выпалились.

Проснувшись около четырёх часов утра, я понял, что температура воздуха была положительной. Разбудил Дмитрича. Мы развели с ним костёр и попробовали наст. Ноги уходили под снег вместе с лыжами, перед новым шагом приходилось с усилием поднимать носок лыжи, отряхивая его. При этом снег стал значительно тяжелее, чем сутки назад.

Посоветовавшись, мы решили вернуться, пока не начался паводок. Я был готов идти немедленно, пока не взошло солнце, но Дмитрич меня убедил не торопиться. Дескать, раз уж сюда пришли, то глупо отказываться от охоты на глухарей. Место, где мы затаборились, как раз для глухариного тока. «Вишь,

снег вокруг стоял, здесь они на ток и собираются», – заключил Дмитрич.

Я согласился остаться на один только день при условии, что ночью мы начнём поход обратно в Улюколь. Дмитрич приготовил своё ружьё к стрельбе, взял с меня честное слово, что я позволю сделать ему первый выстрел, затем изготовил рогатину для своей пистонки и с нетерпением принялся ждать появления глухарей.

Интересно было наблюдать за нашим проводником: он словно помолодел на пятьдесят лет и с азартом юноши ожидал предстоящей охоты.

Действительно, на восходе солнца, мы услышали любовную песню глухаря. Но увидеть его сразу не удалось, хотя птица была где-то рядом. Дмитрич разглядел глухаря на ветке сосны. Дождавшись, когда глухарь повернулся к нам боком, Дмитрич выставил ружье на рогатину и, хорошенько прицелившись, подстрелил этого красавца.

Следующий глухарь принялся токовать на значительном расстоянии от нас.

Как же красива эта птица в своей любовной игре! И как она глупа и беззащитна! Глухарь поёт свою любовную песню. Его хвост веером поднят вертикально, крылья разбросаны в стороны, перья скользят по снегу, оставляя витиеватые следы.

Дробью до него не достать, картечь на таком расстоянии может рассеяться. Я решаю стрелять пулей, которая заряжена в правом стволе.

Но глухарь остановился и настороженно потянул вверх голову. Мне оставалось терпеливо выждать, не двигаясь и не взводя курок. Глухарь продолжил своё пение, а я, дождавшись, когда птица выдохнется и, перехватив воздух, продолжит свою серенаду, хорошенько прицелился и дал выстрел.

Глаз и руки не обманули меня. Глухарь упал, встрепенулся и замер навсегда.

Володя категорически отказался стрелять, заявив, что глухарь на току беззащитен и охотиться на него без особой необходимости он не станет.

Наш охотничий азарт был удовлетворён. Понятно, что в течение дня можно было набить достаточно много птицы, но, не имея лошадей, мы бы их попросту не смогли взять с собой. Поэтому, сварив первого глухаря, мы хорошо позавтракали и заодно пообедали, опять легли отдыхать до наступления сумерек.

В обратный путь мы выдвинулись после наступления темноты, разделив его на двое суток. Резкое потепление весной 1943 года задержало начало производства работ почти на месяц.

3. Инженерная тропа

В первых числах июня наш отряд приступил к работе. Мы выехали на рекогносцировку втроём на четырёх лошадях, с солидным запасом продуктов, двумя ружьями и карабином.

Сразу взяли высокий темп в работе, используя всё светлое время суток.

За нами двигалась с работой строительная бригада под руководством техника Тузовского. Чтобы ускорить работу строителей, я погнал магистральные затеси примерно посередине нашего участка. Выбирая наиболее удобный путь для продвижения, старался исключить крутые подъёмы и спуски, обойти заболоченные места, буреломы и непролазную чащу.

В тех местах, где надлежало строить триангуляционные пункты, я оставлял в бересте записки возле какой-нибудь из своих меток. В ней я подробно излагал все необходимые данные о постройке знака: его вид, высоту, наличие вблизи воды и леса для использования его как строительного материала, удобные места для выпаса коней, характер грунта, таблицу направлений на смежные пункты и прочее.

Работали мы успешно, и за несколько километров до Енисея мне удалось осуществить привязку, примкнув к стороне ряда триангуляции первого класса^{*}.

Строительная бригада двигалась значительно медленнее, имея гораздо больше груза. Для его перевозки использовалось больше десяти лошадей, которые не могли одним разом всё увезти. Они делали по несколько рейсов от одного пункта к другому.

Это обстоятельство позволило сформировать хорошую конно-вьючную дорогу из Дзержинского района через тайгу к Енисею. Этой тропой сразу стали пользоваться местные промысловые охотники. Инженерная тропа получила своё название сразу. А широко известно о ней стало после драматических событий, которые произошли в строительной бригаде техника Тузовского.

При пересечении одного из распадков тропа проходила вблизи медвежьей берлоги. Под высокой сосной на склоне зверь устроил узкую выемку с обширной норой внутри. Медведь, поднявшись после зимнего сна, далеко не ушёл, о чём свидетельствовали многочисленные следы его пребывания.

В одной из своих записок я указал на это обстоятельство. Но, к сожалению, предостережения не помогли, и трое рабочих пренебрегли инструктажем Тузовского.

Их оставили для завершения строительства одного из знаков, тогда как основная бригада ушла дальше.

По расчётам Тузовского оставшиеся строители должны были явиться в распоряжение бригады через двое, самое большое, через трое суток. Но их

^{*} Государственная триангуляция в СССР была четырёх классов. Триангуляция первого класса строилась в виде рядов треугольников со сторонами 20–25 км, расположенных примерно вдоль меридианов и параллелей и образующих полигоны с периметром 800–1000 км. Углы треугольников в этих рядах измерялись высокоточными теодолитами с погрешностью не более 0,7.

не было. Обеспокоенный Тузовский сам сел на лошадь, взял карабин и поехал на поиски.

Тела рабочих он обнаружил возле берлоги, где парни устроили себе ночлег. Два трупа лежали рядом, а третий находился в пятидесяти метрах от лагеря. Ружьё висело на ветке сосны, под которой была вырыта берлога.

Тузовский был вынужден вернуться, взять двух рабочих и лошадей, чтобы забрать тела и вести их в Улюколь, где пришлось давать объяснения органам юстиции, писать письма родным погибших и попутно искать им замену.

Местные промысловые охотники, узнав о случившемся, мобилизовали небольшой отряд для ликвидации опасного зверя. Они выполнили свою задачу скоро и со знанием дела. Медведя выследили с помощью специально обученных собак, которые отвлекали зверя, пока не подошли стрелки. Чтобы убедиться, что убит именно тот зверь, охотники обошли тайгу в радиусе десяти-двенадцати километров. Других следов они не обнаружили.

Пренебрежение к правилам безопасности в условиях работы в сибирской тайге стало причиной этой трагедии. Мало того, что парни устроили ночлег чуть ли не в доме медведя, так ещё не позаботились о разведении доброго костра. Единственным ружьём никто не сумел воспользоваться, так как его не оказалось под рукой.

Мы узнали об этих событиях значительно позднее, когда закончили рекогносцировку и вернулись в Улюколь. Я спросил Дмитрия, почему медведь напал на спящих. «Кто его знает... Звери, они ведь, как и люди, разные: один злой, другой хитрый, кто-то храбрый или трусливый. Этот медведь, надо думать, территорию свою охранял. Однако ж мог просто пугнуть парней хорошенько, но решил по-своему. Злой медведь и глупый. Три жизни загубил и сам пропал», – так рассудил наш проводник.

4. Пожар на таборе

В середине июля мы решили дать отдых лошадям, для этого выбрали удобное место с хорошей травой на берегу небольшой таёжной речки. Взяв с собой продукты, карабин, ружьё, телогрейки с плащами, сумку с документами, бинокль и лёгкий топор, мы с Анатолием Дмитриевичем отправились на рекогносцировку в пешем порядке. Володя остался с лошадьми на нашем таборе.

Успешно за три дня мы закончили маршрут и по компасу напрямую тронулись обратно к нашему лагерю. В скором времени вышли на речку выше табора примерно в десяти километрах. Дальше решили идти врозь. Я – вдоль реки (с рыбалкой), а Дмитрий – тайгой (с охотой на зверя).

В это время вся промышленность была настроена на военный лад, поэтому товары широкого по-

требления находились в большом дефиците. Это же касалось и рыболовных крючков, которые изготавливались либо из тонкой калёной проволоки, либо из иголок для швейной машинки. Мой крючок был сделан из иглы и замаскирован под муху.

Хариус брал хорошо, но из-за отсутствия жала на конце крючка часто срывался. Тем не менее, пройдя половину пути, я поймал около пяти килограммов рыбы.

На одной из отмелей я обнаружил следы, оставленные человеком не более двух дней назад. Скорее всего, они принадлежали дезертиру, который укрывался в тайге, не желая воевать на фронте. До начала охотничьего промыслового сезона ещё далеко, и никому, конечно, не придёт в голову рыбачить в нескольких десятках километров от посёлка.

Мне вспомнилось собрание на базе нашей экспедиции в Иланской, состоявшееся в начале 1943 года. Обсуждался вопрос о поступивших в массовом порядке заявлениях от инженеров с просьбой отправить их в действующие войска.

Очень эмоционально выступил начальник геодезической партии. «С кем мне прикажите работать, если уйдут лучшие, наиболее опытные специалисты?» – спрашивал он аудиторию. «Если их мобилизуют, то и меня отправляйте на фронт, в штрафбат, куда угодно!» – горячился он.

Слово взял политрук, который сказал, что понимает желание людей мстить за погибших родных и близких, бить ненавистного врага за поругание нашей Родины. Однако надо понимать, что принципы социалистического общества ставят общественные интересы выше личных и одного желания в данном случае недостаточно. В условиях военного времени все мы находимся на боевом посту. Партия и правительство рассчитывает на каждого, кто имеет бронь в деле материально-технического обеспечения фронта. Кроме того, нельзя забывать о близости Квантунской армии, и в случае её агрессии кому, если не нам, придётся защищать восточные рубежи нашей Родины.

Собрание закончилось, многие забрали свои заявления, но два инженера всё же настояли на своём и отправились на фронт, где в дальнейшем погибли. Я никогда в действующие войска не просился, потому что рассуждал примерно как наш политрук: если получил правительственное задание, то его необходимо выполнить качественно и в срок, и нечего более говорить.

Я смотрел на следы дезертира с безразличием и отвращением. Для меня он был ничем не лучше фашиста: такой же враг, подлый и гнусный. «Поймать бы этого гада и доставить куда следует», – фантазировал я, понимая, однако, что искать беглеца в тайге – дело сложное, а у нас для этого нет времени.

Я забеспокоился при мысли о том, что совсем недалеко от этого места находится наш табор, а там один Володя. Бросив рыбалку, я напрямик зашагал к нашему лагерю скорым шагом.

Выйдя на открытое место, я вдруг увидел метрах в пятидесяти от себя двух волков. Они, разумеется, задолго до приближения к ним услышали мои шаги, но не захотели скрыться. Мало того, они не собирались уйти с моего пути.

Два больших серых волка спокойно и нагло смотрели на меня, вывалив языки из пасти. Раздражённый мыслями о дезертире, я решил их проучить. Снял ружьё с плеча, но не успел его поднять. Волки поняли мои намерения и в два прыжка скрылись в чаще. Тем не менее я выстрелил и, конечно, промазал.

Мои опасения усилились, и, ускорив шаг, я продолжил путь к табору. Совсем близко от него я услышал ружейные выстрелы и, скинув рюкзак, бегом преодолел оставшийся путь.

Успел я как раз вовремя: сухая трава горела, подбираясь к палатке. Своей походной курткой я принялся тушить пламя. Вскоре подоспел Володя, и мы вдвоём быстро справились с пожаром.

Оказалось, что Володя к нашему возвращению решил приготовить добрый обед, и, пока он чистил картошку и теребил рябчиков, наши лошади далеко отошли от лагеря. Володя подкинул в костёр побольше сухих дров и ушёл за лошадьми, чтобы погнать их поближе.

Ветер сбил пламя от костра на высохшую траву, которая разгорелась под сильной тягой и подожгла упавшее дерево, на которое Володя положил наши седла и уздечки, а также приставил пистонку Дмитрича.

Перед нашим походом я настоял, чтобы Анатолий Дмитриевич вместо своего ружья взял карабин, как наиболее скорострельное и надёжное оружие.

Пистонка сильно нагрелась и дала два выстрела, которые заставили нас всех броситься в лагерь. Из тайги, как медведь, вывалил Дмитрич.

Слушая наш рассказ, он держал свою пистонку в руках. Она очень пострадала: обгорело ложе, почернел металл. Положив ружьё на упавшее дерево, Дмитрич надавил на стволы. Они погнулись.

«Вот и отслужила моя старая пистонка. И спасибо ей за то, что, погибая сама, она спасла всё наше имущество», – так и сказал наш проводник.

Володя тут же заверил Дмитрича, что готов уплатить сумму, которую тот назначит за испорченное оружие. Но Дмитрич ответил, что плату он не примет, потому что ружьё давно своё отслужило и с лихвой оправдало свою стоимость.

«А ты, парень, впредь будь осмотрительней в наших делах. Помни, иной случай судьбу решает», – заключил Дмитрич.

Сёдла и уздечки мы быстро починили, я сходил за своим рюкзаком. Пойманного хариуса мы тут же засолили и с большим аппетитом сели есть суп из рябчиков. Дмитрич ничего добыть не сумел, даже следов нигде не видел.

5. На наблюдениях

В начале августа наш отряд закончил рекогносцировку пунктов триангуляции и вернулся на базу в Улюколь. Я дал в экспедицию телеграмму, где просил дальнейших указаний о продолжении работы.

В ответной телеграмме сообщалось, что наша бригада будет усилена помощником на наблюдениях, который выезжает к нам и привезёт с собой инструмент, необходимый для работы.

Так как состав бригады увеличился, я принял решение часть продуктового запаса увести и оставить примерно посреди нашего маршрута с тем расчётом, что им мы воспользуемся на обратном пути от Енисея.

Погрузив с собой мешок картофеля, килограмм пять разной крупы, мешок сухарей и соль, мы с Дмитричем на трёх лошадях уехали в тайгу.

В конце второго дня пути мы выбрали место в стороне от магистральной тропы, на берегу одной из речек. Вырубив корыто в большой колоде, уложили туда наши продукты. Чтобы сохранить их от грызунов и дождя, сняли с ближайших деревьев кору и хорошо укрыли наш склад.

Возвращаясь, тщетно пытались обнаружить следы дикой козы, изюбря или сохатого, зато успешно порыбачили на небольших таёжных речушках. В посёлок вернулись спустя пять дней после отъезда.

Не помощник, а помощница ожидала нас в Улюколе. Зоя Морозова была студенткой последнего курса Новосибирского института инженеров геодезии и картографии. Прибыла она в экспедицию на производственную практику, откуда была направлена в нашу бригаду.

Зоя привезла инструмент для наблюдений ОТ-0,2. Прибор с хорошей точностью и отличной оптикой, прочный и удобный для транспортировки вычным транспортом. Мне было поручено опробовать этот инструмент в полевых условиях и написать отзыв о его достоинствах и недостатках. Выполнив юстировку, я вместе с помощницей сделал несколько пробных наблюдений и остался вполне удовлетворён его работой.

Что касается Зои, то я был немного озадачен появлением девушки в нашем отряде, но в дальнейшем сомнения мои полностью рассеялись. Зоя оказалась грамотной, общительной, инициативной, выносливой и неприхотливой, а также надёжным товарищем, на которого можно положиться. Она не стала обузой для нашего отряда. Напротив, во всех делах оказывала посильную помощь и,

сколько могла, старалась улучшить наш незатейливый полевой быт.

После составления подробного маршрута наш отряд был полностью готов к началу работы. Не теряя времени, мы отправились в тайгу на наблюдения.

В первый день прошли восемнадцать километров, пропустив первый триангуляционный пункт, необходимый для привязки нашей сети. Не торопясь, отработали на втором. Здесь же и заночевали.

Я составил маршрут таким образом, что самые отдалённые от магистральной тропы пункты мы должны отработать, двигаясь в сторону Енисея. Рассуждал я примерно так: лошади рано или поздно ослабнут, погода осенью так или иначе испортится, и пусть это случится, когда мы станем двигаться в обратном направлении. В случае чрезвычайной ситуации проще будет отправить кого-нибудь за помощью в Улюколь.

Поднявшись на второй день похода с первыми лучами солнца, мы взяли очень высокий темп, которого придерживались всё время, пока позволяла погода.

Я не разрешал специально останавливаться на охоту или рыбалку, дорожил каждой минутой светлого времени суток. Мы работали в буквальном смысле от зари до зари. Несмотря на это, наша помощница на наблюдениях, как только появлялась возможность, охотилась на рябчиков. Зоя быстро освоила двуствольное ружьё и ей чрезвычайно везло. Благодаря Зоиному азарту мы часто имели дополнительный приварок.

Погода способствовала высокой производительности нашего отряда, но наступившая осень внесла свои коррективы в работу. Ночами было уже холодно, иногда случались заморозки, трава становилась с каждым днём менее сочной и питательной, поэтому лошади начали худеть и всё больше уставать.

Одна из четырёх лошадей заболела. Мы сняли с неё весь груз и оставили отдыхать на поляне, а сами ушли к очередному наблюдательному пункту. Вернувшись на третий день, мы нашли её издохшей.

Впрочем, транспортных трудностей мы не испытывали, потому что запас продуктов заканчивался и груза было немного.

6. Голодовка

Наступил октябрь. Листва выстелила красно-жёлтым ковром землю. Ушла из речек рыба. Тайга стала скучной. По небу плыли суровые тучи, выбрасывая иногда на землю то дождь, то снег. Низкая облачность стала причиной первой задержки на одном из наблюдательных пунктов.

Продукты закончились ещё сутки назад, мы ели рябчиков, сваренных на костре без соли. Подняв-

шийся ветер сделал невозможной охоту: вся птица попряталась. В итоге мы имели двух рябчиков на четверых, и было ясно, что из-за плохой погоды нам придётся задержаться на этом знаке. Я решил, что проводник должен ехать к нашему продуктовому складу, до которого осталось двенадцать километров. Учитывая, что лошадь Дмитрича ослаблена постоянной работой и недостаточным питанием, проводник должен был переночевать у склада и рано утром выехать к нам с продуктами, не съезжая с тропы для охоты, чтобы не развехаться с нами. Если получится отработать на пункте до возвращения Дмитрича, то мы сразу двинемся к нему навстречу.

Проводник уехал, а мы остались ожидать рабочую погоду. Я всё время находился у прибора, ожидая хорошую видимость. Наблюдательный пункт был построен на одном из останцев и очень удобен для выполнения наблюдений.

Наконец, разогнав все тучи, утих и ветер. В конце дня установилась тихая ясная погода. Мы с Зоей отнаблюдали зенитные расстояния, затем сделали привязку азимутных пунктов, в завершение измерили горизонтальные углы.

Проверив вычисления в журнале и убедившись в качестве выполненных наблюдений, мы закончили работу и вполне удовлетворённые спустились к нашему табору.

Уже приближались сумерки, поэтому решили остаться здесь до утра. Выпив бульон, оставшийся от сваренных ранее рябчиков, легли на заслуженный отдых, предвкушая сытный обед из варёного и запечённого картофеля с сухарями, который нас ожидает завтра.

Ранним утром наш отряд двинулся на восток. Настроение было приподнятое, казалось, что все трудности уже позади. Впереди осталось всего четыре пункта и около пятидесяти километров пути.

Мы весело болтали и шутили, пока не услышали ржание лошади Дмитрича. Наши лошади ей ответили и прибавили шаг.

Я радостно приветствовал Дмитрича, но он был не весел, сразу сообщив нам, что склад наш ограблен. Сухари, картофель, крупу и соль забрали неизвестные люди. Они приплыли по речке на лёгкой лодке, скорее всего, заготавливая рыбу впрок. Склад наш они обнаружили по деревьям со срезанной с них корой, которой мы накрыли наши продукты.

Грабители аккуратно закрыли наш склад, оставив нам полведра картофеля и столько же сухарей. Их расчёт оказался верным: продуктов вполне хватило бы, чтобы, не голодая, выйти из тайги до ближайшего населённого пункта. Но нас связывала работа...

Пройдя с полкилометра до ближайшего ручья, мы сварили рябчиков, заботливо добытых Дмитричем, и запекли в углях картофель.

Во время обеда держали производственный совет, рассуждая, как в создавшейся ситуации следует поступить правильно.

Можно было, конечно, бросить работу и вернуться в посёлок за продуктами, но значительная потеря времени ставила под вопрос успешное завершение всего полевого сезона. Ведь эффективно работать в условиях зимнего времени оптические приборы не могли, что доказал опыт позапрошлого года.

Не имело смысла отправлять Дмитрия специально за продовольствием в Улюколь, так как лошади были слишком ослаблены и такой длительный поход займёт много времени.

Рассуждая таким образом, пришли к выводу, что будет лучше, если мы продолжим работу всей бригадой. Дмитрий теперь должен заниматься постоянно охотой, и, если нам повезёт, то, добыв какого-нибудь зверя, мы решим вопрос питания окончательно.

Мы установили довольно жёсткие нормы расхода оставшихся продуктов и незамедлительно двинулись в путь.

Дмитрий всё время был занят поиском следов какого-нибудь зверя. Однажды он обнаружил схрон медведя, где лежал убитый сохатёнок. Мясо взять было невозможно, так как оно уже изрядно протухло, и Дмитрий устроил засаду на хищника. Он просидел всю ночь на дереве, но медведь не пришёл. В другой раз наш проводник увидел следы изюбря и пытался его преследовать, но лошадь была слишком слаба для этого. Почувя погоню, изюбрь легко ушёл от охотника.

Тем не менее по пять-семь рябчиков наш проводник добывал каждый день, когда позволяла обстановка, ему помогала Зоя.

Спустя шесть дней продукты полностью закончились, несмотря на экономию. Теперь наш рацион состоял только из диетического мяса рябчиков. Зоя шутила, что многие гурманы могли бы нам позавидовать, так как рябчики считаются деликатесом у ценителей здоровой и полезной пищи.

Погода уже не давала полноценно работать. Часто шёл дождь или снег, дул сильный ветер. Приходилось просиживать на пунктах по несколько дней.

Наконец мы достигли последнего триангуляционного пункта нашего маршрута. Остановились на ночлег в трёх километрах от него. Поставили палатку, предварительно наломав пихтовых веток в качестве подстила. Развели добрый костёр и сварили трёх рябчиков на ужин.

Стемнело, пошёл обильный снегопад. Снег перестал идти только утром и покрыл всю тайгу белым покрывалом. Мы попили оставшийся с вечера бульон и пошли в довольно крутой подъём к пункту. Он представлял собой двадцатиметровую пирамиду с установленным наверху столиком для инстру-

мента. Видимость была отличной, но дул сильный ветер, который раскачивал пирамиду, а вместе с ним и столик с прибором. Не было возможности ровно навести инструмент на точку визирования.

Я спустился с сигнала и отдал приказ немедленно выдвигаться всем в посёлок, до которого было двадцать пять километров. Сам я решил остаться на тригопункте в ожидании, когда стихнет ветер и установится рабочая погода. Анатолий Дмитриевич должен был сменить лошадей в колхозе, взять продукты, тёплые вещи и вернуться за мной.

Мои спутники запротестовали. Дмитрий говорил, что, оставшись один, я рискую получить голодный обморок, который может случиться на сигнале, а это обеспечит моё падение с двадцатиметровой высоты. Он предлагал забить одну лошадь и использовать её мясо для полноценного питания.

Зоя соглашалась с проводником и добавляла, что в тайге по инструкции одному запрещено производить геодезические работы. Она заявила, что не пойдёт никуда, пока мы вместе не закончим наблюдения.

Володя был немногословен, но также со мной не согласился.

В ответ на доводы, которые были вполне разумны, я ответил, что несу персональную ответственность за организацию и производство работ, поэтому моё слово решающее исходя из принципа единоначалия власти. Положение наше слишком серьёзное, чтобы тратить время на дебаты и споры. В создавшейся ситуации я не изменил бы своего решения, которое принял, исходя из многолетнего опыта работы в тайге, и считал его единственно верным.

Мои товарищи замолчали. Мне показалось, что они были немало удивлены моим твёрдым решением и командным тоном, не терпящим возражений. Чтобы смягчить обстановку, я разъяснил членам бригады свою позицию. Мы уже потеряли одно выючное животное, за которое мне придётся отчитываться. Выпавший снег лишил подножного корма оставшихся лошадей. Если случится их падёж, то мы, не имея продуктового запаса, своими силами не сможем вынести из тайги имущество экспедиции: прибор, палатку, одеяла, сёдла, уздечки, карабин, ружьё и прочую мелочь. Всё это является материальными ценностями, которые я обязан сохранить, а не использовать по своему усмотрению, как предлагает Дмитрий. Кроме того, если продолжит идти снег, то ослабленные лошади и люди не смогут преодолеть его высокого покрова, а это приведёт к самым печальным последствиям. Что касается требования Зои остаться со мной, то я его отклонил по простой причине: в нашей ситуации гораздо проще добыть питание на одного человека, чем на двоих. При этом слепо следовать требованиям инструкции

я не намерен, потому что в ней не предусмотреть все обстоятельства, сопутствующие работе в полевых условиях.

В завершение я торжественно пообещал, что если почувствую себя плохо, то не стану подниматься на сигнал и буду ждать возвращения Дмитрия. Что бы ни случилось, не уйду никуда от пункта и не сверну с тропы в случае успешной работы и самостоятельного движения к посёлку. Буду себя беречь и действовать осмотрительно.

Зоя плакала, Дмитрий качал головой, а Володя уже седлал лошадей. Возражений более не последовало.

Мои товарищи ушли, а я перенёс к пункту палатку и два тёплых одеяла. Затем развёл костер из строительного мусора, которого здесь было в достатке после бригады Тузовского, и лёг отдыхать. Накопившаяся усталость позволила мне уснуть крепким сном, несмотря на голод.

Проснулся я поздно вечером. Поднялся на сигнал, наблюдать было всё ещё невозможно. Походил немного вокруг своего табора в надежде подстрелить рябчика. Но никого не обнаружив, опять развёл костёр, положив в него большое сырое бревно, чтобы оно тлело всю ночь, опять уснул до утра.

Проснулся я сразу, словно кто-то меня толкнул. Сел и прислушался. Ветер утих, тайга замерла, казалось, что все её обитатели старались не нарушать наступившую тишину.

Я поднялся на пирамиду. Погода была ясная, видимость отличная. К полудню мной была закончена вся работа по наблюдениям, и я отдыхал, прихлёбывая кипяток.

Как бы ни торопились мои товарищи, раньше сегодняшнего вечера они не придут в посёлок. Дмитрий двинется в обратный путь завтра и на свежих лошадях прибудет сюда после полудня.

Я решил не дожидаться проводника, а выйти ему навстречу. Сборы были недолгие: взял свой топорик, ружьё, сумку с документами уложил в рюкзак. Прибор завернул в одеяло и оставил в палатке.

Свой маршрут я поделил на два этапа. До сумерек мне необходимо дойти до балаганчика, построенного бригадой Тузовского, где я рассчитывал переночевать, а утром продолжить путь уже до посёлка. В пути мне необходимо добыть хотя бы одного рябчика.

Не спеша я шёл по нашей тропе, которая была действительно удобна для пешего хода. Стало значительно теплей, снег таял под лучами солнца, которое отдавало последнее тепло перед долгой зимой.

Подходя к ельнику, где предполагал найти рябчиков, я снял ружьё с плеча, взвёл курки и осторожно вошёл в чащу. Пройдя совсем немного, я увидел сразу трёх рябчиков, которые сидели на разных деревьях. От волнения меня бросило в дрожь, руки не

могли держать ружьё ровно. Но приводить свои чувства в порядок не было времени: ещё секунда, и они улетят. Я дал залп, но промахнулся. Вторым выстрелом я пытался сбить улетающего рябчика с вершины высокой ели. Он летел вниз под острым углом, а после выстрела изменил траекторию и, казалось, упал. Я на коленях искал его в траве, но тщетно. Расстроенный, я сел на землю и подумал о том, что добытчик из меня дрянной. Одно дело — стрелять дичь ради спортивного азарта, когда трофеи удовлетворяют одно лишь честолюбие, и совершенно другой смысл приобретает охота, когда добыча решает вопрос выживания.

Мне вспомнились слова Анатолия Дмитриевича, который одухотворял тайгу и наделял её каким-то единым, непознанным разумом. Он говорил: «В трудный час тайга хорошему человеку обязательно поможет».

Ну что же, тайга дала мне шанс, я его не использовал. У меня кружилась голова то ли от голода, то ли от неудачной охоты. Подниматься не хотелось, навалилась какая-то усталость и равнодушие к своей дальнейшей судьбе.

В таком состоянии человек теряет волю, я понимал это, поэтому рывком поднялся с земли. Развернувшись к тропе, я увидел белку на отдельно стоящей берёзе. Подошёл ближе. Глядя на белку, я подумал: «Понимает ли она, что сейчас будет убита?» Чтобы выжить, ей надо бежать немедленно. Но белка, высунув голову из-за ствола тонкой берёзы, пристально на меня смотрела маленькими чёрными глазками. Такое положение белки было очень удачным для меня. Выстрелив ей в голову, я не повредил её маленькое тельце.

Со своей добычей я скоро добрался до балагана. Одну половину белки я сварил в кружке, другую часть пожарил на костре, надев на пруттик. Я медленно ел мясо, наслаждаясь каждым его кусочком. Закончив ужин, прилёг у костра и сразу уснул.

Проснулся в полночь. Мне не захотелось ждать утра, и я сразу отправился в путь.

В Улюколь я пришёл, когда солнце ещё не встало. Дмитрий седлал коней, он очень обрадовался моему возвращению и крепко жал мне руку. Теперь ему не было смысла спешить, и во время завтрака за общим столом я подробно рассказал о том, как заканчивал работу и выходил из тайги.

Прибежала Зоя Морозова, обняла меня и заявила, что мне теперь полагается медаль «За отвагу», а лучше орден Красной Звезды. Потом пришли моя жена с сынишкой, и я отправился отдыхать домой, на съёмную квартиру.

7. Завершение полевого сезона

Пятнадцать дней голодовки не прошли для меня бесследно. Чувство голода никогда не покидало

меня. Мне дали совет в течение трёх дней не есть ничего, кроме хлеба и тёплого чая. Так я и поступил, и моё пищеварение восстановилось вполне.

Дмитрич съездил за оставленными мной вещами на последнем пункте, и я учинил ревизию материальных ценностей нашего отряда. Всё было на месте, исключая павшей лошади.

За три дня до наступления годовщины Великого Октября Зоя уехала домой в Новосибирск, желая встретить праздник в кругу семьи. Я дал ей весьма положительную характеристику и выразил надежду, что когда-нибудь нам вновь доведётся работать вместе. Зоя увезла в экспедицию мой отзыв о новом инструменте, который также был положительным.

Полевой сезон 1943 года закончился успешно. Я получил деньги из экспедиции, произвёл расчёт с нашим проводником, хозяевами квартиры и колхозом. Володя уехал на лошадях обратно в Иланск.

Я знал, что на следующий полевой сезон не вернусь уже в Улюколь, поэтому перед отъездом в Иланск пригласил на прощальный ужин Анатолия Дмитриевича, Михалыча и председателя колхоза. Мы хорошо посидели, немного выпили за нашу совместную работу. На прощание я подарил Дмитрию свой рюкзак. Он ему очень нравился за большое количество карманов и различных отделов. Михалыч получил от меня армейский бинокль, который мне два года назад выдали на складе пограничной заставы. Мне на память был вручён кованый нож, сделанный Михалычем. Нож этот много лет служил мне и сейчас лежит в столе как память о давно прошедших днях.

Продолжалась война. Моя мама писала письмо в Москву с просьбой сообщить о судьбе её сына Иннокентия Ивановича Хвостова, который до начала войны проходил службу в Брест-Литовске. Пришёл неутешительный ответ, где сообщалось: «...в списках убитых, раненых и пропавших без вести ваш сын не значится». Это могло означать лишь одно: Иннокентий был в плену, что оставляло надежду на то, что он, возможно, жив.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЁРТАЯ ТУЛУНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, 1944 год

1. Дела семейные

Несмотря на большую занятость, я и мой старший брат Иван старались помогать родителям, а также младшим братьям Михаилу, Петру и сестре Галине, которые получали высшее образование в это нелёгкое для страны время.

Мы не оставляли без материальной поддержки семью нашего самого старшего брата Кондрата, репрессированного в 1937 году и расстрелянного. Кондрат был ни в чём не виновен, в этом были убеждены все в нашей большой семье. Для нас он

оставался честным человеком и настоящим большевиком, верным делу социалистического преобразования страны и общества. В 1956 году Кондрат был полностью реабилитирован, что подтвердило нашу уверенность в его невинности.

Семья Кондрата оказалась в очень трудном положении. Самый старший из детей Кондрата Евгений был призван на фронт в 1941 году. Вернулся весной 1944 года. Евгения комиссовали из армии после тяжёлого ранения и продолжительного лечения в госпитале. Его приезд стал радостным событием для всей семьи. Живые возвращались с войны редко, чаще приходили извещения о смерти – похоронки.

Евгений как старший мужчина в семье взял на себя заботы по содержанию и воспитанию своих младших братьев и сестёр, сразу поступил на работу.

В конце 1943 года мне предложили должность начальника Магаданской экспедиции. Я ответил отказом, так как это назначение не позволило бы мне принимать участие в семейных делах. Моим тятё и маме было уже больше шестидесяти лет, им были необходимы внимание и забота.

К этим доводам отнеслись с пониманием и спустя месяц мне предложили должность начальника геодезической партии Тулунской экспедиции. База партии располагалась вблизи города Зима в посёлке Ухтуй.

Административно-хозяйственная работа меня не привлекала, к тому же сдельная зарплата у инженеров, работающих в поле, была выше оклада начальника партии. Но я чувствовал усталость от многих лет работы в тайге. К тому же расстояние от Зимы до Черемхово составляет всего сто двадцать километров, что давало возможность часто видеться со всеми близкими мне людьми.

Взвесив всё и посоветовавшись с тятёй, я согласился на предложение возглавить геодезическую партию и был переведён в Тулунскую экспедицию.

В феврале 1944 года я с женой и сыном прибыл в Ухтуй, а весной приехали родители и жили у нас всё время, пока я здесь работал.

В Ухтуй приезжали погостить и другие мои многочисленные родственники. Младший брат Пётр и племянник Анатолий работали в Зиминской партии рабочими топографических отрядов в период летних каникул.

Я отработал здесь два года. За это время наша партия в срок выполнила все правительственные задания и после завершения запланированных работ была расформирована и переведена в село Качуг.

2. Зиминская партия. Объекты производства работ

Тулунская экспедиция состояла из трёх партий: Нижнеудинской, Усть-Ордынской и нашей, Зиминской. Коллектив всех трёх партий был сильным и хо-

рошо сработавшимся. Не только инженерно-технический состав экспедиции имел богатый опыт производства работ, но и кадровые рабочие любой бригады были высококвалифицированными специалистами. Я понял это сразу после прибытия в Ухтуй.

Первым делом я назначил общее собрание, где представился, рассказал вкратце о себе и выразил надежду на плодотворное сотрудничество. В дальнейшем я общался индивидуально, чтобы, ближе познакомившись, составить мнение о каждом. К своему удовольствию, я не нашёл в партии случайных людей, большинство работали в экспедиции ещё с довоенного времени. Здесь не было пьяниц, лодырей и всякого рода комбинаторов. Признаться, я даже немного обеспокоился, смогу ли соответствовать как руководитель такому боеспособному коллективу.

Задание на полевой сезон к моему приезду было уже утверждено. Я должен распределить участки работ между топографическими отрядами, составить и согласовать маршруты, а также графики выполнения работ. Кроме этого, необходимо в короткий срок сформировать заявку на спецодежду, инструменты, материалы, продукты, фураж для вьючного транспорта на весь полевой сезон.

Участки партии расположены в таёжных массивах, каждый из них получил своё условное название: Ангарский (вдоль Ангары от Балаганска до Ата-ланки – 80 км); Аталанский (по необжитому таёжному массиву от Зимы до Аталанки – 125 км); 123 Окинский (вдоль берега реки Оки от Зимы до Братска – 180 км); Завалинский (лесостепная площадь от Зимы до посёлка Завали – 80 км); Жигаловский (от Балаганска до Жигалова – 160 км) и Саянский (от Зимы вверх по Оке в направлении Саянских гор к Бельским гольцам – 150 км).

На этих шести участках предстояло выполнить следующие геодезические работы: рекогносцировку и триангуляцию пунктов, постройку знаков и наблюдение с них, нивелирование второго, третьего и четвёртого классов с закладкой реперов.

В среде топографов в ходу было выражение: «Рекогносцировка – бог триангуляции». Поэтому в своей подготовительной работе мы большое внимание уделили организации рекогносцировки: определили состав бригад, куда вошли наиболее опытные инженеры и рабочие, установили сроки начала и завершения рекогносцировки каждого участка, постарались обеспечить всем необходимым для успешного производства работ каждый отряд.

В этом деле мне здорово помогали инженеры нашей партии Степан Ефимович Зуев, Фёдор Николаевич Марочкин, Сергей Петрович Суворов. Это были авторитетные специалисты в экспедиции, мнение которых весьма ценно, в чём я не раз убеждался. Именно они предложили транспортировать

грузы для полевых бригад на плотках по рекам, где это возможно.

Мы немедленно приступили к заготовке леса для строительства плотов. Их использование во многом упростило и ускорило выполнение общей задачи.

В общем, мне удалось в короткий срок наладить деловые отношения с инженерами, техниками и кадровыми рабочими Зиминской партии.

3. «Крендель»

Я уже отмечал, что наша партия не испытывала кадровых трудностей, как иногда бывало в других геодезических предприятиях. Тем не менее к нам был направлен молодой человек на должность рабочего топографической бригады.

Вообще при нехватке рабочих в полевых бригадах мы обращались в военкоматы, откуда направлялись военнообязанные граждане, но негодные к строевой службе. Такое положение дел не всегда устраивало бывалых таёжников и путешественников, которыми являлись топографы. Случалось так, что человек, направленный от военкомата, не выдерживал тягот полевой жизни либо по состоянию здоровья, либо из-за отсутствия элементарных навыков, необходимых для работы вдали от благ цивилизации.

Сейчас, в середине семидесятых, молодому поколению, наверное, трудно представить, что всего-то тридцать – сорок лет назад основным видом транспорта были лошади. Конечно, трамваи, автомобили, трактора уже не были редкостью, но наиболее надёжным и доступным транспортом всё же считался гужевой и вьючный. Принимая во внимание, что большая часть техники производилась и распределялась на нужды фронта, то в полевых бригадах, кроме лошадей, другого транспорта и быть не могло.

Казалось бы, при повсеместном использовании лошадей любой взрослый человек просто обязан уметь ухаживать за этими животными и знать, как обходиться с ними. Однако находились индивиды, которые не умели ни того, ни другого. Такие кадры мы старались выявить сразу и немедленно брались обучать их самому необходимому, что следует знать и уметь в длительном походе.

Как правило, неумехи с благодарностью относились к своим наставникам, стараясь как можно лучше и скорее освоить немудрёную науку ухода за лошадьми, что являлось первоочередной задачей. После нескольких месяцев походного быта они получали другие необходимые навыки, закаляли свой характер и в итоге осваивали новую профессию рабочего топографического отряда.

Несправедливо говорить о том, что топографическая служба была убежищем изворотливых лю-

дей, не желающих защищать Родину. Но многие, особенно семейные работники, очень ценили возможность работать в тылу, имея бронь от призыва в армию. Я упоминал, что денежное и продуктовое довольствие, получаемое нами, считалось весьма неплохим по тем временам. Этот факт был также серьёзным стимулом для ударной работы в сложных полевых условиях. По этим причинам работать у нас было выгодно и вместе с тем престижно.

Молодой человек, явившийся в расположение нашей партии, относился как раз к категории тех неумех, которые привыкли жить на всём готовом. Это мне стало понятно с первого взгляда. Впрочем, я никогда не позволял себе высокомерия и пренебрежения к человеку, который делает что-то хуже меня.

Я принял направление и спросил, знает ли он, чем занимается наше предприятие. По невразумительному ответу я сделал вывод, что молодой человек понятия не имеет о том, какие задачи мы выполняем.

Вместе мы прошли на конюшню. Наш ветеринар, он же конюх, Василий Фёдорович был, как всегда, возле своих коняжек. Так Василий Фёдорович называл наш выючный транспорт и очень горевал, если какая-нибудь лошадь захворает или вдруг умрёт.

Я поручил Фёдоровичу обучить принятого рабочего ухаживать за лошадьми: седлать их, ковать, мыть, кормить, чистить.

Спустя несколько дней я зашёл на конюшню и увидел, что наш новый работник лежит на соломе, а Василий Фёдорович убирает навоз. Я спросил Фёдоровича, что это значит, тот пожал плечами и ответил, что не он принимал на работу этого «кренделя». «Крендель» уже поднялся и, приняв вызывающую позу, высокомерно сообщил мне, что навоз чистить он не собирается, ему нужна работа почище и более интеллектуальная. Я вышвырнул его из конюшни и приказал явиться за документами сегодня же вечером.

Спустя несколько часов прибежала его мать и умоляла простить её сына. Ломая руки, она заверяла меня, что Илюша будет делать всё, что ему прикажут, он уже осознал своё недостойное поведение и хочет извиниться передо мной и старичком-конюхом.

Я порядком устал от её трескотни и, вероятно, удовлетворил бы её просьбу. Но она вдруг перешла на шёпот и доверительным тоном сообщила о том, что деловые и умные люди всегда найдут, как поддерживать друг друга, окажут помощь в трудную минуту. У неё, к примеру, имеется отрез цветной ткани, который в самый раз подошёл бы на платье моей супруги.

Я, признаться, потерял над собой контроль и обругал её последними словами, немедленно выдал ей документы сына и выгнал прочь.

После этого разговора я какое-то время не мог прийти в себя. Мне предлагали взятку за устройство беззаботной жизни тунеядца! Потом я подумал, что наверняка эта ушлая мамаша ищет способ легально избавить своего сына от призыва в армию.

Я позвонил в военкомат, представился и спросил, на каком основании в нашу геодезическую партию направили нового работника, если кадровой заявки мы не делали. Там ответили, что заявка на двух рабочих не выполнена ещё с прошлого года. Я сообщил, что на данный момент мы ни в ком не нуждаемся, тем более в таких, каким был последний из мобилизованных.

Трубку взял военный комиссар. Я изложил суть дела. Комиссар поблагодарил меня и заверил, что разберётся в этом деле и направит нашего барчука на повторную медицинскую комиссию.

Успокоившись, я вскоре забыл про этот случай, однако в будущем он имел продолжение.

4. Мы с тятёй на охоте

В Ухтуе наша семья устроилась неплохо. Мы поселились в ведомственной квартире на три комнаты. Здесь был сад, огород и даже дворовые постройки. Квартира была большая и чистая, а обстановка её оказалась весьма скромной: кроме двух кроватей, стола и шкафа, ничего не было.

Нам с супругой некогда было серьёзно заниматься обустройством нового жилья, так как мы всё время пропадали на службе. Поэтому приехавший тятя здорово помог в этом вопросе. Он в короткий срок сделал две кровати, навесные шкафы, комод, ещё один стол, лавки, сундук, поправил крыльцо и дворовые постройки. Не отставала от него и мама. Они с моей женой посадили картошку, лук, чеснок, горох, морковь, редис, редьку, куст смородины и куст крыжовника.

По настоянию моих родителей я купил корову, двух свиней, а также корма для них, позднее завели два десятка кур. Ещё я купил себе щенка от лайки-охотницы, которого назвал Самурай. Тятя, часто играя с ним, приговаривал: «Вот вырастишь, пойдём с тобой на охоту».

Иногда я рассказывал отцу о нелёгком труде промысловых охотников, о собственном опыте добычи дичи и зверя. Тятя всегда с интересом слушал мои истории, потом пересказывал своим товарищам, а если забывал какую-нибудь деталь, то просил меня повторить весь рассказ от начала и до конца.

Тятя мой как потомственный сибирский крестьянин никогда не имел возможности в своё удовольствие рыбачить или охотиться, для этого у него попросту не было времени. Землепашцы охоту считали забавой, по известной пословице: «Рыбак и охотник – в доме не работник». Конечно, от случая к случаю крестьяне стреляли зайцев, перелётных птиц

или диких нерасторопных коз. Но преследовать, караулить добычу или бродить по тайге в поисках звериных троп среди крестьян было не принято.

Тем не менее тятя мечтал поучаствовать в настоящей охоте, о чём я, конечно, догадывался. Рассматривая имеющиеся в моём распоряжении карты, я наметил место недалеко от нашего посёлка, где решил обустроить солонец. Граничащая с лесом широкая травянистая падь, которую в нескольких местах пересекали небольшие ручьи, могла быть удобным местом для пастбища косуль.

Следуя с первой инспекцией на ближайший участок производства работ, где одна из полевых бригад занималась рекогносцировкой, я свернул к намеченному месту и исследовал его. Действительно, косули спускались из леса на пастбище и на водопой, о чём свидетельствовали их многочисленные следы. Недалеко от звериной тропы я пробил отверстия в земле и засыпал в них соль, перемешанную с дёрном. В десяти метрах от солонца обустроил лабаз, прибив несколько жердей между стволов сосен.

Прибыв в полевую бригаду, я остался весьма доволен общей организацией, качеством выполняемых работ и созданными условиями для рабочих, о чём сообщил их руководителю Сергею Петровичу Суворову и выразил свою благодарность.

Возвращаясь, вновь свернул к уже подготовленному солонцу и обнаружил, что дикие козы не оставили его без внимания.

Через два дня, вооружённые карабином и ружьём, мы с тятей прибыли на охоту с тем расчётом, чтобы успеть до вечерней зорьки устроить засаду на солонце.

Я довольно подробно объяснял отцу, как необходимо сидеть на лабазе, что следует делать при появлении косули. Тятя внимательно слушал, и мне показалось, что я несколько переусердствовал, инструктируя его. Он стал волноваться и чуть было не отказался от своего участия на охоте, боясь испортить всё дело. Я его успокоил. Оставив лошадь в километре, не спеша и бесшумно мы пришли к нашему солонцу.

Усевшись на лабазе, замерли в ожидании. Не прошло и часа после захода солнца, как к нашей засаде вышел гуран (самец косули). Он шёл без остановки, смело и гордо покачивая рогами. Полная луна и звёздное небо обеспечили отличную видимость. Я знаком показал тятю, чтобы он готовился к выстрелу. Но отец запротестовал: сделал большие глаза и замотал головой.

Что же делать? Как только гуран наклонился, я дал по нему выстрел. Отскочив в сторону, молодой зверь упал замертво. Мы с тятёй, обвязав рога верёвкой, уволокли нашу добычу к оставленной лошади, где развели добрый костёр.

Тятя не скрывал своего восторга, а на мой вопрос, почему не стрелял, только улыбался.

Сняв шкуру и разделав гурана, мы сварили похлёбку из свежего мяса, зажарили на костре печень. Не спеша ужинали и говорили о многом в ту ночь под звёздным бездонным небом.

5. На плоту

Инженер Степан Ефимович Зуев работал на Окском участке и выполнял рекогносцировку пунктов триангуляции второго класса от Зимы до Братска.

Благодаря умелой и правильной организации работ Зуевым его бригада имела возможность получать продукты и всё необходимое по реке Ока на плотях в течение всего полевого сезона. Кроме этого, мы имели регулярную связь и знали о ходе полевых работ на данном участке.

Примерно раз в месяц или реже Зуев отправлял на базу в Ухтуй двоих рабочих на лошадях, которые грузили всё необходимое для дальнейшей работы на плоты и сплавлялись по Оке к своей бригаде. Плоты для этих целей мы строили заранее, они были весьма вместительные. Достаточно сказать, что, кроме прочего, на них перевозили по две лошади, обеспечивая таким образом ротацию вьючного транспорта. Плоты, прибывшие в бригаду, разбирали и частично или целиком использовались для постройки пунктов триангуляции.

725

Такая организация работ позволила значительно увеличить производительность труда, снизить трудозатраты, обеспечить неплохой быт и питание рабочих в полевых условиях.

В очередной раз из бригады Зуева прибыл только один рабочий и раньше ожидаемого срока. Увидев его, я забеспокоился. Действительно, он, бросив лошадь, сразу направился в наше правление. Выйдя навстречу, я узнал, что Зуев в районе таёжного села Братская Када сорвался с дерева при осмотре местности.

Упав с десяти метровой высоты, Зуев здорово зашиб себе спину и отправил в Ухтуй посыльного, передав с ним записку. В ней Степан Ефимович сообщал, что, несмотря на полученную травму, чувствует себя неплохо, просил не беспокоиться, но вместе с тем сообщал о том, что необходимо отправить инженера, который смог бы вместо него временно работать на наблюдениях.

Почерк Зуева я хорошо знал. Письмо было написано им самим, но было件нятно, что автор этой записки потратил немало усилий, чтобы изложить суть дела.

Я немедленно составил список продуктов и приказал грузить их на уже готовый плот, с тем чтобы не позднее сегодняшнего вечера отбыть на участок Зуева. С собой я решил взять фельдшера, которому

посоветовал собрать всё необходимое для оказания помощи пострадавшему, и рабочего, прибывшего из бригады.

Опытные люди мне убедительно доказали, что двигаться на плоту по реке ночью нельзя, так как можно запросто сесть на мель, и тогда сорвать плот окажется невозможным.

Не находя себе места, я принялся расспрашивать рабочего о состоянии Зуева, но тот ничего толком объяснить не мог. Пострадавшего после падения он не видел, так как был занят на постройке пункта триангуляции. Ему лишь выдали продукты с запиской и отправили в Ухтуй в срочном порядке как человека, хорошо знающего местность.

С первыми лучами солнца мы начали сплав по Оке.

Когда река спокойна, нет перекатов, порогов и при хорошей погоде, сплав по воде доставляет большое удовольствие. Течение несёт плот, и только необходимо рулевым веслом подправлять его ход по фарватеру реки.

Чертовски приятно плыть и наблюдать живописные берега реки, где лес подходит то вплотную к воде, то отступает от неё дальше. Прибрежные луга со стороны реки имеют удивительно красивый вид: разнообразная окраска цветов на фоне зелёной травы создаёт живописную картину, а звонкий и весёлый щебет лесных птиц дополняет её чудными звуками. Природа – лучший поэт и художник в этом мире.

Наша скорость движения по воде, по моим расчётам, составляла десять-двенадцать километров в час. Иногда нам приходилось намеренно сбавлять ход, чтобы не попасть на мель, за чем зорко следил наш рабочий. Не помню, к несчастью, его имени и фамилии. Только один раз мы чуть было не угодили на отмель, но вовремя и удачно остановили плот, не позволив ему уйти на мелководье и заякориться всей площадью. Для этого по команде нашего рабочего мы втроем одновременно перескочили на переднюю часть плота, так что его нос углубился и упёрся в дно реки торцевыми концами брёвен. Потом развернулись вбок, управляя веслом и шестами, обогнув мелководье.

Проплывая мимо уже готовых пунктов триангуляции, которые были расположены вдоль берега Оки, наш проводник из бригады Зуева кратко давал им оценку, рассказывал об особенностях работы над каждым знаком. Качество проделанной работы у меня не вызывало сомнения, оно было заметно, как говорится, невооружённым глазом. И я, признаюсь, испытывал чувство гордости от того, что был причастен к этому делу.

Надо сказать, что плот, на котором мы плыли, был довольно массивным, и нам пришлось потрудиться, чтобы вечером направить его к берегу.

Выведя лошадей на берег из небольшого загончика, который был сколочен здесь же, на плоту, мы затаборились у берега и быстро приготовили ужин.

Проводник наш сказал, что завтра к полудню, а быть может, и раньше мы будем на месте. Я немного успокоился, потому что постоянно чувствовал тревогу за здоровье Степана Ефимовича. «Всё с ним будет хорошо, он мужик крепкий», – заверил меня проводник и предложил начать путь как можно раньше, чтобы была возможность для охоты в раннее время.

Как правило, в утренние и вечерние часы к реке выходят таёжные обитатели. Травоядные идут на водопой, и хищники не отстают от них. Те и другие любят просто погулять вдоль берега, некоторые не прочь искупаться. Если есть необходимость, то звери форсируют реку вплавь. Наш проводник как бывалый таёжник заверил, что завтра мы непременно кого-нибудь добудем, если не проспим зорьку.

Наше ожидание оказалось оправданным. Утром, когда туман ещё не рассеялся, впереди, на левом берегу мы увидели косулю. Она спускалась к воде, не заметив нас. Выбрав удобное место, косуля наклонилась и принялась пить. Я, не торопясь, прицелился из карабина и нажал спуск примерно со ста пятидесяти метров. Выстрел достиг цели. Косуля прыгнула и попыталась уйти в лес, но не смогла преодолеть крутой подъём.

Мы пристали к берегу ниже по течению. Прошли 126 по берегу метров четыреста и нашли косулю, лежащую в траве с поднятой головой. Пришлось её добить выстрелом в затылок.

Спустя три часа после охоты мы прибыли на объект производства работ, где нас с радостью встретили.

6. У Зуева в бригаде

Степан Ефимович лежал на боку в специально изготовленном для него балагане. Он был бледен и, виновато улыбаясь, сказал: «Подвёл тебя, Иваныч».

Мы вынесли Зуева на свет, где его раздели для осмотра. Спина и левый бок были синие, в ссадинах.

Егор Анатольевич (так звали фельдшера) ощупал грудную клетку, каждый позвонок на спине, затем потребовал, чтобы Зуев поочерёдно поднял каждую руку, потом левую и правую ногу. Было видно, что Степану очень трудно проделывать эту процедуру, но фельдшер не унимался: «Выше, выше, теперь вбок...».

Кто-то из рабочих даже хотел помочь Зуеву, однако фельдшер отогнал его в сторону.

«Эй, коновал, ты что над человеком издеваешься?» – послышались возмущения.

Егор Анатольевич не отступал: он заставил Зуева поочерёдно двигать каждым пальцем на руках и

ногах. А когда достал молоточек и принялся стучать по телу больного, народ возмущённо зашумел.

«Цыц, невежи!» – прикрикнул фельдшер и продолжил свои манипуляции. Чтобы не мешать ему работать, я скомандовал: «Разойтись по рабочим местам!»

Было понятно, что фельдшер хочет понять, повреждены ли позвоночник, спинной мозг и нервная система пострадавшего.

После завершения осмотра Егор Анатольевич сказал, что у Зуева, вероятно, сломаны два ребра. На мой вопрос, требуется ли госпитализация, фельдшер ответил, что будет лучше, если Зуев останется здесь, так как транспортировка пострадавшего на такое значительное расстояние только ухудшит его положение.

Сделав обезболивающий укол, Егор Анатольевич обработал раны и ссадины, затем наложил Зуеву тугую повязку и сказал, что для скорейшего выздоровления больному требуется покой. Степан уснул, а я пошёл принимать его дела.

Мне передали полевую сумку и прибор Зуева. Оперативный журнал геодезических работ был оформлен должным образом, что давало возможность любому специалисту продолжить работу вместо Зуева. Приходные и расходные документы на продукты и материалы также были в полном порядке. Всё аккуратно сложено и подшито. Явившийся в любой момент ревизор мог бы получить полный и исчерпывающий отчёт о поступлении и расходе материальных ценностей. Инструмент был отъюстирован и содержался в соответствии с требованиями инструкции.

Даже самый придирчивый инспектор, на мой взгляд, не мог бы найти повода для своего неудовольствия.

У Зуева был помощник на наблюдениях. Я переговорил с ним о проделанной работе и ближайших перспективах. Парень этот мне понравился. Не имея специального образования, он уже многому научился и хотел посвятить свою жизнь геодезии. «Вот закончится война, поеду поступать в Новосибирск», – сообщил он мне.

В общем, я был готов заменить Зуева и продолжить работу в соответствии с намеченным графиком, о чём сообщил ему вечером.

На мой вопрос фельдшеру, когда Степан Ефимович встанет на ноги, я получил ответ, что говорить об этом ещё рано, но если всё пойдёт хорошо, то ходить Зуев начнёт недели через три, а полноценно работать только через месяца полтора.

Я, конечно, не мог оставаться в бригаде на такой длительный срок, так как моя основная деятельность заключалась в решении административно-хозяйственных вопросов нашего предприятия. Посоветовавшись с Зуевым, мы пришли к выводу, что не-

обходимо в кратчайшее время обучить работать с прибором Виктора – помощника на наблюдениях.

Витя был старательным, терпеливым и способным парнем. У него хорошая память, отличное зрение, он достаточно быстро мог складывать, вычитать двух- и трёхзначные цифры в уме. Первый день я посвятил его теоретической подготовке. Мы повторили с ним курс тригонометрии. Я выписал формулы, которые Виктор обязан запомнить, чтобы иметь возможность воспользоваться ими в любой момент, при любых обстоятельствах. Затем, частично разобрав прибор, мы изучили его конструкцию, научились центрировать, горизонтировать и юстировать теодолит. В дальнейшем несколько дней мы совместно измеряли зенитные расстояния, азимутные углы, изучали требования инструкции создания сети опорных геодезических пунктов, вели полевой геодезический журнал, делали необходимые расчёты. Про себя я заметил, что очень соскучился по работе в поле, и с большим удовольствием занимался любимым делом.

Весьма плодотворно потрудившись, спустя примерно неделю Виктор начал сносно работать с прибором, а Зуев тем временем стал чувствовать себя гораздо лучше.

Переговорив со Степаном, я принял решение ехать обратно в Зиму, а фельдшера оставить в отряде. Мы условились, что как только Зуев сможет приступить к работе, он немедленно отправит на базу нашей партии посыльного, который заодно сопроводит Егора Анатольевича.

7. Миллион вшей

Бригаду Степана Ефимовича я покинул на следующее утро, рассчитывая добраться до Зимы за два дня. Свой маршрут я проложил не вдоль берега Оки, а решил следовать тайгой напрямик, чтобы максимально сократить путь.

Я успешно преодолел половину пути к вечеру. Днём, благодаря везению, мне удалось подстрелить молодую тетёрку: она неожиданно вылетела из зарослей кустарника и уселась на ветку дерева метрах в сорока от меня. Удачный выстрел, и я обеспечил себе добрый ужин.

Соображая, что пора бы уже подыскать место для ночлега, я вдруг увидел небольшое зимовье. Всё складывалось как нельзя лучше: тёплая, сухая погода, удачная охота, избушка, как в сказке, своевременно попавшаяся мне на пути, обеспечили мне приподнятое настроение.

Сварив похлёбку, я с аппетитом поел. Растопил печь и приготовился ко сну. Спальника с собой у меня не было, поэтому укрываться пришлось тёплой походной курткой. Чтобы не мёрзли ноги, я обмотал их козьей дошкой, которая лежала здесь же, на нарах.

В детстве мы любили наблюдать за небольшими голубыми мотыльками, которые собирались в большом количестве в солнечные дни, как правило, возле колодца. Они очень плотно усаживались друг к другу, образуя своеобразные букеты. Одни мотыльки сводят и разводят свои крылышки, другие взлетают и снова садятся. Если снять рубашку и присесть рядом, то мотыльки устраиваются на голом теле и, перебирая цепкими лапками, щекочут кожу. Выдержать это ощущение было нелегко, и ребяты нередко устраивала между собой соревнования, кто дольше просидит под мотыльками.

Спустя двадцать пять лет мне во сне казалось, что те же голубые мотыльки садятся на меня. Их становится всё больше, они покрыли всё моё тело, лёгкая щекотка перешла в нестерпимый зуд, который стало невозможно терпеть. Я проснулся. Но ощущение, что кто-то двигается по моему телу, не прошло. Выйдя из зимовья к тлеющему костру, я кинул в него дров и при свете пламени увидел на своих ногах и руках не голубых мотыльков, а длиннохвостых вшей. Толком не соображая и до конца не проснувшись, я пришёл в ужас.

До этого случая я, конечно, видел вшей и всегда на других людях, при этом в небольшом количестве. Но целая армия этих мерзких насекомых, истязаящая моё тело, вызвала у меня панику. Полностью раздевшись, я с остервенением принялся трясти одежду над костром, одновременно пытаюсь сбросить насекомых со своего тела. Наконец, взяв себя в руки, я решил найти источник их массового нашествия. Конечно, это оказалась дошка, оставленная кем-то в избушке. Я подцепил её палкой и бросил в огонь. Затем разыскал на крыше зимовья довольно вместительный котёл и последовательно принялся кипятить в нём всю свою одежду. К счастью, рядом был родник, и сухого валежника вблизи было достаточно.

Работа кипела до самого утра. Одежду я кипятил на костре, а сушил её над печкой в зимовье. Место, показавшееся сначала приветливым, но ставшее для меня к утру отвратительным, я поспешил покинуть.

Меня беспокоила мысль о том, что вши являются переносчиком сыпного тифа. Мой дядя, воевавший в Первую мировую, часто рассказывал, что эта болезнь выкашивала целые полки в условиях позиционной войны, когда солдатам приходилось месяцами находиться в окопах в антисанитарных условиях.

Досадно было мне и от того, что я поймал вшей в сибирской тайге, вдали от всех катаклизмов Великой Отечественной войны. К слову сказать, в дальнейшем я неоднократно спрашивал у фронтовиков о санитарных условиях на полях сражений и в прифронтовой зоне. Выслушав много мнений и приведённых примеров, для себя я сделал вывод о том, что педикулёз свирепствовал в РККА в период

1941–1942 годов, когда положение на фронте было очень тяжёлым. Впоследствии благодаря принятым мерам и организации специальных служб, таких как банно-прачечные поезда, обмыво-дизенфекционные роты, ситуация в корне изменилась. В конце войны появление платяных вшей у солдат и офицеров уже не носило массовый характер, так как следили за этим вопросом очень строго и тщательно.

В настоящее время для новых поколений советских людей, родившихся после войны 1941–1945 годов, платяная вша является неведомым зверем, как вымершие когда-то мамонты. Рост культуры и благосостояния народа, а также повсеместное развитие медицины создали предпосылки для полного уничтожения сыпного тифа среди населения.

Прибыв вечером в Ухтуй, не заезжая в правление партии, я сразу отправился домой, где повторно стирал все вещи, сам тщательно мылся и стригся. Досталось и моей лошади, которую так же мыли, чесали в течение всего следующего дня.

8. Итоги полевого сезона

В конце лета, находясь с инспекцией на Ангарском участке в полевой бригаде техника Жукова, я проверял его работу по закладке реперов. Качество выполняемой работы меня вполне удовлетворило. Я дал несколько советов по общей организации геодезических работ и собирался следовать дальше для проверки устройства триангуляционных пунктов ниже по течению Ангары. Но планы мои спутала нестерпимая боль дёсен и зубов. К счастью, поблизости от нашей базы располагалась деревня Аталанка.

Прибыв в медицинский пункт, я показался фельдшеру. Совсем молоденькая девушка сразу поставила правильный диагноз, определив, что я заразился стоматитом. Она сказала, что эту инфекционную болезнь следует лечить под надзором квалифицированных врачей. Получив от неё переписку водорода для полоскания дёсен, я в тот же день отправился в обратный путь на пароходе по Ангаре до Свирска и далее поездом в Черемхово.

В течение десяти дней я проходил курс лечения, проживая в семье родного брата Ивана. Впоследствии служебные дела не позволили мне более выезжать в полевые бригады до завершения всего сезона.

В целом 1944 год для нашей партии оказался успешным. Всем бригадам удалось выполнить запланированный объём работ в соответствии с утверждённым графиком.

Инженер Зуев поправился, травма его не имела никаких последствий для здоровья. Через три недели после моего отъезда из его бригады Зуев отправил одного из своих рабочих с докладом о том, что приступил к работе. Виктор, вернувшись в Ухтуй, по моему совету начал готовиться к экзаменам в Ново-

сибирский институт инженеров геодезии и картографии, которые он успешно сдал весной 1945 года и поступил на первый курс, чему я был очень рад.

Война продолжалась, но территория Советского Союза была уже полностью очищена от фашистов. Был открыт второй фронт. Советские люди и всё прогрессивное человечество ждали сводки от Совинформбюро и с восторгом встречали известия об освобождении того или иного города.

В этот год Красная армия осуществила подряд несколько блестящих наступательных операций, в ходе которых был нанесён колоссальный ущерб немецко-фашистским захватчикам. Эти мощные удары стали началом освободительного похода по странам Восточной и Западной Европы.

В течение всего полевого сезона при любой возможности я отправлял в геодезические бригады газеты и сводки. Рабочие, техники, инженеры радовались успехам Красной армии, никто не оставался равнодушным, все ждали конца этой проклятой войны, что свидетельствовало об единстве фронта и тыла во всех уголках нашей необъятной страны.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ ТУЛУНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ, 1945 год

1. Погибший самолёт

Бригада инженера Фёдора Николаевича Марочкина производила геодезические работы в полевом сезоне 1944 года на Жигаловском участке. Отряд этот существовал автономно, о ходе его работ в течение сезона я знал немного, иногда лишь получая телеграммы от Марочкина с кратким докладом. Дважды по заявке Фёдора Николаевича мы снаряжали обоз с продуктами и на лошадях отправляли его в указанное место.

В конце октября Марочкин со своей бригадой вернулся в расположение партии. Он сразу отчитался: рассказал о выполненной работе, представил полевые журналы, расходные документы на продукты и материалы. Кроме прочего, в своём докладе Марочкин указал на то, что техником Расторгуевым в восьмидесяти километрах восточнее от посёлка Жигалово был обнаружен самолёт У-2.

Расторгуев, в свою очередь, рассказал, что найденный самолёт он детально обследовал со своими рабочими. У-2 был санитарного типа, с кабиной для пилота и двух пассажиров. Пропеллер, как и моторная часть, были зачехлены, хвостовое оперение уже прогнило и, обломившись, свисало до земли. Ткань крыльев сгнила и легко протыкалась пальцем, чехлы также истлели, разрываясь при небольшом усилии. Самолёт стоял на лыжах, а не на колёсах, баки были совершенно пусты. В кабине ничего не обнаружено.

Для Расторгуева было понятно, что самолёт совершил вынужденную посадку несколько лет назад,

а экипаж его оставил, по-хозяйски закрыв машину. После обследования самолёта Расторгуев списал его номер, отметил на карте местонахождение, снял зеркало и обрезал ремни с кресел для рюкзаков.

Осмотрев местность вокруг самолёта, рабочие не нашли признаков длительного пребывания людей в районе посадки.

Я немедленно дал письменное сообщение, к которому приложил схему расположения самолёта, начальнику Иркутского аэропорта и председателю местного райисполкома.

В ответ я не получил никаких писем и указаний. Казалось бы, и делу конец: никого не заинтересовало наше сообщение. Но в начале января 1945 года в райисполком приехали два пилота с письмом, в котором начальник Иркутского аэропорта просил оказать помощь в деле организации экспедиции к самолёту.

Заместитель председателя райисполкома товарищ Винтовкин позвонил мне и пригласил к себе. Я немедленно прибыл к нему в кабинет, где состоялось моё знакомство с пилотами и общая деловая беседа.

Пилоты были снабжены командировочными удостоверениями и недельным продуктовым пайком по существующим у них нормам. Мне сразу стало понятно, что лётчики и их руководитель не имеют никакого представления о походных условиях в тайге, тем более в зимнее время.

Винтовкин спросил меня как опытного путешественника, что я думаю о предстоящей экспедиции. Я ответил, что любой поход требует специальной подготовки. Невозможно просто встать из-за стола и отправиться куда бы то ни было.

До Жигалово можно добраться по хорошей дороге, используя даже автомобильный транспорт. Но дальше тайгой придётся двигаться только по компасу неторённым путём, с обходом непроходимых мест, а то и с прорубкой густого подлеска. Поэтому отряд должен состоять из подготовленных и выносливых людей. Это первое и самое важное условие. Идти придётся на лыжах, потому что подножного корма для лошадей нет, а перевозить фураж в необходимом количестве невозможно. Надо брать небольшую нарту и тащить её волоком по снегу. С собой необходимо взять палатку, печь, тёплые вещи и, конечно, продукты с небольшим запасом. Весь путь туда и обратно займёт не менее двенадцати дней, кроме этого, потребуется дня три на подготовку. Я был готов возглавить экспедицию и взять на себя все хлопоты по организации сборов.

Пилоты переглянулись и, кажется, были озадачены, но не возражали.

Я в свою очередь поинтересовался, почему бы им не слетать к погибшему самолёту. Ведь, если несколько лет назад лётчик сумел посадить машину,

находясь, вероятно, в отчаянном положении, то это возможно сделать повторно, предварительно изучив местность с воздуха.

Пилоты ответили, что обсудят эту идею со своим начальником. Они попросили меня изложить всё сказанное на бумаге, в виде официального письма на имя начальника аэропорта. На другой день наши гости уехали в Иркутск с отпечатанным письмом, подписанным мною и Винтовкиным.

Меня, признаться, очень заинтересовала судьба погибшего самолёта. Спустя месяц, я попросил товарища Винтовкина по партийной линии узнать в Иркутском аэропорту, приняли ли там какие-нибудь меры по спасению машины.

Он написал письмо и в скором времени получил ответ, где изложили следующее: в результате проведённой проверки установлено, что в 1942 году данный самолёт следовал по маршруту Балаганск – Жигалово. Кроме пилота, в самолёте находились кассир жигаловского банка, перевозивший деньги, и секретарь Балаганского райкома партии. Сопоставив дату и время вылета с погодной сводкой, выяснили, что в пути самолёт застала пурга, которая угнала его с курса. Лётчик, после того как закончилось топливо, совершил вынужденную посадку в тайге. Пассажиры и пилот покинули машину, но дойти до какого-либо населённого пункта не смогли, и все трое бесследно исчезли в тайге. Деньги они могли взять с собой, могли где-то спрятать. Руководство аэропорта, узнав о точном местонахождении самолёта, хотело получить данные о его состоянии и принять решение о возможности его полного или частичного ремонта на месте для дальнейшего перегона на ближайший аэродром. Но в связи с трудностями организации экспедиции к месту стоянки самолёта было принято решение о нецелесообразности его восстановления.

В дальнейшем бригады топографов разных геодезических предприятий, работающие в этом районе, посещали погибший самолет.

В шестидесятые годы мне показывали фотографии молодых специалистов, которые группой стояли возле его остова.

2. Самогонщики

Перед началом полевого сезона в 1945 году мне как начальнику геодезической партии была поставлена задача закончить весь оставшийся объём работ в текущем году. Я в свою очередь сообщил руководству экспедиции, что данная задача будет выполнена, если наше предприятие усилят бригадой строителей из восьми-десяти человек для постройки геодезических знаков. Меня заверили, что бригада прибудет в распоряжение нашей партии в конце мая.

Приехавших строителей из Новосибирска возглавлял техник, имени и фамилии которого я не

скажу, хотя хорошо помню. Назову его условно Иваном.

Он был складный мужик сорока лет, но выглядел значительно старше. Деловая хватка и коммерческая натура его проявились сразу в ходе нашей первой беседы. Иван задавал толковые вопросы, мгновенно делал чёткие выводы, указывал на трудности, которые могут возникнуть при выполнении поставленных задач. Мы обсудили с ним сделанные расценки, размер аванса, положенного для каждого члена бригады, объёмы и сроки работ.

Я предложил Ивану продолжить начатую в прошлом году работу на Ангарском и Окинском участках с условием минимальной эксплуатации лошадей. В качестве основного транспорта его бригада должна была использовать плоты и лодки для последовательного спуска по реке всех своих грузов. Иван не стал мне возражать, заметив только, что он ожидал увидеть здесь больший объём работ. Удивившись его самонадеянности, я заверил Ивана, что без дела его бригаду не оставляю.

Мы прошли с ним на продовольственный склад, где Иван очень внимательно изучил весь имеющийся ассортимент продуктов. Узнав наши нормы, он попросил выдать ему как можно больше разных круп, муки, соли, консервированного мяса и молока. От картофеля, моркови и репчатого лука, которые, кстати, были выращены на подсобном хозяйстве нашей партии, организованной мной в прошлом году, Иван категорически отказался. Ещё раз удивившись, я тем не менее удовлетворил пожелания нового техника.

В дальнейшем я познакомился со всеми членами этой строительной бригады. Они являлись высококвалифицированными рабочими, были очень дружны и дисциплинированы.

Вообще хотелось бы сказать, что абсолютное большинство специалистов тех лет были более ответственные и требовательны к себе, а также гораздо самостоятельней нынешнего поколения специалистов. До середины шестидесятых годов в трудовых коллективах трудно было найти откровенных лодырей, хулиганов или профессионально безграмотных работников.

Но зато теперь шабашники и прощелыги в погоне за длинным рублём в большом количестве работают в полевых бригадах. Таких не интересует ничего, кроме личного благополучия. Они, как правило, напрочь лишены самокритики, полны амбиций, а их требовательность в удовлетворении личной выгоды не вмещается ни в какие рамки приличия и граничит с откровенной наглостью. С возмутительной дерзостью эти шаромыжники отстаивают свои интересы, зачастую не имея на то никаких оснований. А потом с удивительной лёгкостью пропивают «честно заработанные» в ресторанах или тратят не-

малую сумму на какую-нибудь безделицу, которая не имеет практического применения. Бывают случаи, когда такие «специалисты» становятся руководителями, но и тогда в их поведении ничего не меняется. Устраивая только свои личные дела, им некогда выполнять должностные обязанности: государственные и общественные интересы таких людей вообще не интересуют.

Можно подумать, что я всего лишь брюзгливый старик, не способный объективно оценивать современную действительность. Но, к сожалению, аморальное поведение части нашего общества отмечено давно, и я не одинок в своей критике.

Бригада Ивана в скором времени отправилась на участок и регулярно рапортовала об окончании строительства очередного геодезического знака. Иван находил возможность регулярно давать телеграммы из разных населённых пунктов. Иногда вместо него телеграфировали совершенно посторонние люди.

Производительность этой бригады действительно впечатляла. Она постоянно перевыполняла план не менее чем на пятьдесят процентов. Качество построенных знаков я неоднократно проверял и не находил никаких изъянов.

Однажды, осуществляя такую инспекцию, спускаясь по Оке на лодке, я ранним утром пристал к берегу, где затаборились строители.

Возле потухшего костра вповалку лежали рабочие, словно сражённые пулёмной очередью. Позы их были неестественны, я, испугавшись, подумал, не случилась ли здесь трагедия. Но, подойдя ближе, услышал храп вперемешку с бормотаниями и стонами во сне.

Несмотря на утреннюю прохладу и свежесть от воды, в лагере стоял устойчивый запах алкоголя. Обойдя табор, я нашёл Ивана и с трудом растолкал его. Он молча поднялся со своего ложа, умылся в реке и достал откуда-то бутыль. Изрядно налил себе в кружку и залпом выпил. Затем смачно сплюнул на землю и сказал: «Ты, Хвостов, в моё хозяйство не лезь. Я закон не нарушаю, людей не обкрадываю. Работаем мы будь здоров каждому. Остальное – наше дело».

Иван немного покурив и, не обращая на меня никакого внимания, лёг спать. Что мне оставалось делать? Я покинул этот негостеприимный лагерь.

В дальнейшем я выяснил, что Иван набирал в бригаду людей, имеющих пристрастие к выпивке, но умеющих работать, как говорится, «чтоб небу было жарко». Он прямо заявлял каждому новому члену коллектива свои условия: «Работать от зари до зари, пока ноги таскают, но раз в неделю будет возможность пить сколько душа желает. Потом похмеляемся – и снова за работу. Если не согласен, говори сейчас же, и я возьму другого. В моей

бригаде все должны быть одного вкуса к выпивке и к работе».

Имея изворотливый ум, Иван умудрялся распределять полученное продовольствие так, что всё необходимое для изготовления самогона он находил в населённых пунктах, производя обмен с местным населением. Поэтому в поход он брал с собой только те продукты, которые могли бы заинтересовать деревенских жителей. Надо полагать, что коммерсантом он был неплохим, так как его люди питались не сколько не хуже работников из других бригад.

Иван не был руководителем в обычном понимании, он был, скорее, атаманом в своей бригаде. Установленные им законы и правила выполнялись беспрекословно всеми её членами. Он внимательно следил за тем, чтобы никто не смел пить в «неурочное время». Надо сказать, что Иван и сам не отлынивал от работы, вдохновляя всех личным примером на стахановские нормы. Если бы в то время присваивали звание «Ударник коммунистического труда», то многие из этой бригады могли заслуженно получить его.

Впоследствии мне рассказывали, что неравнодушные руководители и партийные работники в разные годы пытались повлиять на Ивана, убеждая его изменить свой моральный облик. Ему неоднократно предлагали поступить учиться, призывали расти над собой и оставить страсть к алкоголю. Но Иван был непреклонен и оставался верен своим вкусам, упорно отстаивая право на свой отдых. «По-другому я работать не могу, не хочу и не буду», – говорил он.

Так трудился техник Иван, очень хороший специалист, прекрасный организатор и вместе с тем горький пьяница. Его бригада здорово помогла нашей партии выполнить поставленные задачи.

3. Трусливый охотник

В начале лета я отправился с инспекцией в бригаду инженера Верхотурова. Это был молодой специалист, недавно окончивший вуз и впервые самостоятельно приступивший к работе в полевых условиях.

Бригада Верхотурова, кроме него самого, состояла из техника-геодезиста, рабочего и проводника-охотника. Им предстояло работать в совершенно необжитом районе. Именно поэтому я специально усилил бригаду охотником по фамилии Таханов, с расчётом на то, что он сможет обеспечить добычу мяса в необходимом количестве.

Таханов – бурят пятидесятилетнего возраста, крепкого телосложения. Он имел очень солидный вид, отлично говорил по-русски и обладал спокойным, даже обходительным характером.

Его направили к нам из райисполкома с хорошей характеристикой и рекомендацией принять на работу. В личной беседе Таханов заверил меня, что

любит охоту и с удовольствием ходит по тайге в любое время года.

Прибыв в бригаду, я, конечно, первым делом проверил состояние прибора, полевые журналы, другую документацию.

Работой молодого инженера в целом я остался доволен, дал Верхотурову лишь несколько советов, которые могли бы помочь увеличить производительность труда.

Когда меня пригласили на обед, я с удивлением увидел, что суп приготовлен из консервированных продуктов.

«Давно ли живёте без свежего мяса?» – спросил я. Оказалось, что Таханов ни разу ничего не добыл, хотя каждый день ходил на охоту. С его слов, на пути следования бригады не было никакого зверя. Этот факт меня очень удивил, но не подав виду, я высказал лишь сожаление.

Победив, я поднялся на сигнал и осмотрел местность. Примерно в двух километрах был виден распадок, в низине которого протекал небольшой ручей. Более удобного места для охоты трудно и представить.

Третий день шёл дождь, видимость была плохая, и вся работа бригады остановилась. В непогоду просто расточительно терять время и не использовать его для результативной охоты. Когда с неба льёт продолжительный дождь, зверь нередко выходит из чащи на открытое место, а дождь, падающий на траву и листву деревьев, приглушает различные звуки, включая шаги охотника. В эту пору удобно охотиться с подхода, не спеша двигаясь к возможным местам пастбищ диких животных.

Пригласив Таханова на сигнал, я расспросил его, куда он ходил на охоту. Не добившись вразумительного ответа, предложил ему съездить на лошадах в ближайший распадок.

Там мы выбрали поляну с доброй травой, спутали лошадей и отправились вверх по ручью. У меня была мелкокалиберная винтовка с усиленным зарядом пороха, а Таханов вооружился карабином.

Проходя вдоль ручья, мы видели большое количество следов копытных животных: косули, сохатого, изюбря.

По пути следования обнаружили солонец с хорошо обустроенным лабазом. Я решил остаться здесь в засаде, а Таханову предложил идти вдоль ручья с целью найти на зверя с подхода.

Забравшись на лабаз, я надел на голову капюшон брезентового плаща. Плащ не только спасал от дождя, но и маскировал меня среди веток деревьев.

Спустя непродолжительное время метрах в шестидесяти от моей засады прошёл огромный сохатый. Он покачивал головой с большими раскидистыми рогами. Лось шёл в ту сторону, куда отправился Таханов. Я не посмел беспокоить такого

мощного зверя своим малокалиберным патроном. Убить его одним выстрелом из мелкашки невозможно, а раненый сохатый не менее опасен рассерженного медведя. Так и проводил я взглядом этого зверя, оценив его вес пудов на восемнадцать.

Уже перед заходом солнца раздался выстрел. Затем второй и третий. Спустя минуту послышался свист, который означал удачную охоту. Я спустился с лабаза и пошёл искать Таханова. Он сидел и курил возле небольшого озера округлой формы. В середине этого водоёма лежал на боку убитый лось. Я сразу определил, что это не тот сохатый, который прошёл мимо меня. Этот был значительно меньше, с небольшими ещё рогами.

Таханов рассказал, что он не спеша прошёл вперёд от солонца и обнаружил это озеро. Справедливо рассудив, что здесь удобное место для водопоя, Таханов устроил засаду в зарослях кустарника и терпеливо ждал. Молодой сохатый вышел из чащи и зашёл в воду. Когда принялся пить, Таханов выстрелил. Получив первую пулю, лось побежал в сторону охотника и с десяти метров принял в грудь вторую пулю. Развернувшись, сохатый опять забежал в воду, где его настиг ещё один выстрел в затылок.

Солнце уже начало сваливаться за горизонт, и нам следовало спешить: необходимо снять шкуру и разделать зверя. С трудом вытащив сохатого из озера, мы освежевали тушу и взяли с собой один кусок мяса на сегодняшний ужин. Остальное решили 132

Следуя обратно в лагерь, я прямо спросил Таханова, как так получилось, что он почти за две недели пребывания в тайге не сумел ничего добыть для бригады. Таханов признался, что ни разу не уходил далеко от лагеря, чтобы не износить ботинки, которые он получил на складе нашей партии.

«Товарищ Таханов, опять вы врётё, – возразил я. – Вам никогда не приходилось охотиться в глухой тайге, поэтому вы боитесь далеко отойти от табора. Вы меня обманули, когда устраивались на работу».

Таханов молчал, не смея глядеть мне в глаза. «Так или иначе я требую, чтобы вы преодолели свои страхи и обеспечили бригаду свежим мясом, тем более других задач перед вами никто не ставит», – я остановил свою лошадь поперёк тропы и поймал взгляд Таханова. Он смутился, но твёрдо обещал мне выполнить моё требование.

На другой день установилась хорошая погода. Вместе с Верхотуровым мы измерили зенитные расстояния, затем выполнили основную программу с привязкой азимутных пунктов. Таханов тем временем съездил за мясом, добытым вчера, и опять уехал на охоту. Вечером он привёз тушу косули, которую подстрелил на солонце.

В течение полевого сезона Таханов приобрёл необходимые навыки охотника и даже увлёкся этим

спортом, добывая мяса куда больше, чем было необходимо.

4. Под угрозой уголовной статьи

К нам в гости приехала моя сестра Галина. Она окончила медицинский институт по специальности «провизор». Сразу поступив на работу, Галина не имела времени приехать и отметить это событие в кругу близких людей.

Наконец, когда возможность такая появилась, Галина явилась к нам с дипломом, чему мы все были очень рады. Она гостила у нас всего три дня и собиралась уехать домой вечерним поездом Нижнеудинск – Иркутск.

Этим же поездом должен был приехать с инспекцией в нашу Зиминскую партию начальник Тулунской экспедиции Георгий Петрович Коншин.

Чтобы его встретить, я отправил на станцию пролётку. В качестве возчика в неё сел наш завхоз Василий Яковлевич, а пассажирами были моя жена и сестра Галина. Супруга должна была проводить сестру и заодно встретить Коншина.

Приехав на станцию как раз к прибытию поезда, моя жена и сестра были задержаны сотрудниками Зиминской городской милиции. Василий Яковлевич встретил Коншина и поспешил вернуться. Сообщив мне о случившемся, он предложил ехать в милицию для выяснения причины задержания.

Я передал своего начальника в руки родителей, а сам отправился в отделение. В милиции дежурный, выслушав меня, направил по коридору в комнату оперуполномоченного Щербакова. Возле кабинета сидела Галина. Её уже допросили. Щербаков изучил содержание чемодана Галины и переписал всё его содержимое в протокол допроса. Жена вышла вместе с оперуполномоченным. Щербаков попросил ознакомиться меня с ордером на обыск, после этого мы все вместе отправились на нашу квартиру.

Начальник экспедиции принял участие в обыске в качестве понятого как лицо постороннее. Щербакова интересовали в первую очередь продукты, которые находились у нас в квартире. Он тщательно взвесил всю муку, крупу на весах, которые привёз с собой, затем пересчитал всё консервированное мясо и молоко. После обыска Щербаков спросил: «Есть ли здесь что-нибудь из фондов предприятия, которое вы возглавляете?» Получив отрицательный ответ, он дал нам подписать необходимые документы, и мы прошли с ним на склад нашей партии. Не открывая замка, была установлена пломба, также был опечатан мой служебный сейф, где хранились все приходно-расходные документы по перемещению продуктов и материалов.

После окончания формальных процедур я задал вопрос: «Что всё это значит?» Щербаков ответил:

«Вы, Николай Иванович, подозреваетесь в серьёзном преступлении. На вас поступило заявление от гражданки Фроловой, в котором она утверждает, что вы занимаетесь хищением продуктов и разбазариванием продовольствия, выданного вам по нарядам». «Кто такая Фролова?» – спросил я. «Наверняка вы с ней знакомы, просто вспомнить не можете», – ответил мне оперуполномоченный.

В заключение он сказал мне, что завтра с утра начнёт ревизию нашего склада, поэтому я должен находиться на рабочем месте.

Так я оказался под следствием. Я долго не мог уснуть в ту ночь. Всё пытался вспомнить некую Фролову. Перебирая в памяти всех когда-либо мне знакомых женщин, я не находил ни одну с такой фамилией.

Под утро сон всё же сморил меня, но мозг продолжать работать: «Фролова, Фролова, Фролова». Я проснулся: «Ну, конечно, барчук, который в прошлом году отказался выполнять чёрную работу носил фамилию Фролов, а его мать, приходившая ко мне со взяткой, – Фролова». Её с того дня я больше не видел и успел уже позабыть эту историю. Однако меня помнили и приготовили подлость в качестве мести. Шкурники, как правило, очень злопамятны.

Вести следствие было поручено Щербакову, а ревизию всех фондов партии выполнял заведующий Райторготделом товарищ Загорулько. Были привезены большие весы из ближайшего магазина, сорваны пломбы, и началась ревизия товарно-материальных ценностей.

Начальник экспедиции и моя семья собрались в рабочем кабинете. Я рассказал о «кренделе», который пытался получить бронь в нашей геодезической партии в прошлом году. Тятя, выслушав, удивился, почему донос был написан только сейчас. Что побудило человека действовать, не зная наверняка положения дел, ведь оснований для заявления в милицию не было ни теперь, ни в прошлом?

«Кажется, это я во всём виновата!» – воскликнула Галина. Вот что она рассказала.

Галина пошила себе сиреневое платье. Под такое платье непременно следует надевать светлые туфельки. Но в Иркутске она их не нашла. Прибыв в Зиму, Галина решила посетить магазин. Как многие девушки, Галина была очень общительна. Разговорившись с продавцом, моя сестра рассказала, что приехала в гости к родителям, которые теперь живут с братом, а он – начальник геодезической партии и работает в Ухте. Продавец показала чуткой женщиной: когда узнала про то, что Галина не может найти нарядную обувь, посоветовала сходить на колхозный рынок, там иногда торгуют хорошими вещами или меняют их на продукты. «Когда вы уезжаете? В воскресенье? На вечернем поезде? Вот и хорошо, завтра непременно сходите на рынок, может,

вам повезёт. В магазинах искать приличную обувь в наше время даже и не пытайтесь». Галина поблагодарила продавца за совет. «Ну что вы, какие пустяки. А брата вашего я знаю и хорошо его помню», – сказала продавец и как-то странно улыбнулась. Галина изобразила весьма зловещую ухмылку.

Тем временем Щербаков закончил снимать остатки материальных ценностей. Был составлен и подписан акт наличия продуктов, который передали товарищу Загорулько.

Для продолжения следствия требовался акт ревизии и заключение о наличии или отсутствии недостачи, излишков материальных ценностей, вверенных мне в подотчёт.

Загорулько три дня работал с приходно-расходными документами нашей партии и составил своё заключение, которое приложил к акту ревизии нашего склада:

«1. Продукты, получаемые начальником партии на себя, имеют выписанные накладные и соответствуют установленным нормам.

2. Продукты, выдаваемые в полевые бригады, оформлены накладными. Часть этих накладных подписаны лицами, доставляющими их в бригады, это, как правило, рабочие, не имеющие материальной ответственности. Такие накладные требуют подтверждения со стороны руководителей бригад.

3. В результате проведённой ревизии был установлен факт нарушения норм выдачи продуктов: за счёт организованного по инициативе начальника партии подсобного хозяйства полевые бригады снабжаются сверх нормы картофелем, морковью, репчатым луком, солёным и копчёным салом. Данные продукты поставлены на учёт и выдаются по распоряжению начальника партии.

4. Часть продуктов, которые должны получать полевые бригады по существующим нормам в течение сезона, ввиду невозможности их доставки из-за отдалённости остаются на базе и используются в столовой, организованной начальником партии, не имеющим на это разрешения или согласования. В столовой обедают рабочие, постоянно находящиеся на базе партии, а также их дети. Продукты, выписанные в столовую, оформлены накладными и списаны поваром.

5. Злоупотреблений, присвоения продуктов, как и других материальных ценностей, в личную пользу начальником партии и другими должностными лицами на данном этапе расследования не установлено».

Таковы, на память, главные пункты выводов ревизии. Мне было предписано вызвать техников, прорабов и инженеров с ближайших участков с приходно-расходными документами и направить их к товарищу Загорулько.

В течение недели к Загорулько явились пять материально-ответственных лиц нашей партии. Он

сверял их накладные со своими записями, беседовал с каждым, узнавал мнение обо мне. Наконец Загорулько объявил, что верит всем моим накладным и уверен в моей честности.

Собранные документы были предоставлены оперуполномоченному Щербакову, который весь материал следствия передал прокурору Каншину.

С Каншиным мы были давно знакомы. Он хорошо знал моего старшего брата Кондрата по партизанскому движению в период Гражданской войны против колчаковской армии и белогвардейских банд.

Каншин крепко обругал меня за проявленную инициативу с расходованием продуктов через столовую. Это грозило мне уголовной статьёй и длительным заключением. В то время карали очень сурово. Но мне повезло. Каншин сказал, что как большевик считает меня честным человеком и не видит в моих действиях желания незаконного личного обогащения.

Каншин прекратил дело и не передал его в суд. Удивительно, но во время следствия я ничуть не боялся уголовной ответственности, хотя понимал, какое суровое наказание мне грозит. Уже позднее мне представился страшным длительный срок заключения, и я с трепетом думал о возможных последствиях, если бы подлый план гражданки Фроловой осуществился.

В дальнейшем в личной беседе с оперуполномоченным Щербаковым я выяснил, что Фролова, написав заявление, предложила свои услуги в качестве лица, готового опознать мою сестру на вокзале. Она была уверена, что в личных вещах Галины непременно обнаружат продукты из фонда нашего предприятия. Вероятно, сама Фролова занималась хищениями народного имущества, была бы у неё такая возможность. Вместе с опергруппой она дежурила у вокзала до прибытия моей жены и сестры, на которых и указала.

Впрочем, торжества подлости и злобы не случилось благодаря справедливому и неформальному отношению к своему делу прокурора Каншина. За что я и теперь очень благодарен этому человеку.

5. Великая Победа

9 мая 1945 года мне позвонили из райисполкома и сообщили о том, что в ночь с 8.5.1945 на 9.5.1945 был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии и сегодняшний день был объявлен праздником Победы. В связи с этим во второй половине дня по радио будут транслировать обращение И. В. Сталина к советскому народу.

В эти дни вовсю шла подготовка к началу полевого сезона, бригады ещё не успели разъехаться по участкам, поэтому почти весь коллектив нашей геодезической партии находился на базе в Ухтуе.

Я немедленно собрал всех работников на митинг и объявил об окончании войны. Смешанные

чувства переполняли нас. Вместе с торжественной радостью и гордостью за наше Отечество мы испытывали горечь от утраты близких и друзей, погибших на полях сражений, замученных в нацистских лагерях и пропавших без вести.

Завершение войны полной и безоговорочной капитуляцией фашистской Германии означало несокрушимость СССР и несгибаемость духа советских людей.

В назначенный час возле райисполкома собралось чуть ли не всё население Ухтуя. С большим вниманием все слушали обращение Сталина к советскому народу. После его завершающих слов: «С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!» – прозвучало громогласное «Ура!». Люди обнимались, целовали друг друга. В тот день я видел множество плачущих мужчин и женщин. Это были слёзы скорби и большой радости одновременно.

В Ухтуе было несколько десятков фронтовиков, их поздравляли и благодарили в первую очередь, но, безусловно, каждый советский человек внёс посильный вклад в нашу Великую Победу.

Я приказал приготовить праздничный обед. Сварили несколько ведер картошки, нарезали солёного

и копчёного сала, постряпали сотню ржанных лепёшек. Были наскоро сколочены столы и установлены на территории нашей базы. На них появились яйца, сметана, рыба, солёные грибы и даже сыр, колбаса – люди несли на общий стол продукты из дома, у кого что было. Нашлись и бутылки с самогонном, спиртом, настойками из ягод. Заиграла гармошка, пели частушки и песни военных лет, водили хоромы, затем пустились в пляс. Разошлись все, когда совсем стемнело.

Война была бедой всего советского народа, и день Великой Победы стал праздником для каждого человека нашей необъятной Родины.

Тятя мой как-то посчитал, что из нашей деревни Карнаухова было призвано на фронт шестнадцать мужчин разного возраста. Живым вернулся только один – мой племянник Евгений.

На этом примере виден масштаб бедствия, которое пережили советские люди в период 1941–1945 годов. Не было в истории человечества более жестокой, подлой и грандиозной войны.

Слава павшим бойцам! Слава оставшимся в живых, прошедшим через огонь и смерть! Вечная слава всему советскому народу, уничтожившему фашистскую нечисть!

ХВОСТОВ Николай Иванович (1909–1982) родился в заимке Карнаухова Черемховской волости Балаганского уезда Иркутской губернии. В 1933 году окончил астрономическо-геодезический факультет и после службы в РККА, с 1935 по 1976 год в составе разных предприятий выполнял правительственные задания по картографированию восточных территорий Советского Союза. Николай Иванович работал рядовым инженером, инспектором ОТК, начальником партии, начальником экспедиции. Жил в Иркутске.

В последние годы жизни Николай Иванович из-за болезни утратил способность говорить. Около двух лет он работал над книгой, где последовательно рассказал о производстве топографических работ, в которых сам принимал участие в составе геодезических предприятий.

«Тебе, Евгений, тебе мой племянник, ставший в последние годы ещё и самым большим другом, я вручаю эту душевную рукопись моих стариковских воспоминаний» – такую дарственную надпись сделал Николай Иванович, передав свои мемуары Евгению Кондратьевичу Хвостову в 1982 году.

Рукопись эта стала семейной реликвией. Перед смертью Евгений Кондратьевич передал её сыну Владимиру Евгеньевичу с пожеланием опубликовать.

Анатолий БАЙБОРОДИН

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ*

Очерк о языческом
и христианском в народной этике

О ДИКОСТИ И РАБСТВЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

История России – история крестьянства, ибо на утренней заре прошлого столетия крестьяне в патриархальном Русском царстве составляли абсолютное большинство населения. Лишь на безумном закате прошлого века, когда глобальная технократическая цивилизация почти погребла природный мир и слитый с ним крестьянский, сельских жителей изрядно убавилось; но даже бывшие крестьяне, что перешли в другие сословия, и порой даже те, что родились оторванные от земли, в сокровенной глубине души и по сей день не утратили крестьянского духа и томительной, отрадной тяги к матери сырой земле.

Исконно русские крестьяне, коих не постигли либеральные западники, побитые молью порочного европейского просвещения, и славянофилы, заложники барского происхождения, – исконно русские крестьяне, не ведавшие азы, буки и веди, но обладавшие вселенским знанием, что передавалось из колена в колено, изустно постигавшие Святое Писание, смиренные, негорделивые, покаянные, были христоролюбивее и царелюбивее, чем иные российские сословия. Поминая сословия, речь не ведём о насельниках скитов и пустынь, о монастырском старчестве и духовенстве – се носители света Христова, богоизбранные молитвенники за народ русский.

Письменные труды по истории Государства Российского грешили тем, что составлялись из историй правящих кругов – суть высших сословий – из истории войн и общественно-политических движений в яркой борьбе за власть и грешные земные блага, из истории научных, культурных достижений, религиозных преобразований. А многовековая повседневная простонародная жизнь, история развития народного духа прозябали в тени.

«Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своём прошлом почти потеряна для нас», – знаме-

нитый писатель-этнограф Михаил Забылин писал более века назад, когда в крестьянстве цвела и красовалась двухтысячелетняя обрядовая этика-эстетика, а уж что говорить о нынешней поре, когда русскость в народе истреблена западным варварством.

Русский... Произнесёшь величавое слово, и в сознании рождается: православный крестьянин... «Когда говорят «русский народ», я всегда думаю: «Русский крестьянин», – писал Александр Куприн. – Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».

Покаянное слово писателя русскому крестьянству, суть *русскому народу* речено не ради красного словца, кое не жалеет мать и отца; Куприн – пасынок дворянского, разночинного мира, утратившего веру и крестьянский здоровый дух, – соглашается с непониманием народа русского: «Я, право, не знаю, кто он...». Любя и воспевая непостижимый для дворян и разночинцев родной народ, писатель чует роковую сословную вину перед крестьянством, которое они, интеллигенты и дворяне, метали, словно хворост в костёр, в кровавую пасть отечественных и мировых исторических смут. Оттого и «любовь без всякой надежды на взаимность». Помянутый Алексей Пешков (Горький), писатель большого, хотя и безбожного дарования, люто ненавидящий крестьянство, в 1925 году повелевал Николаю Бухарину: «Надо бы, дорогой товарищ, вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, даже неизбежен, конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна, заострила бы мужикопоклонников и деревенелюбов, но критика – и нещадная – этой идеологии должна быть теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае – не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 36).

Будучи составителем «Русского месяцеслова» и сочинителем сего очерка**, я не воспеваю языческие мотивы при описании народных обрядов, суеверных обычаев, суеверных примет и даже заговоров,

** Автор в данном очерке использует цитаты из «Русского месяцеслова», не выделяя их кавычками. А большинство цитат других авторов использованы без ссылок на источники, ибо сей труд не строго академический, а писательский, с широким использованием исторических, этнографических, фольклорных источников.

* Продолжение. Начало очерка в «ОК», № 1 за 2020 г.

всё сие введено в книгу и данный очерк лишь для достоверной картины народного мировоззрения и мировыражения. А коли и согрешил, заманчиво окрасив некий древний обряд русичей, то каюсь: «Боже, милостив буди мне, грешному, ибо водопоклонение, огнепоклонение, травоволхование, гадаание – богопротивно, от эллинского беснования».

Крестьянский мир, коему тысячелетия, запечатлённый в русском месяцеслове, суть народное знание природы, благоговейное ощущение тайн Вселенной и правдивая, духовно не украшенная история крестьянской жизни, – истинная история России в сложном и трагическом сплетении христианского и природно-языческого, суеверного.

От древнеславянского язычества* русские обрели великое знание природы от росинки и хвоинки до Вселенной и выстраивали свою обыденную и праздничную жизнь согласно природно-мистическому календарю. Со Святым Крещением и духовным облачением во Христа Бога русские свергли былых идолов, освободились от языческого идолопоклонничества и с веками стали воспринимать мать сыру землю как Творение Божие.

И тем не менее да простит Бог православному крестьянину, который, живя среди дикой природы, привык поклоняться ей, который, завися в своих земледельческих трудах от природных стихий, невольно одухотворял их, хотя понимал, что Бог и через природу взаимодействует с ним, вознося молитвы Иисусу Христу, Царице Небесной, ангелам Божиим, христианским святым.

Среди почитающих, изучающих русскую обрядовую этику лишь глубоко воцерковлённые могли безошибочно увидеть, где вера помрачалась суеверием, где православный церковный обряд подменялся языческим.

Автор сего очерка, ознакомившись с природно-хозяйственными календарями русских крестьян и календарно-обрядовой поэзией и мифологией, прописав времена года, месяцы и обрядово насыщенные дни, составил «Русский месяцеслов», куда ввёл и православный календарь с краткими житиями святых, поскольку былые месяцесловы обычно страдали тем, что составители мимоходом-мимолётом поминали евангельские события, кои в основе народно-христианских праздников, и обходили за версту жития святых, именами которых обозначались дни. А посему эдакие месяцесловы утрачивали исконную христианскую сущность, опустошались, уродливо искажаясь, склоняясь к языческим

суевериям и заземляясь до хозяйственного календаря и погодных примет.

В составленном мною «Русском месяцеслове» впервые в фольклорно-этнографической, календарной литературе двадцатого столетия церковный и народный календарь были слиты воедино, как и происходило в реальной жизни русского крестьянина. К сему грех забывать, что крестьяне младенцам, окрещённым в церковной купели, по христианским святцам давали имена святых, дабы сии небесные покровители оберегали чадо от рождения и до упокоения.

В окаянные девяностые годы прошлого века завершил я долголетнее составление «Русского месяцеслова»; книга по тем временам вышла в свет изрядным тиражом, тысяч в пять; и вскоре бойко разошлась в Прибайкалье, и даже Алтаю досталась. Потом я путешествовал по губернии, гостил в сёлах и мелких городах, навещал библиотеки и клубы и всюду видел зачитанный до дыр «Русский месяцеслов», что книгохранители берегли пуще зеницы ока. В благословенные для литературы времена, когда за книгами охотились, «Месяцеслов...» могли и похитить...

В завершении напутного слова скажу: очерк, разумеется, лишь касается русской народной этики, воплощённой в обрядах и обычаях, ибо мир сей крестьянский безбрежен, словно Вселенная.

137

О величии крестьянской цивилизации... Русскоязычные русоненавистники в надежде на чаевые с холопским подобострастием целуют руку Западной Европе, жестоковойной старой блудне, что густо запудрила корявые морщины, напомадила впалые щёки, кроваво покрасила губы и дочерна насурьмила брови и ресницы вокруг пустых глазниц. Российские западники, целуя руку Западной Европе, подобострастно заглядывая в пустые глазницы, настойчиво и назойливо толкуют миру о рабской сущности, лености, темноте и забитости *вечно пьяного* русского народа. Скверное сие толкование, родившись в позапрошлом веке среди либеральных «просветителей», два века внушалось и русскому народу разрушителями народно-православной российской государственности, что, очевидно, входило в злоешие помыслы мировой сатанократии, для коей Россия, последний приют Господень, что кость в горле.

Западная Европа хотя коварна и люто ненавидит Россию, да не столь глупа, чтобы взять на вооружение дурь о дикости и рабстве русского народа, ибо всякий европеец, будучи в России, воочию зрел не просто великую империю, но великую русскую цивилизацию, которой, очевидно, даже не два, а четыре с половиной тысячелетия. Гащивая в Москве, где красовалось сорок сороков православных храмов,

* В очерке я не касаюсь научных открытий нынешнего века – генетических, лингвистических, историко-археологических, доказывающих, что русский народ, именуясь ариями, в генетически современном виде появился на свет на Среднерусской равнине около 4 500 лет тому назад. И на основе русского языка через 500 лет, когда русские пришли в Индию, родился и санскрит, предельно родственный и современному русскому языку.

бывая в иных старинных русских городах, европеец понимал, что не дикий, пьяный и ленивый, но великий, духовно трезвенный народ мог создать сии величавые храмы, в коих воплотились божественный дух, художественный гений и азартное трудолюбие русского народа, до начала прошлого века на девяносто процентов крестьянского.

В былые лета читал о великих технических открытиях прошлых столетий, на коих и поныне держится технократический мир, и оказалось – сплошь плоды русской изобретательности, но, увы, обычно похищенные лукавыми и вороватыми европейцами. Благодаря опять же духовной трезвости, земледельческому таланту, любовному знанию природы, трудолюбию, смиренной житейской неприхотливости и выносливости дореволюционный русский крестьянин с Божией помощью кормил хлебом не токмо Российскую империю, но и пол-Европы.

Когда вопят и о рабской сущности русской души, то говорят верно: всякая крещёная русская душа возвышенно величала себя рабом... Но лишь рабом Божиим; а земное рабство, батрачество, крепостничество переносила с христианским смирением, поскольку завещал Господь в заповедях блаженства: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:4,5), поскольку и рече Христос Бог: «Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом...» (Мф. 20:26, 27).

Даже двухвековое крепостное право не обратило крестьянские души в рабские души, ибо набожные крестьяне понимали волю, как волю от похотей, а не волю ради похотей. Рабами похотей обычно были помещики-рабовладельцы, а поработённые господами – вольные... Будучи внешне и закрепощённые, крестьяне не теряли внутреннюю, духовную свободу; и рабы Божии жили лишь в рабстве Царю Небесному *...начало премудрости – страх Господень...* уповали токмо на волю Божию *...Бог не захочет – и прыщ не вскочит...* и порицали своевольников, что *взялись за волю*, ибо *своя воля страшнее неволи*. По сему поводу крестьяне толковали: «вольный» – про скверное, непослушное чадо; «за волю взялась», «за волю взялся» – про девку или парня, что кинулись во все тяжкие... Воля мирская и непослушание – страшный искус лукавого...

Святитель Иоанн Златоуст, словно узрев providческими очесами смиренных русских крестьян, услышав их любомудрым слухом, поведал о рабстве и свободе: «В древности не было раба – Бог, создавая человека, сотворил его не рабом, но свободным. Он сотворил Адама и Еву, и оба они были свободны. Откуда же произошло рабство?... Род человеческий уклонился от правого пути и, преступив меру в желаниях, дошёл до развращения...».

Далее великий любомудр описывает всемирный потоп, гибель падшего человечества, после чего сохранился лишь праведный крестьянин Ной с домочадцами, скотом и птицами – всякой твари по паре.

«Ковчег остановился и отворились двери, Ной вышел, спасшись от потопления, и увидел землю опустошённую. <...> Посмотрел он на это печальное зрелище; посмотрел на землю, переполненную бедствиями, и впал в великое уныние. Все погибали... <...> Мучимый унынием и удручаемый скорбью, он выпил вина и предался сну, чтобы облегчилась рана унынья. Лежал он на ложе, предавшись сну как врачу, чтобы произвести в уме забвение о случившемся. <...> Надо бы сказать в оправдание праведника, что случившееся с ним произошло не от пьянства, но он просто врачевал свою рану. <...> Спустя немного времени взошёл проклятый сын его (*Хам, отец Ханаана*. – Прим. А. Б.) <...> Войдя, сын увидел наготу отца; следовало бы прикрыть её, накрыть платьем ради старости <...> ради несчастья, ради того, что это отец его. А он, выйдя, разгласил и сделал из того печальное зрелище. Но прочие его братья, взяв одежду, вошли, смотря назад, чтобы не видеть того, о чём тот разглашал. И прикрыли отца. Отец, встав, узнал всё и начал говорить: «Проклят Ханаан, раб рабов будет он у братьев своих». <...> Рабство от греха; от нечестия произошло рабство. Хочешь ли, я покажу тебе освобождение от рабства. <...> Благородство... нрав доставляют свободу; раб и свободный – суть простые названия. Что такое раб? Одно название... Сколько господ лежат пьяные на постели, а слуги стоят подле них трезвые. Кого же назвать рабом? Трезвого или пьяного? Раба ли, служащего человеку, или пленника страсти. У того рабство внешнее, а этот внутри себя носит невольничество...»

Будучи народом добросердечным, русские легко и недолго прощали обиды, но если враги вздымали пята на Святую Русь, то на шкуре осознавали: нет на земле воителей более грозных, чем русские, ибо, как молвлено в пословице: «*Русак не дурак: с мечом и с калачом не шутит*».

Что греха таить, водились в русском народе, даже в крестьянском сословии, и дикие, и вечно пьяные, и ленивые... В семье не без урода... Хотя падшие, как отщепенцы, не были людьми типичными в народе, но, вот беда, оборзевшие обзреватель и здешних обличителей покоен веку обывались выдавать частное за типичное и малевать русских лишь чёрным цветом.

Грешно говорить о темноте и дикости русского крестьянина, что создал сверхгениальную и необозримую обрядовую и песенную культуру, далеко

превосходящую крестьянские культуры европейских народов. Подтверждение тому – русская песня, вершинный жанр устной народной поэзии. И сказал о сём даже и не русский человек – Рудольф Вестфаль, известный немецкий учёный, исследователь античной филологии и поэзии, знаток немецкой и русской народной этики: «Поразительно громадное большинство русских народных песен, как свадебных и похоронных, так и всяких других, представляют нам такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной нежной поэзии, чисто поэтического мировоззрения, облечённого в высокопоэтическую форму, что **литературная эстетика, приняв раз русскую песню в круг сравнительных исследований, непременно назначит ей безусловно первое место между песнями всех народов земного шара** (Выделено мною. – А. Б.). И немецкая народная песня представляет нам много прекрасного, душевного и глубоко прочувствованного, но так узко течение этой песни в сравнении с широким потоком русской народной лирики, которая не менее немецкой поражает ваше впечатление, но зато далеко превосходит её своею несравненной законченностью формы... Философия истории имеет полное право вывести из этого дарования самые светлые заключения для будущности русской истории».

Худо-бедно до середины прошлого века почти все крестьяне знали народные песни, пришедшие из далёкой русской старины, но жили по деревням и селам сказители, певни, плачеи (вопленицы), что могли исполнить и сказку, и бывальщину, и быличку, и песенную былинку, и заупокойную причет. Вот где зримо видится, слышится, чувствуется сердцем великая народная поэзия...

Образец плача (вопля), божественного по духу и слову, старины записали с вещей уст северорусской крестьянки Ирины Федосовой:

*Вы послушайте, народ – люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилось.
Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всём мире постатейные,
Они ду-друга, люди, не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них кидалось;
Но и тут было горюшко не местечко:
Во осине горькой листье расшумелось,
Того злое это горе устрашилось;
<...>
Уже тут злое горюшко кидалось,
В окиян сине славно оно морюшко,
Под колодину оно там запихалось;
Окиян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилась;
<...>*

*Много множество е в мире согрешения,
Как больше того е в мире огорченья.
Хоть повыстанем по утришку ранёшенько, –
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся.
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил Господь ловцов да на киян-море,
Изловили они рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое.
Зло несносное, велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами злодийно чёрным вороном.
(Из «Плача по писаре»)*

* * *

*Послушайте словеса наши старинные,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбушуется,
На синем море волна да порасходится,
Будут земские все избы испражнятися,
Скрозекозные судьи да присылатися;
Все изменятся пустыни богомольные,
Разорятся все часовенки спасённые!
(Из «Плача о старосте»)*

Я поведал о русской народной поэзии, что в песне обрела божественное звучание, по мнению германского филолога, мудрым и украсным словом превзошла народную поэзию европейских наций, что и подтверждает мысль о художественной талантливости русского крестьянства.

К сему типичный русский мужик, не зюзя подзаборный, пусть батрак, но не кулак, в отличие от европейского крестьянина, в отличие и от доморощенной образованщины, траченной чужебесием, жил с жадной святости, а избранные Богом восходили и к юродству Христа ради. Свою душу крестьянин оберегал верою, молитвою и постом; оберегал традиционным домостроем, жизнью среди природной красоты и чистоты; оберегал каждодневным натуральным созидательным трудом – вольный, азартный, вдохновенный труд укрощал плоть, отвращал от грехов и пороков, в праздности затягивающих душу зелёной болотной ряской.

Александр Герцен, взращённый на безбожной и бунтарской западной философии, зрелые лета проживший в Европе, но... странно слышать... имевший, по его признанию, «чувство безграничной обхватывающей всё существование любви к русскому народу, к русскому складу ума», писал о российском крестьянстве: «Нам надобно освободиться от нравственного ига Европы, той Европы, на которую до сих пор обращены наши глаза... Нашу особенность, самобытность составляет деревня со своей общинной самозаконностью, с

мирской сходкой, с выборными, с отсутствием личной поземельной собственности, с разделом полей по числу тягол».

Из моего восхваления крестьян не следует, что автор сего очерка, бывший сельский житель, приукрашивает русское крестьянство, ибо далее речь пойдёт и о противоречиях народной души, где мучительно смешалось верное и суеверное. Оценка деревенскому простолюдью дана лишь в сравнении с иными российскими сословиями и нынешними временами, когда русские стремительно теряют исконный и спасительный духовно-нравственный образ.

* * *

Земное и небесное крестьянское знание...

Разумеется, смешно и грешно даже помыслить о темноте и дикости русского крестьянина, что с древнейших лет обладал вселенским знанием: ведал природу земную от матери сырой земли и до божьей коровки, ползущей по стеблю осоки; чуял предвестия летних гроз и зимних метелей; по небесному лику с рассветами и закатами, по солнцу, луне и звёздам провидел погоду и грядущий урожай, и приплод. Из сего благоговейного вселенского знания русский крестьянин породил столь календарных примет, пословиц, поговорок, сколь звёзд на Млечном Пути, придав речениям глубинный индустриальный смысл и словесно столь благолепно облачив речения, что взривовали даже Богом одарённые книжные поэты.

Вот лишь малая толика избранных речений, что украсили мой «Русский месяцеслов»:

Нам, грешным, и ветер навстрешный.

Гуси летят – зимушку на хвосте тащат.

Батюшка-покров, избушечку покрой теплом и добром, а меня, молодцу, кокошником (женишском, венцом).

Зори пляшут – к године (к урожайному году).

После солноворота, хоть на воробьиный скок, да прибудет денёк.

Месяц просинец – зимы царь-государь.

Январь тулуп до пят надевает, хитрые узоры на окнах расписывает.

Февраль-бокогрей, бок корове обогрей, бок корове, и быку, и седому старику.

Вечера Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал.

Жили у брата три сестрицы: весна-молодица, зима-белолица и осень-водяница.

Вздел Ярило зиму на вилы.

Весна на рябой кобыле едет (переменчивая погода).

Прилетела овсянка, запела веснянку: «Покинь сани, возьми воз».

Налетели грачи, стали зиму толчи, пить снегов молоко.

Осень говорит: «Я поля уряжу», а весна говорит: «Я ещё погляжу».

Май-травень лес наряжает, лето в гости поджидает.

Пришёл май – под кустом рай.

Рожь говорит: «Сей меня в золу да в пору»; овёс говорит: «Сей меня в грязь, будешь князь».

Защепчет дождь тихим голосом – поднимется рожь тучным колосом.

Дождь вымочит, солнышко высушит, а буйны ветра голову расчесут.

Ласточка прилетела, горох сеять велела.

Горох да девка – завидное дело: кто ни пройдёт, всяк щипнёт.

Июнь с косой по лугам прошёл, а июль с серпом по хлебам побежал.

Сбил сенозорник (июль) у мужика мужицкую спесь, что некогда и на печь лечь.

Кабы на лопух не мороз, он бы и тын перерос.

Август-густарь – страды государь.

В августе всего в запасе: и дождь, и ведро, и серопогодье.

Колос от колоса – не слышать голоса, копна от копны – день езды, стог от стога – дальняя дорога (скудные хлеба).

Плох овёс – наглотаешься слёз; не уродится рожь – по миру пойдёшь.

170

Пришёл сон из семи сёл, пришла лень из семи деревень.

Журавль летит с моря убавить нам горя.

Прилетел гусь на Святую Русь: погостит да улетит. «Прощай, матушка-Русь, я к теплу потянусь...» – курлычет журавль, отлетая на юг.

Певчая птица прежде погибает.

Ноябрь – сумерки года.

Скатерть бела весь свет одела.

Охала Маланья, что уехал Ананья. Охнет и дед, что денег нет.

Не гляди свинье в рожу, а корми её рожью.

Не во всякой туче гром; а и гром, да не грянет; а и грянет, да не по нас; а и по нас – авось опалит, да не убьёт.

Изрядно календарных пословиц, поэтически речённых, посвящено небу, солнцу, луне и звёздам, а также небесным стихиям (ветер, метель, снегопад, дождь, зной), и, как во всяких подобных речениях, кроме прямого смысла – приметы Вселенной, есть и глубинный переносный, нравственный смысл, посылный для осмысления не книжным мудрецам, а народным любомудрам:

Зимой солнце сквозь слёзы улыбается.

Зимнее солнце, что вдовье сердце.

Солнце – родная матушка, месяц – родной ба-
тюшка, звёзды – родные сестрицы.

Не заслонишь солнца рукавицей, не убьёшь мо-
лодца небылицей.

На солнышко во все глаза не взглянешь.

Солнце сияет на благия и злыя.

А сколь мудрых и благолепных пословиц и пого-
ворок породило русское любомудрие о супруже-
стве, муже и жене:

Дева русская: грудь лебедина, походка павлина,
очи соколы, брови соболю; взглянет, что огнём
опалит, а слово молвит – рублём подарит.

Не спится, не ложится, всё про милого грустит.

Запрягай дровню, ищи себе ровню.

Его невесты на том свете козлов пасут.

Кто на борзом коне жениться поскачет, тот ско-
ро поплачет.

Падка коза до соли, а девка до воли.

Глупому мужу красная жена дороже красного
яйца

Как начнут рожь жать, тогда и баб людьми звать.

У хорошей жнеи снопочек – як куколка, а у пло-
хой – як ворона.

Первая жена от Бога, вторая – от человека, тре-
тья – от чёрта.

От пожара, от потопа и от злой жены, Боже, со-
храни.

Муж задурит – половина двора горит; а жена за-
дурит – и весь сгорит.

Пригожая жена – лишняя сухота.

Мужнин грех за порогом остаётся, а жена грех
домой несёт.

Хоть плох муженёк, да затулье моё: завалюсь за
него – не боюсь никого.

Не хвали жену телом, а хвали делом.

Птица крыльями сильна, жена мужем красна.

На что корова, была бы жена здорова.

Бил жену денёчек, сам плакал годочек.

Не надобен и клад, коли у мужика с женой лад.

Муж жене – отец, жена мужу – венец.

Не верь ветру в поле, а жене в воле; воля и до-
брую жену портит.

Жена ублажает – лихое замышляет.

Мать плачет, что река льётся; жена плачет, что
ручей течёт; невеста плачет – как роса падёт: взой-
дёт солнце – росу высушит; на вдовый двор хоть
щепку брось, и за то Бог помилует.

Из подобных образно изложенных примет и по-
говорок можно составить многотомное собрание
мудрых речений, но крестьянская поэзия воплоти-
лась и в календарно-обрядовых песнях, и в сказах,
и даже в шутках-прибаутках, заговорах, закличках,
присловиях. Скажем, с Емельяна-перезимника

(21 января), которого ещё величали Емельян – на-
крути буран, в долгие зимние вечера сказывали
сказки, побывальщины, прочие старины, отчего и
поговорка: «Мели, Емеля, твоя неделя». Впрочем,
бывало, и не с Емельяна, а с Покрова Божией Мате-
ри (14 октября) крестьяне, завершив осеннюю
страду, собирались на долгие вечерние беседы, где
и слушали сказителей. А у сказителей речь – золо-
тая россыпь поэтических присловий...

Где вы, Петры и Павлы (12 июня), ночевали? В
городу Ерусалиму, в Божьей церкви на престоле;
ключи, замки обронули, нечем грешну душу пропу-
стити: грешна душа согрешила, младенца в утробе
потребила, всякими зельями заедала, всякими тра-
вами заливала; попала в тар-тары, в огонь горячий,
попала в тар-тары, в смолу кипучу.

Пресвятая Богородица, почто рыба не ловится?
Либо невод худ, либо нет её тут.

Звал ячмень пшеничку: «Пойдём туда, где золо-
то родится, мы там будем с тобой водиться». Пше-
ничка сказала: «У тебя, ячмень, длинен ус, да ум ко-
роток; зачем нам с золотом водиться, оно к нам и
само привалится».

Рожь говорит: «Колошусь!» А мужик: «Не нагля-
жусь!».

«Жаворонки, прилетите, студену зиму унесите,
теплу весну принесите. Зима нам надоела, весь
хлеб у нас поела!» – пели дети на день Сорока му-
чеников.

По поднебесью, братцы, медведь летит: мед-
ведь летит, хвостом вертит. Свинья на ели гнездо
свила, гнездо свила, деток вывела, милых деточек,
поросяточек. Поросятки по сучкам висят, по сучкам
висят, полететь хотят.

«Федул, чего губы надул?» – «Кафтан прожёл». –
«Велика ли дыра?» – «Один ворот остался».

Сия любомудрая, краснопевная русская поэзия,
что не сходила даже с заурядных крестьянских уст, а
что уж говорить о сонме деревенских сказителей...
Разве могли в тёмном, забитом деревенском люде
родиться пословицы, подобные сей: «**Своя воля
страшнее неволи**»?!. В четырёх словах – великий
богословский трактат о языческой воле, что на грани
преступной вседозволенности, и христианской воле,
где даже раб галерный в душе волен, ибо он лишь
раб Божий... Пословица сия – воистину проповедь,
достойная боговдохновенного священника...

За четверть века великая русская плачущая Ирина
Федосова, неграмотная крестьянка, пророчески
провидела, **что** после революции свершит над
Святой Русью антихристово племя, умело исполь-
зуя оскудение веры в русском народе, разогревая
языческую страсть к *внешней воле* – суть вседоз-
воленности.

Коли искусство русских крестьян, корни коего в арийском, скифском, древнеславянском прошлом, превзошло народное искусство европейских наций, то и профессиональное русское искусство превзошло, и не столь даже мастерством, сколь, опять же, *божественным* духом, что, опять же, почерпнуло в народно-православном поэтическом слове.

Думаю, после выше речённого толковать о темноте и дикости русских крестьян могут лишь холопы, за чечевичную похлёбку, за тридцать сребреников нанятые князем тьмы, а чернокрылого падшего ангела испокон веку корёжило от народного православного русского духа.

ДВА ВЗГЛЯДА НА РУССКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

Крещение язычников... Крестьянская пословица гласит: *«Ева прельстилась древом, простонала чревом, Адам грех сотворил – рай затворил»*... После изгнания из райского Эдема Евы, искушённой дьяволом, и Адама, соблазнённого Евой, история человечества – история стремительного зарождения и распространения идолопоклонничества, суть язычества, когда племена и народы, забыв незримого Творца, поклонялись лишь зримым созданиям Бога – солнцу, луне, грозам, ветрам, камням, деревьям, рекам и морям, воплощая их образы в деревянных, каменных, бронзовых и даже золотых истуканах (*болванах* – на Руси). Отвергнув Бога, язычники погрузились в пучину пороков, ибо «помышление сердца человеческого – зло от юности его. <...> И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своём. Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями». (*Быт. 8:21; Быт. 6:6–11*), отчего Господь, пощадив лишь Ноя, его семейство и всякую тварь по паре, смыл падшее человечество с лица земли.

С рождением язычества история человечества – история борьбы верующих во Единого Бога (Иегова) с многобожием идолопоклонников... В борьбе той ветхозаветные пророки, потом Христовы апостолы, первохристиане и сонм святых страстотерпцев обрели мученические венцы Христа ради от язычников (в Древнем Риме растерзанные тиграми под рёв ликующей публики) и от *богоизбранных* иудеев, кои, случалось, пуще язычников пытали христиан. Хотя ветхозаветные пророки испокон человеческого века внушали *богоизбранным*: «Господь – царь на веки, навсегда; исчезнут язычники с земли Его...» (*Пс. 9:37*). «Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся» (*Иер. 10:2*).

Если Адам и Ева, извергнутые из райской обители за грехопадение, раскаялись и жили по внушениям Божиим, то уже их сын Каин, убивший брата Авеля, жил по образу и подобию *поганных* язычников: «Житейские заботы до такой степени поглоща-

ли все силы Каинова поколения, что оно, очевидно, совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорной самонадеянностью, оно, видимо, жило в полном порабощении житейской суете и отличалось грубым безверием, с неизбежными его плодами – пороками и преступлениями»*.

Согрешая и каясь, ветхозаветные предтечи христиан по Божию внушению блюли нравственные устои, подобные русскому домострою, а язычники от вольных нравов низвергались дьяволом в сладострастное гноевище пороков, – вспомним порочные города Содом и Гоморру... Согласно Библии, в эпоху Авраама города Содом и Гоморра утопали в дикой роскоши и языческих похотях, и коль жители сих поселий «были злы и весьма грешны» (*Быт. 13:13*), то «пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба, и низпроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и (все) произрастания земли» (*Быт. 19:24–25*).

Даже Богом избранный еврейский народ, что по воле Божией должен был принести языческому миру спасение, вдруг забывал Господа и, сжигая жертвоприношения на языческих капищах, клонил выю, падал ниц то перед золотым тельцом, то перед истуканом Ваалом, то перед блудницей Стартой и впадал в такое неистовое идолопоклонничество и блудодеяние, что дивились закоренелые язычники и от гнева содрогались небеса. Потомки Моисея, камнями побивавшие ветхозаветных пророков (даже меж алтарём и жертвенником), утерявшие Божию избранность, на голгофском кресте распяли и Сына Божия, опять же пророками и предречённого.

Иисус Христос, а потом и святые апостолы, браня идолопоклонничество, проповедовали язычникам Слово Божие, чему яро противились распявшие Христа: «...В следующую субботу почти весь город собрался слушать Слово Божие. Но иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел. Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: «*Вам первым надлежало быть проповедану Слово Божие, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни*, то вот мы обращаемся к язычникам (*выделено мной*. – А. Б.). Ибо так заповедал нам Господь: «Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли». Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предоставлены к вечной жизни» (*Деян. 13:44–48*).

Ученики Христа и сонм святых апостолов крестили и облакали во Христа идолопоклонников раз-

* Лопухин А. «Толковая Библия. Ветхий Завет и Новый Завет» с иллюстрациями Гюстава Доре. URL: <http://www.books.google.ru/books.id>.

ных держав, и, по преданию, апостол Андрей Первозванный с христианской проповедью вошёл в языческую Русь. В преддверии русского церковного раскола иеромонах Арсений Суханов в прениях с греческими иерархами, среди коих оказался иерусалимский Патриарх Паисий, доказывая апостольскую истинность Русской православной церкви, говорил: «Напрасно вы хвалитесь, что и мы от вас приняли крещение. Мы приняли крещение от святого апостола Андрея, который из Византии приходил Чёрным морем до Днепра, а Днепром до Киева, а оттуда до Новгорода...».

Разумеется, долгим и сложным было обретение вчерашними многобожными идолопоклонниками веры во Единого Бога Отца Вседержителя; мучительно восходил русич из тьмы языческой ко Христову Слову, чтобы, вслушавшись, поверив, спасти душу от геенны огненной. Среди мирских учёных и богословов выработались две крайние точки зрения о язычниках Древней Руси, хотя истина, может быть, и посередине. Мирские мудрецы, постигающие восточнославянское и собственно русское язычество, сопоставляя его с христианством, либо давали, как им чудилось, верную картину развития народного мировоззрения, ибо устранялись от идеологических пристрастий – от веры во Христа, от языческого идолопоклонничества, но и от воинственного атеизма; либо, как в дореволюционной либерально-демократической и советской историографии и философии, с дерзким атеизмом осуждали религиозность народного мировоззрения, при сем смешивая веру во Христа с языческими суевериями и поощряя лишь материалистические, рациональные начала крестьянской жизни.

Два сих взгляда на русское язычество родственны, ибо в корне их безбожие, обретающие зловещие признаки богоборчества. А более духовные народоведы, тем паче богословы, соглашась с тем, что принятие христианства стало душеспасительным явлением для русских, расходились в мнениях о том, сколь душевно были приуготовлены язычники Древней Руси ко Святому Крещению.

Суровые богословы утверждали, что русы-язычники – скверноубийцы и любодои... В статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» ясно выражено отношение Русской православной церкви к славяно-русскому язычеству: «Среди православных или близких православия людей можно нынче встретить суждения о некоем особом славянском язычестве, будто бы менее причастном демонизму, чем языческие верования других народов (отсюда иногда делается положительная оценка действительно имевшего в народе место, но всегда осуждавшегося Церковью двоеверия), о изначально (понимай, в язычестве) доброй славянской (а ныне скажут и украинской)

душе, о патриархальном и гармоничном дохристианском мире Руси, естественно вросшем в мир христианский. Вспомним немного истории. Святой патриарх Константинопольский Фотий в своём знаменитом Окружном послании 867 года, посвящённом крещению болгар, писал: «И не только этот народ (болгары) променяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже <...> **пресловутые, в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собой**, так называемые руссы, которые <...> в настоящее время променяли языческое и нечестивое учение <...> на чистую и неподдельную веру» (выделено мною. – А. Б.). (В скобках заметим, что святой Фотий, вдохновитель миссии и близкий друг Кирилла и Мефодия, славянофобом, конечно же, не был.) Видятся весьма важными эти слова Святого Константинопольского Патриарха, сказанные на заре нашей истории. Не соединение ветхого и нового, «хорошего» язычества с ещё лучшим христианством, но отвержение прежней скверны, прежней безнравственности, прежней небытийности и облечение во Христа, неразрывно связанное с непрерывным аскетическим делением, осуществляемым под руководством Церкви, которое имеет целью возвысить и выковать душу каждого отдельного христианина, а через то и всего христианского народа. Только свет Христов, воссиявший на Русской земле, сделал возможным появление через поколение от язычника Святослава, во время одного из своих храбрых походов посадившего на кол после взятия города Филиппополя 20 тысяч (!) единокровных болгар, – святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба, предпочетших смерть по Закону Христову братоубийственному кровавому противостоянию»^{*}.

* * *

Жили с жадной Бога... Иисус Христос обличал язычество: «Иисус говорил им: «На путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите» (Мф. 10:5); но, случалось, Спаситель ставил язычников в пример благочестивым, единобожным иудеям. Вспомним самарянина, что спас иудея, коего ограбили лихие разбойники, избили до полусмерти и бросили на обочине дороги, а ранее проходили мимо иудейский священник и левит и не помогли соплеменнику (Лк. 10:33); вспомним об очищении Христом десяти прокажённых, когда лишь самарянин «пал ниц к ногам Его, благодаря Его», а девять иудеев даже не поклонились (Лк. 17:16); вспомним самарянку Фотину^{**}, что встретила со Христом у коло-

^{*} Козлов М. Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном // Литературный Иркутск. 1991.

^{**} Сия самарянка обрела мученический венец за Христа при Нероне, императоре Рима (66 год от Рождества Христова), и в православных святцах величается: «Мученица Фотина (Светлана) самаряныня».

дезя, уверовала, следом уверовали и прочие самаряне; вспомним дивную беседу Христа с язычницей-хананеянкой, что «кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется». Он же сказал в ответ: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева». А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: «Господи! Помоги мне». Он же сказал в ответ: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Она сказала: «Так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их». Тогда Иисус сказал ей в ответ: «О женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему». И исцелилась дочь её в тот час» (Мф. 15:22–28). Проповедуя любовь ко Вышнему и ближнему, Спас Вседержитель, случалось, упрекал иудеев, что и среди них не находил такой веры, какую встретил среди язычников, кои лишь облачались во Христа.

В предшествующей главе мною поведен один взгляд на языческую Русь, вернее, степень духовной готовности Руси ко Святому Крещению, облачению во Христа; и согласно сему взгляду, ветхие русы по жестоковости превосходили чужеземных язычников, и христианство им было враждебно. Но есть и другое историческое, богословское суждение о том, что древние русичи уже накануне княжения святого Владимира жили с жадью Бога...

Не случайно в древнерусской летописной «Повести временных лет», в главе «Слово о проявлении Крещения Руская земля святого апостола Андрея, како приходил в Русь», речено, что святой апостол Андрей Первозванный у Киевских гор пророчески предрёк богоносную судьбу Святой Руси: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах возсияет благодать Божия, имать град великий быти и церкви многи Бог въздвигнути имать...».

«По промыслению Божию он дошёл до реки Днепра в Российской стране и, пристав к Киевским горам, остановился на ночлег. Встав поутру от сна, он сказал бывшим при нём ученикам: «Верьте мне, что на этих горах воссияет благодать Божия; великий город будет здесь, Господь воздвигнет там много церквей и просветит святым крещением всю Российскую землю». Взойдя на горы, святой благословил их и водрузил крест, предвозвещая принятие народом, обитавшим здесь, веры от своей Апостольской кафедры, основанной в Византии. Пройдя и выше лежавшие российские города, где расположен ныне великий Новгород...» (*Подвиги и страдания святого Апостола Андрея Первозванного // Жития святых святителя Димитрия Ростовского*).

В сопровождении учеников, среди коих могли быть и русичи, святой апостол Андрей пошёл из Киева в Новгород, где дивился тому, что здешние горожане, моясь в банях, хлещут по телу «молодыми прутьями» дуба и берёзы, обливаясь квасом и студёною водой. Но в древнейших списках и вариантах

сего предания не упоминается о том, что Андрей Первозванный проповедал новгородцам Христово Слово; а посему профессор Московской духовной академии Евгений Голубинский усмехался, де, неужели святой проповедник явился в новгородских землях лишь для того, чтобы лицеизреть русские обычаи и дивиться ярым парильщикам.

Профессор Антон Карташёв, опираясь на предания новгородские, так толкует гостевание святого апостола в сем древнем русском граде: «У русского автора-южанина в рассказе о новгородских банях, очевидно, была и определённая, не особенно высокая цель. Так, прекрасно возвеличив свой родной Киев, он (по русскому обычаю трунить над всяким, кто не нашей деревни) решил выставить новгородцев пред апостолами в самом смешном виде. Новгородцы так это и поняли, потому что в ответ на киевскую редакцию повести они создали свою собственную, в которой, не отвергая прославления Киева и умалчивая совершенно о банях, уверяют, что апостол Андрей «во пределы великого сего Новаграда отходит вниз по Волхову, и тут жезл свой погрузи мало в землю, и оттоле место оно прозвася Грузино... Чудотворный жезл этот «из дерева незнаемого» хранился, по свидетельству жития святого Михаила Клопского, в его время (1537 год) в Андреевской церкви села Грузина».

Средневековые источники повествуют о хождении святого Андрея в Новгород, где апостол воздвиг крест около нынешнего села Грузино на берегу Волхова; затем пошёл к Ладожскому озеру и далее до острова Валаам, где установил каменный крест и истребил капища богов Велеса и Перуна, обратив в христианство языческих жрецов.

Покинув Русь, Андрей Первозванный прошёл через земли варягов в Рим для проповеди и вновь вернулся во Фракию, где в небольшом селении Византии, будущем могучем Константинополе, основал христианскую Церковь. Имя святого апостола Андрея связывает мать – Церковь Константинопольскую – с её дочерью – Русской церковью. Святой Андрей был распят на косом кресте язычниками города Патры. Косой Андреевский крест начертан на русских морских флагах...

О духовной готовности русичей ко святому крещению писал протоиерей Лев Лебедев в книге «Крещение Руси». В главе «Русское язычество» православный писатель ведаёт о том, как, согласно «Повести временных лет», при князе Владимире в 983 году была попытка принести в жертву идолу («богам») одного юного христианина из варягов, но ритуального жертвоприношения не случилось, а было трагическое событие, ставшее пределом жертвоприношения. По описанию историка Николая Карамзина, вышло так: «Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина и требовал

жертвы. Отец, держа сына за руку, с твёрдостью сказал: «Ежели идолаи ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ в исступлении ярости умертвил отца и сына, **которые были таким образом первыми и последними мучениками христианства в языческом Киеве** (выделено мной. – А. Б.). Церковь наша чтит их святыми под именем Феодора и Иоанна». В отличие от иных варваров, не успев войти в ритуальную жизнь славян-русов, человеческие жертвоприношения ушли в небытие.

«Вот своеобразный пик истории, грозное столкновение язычества с христианством на Руси! – писал протоиерей Лев Лебедев в славном сочинении о крещении русского народа. – Слово молния, прорезало оно и осветило небосклон русской духовной жизни, потрясло эту жизнь до каких-то последних глубин... В летописи за 983–988 годы отсутствуют какие-либо свидетельства о человеческих жертвоприношениях идолам. Весьма вероятно, что именно мученическая кончина варяга Феодора и сына его Иоанна положила конец таким жертвам. Нигде раньше 980 года наша летопись не говорит о человеческих жертвоприношениях. Нет никаких указаний на такие жертвы и в других исторических материалах. Можно думать, что человеческие жертвы идолам есть явление, чуждое Руси, привнесённое, находящееся в связи с пантеоном кумиров, поставленных Владимиром на холме за княжеским двором, и через три года прекратившееся.

<...> Ни Перуну, ни Волосу не приносили в жертву людей. Идолу Святовита у прибалтийских славян, как известно, жертвовали плоды земледелия, главным образом – испечённый в рост человека хлеб. В Древней Руси в жертву идолам приносили тоже плоды земледельческого труда, в основном печёные хлеба».

После Святого Крещения русские, равно и прочие восточнославянские народы, уже не ради жертвоприношения, а ради освящения приносили в храмы житные снопы (*первый сноп – Богу*), хлеб и плоды земледелия. Вспомним три августовских Спаса: медовый Спас – начало Успенского поста (*14 августа*), яблочный Спас – Преображение Господне (*19 августа*) и ореховый – когда столы пред алтарём ломятся от яств, что после божественной литургии батюшка освящает.

Если сравнить с первыми веками христианства, когда за проповедь Христа ради, за исповедование Христа, от рук иудеев и язычников (древнеримских, древнегреческих и прочих) гибли тысячи первохристиан, то в России христианство засеялось тихо, мирно и возшло, возросло, словно уже на духовно изготовленной в язычестве, плодородной почве.

* Лебедев Л. Крещение Руси. М.: Изд-во Московской патриархии, 1987. С. 45.

Христианские мученики, очевидно, и на Руси прославились, но единицы, и лишь в XX веке, когда в России воцарились богоборцы, мученические венцы обрели тысячи православных христиан.

«Ранее, – продолжает протоиерей Лев Лебедев, – когда мы говорили о нравственных началах Руси, мы выяснили, что обладавшие кротким и тихим нравом поляне явились духовным ядром Руси; они же стали и политическим ядром русской государственности. Их нравственность не могла не привлекать, и действительно, как мы потом подробно рассмотрим, давно привлекала к Руси особую Божию благодать: с IX века многие русские, среди них и князья, становились христианами; уже при Игоре в Киеве стояла Православная церковь во имя пророка Илии; уже приняла Святое Крещение равноапостольная княгиня Ольга, глубоко почитавшаяся всеми русскими людьми, в том числе и язычниками. Следовательно, не что иное, как промыслительная предуготовленность Руси к принятию христианства, выражавшаяся в нравственной чистоте и праведности её самого важного центра, и уже начавшееся распространение христианства возбудили особую зависть дьявола, стали ему, как «терние в сердце». «Жребий» зависти дракона падает на русскую землю точно так же, как пал он на Иоанна, сына варяга-христианина. Причём падает прежде всего на духовное «сердце» и государственную столицу Руси – Киев. Здесь пытаются совершить беспрецедентные для Руси приношения в жертву идолам. Результат, как видим, оказался обратным: Русь отшатнулась от таких жертв.

<...> Не «углубилась» Русь и в идолослужение до такой степени, чтобы иметь идольские храмы и касту жрецов, хотя по соседству со славянами, в Причерноморье, находились колонии Греции (впоследствии – Римской империи), где были и храмы, и жрецы.

<...> Отвергнув различные соблазны диаволопоклонства и тайнознаний, суливших особую власть над силами тварного бытия, Русь закономерно оставалась с одной жадой Бога, который выше всей твари взятой. По этой же причине Русь оказалась и особо предуготовленной к его восприятию».

Словом, по мнению протоиерея Льва Лебедева, языческая Русь «жила с одной жадой Бога», в чём и выразился второй, противоположный первому, милый русской душе взгляд на степень душевной готовности древних русов ко Святому Крещению и облачению во Христа.

Среди русских церковных писателей испокон православного века бывали Любомудры, в лад коим и толковал протоиерей Лев Лебедев о русах-язычниках. В далёком 1049 году митрополит Иларион в своём божественном творении «Слово о Законе и благодати» добрым словом поминает и языческую

Русь, ибо уже в сумраке древнерусской души мерцал свет любви к ближнему, и на добрую землю пало семя Христова Слова.

Поминая языческих князей Игоря и Святослава, митрополит Иларион восклицает:

*...Те в лета своего владычества
мужеством и храбростью прославились
в странах многих
и победами, и крепостью поминаются ныне
и прославляются.
Ибо не в худой и неведомой земле
владычествовали,
но в Русской,
что ведома и слышима
всеми четырьмя концами земли.
Сей славный – от славных родился,
благородный – от благородных
каган наш Владимир.*

В упомянутой выше статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» речено верно: воспевать язычество – смертный грех, сознательное, бессознательное служение бесам (*бесам жряху*). Но русской душе трудно согласиться с тем, что именно восточно-славянские и собственно русские язычники выделялись из других языческих народов особой свирепостью, жестокостью и человеконенавистничеством. Для примера, вроде типичного, приводится жестокая расправа князя Святослава после взятия города Филиппополя над двадцатью тысячами болгар. Не обеляя русского князя, можно лишь молвить: война есть война – дело богопротивное и человеконенавистническое, кроме войн оборонных и освободительных. Ведь и преподобный Сергей Радонежский, духовный светоч Земли Русской, благословил великого и святого князя Дмитрия Донского на битву с монголо-татарами: «Если требует чести, отдай, если ищет золота, отдай; но за веру православную и Христову церковь нам подобает и кровь свою пролити и живот свой положить...». А святитель Филарет так рассудил о войне: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь».

Говоря о жестоковейном князе Святославе, опять же, чему дивиться, коли ведать о древних войнах, когда победители не токмо двадцать тысяч, но сотни тысяч побежденных побивали камнями, распинали, вырезали, закапывали живьем. Сотнями тысяч истребляли детей и стариков, лишь юношей оставляли вживе, набив им рабские колодки, да юниц угоняли в блудодейные гаремы. Даже богоизбранный еврейский народ, обретая землю обетованную, побеждая соседние царства, вырезал язычников сотнями тысяч, не жалея женщин и де-

тей. И се творилось, согласно Ветхому Завету, с «благословения Иегова». Мало того, случалось, Господь «гневался и карал» богоизбранных, коли те истребляли не всех покоренных язычников, коли избранным сохраняли жизнь, угоня в рабство.

Похвально упомянутый митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати» воитель Святослав, что жестоко карал врагов, не повод для утверждения о том, что русы выделялись из прочих языческих племён более изощрённой жестокостью, «скверноубийством», ибо даже христианские царства после военных побед устраивали такие расправы над покорёнными, что меркли и злодеяния князя Святослава. Германцы, католики либо протестанты, что в прошлом веке покоряли Россию, восклицали: «С нами Бог!...», и, мол, мы дарим христианам избавление от большевиков-богоборцев. «Избавляя» русский народ от антихристовой большевистской власти, германцы сгубили не двадцать тысяч, подобно князю Святославу, а десятки миллионов, при сем пытали и казнили побеждённых с такой дьявольски изощрённой жестокостью, какая даже и в страшном сне не снилась князю Святославу и прочим русам-язычникам. Впрочем, гитлеровские германцы лишь ради обманного красного словца всеу трепали Имя Божие, а по духовной сути, подобно большевикам, были враждебны Христу и тяготели к языческому мистицизму, где славилась не любовь к Вышнему и ближнему, а культ внешней *арийской* силы и воинственной воли, перед которой должен пасть ниц *слабый и безвольный* христианский мир. Фридрих Ницше, ненавидящий христианство, размышлял: «Христиане тяготеют миром дольным (земным), мечтают о мире горнем (небесном). Так, может, помочь христианам вознестись на небеса, чтобы не путались в ногах у сильных мира сего».

Но вернёмся к русскому язычнику, что, по мнению избранных богословов, всё же был душевно приурочен к принятию Святого Крещения... Писатель Валентин Распутин по сему поводу в слове на празднике «Всех святых, в земле российской просиявших» сказал: «Представьте себе, насколько это было чудом в русской истории – обретение народом-язычником христианской религиозности. Русь, которая в 988 году крестилась, была союзом языческих племён, и племён жестоких. <...> Русскому народу необходимо было принять именно эту веру: народ имел к ней душевную предрасположенность; это было лицо, коего искали русичи, и христианство было нужно народу как воздух. <...> И сейчас, когда нам говорят, что Русь древняя была жестокая, варварская страна, то говорят заведомую неправду...».

Здесь в рассуждения писателя, видимо, невольно, от любви к русичу вкралось противоречие:

не может Русь, коли «*была союзом языческих племён, и племён жестоких*» (!), иметь в то же время «*к ней (вере христианской. – Прим. А. Б.) душевную предрасположенность*». Противоречие усиливается, когда писатель считает заведомой ложью слова о том, что «*Русь древняя была жестокой, варварской страной*».

Думаю, восточнославянское (русское) язычество было мягче, чем язычество иных племён, и подтверждением тому уже и то, что восточные славяне (русские) вышли из скифов-пахарей, что были миролюбивее скифов-кочевников и скотоводов, от коих пошли тюркские племена. Впрочем, думаю, не столь важно, жесточе или мягче было русское язычество, чем у прочих народов; правда лишь в том, что русскому человеку душно жилось в языческом гробу: душа болела и металась, искала душеспасительную истину, которую, наконец, и обрела в христианстве.

Не обделённые совестью, русичи в последний век перед Святым Крещением жили с жадной Истинного Бога, коль так быстро русичи своротили былых идолов, пустили Перуна по течению Днепра, коль христианство вскоре стало русским государственным вероисповеданием.

Со Святым Крещением русские поселяне, с детской чистотой и простотой веря в Иисуса Христа, в спасение души и обретение Царствия Небесного, старались жить *по-русски* – суть по-божески, но, яко чада малые, склонные к таинственной игре, любили природные обрядовые игры. Но в сих играх не грешили обоготворением природы, о чём ранее переживал святой Григорий Богослов: «...ов реку богыню нарицает и зверь, живущий в ней, яко бога, нарицая требу творит».

Даже сами недавние священные языческие понятия после Святого Крещения стали обретать в языке грубую окраску: *идол* – незаслуженно почитаемый; *болван* – туповатый, бесчувственный; *истукан* – стоит, словно каменный, когда надо действовать; *жрать* – есть грубо, по-свински. Хотя *идол*, *болван*, *истукан* – деревянные, каменные изваяния древнеславянских богов, а *жрать* – в языческом понимании, под водительством *жреца* (*жрать* – *жрец*, *жертвовать*, *жертва*) священнодействовать, на требище посреди языческого святилища (капища) потреблять жертвенную пищу или жертвовать её богам.

Говоря о мягкости русского язычества, историки ведают, что летописи не запечатали случаев, когда бы русичи казнили христиан по религиозным причинам, язычники же Древней Греции, античного Рима, Ближнего Востока и малоазиатских стран, как и нередко впадавшие в язычество иудеи, умучили сотни тысяч христиан, что и записано в «Житиях святых, на русском языке изложенных по руководству Четых миней свт. Димитрия Ростовского».

Русские, будучи православными христианами, должны ли понимать как бесовскую всю двухтысячелетнюю устную народную поэзию и прозу, по глубинной мудрости и природной красе далеко превосходящую письменную, если корни её в арийском, скифском, славянском язычестве?.. Должны ли русские отречься от своей народно-обрядовой этики, имеющей языческие истоки, но лишенной уже языческой (суть демонической) мистики?.. Если русские отвергнутся древнеславянского языкового, художественно-прикладного искусства, значит, отвергнут старинные сказки, старинные песни и былины, удалят с избяных наличников деревянную резьбу, спалят вышивки, ибо в произведениях древнего и вечного художественно-прикладного искусства таится древнерусская, языческая символика. Нет, православное христианство не проповедует отречение от народного искусства, хотя и оговариваясь: *сказка – ложь, но в ней намёк, добрым молодцам урок*.

Христиане, забывшие о былом противостоянии христианства и язычества, высоко чтут искусство Древней Греции и античного Рима, воплощённое в зодчестве, поэзии, живописи и скульптуре, хотя произведения сего искусства – культ телесной гармонии, а не красоты души, где поселилась божественная любовь ко Вышнему и ближнему. И, как уже поминалось, греческие, римские язычники в отличие от восточнославянских яро ненавидели христиан и по велению жрецов и правителей зверски умучили тысячи первохристиан, что отказывались приносить богомерзкие жертвы античным бесам: римским болванам – Юпитеру, Нептуну, Марсу, Аполлону, Венере, Вакху...; греческим истуканам – Зевсу, Посейдону, Афине, Артемиде, Афродите... и прочим бесам, скульптуры коих, грешным делом, и по сей день восхищают обывателей, вдохновляют искусников на сочинение стихов и картин.

Глядя на скульптуры античных идолов, что в похабной наготе красуются в Санкт-Петербурге, особо в Летнем саду, духовно трезвенный христианин невольно вспоминает, что по вине сих идолов обрели мученические венцы тысячи его братьев и сестёр во Христе. *Варвары* русы и вообразить не могли пытки, коим идолопоклонники Древней Греции и античного Рима предавали первохристиан, что не поклонились бесам, вырубленным из дерева и камня. Читая жития святых мучеников, ужасаешься, с какой дьявольской изобретательностью, дьявольской жестокостью пытали римляне христиан. Терзаемые львами и тиграми под ликующие вопли *классически образованных* римлян, великие страстотерпцы не отрекались от Христа Бога. Возможно, истребляя православных славян, черпая палаческий опыт античного мира, германские фашисты любовались языческими идолами Древней Греции и Древнего Рима, кои с дья-

вольской гениальностью воплотились в европейском изобразительном искусстве эпохи Возрождения (Ренессанс). Не миновала сия напасть и Россию... Возможно, языческие культы вдохновляли и обезбоженных мыслителей ещё в эпоху Просвещения, залитого кровью богоборческих революций...

* * *

Сказочный Иванушка-дурачок – предтеча святых юродивых... Бытует мнение, выраженное в христианской литературе, что язычников, кои по неким причинам не просветились Светом Христова Слова о спасении души, Господь судит по совести. Богу ведомо, верно ли удумано и молвлено, но хочется верить, благочестивые русичи Древней Руси прощены и спасены, ибо отличались совестью, милосердием, что запечатлелось в народных сказках, где верховодит Иван-дурак из крестьян, предтеча христианских юродивых. Но здесь оговоримся: дурак дураку рознь, сказочный Иванушка-дурачок склонен ко святой юродивости, но водились дураки и от дьявола, горады на дурацкие выходы, водились и глупцы, коих Иванушка наставлял на ум. Про болтливых глупцов крестьяне лишь вздыхали сочувственно: «Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов». «И красно, и цветно баит, да пустоцветом».

О глупцах потешно поведано забайкальскими сказителями в сказке «Как Ванюшка глупых искал»...

«Жили-были старик со старухой. Был у них сын Ванюшка. Жили они бедненько, и пришлось Ванюшке уйти в работники. Работал он хорошо, и хозяин дал ему лошадей, чтобы родителям дров навозить. Вот приехал Ваня домой, ночевал и отправился в лес дрова готовить. А старики рады, что вырастили кормильца. Растворила старуха блины да поставила тесто на краешек печки, сверху закрыла посуду крышкой, накиннула куфайкой, чтобы теплее было, и придавила поленом. А старик захотел отдохнуть и лёг на печь. Потянулся и столкнул горшок. Горшок улетел на пол и весь сломался.

Старуха увидела и давай причитать:

– Ой-ёй-ёй! А был бы Ванюшка женатый, да был бы у нас ребёночек – полено б с печки упало да придавило бы ребёночка-то!

Вот рыдат, качается!

И старик припарился, вместе с ней заплакал:

– Ой-ёшеньки, да горе-то како-о!

Тут народ собрался около их избы, утешают стариков. А те никак не утешаются, плачут. Едет Ванюшка из лесу, дрова везёт. Видит: около их дому народу много собралось, плачут, причитают на разные голоса. Он спрашивает:

– Чё случилось?

– Ой-ё-ёй! Мамка твоя блины растворила да горшок на печь поставила, чтобы тесто растрону-

лось. А горшок-то и упади! А коли был бы ты женатый, да был бы у тебя ребёночек, да этот горшок упал бы на него – придавил бы ведь ребёночка-то!

Узнал Ванюшка, в чём дело, и говорит:

– Поеду-ка я по белу свету, на людей погляжу. Если найду глупее вас, вернусь домой, а не найду, не вернусь!

Сгрузил дрова, коней покормил и поехал по белу свету.

Вот едет день, едет другой. Заехал в деревню. Видит – народ вокруг бани столпился. Кричат, спорят. Ванюшка подъехал, смотрит – мужики корову на баню тащут.

– Вы пошто, мужики, корову-то на баню тащите?

– А ево на бане скоко травыросло. Пусть корова всё съест, – ему отвечают.

Ваня рассердился – но это же каку дурну голову надо иметь, чтобы корову на бане пасти. Вот он рассердился, заскочил на крышу, всю траву навыврывал и сбросил вниз корове. Сам думат: «Но эти подурней наших будут...» <...>

А Ваня приехал домой, говорит родителям:

– Здравствуйте! Вот и вернулся я к вам, потому что белый свет велик, и много на нём и глупых, и умных!..»

Воистину древние русы были уготовлены ко Святому Крещению во Христа Спасителя, ибо Христос испокон века жил в русских душах, пусть и бессознательно, пусть и не облачено в словесный наряд, ибо в каком ином народе любимым сказочным персонажем, и даже национальным героем мог стать Иван-дурак. Не упомяну, кто в европейских, африканских, индийских и прочих сказках верховный герой, а вот, скажем, в цыганских сказках – Данко-вор, в бурятских – Хитрый Будамшу, в среднеазиатских – столь же хитрый Ходжа Насреддин, а у русских – Иван-дурак...

«Когда солнце орла пожрёт, камень на воду всплывёт, свинья на белку залает, тогда дурак поумнеет» – говорится в крестьянской поговорке, ибо сказочного Иванушку-дурачка азы, буки, веда страшили, яко медведи, и не читал дуралей Святого Писания, но... жил до Крещения и живёт после Крещения по Христовым заповедям.

Иванушка, чудной и чюдный, – русский национальный идеал, образ русского народа, являющего собой мировую совесть и бескорыстную, безмерную любовь ко Вышнему и ближнему; и все его деяния созвучны евангельским заповедям. Вот сему подтверждение.

Сказочный Иванушка равнодушен к богатству, словно с небес вдохнувшись в душу Христовы заповеди о сокровищах небесных и земных: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни

ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6:19–20). «...Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24).

Равнодушие к богатству, присущее сказочному Иванушке-дураку, – некогда было привычным свойством русского характера, что выразилась в уйме пословиц и поговорок. Вот лишь избранные:

Клён да берёза – чем не дрова, хлеб да вода – чем не еда.

Мужик богатый, что бык рогатый, – забодает.

В могилу глядит, а над копейкой дрожит.

Хоть мошна пуста, да душа чиста.

Голый разбоя не боится.

Наш двор крыт небом, а обнесён ветром.

Богачи едят калачи, да не спят ни в день, ни в ночи; бедняк чего ни хлебнёт, да заснёт.

Разум Иванушки не исчеркан демонскими письменами мира сего; разум его – чистый лист, куда Царь Небесный впишет глаголы вечной жизни, а посему о Иванушке начальная заповедь блаженства: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

И другая заповедь блаженства – «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:3, 5, 7) – опять же про сказочного Ивана. Возлюбив ближних больше себя самого, напрочь забывая о своих нуждах, крестьянский сын Иванушка готов всякого встречного-поперечного, даже обманщика и обидчика, напоить, накормить, обути, одеть, охотно и радостно скидывая с ног последнюю обувь, с плеч последнюю лапотину. И се рече Господь и про Ивана русского: «...тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим и накормили? Или жаждущим и напоили? Когда мы видели Тебя странником и приняли? Или нагим и одели? Когда мы видели Тебя больным или в темнице и пришли к Тебе?» И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:34–40).

Иванушка-дурачок живёт с горячим желанием всем помочь, всем услужить, словно втемяшилось в память свыше: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою...» (Мк. 9:35).

В русских сказках, где чудеса в изобилии, редко встретишь христианскую мистику, в сказках живёт

некая волшебная мистика, напоминающая сновидения, ибо русские сказки народились в языческой древности, передавались из уст в уста, и, очевидно, лишь после Святого Крещения Руси сказочный герой дурак обрёл имя *Иван*, – очевидно, от Иоанна Крестителя либо от Иоанна Богослова.

Обрётённое в Благой Вести имя *Иван* столь широко разошлось и укоренилось в русском народе, что стало *именем народа*; не случайно же иноземцы-иноверцы величали русским *иванами*, как и русские германцев – *фрицами*.

Сказочного Ивана, коих и в реальной жизни изрядно водилось, лишь потому прозвали дураком, что Господь одарил его мудростью горней (божественной), что безумие для мудрости дольней (земной). Святой апостол Павел, словно провидческим оком узрев блаженного Ивана, поучал в Первом послании к коринфянам: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3:18–19).

Иванушка по нищете духа, по отсутствию земной мудрости не похвалится об остатней рубаше, что отдал нагому, не трубит о сем в храмах и на вечевых площадях, что любили творить иудейские фарисеи и книжники.

Верно гласит крестьянская пословица: «*Умный сам по себе, а дураку Бог в помощь*»... Иванушка-дурачок в отличие от сказочных персонажей иных народов убогий (у Бога), предтеча блаженных, предтеча юродов во Христе, причисленных к лику святых, коим на Руси возводили храмы. Но лишь предтеча, ибо блаженные (*юродивые Христа ради*) в любовном служении Богу напрочь отрекались от страстного и суетного мира.

РАСПЯВШИЕ ХРИСТА

Христос, иудеи и христиане первых веков...

Видимо, от любви к своему народу, любви, слепящей глаза, как слепит яркое солнце, но думаю, что Древняя Русь всё же была душевно приурочена к принятию христианства. Российские народоведы-атеисты, благотворящие язычеству, нежели христианству, похоже, грешили перед правдой, когда толковали о том, что Русь крестилась копьём и мечом, что русский народ противился Святому Крещению и *яро отстаивал* болванов, деревянных и каменных. Какая уж ярость, коль так быстро улетучились из памяти былые идола?!

Доказательством того, что ветхий рус был предрасположен к принятию христианства, может

* Блаженные (юродивые) (блж., блаж.) (гр. *σῶλός* слав.: глупый, безумный) – представители сонма святых подвижников, избравших особый подвиг – юродство, подвиг изображения внешнего, т. е. видимого безумия, с целью достижения внутреннего смирения.

служить и само избрание веры равноапостольным князем Владимиром, который до крещения жил закоренелым язычником, плотски ублажая пять жён и тьму наложниц. А ведь Древняя Русь могла духовно облачиться и в мусульманство, а скорее всего, в иудаизм, по примеру несчастной Хазарии, но само Божие Провидение, кое душа русская чудом сумела услышать, даровало Руси Православие. В «Истории Государства Российского» Николая Каплицина по сему поводу записано: «Князь Владимир, выслушав Иудеев, <...> спросил, где их отечество. «В Иерусалиме, – ответствовали проповедники, – но Бог во гневе Своём расточил нас по землям чуждым». «И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других? – сказал Владимир. – Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества». <...> Нетрудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона Христианского. <...> Христианство, представляя в едином, невидимом Боге Создателя и Правителя Вселенной, нежного Отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых (здесь миром и покоем совести, а там, за тьмою временной смерти, блаженством вечной жизни), удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой».

Избрав спасительное цареградское Православие, русские, будучи титульной нацией в многонациональной Российской империи, терпимо относились к исламу, буддизму и даже шаманизму (блуждают во тьме) и настороженно, а порой и воинственно – к иудаизму, ибо, согласно Евангелию, кровь Спасителя мира и на потомках распявших Христа: «Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27:23, 25). Неприятие иудеями Христа Спасителя породило не только церковное, а и мирское, политическо-идеологическое противостояние двух народов, еврейского и русского; вот почему в очерке о русской этике изрядно страниц посвящено иудаизму.

Еврейский народ по сладострастию и впадал в языческое идолопоклонство, падал ниц перед золотым тельцом, похотливым Баалом и блудной Астартой, тем не менее среди землян лишь евреи за шестнадцать веков до Рождества Христова верили во единого Бога Иегову, и пророки еврейские проповедовали грядущего Мессию Иисуса Христа, провидя и подробно описывая путь Спасителя от Рождества до распятия на голгофском кресте. И хотя иудеи, случалось, побивали пророков камнем, убивали между храмом и жертвенником (Мф. 23:35), но и водилось среди евреев изрядно единобожных праведников, отчего и народ сей стал богоизбранным, и Господь именно евреев избрал для Своего вочеловечения. Не случайно же Иисус Христос назидает самарянку у колодезя: «Вы (язычники) не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от иудеев» (Ин. 4:22). А на

воплъ хананеянки о помощи Господь отвечал: «...я послан только к погибшим овцам дома Израилева... (Мф. 15:24). <...> Нехорошо взять хлеб у детей (у богоизбранных евреев. – Прим. А. Б.) и бросить псам (язычникам-беспоклонникам. – Прим. А. Б.)». (Мк. 7:27).

Иисус Христос сердечно любил Моисеево племя, избрав сей народ для Своего земного воплощения – «...пришёл к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11), а посему горькие слёзы туманили взор Спасителя, провидящего, что сей народ и предаст Его на крестные муки, и кара Господня падёт на иудеев, полуистреблённых язычниками, забитых в рабские колоды, рассеянных по миру; а от величайшего града Иерусалима не останется камня на камне. «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф. 23:37). «И когда приблизился к городу (Иерусалиму), то, смотря на него (Иисус Христос), заплакал о нём и сказал: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19:41–42). В столице мира, позднем языческом Риме, что дом, то содом, что двор, то гомор, что улица, то блудница, но и величайший город Иерусалим, о коем плакал Господь, одолевали языческие страсти, отчего попушением Божиим город обратился в руины.

Когда Иисус Христос, согласно провидению ветхозаветных пророков, на ослиах въезжал в Иерусалим, чтобы праздновать Пасху, иудеи восторженно вопили: «...Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне! Осанна в Вышних!» (Мф. 21:9). Вопящие опрометчиво узрели в Царе Небесном царя Иудейского, что освободит евреев от римского владычества и великие богатства мира низложит к их ногам. Моисеевы потомки вообразили, что, видимо, сбывается древнее пророчество об иудеях и о столице иудейской: «И придут народы к свету твоему, и цари – к восходящему над тобою сиянию. Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе. И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя, и падут к стопам ног твоих все презиравшие тебя, и назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева» (Библия, Исход. 60, 3–14, 21).

Но, похоже, вопящие Иисусу Христу «осанна» забывали, что речь в пророчестве шла лишь о духовном господстве иудеев над миром, и лишь при случае, если «...народ твой весь будет праведный».

Малое время истекло и вопящие «осанна» разочаровались во Иисусе из Назарета Галилейского, ибо, впадающие в языческие похоти, ждали царя земного, а дождались Царя Небесного, ибо ждали шалом – роскошное житьё на земле, а Иисус Христос сулил им лишь Царствие Небесное, да и то, коли покаются во грехах. И посему отныне и довеку Мессия, Спаситель мира стал для иудейского простолюдья *обманщиком*, а для фарисеев и книжников – *бунтовщиком и еретиком, основателем Назарейской ереси*. Чернь уподобилась Иуде из города Кариота, который «мечтал о власти, богатстве и наслаждении, а Божественный Учитель проповедовал о смирении, бедности и страданиях...» (Александр Лопухин). Иуда же, даже будучи Христовым апостолом, воровал деньги из скудной апостольской казны, кою ему доверили, а затем предал Христа в руки убийц, за что Господь покарал Иуду, подобно его соплеменникам, рассеянным по миру.

Протоиерей Александр Мень, будучи из евреев-выкрестов, в проповеднических сочинениях обличительно отзывался о религиозных воззрениях своих единокровцев: «В иудаизме нередко понятие Царствия Божиего связывали с внешним торжеством Израиля и фантастическим благоденствием на земле». Обогащение любым способом (деньги не пахнут), и посему их молитвы стали напоминать воровские заклинания: *«Господи, прости, в чужую клеть пусти; подсоби нагрести да и вынести»*.

Мысль выходца из иудеев протоиерея Александра Меня подтвердил и русский идеолог митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн: «Иудаизм есть утверждение исключительного права иудеев, гарантированного им самим фактом рождения, на господствующее положение не только в человеческом мире, но и во всей Вселенной» (Митрополит Иоанн. *Самодержавие духа*. СПб., 1995).

Иисус Христос поведаль апостолам притчу о еврейском народе: «Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнёс его оградой, выкопал в нём точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды. Виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего. И с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: «Постыдятся сына моего». Но виноградари, увидев сына, сказали друг другу: «Это наследник. Пойдем убьём его и завладеём наследством его». И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придёт хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: «Злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои» (Мф. 21:33–41).

В «Законе Божиим» протоиерея Серафима Слободского притча сия толкуется так: «**Хозяин дома** – это Бог. **Виноградник** – это народ еврейский, избранный Богом для сохранения истинной веры. **Ограда** виноградника – Закон Божий, данный через Моисея. **Точило**, куда стекал сок винограда, – жертвы (в Ветхом Завете, прообразовавшие крестную жертву Иисуса Христа); **башня** – храм иерусалимский. **Виноградари** – первосвященники, книжники, начальники еврейского народа. **Слуги Хозяина** – св. пророки. **Сын Хозяина** – Сын Божий Господь наш Иисус Христос. Стоявшие во главе еврейского народа первосвященники, книжники и начальники получили власть для того, чтобы приготовить народ к принятию Спасителя, а они употребляли эту власть только для своей выгоды. Бог посылал к ним пророков, но они гнали и убивали их. Так они оказались пророкоубийцами, а потом и убийцами апостолов. Спасителя же своего они отвергли и, выведя из своего города, распяли. И потому отнято было от них Царство Божие и отдано народу иному, Церкви Христовой, составившейся из язычников».

К слову помянуть речённое ранее, что в язычниках Христос узрел большую веру, нежели в сынах Давидовых, что выразилось в притче о милосердном самарянине, в беседе с самарянкой, в случае исцеления десяти прокажённых.

На распятие Спасителя мира завершилась иудейская богоизбранность, а возродится ли в грядущих веках, о том лишь Бог ведаёт... О какой богоизбранности можно было говорить, ежели в эпоху земного жития Христа иудеи избрали шалом и даже храмы Божии обратили в базары: «...и вошёл Иисус в храм Божий, и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: «Написано, дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21:12–13).

Разочарование в Иисусе из Назарета Галилейского породило в тогдашних иудеях ненависть к Сыну Божию, и чернь, вдохновлённая первосвященниками, книжниками и фарисеями, безумно вопила римскому прокуратору Понтию Пилату: «Да будет распят!.. Кровь Его на нас и на детях наших!..» (Мф. 27:23, 25). Иудеи, пославшие Христа на распятие, не пожалели и грядущих потомков, обгадив их кровью Царя Небесного...

Увы, пронёсшие Иегову сквозь долгие и тяжкие века, но распявшие Христа и поныне не сотворившие плод покаяния потомки величайших святых пророков Моисея и Давида уподобились засохшей бесплодной смоковнице, запечатлённой в Благой Вести. Увы, некогда богоизбранные, алча земных благ, пренебрегли Царствием Небесным, а посему святые апостолы, будучи из евреев, обратились к язычникам, ибо в христианстве нет различия меж

иудеем и эллином, а утверждается любовь и равенство всех перед Законом Божиим. Иудеи Павел и Варнава иудеям же «с дерзновением сказали: «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13:46).

Вскоре пути иудаизма и христианства враждебно разошлись, хотя, повторяю, и первохристиане были из иудеев... Святой Лука, апостол от 70, по преданию, написавший иконы Царицы Небесной и первоверховных апостолов Петра и Павла, «...написал также книгу «Деяния святых апостолов» в 62–63 годах в Риме. <...> В центре повествования – Апостольский собор (51 год по Рождестве Христовом) как основополагающее церковное событие, послужившее догматическим основанием для отмежевания христианства от иудейства и самостоятельного распространения его в мире (Деян. 15, 6–29)» (Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя).

Священномученик Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, в «Послании к филиладельфийцам» наставлял исповедников Христа: «...не допускайте иудейства. Но если кто будет проповедовать вам иудейство, не слушайте его. Ибо лучше от человека, имеющего обрезание, слышать христианство, нежели от необрезанного иудейство. Если же ни тот, ни другой не говорит об Иисусе Христе, то они, по мне, столпы и гробы мёртвых, на которых написаны только имена человеческие».

Не узрев Мессию во Христе, распяв Спасителя мира, иудеи ополчились и на учеников Христа, святых первоапостолов, выходцев из еврейского простолудья; и первым священномучеником стал архидиакон Стефан, коего иудеи побили камнями и святое тело его бросили без погребения на съедение зверям и птицам. А следом Моисеевы потомки одарили мученическим венцом и апостола Иакова Заведеева, старшего брата апостола Иоанна. В гонениях, избияниях христиан иудеи невольно побрались с нечестивыми язычниками, с которыми в добрые ветхозаветные времена брезговали даже молвить слово, дабы не оскверниться. И побивали иудеи, напому, своих единокровцев евреев, что, уверовав, окрестившись, проповедывали и Закон ветхозаветный, и Благодать Христову.

В «Русском месяцеслове», что составил автор сего очерка, на день памяти святого Кирилла Александрийского (22 / 9 июня по ст. ст.) записано: «Святитель Кирилл, архиепископ Александрийский

(444), выдающийся борец за Православие и великий учитель Церкви <...> Опасными для Церкви являлись иудеи, неоднократно производившие возмущения, сопровождавшиеся зверскими убийствами христиан. Святителю пришлось долго бороться с этим. <...> Скончался святитель Кирилл в 444 году, оставив много творений».

А святитель Модест, архиепископ Иерусалимский (память 31/18 декабря), был очевидцем того, как в 614 году от Рождества Христова иудеи вместе с войсками персидского царя Хозроя перебили 90 тысяч христиан и разрушили христианские храмы. Иерусалимский патриарх Захария и множество христиан вместе с Крестом Господним были взяты в плен. Святой Модест, будучи временно управляющим Иерусалимской церковью, с помощью Александрийского Патриарха Иоанна Милостивого восстановил разрушенные иудеями и персами христианские святыни, в том числе и храм Гроба Господня.

В помянутом «Русском месяцеслове» повествуется о святой мученице Матроне Солунской (память 9 апреля / 27 марта), которая «была рабыней иудейки Павтилы, жены солунского военачальника. Павтила принуждала свою рабыню Матрону, неколбимо верующую в Христа, к отступничеству и обращению в иудейство. И поскольку святая Матрона не отступалась от Христа, то Павтила жестоко её избивала. Однажды Павтила, узнав, что блаженная Матрона была в церкви, с гневом спросила: «Почему ты не пошла в нашу синагогу, а ходила в церковь христианскую?» Святая Матрона смело ответила: «Потому что в христианской церкви присутствует Бог, а от синагоги иудейской Он отступил». <...> После этого иудейка постоянно и жестоко избивала христианку, оставляла связанной в камерке без еды и питья по несколько дней, и наконец, так избивая святую толстыми палками, что мученица Матрона предала дух свой Богу. Впоследствии святые мощи мученицы Матроны, помещённые в церкви её имени, прославились чудотворением» (Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя).

Ветхозаветные евреи, истязая, истребляя новозаветных евреев-христиан, случалось, гибли скопом, плечом к плечу, когда в некоем царстве-государстве вспыхивали гонения на Моисеево племя; чаще по причине еврейского ростовщичества, повергающее коренное население в нищету и отчаяние. Разумеется, обогащались сим промыслом ветхозаветные евреи, ибо евреи-христиане свято чтят заповедь Иисуса Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф. 6:19). Но властные гонители не утруждались межеванием евреев на иудеев и христиан, и в лад иронического присловья: били не по вероисповеданию, а по лицу. Словом, евреи-христиане страдали и за тяжкие

* Святой Игнатий родился в Сирии в последние годы жизни Спасителя. Его жизнеописание повествует, что он был тем отроком, которого Господь взял на руки и сказал: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

грехи своих лукавых и алчных соплеменников, но если иудеи проклинали своих гонителей, то еврей-христиане в лад первомученику Стефану, коего единокровцы забили камнями, молились за гонителей: «Господи! Не вмени им греха сего» (Деян. 7:60), ибо не ведают, что творят».

В семидесятые годы от Рождества Христова, истомлённые столетним рабством, евреи взбунтовались против римского ига; и при императоре Нероне, при императоре Веспасиане римские легионеры утопили Иудею в крови: вырезали полтора миллиона евреев, не деля на иудеев и христиан, а прочих угнали в рабство. Веками ожидавшие Христа, предречённого великими пророками, потомки Моисея и Давида, одурманенные плотскими страстями, не разглядели Христа в Иисусе Назарее (пророке Иешуа), распяли Спасителя мира, за что Промыслом Божиим и были наполовину истреблены, наполовину поработены, а величайший град Иерусалим, о коем со слезами сокрушался Христос, был разрушен дотла вместе с огромным храмом; и в святая святых, куда редко заходили и священники, не говоря уж о поганных язычниках, красовались языческие знамена римских легионеров, что для благочестивых иудеев было страшнее смерти.

Такой языческий всплеск (словно вновь распяли Христа) случился и на Руси, когда русские, подобно ветхозаветным иудеям, подняли пядь на Бога, за что русские так же Божиим попущением вскоре захлебнулись в крови братоубийственной гражданской войны, потом Отечественной...

После осады и, по пророчествам Иисуса Христа, полного разрушения величавого Иерусалима, после второй иудейской войны, звезда древней Иудеи погасла. И вспыхнет, если потомки тех, что распяли Христа, принесут достойный плод покаяния.

* * *

Христианство против иудаизма... Иудеи не возросли духом от Ветхозаветного Закона к Новозаветной Благодати, что боговдохновенно запечатлел митрополит Иларион в бессмертном и великом сочинении «Слово о Законе и Благодати», созданном вскоре после Крещения Руси:

*Вынес и Моисей с Синайской горы
Закон, а не Благодать, тень, а не истину.
<...> Видев свободная Благодать, чада свои
христианские,
обижаемые иудеями, сынами рабского Закона,
возопила к Богу: «Отринь иудеев с Законом их,
рассей их по странам.
Что общего между тенью и истиной, иудейством
и христианством!»
<...> И изгнаны были иудеи, и рассеяны
по странам,*

*а чада благодетельные христиане
наследниками стали Богу и Отцу.
<...> Ибо среди иудеев – самоутверждение,
а у христиан – спасение.
<...> Ибо иудеи – о земном радели, христиане
же – о небесном.
<...> Христа славят, а иудеев клянут.
Народы приведены, а иудеи отринуты.*

Православные христиане празднуют Пасху Христову в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния. Правила Александрийской пасхалии более полно изложил канонист XIV века Солунский иеромонах Властарь: «Четыре ограничения положены для нашей Пасхи, которые необходимо соблюдать: два из них узаконяют апостольское Предание, а два получили из неписаного предания. Первое – мы должны праздновать Пасху после весеннего равноденствия. Второе – не праздновать с иудеями в один день. Третье – праздновать не просто после равноденствия, но после первого полнолуния, имеющего быть после равноденствия. И четвёртое – после полнолуния не иначе, как в первый день седмицы».

Правило семи святых апостолов сурово и откровенно упреждает духовенство: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, святой день Пасхи прежде весеннего равноденствия с иудеями праздновати будет: да будет извержен от священнаго чина».

153 **Христианам не праздновать с иудеями Пасху** – не значит лишь избегать совпадения дня, но прежде означает – *не праздновать по обычаю иудеев*, ибо те, вдохновлённые первосвященниками, книжниками и фарисеями, на ветхозаветную Пасху привели Спасителя к Пилату на судилище и оглашали Иерусалим свирепыми, кровожадными криками: «Да будет распят!... Кровь Его на нас и на детях наших!» (Мф. 27:23, 25).

Шестидесят второе, шестидесят пятое, семидесятое правила святых апостолов гласят: «Аще кто из клира, устращась человека иудея, <...> отречётся от имени Христова, да будет отвержен от Церкви <...> Аще кто из клира или мирянин в синагогу иудейскую или еретическую войдёт помолиться, да будет и от чина священнаго извержен и отлучён от общения церковнаго. Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или вообще из списка клира, постится с иудеями, или празднует с ними, или приемлет от них дары праздников их, как-то: опресноки или нечто подобное, да будет извержен. Аще же мирянин, да будет отлучён».

Противостояние иудаизма и русского православия выражалось и в православном богослужении, когда речь заходила об Антихристе. Есть церковное описание признаков Антихриста в Синаксарии недели Мясопустной, что читалась по уставу во всех

православных церквях в воскресенье перед Масленицей: «Придёт Антихрист и родится, яко глаголет святыи Ипполит Римский, от жены скверныи и девицы мнимыи от еврей же сущи от племени Данова, и ходит убо имать, по Христу проходя жителства (во всём внешнем подражая Христу. – *Прим. А. Б.*), и чудеса совершит, елико убо и Христос действова, и мертвыи воскресит. Обаче по мечтанию всё содеет (то есть нереально. – *Прим. А. Б.*). Обаче не сам диавол во плоти претворится, но человек, от блуда родився, всё сатанино действо приимет и внезапно восстанет. Таже благ и кроток всем явится. И угодит людем. И писание проедет. И понудится от человек и царь проповестся. И возлюбит множае еврейский род, и в Иерусалим достигнет, и храм их воздвигнет... По сих же внезапно, яко молния с небесе, Господне пришествие будет...»

Иудаизм в грядущих столетиях, уже не истязая, не истребляя проповедников Христа Спасителя, как было в эпоху первохристиан, потаённо, исподволь всё же боролся с христианством, в борьбе сей обратив католицизм, по словам святого Иоанна Златоуста, в «иудействующее христианство». На знамени иудеохристианства было начертано искусительное речение: «Ищите прежде всего что есть, пить, а Царствие Небесное приложится», и в сих словесах – суть антихристово учения о рае на земле.

Проникновение иудаизма в русское Православие выразилось в «ереси жидовствующих», что через полвека после Крещения Руси заразила духовной проказой художников Новгород, а потом и обезбоженных околоняжеских людей и смутное духовенство.

Русская летопись за 1471 год тревожно оповещает: «Отселе почала быти в Новгороде от жидовина Схария ересь...». А историк Николай Михайлович Карамзин поясняет: «(*Приехавший в 1470 году в Новгород из Киева еврей Схария*) сумел оболести там двух священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единственный Божественный; что история Спасителя выдумана; что Христос ещё не родился; что не должно поклоняться иконам и прочее. Завелась жидовская ересь. <...> Поп Алексей назвал себя Авраамом, жену свою Саррой и развратил вместе с Дионисием многих духовных и мирян <...> Но трудно понять, чтобы Схария мог столь легко размножить число своих учеников новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении христианства и в прославлении жидовства <...> вероятно, что Схария оболещал Россиян иудейскою Каббалою, наукой пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых учёных людей <...> искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалились <...> что они знают все тайны природы, могут

изъяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать Духами...»

В нынешнем веке Татьяна Грачёва, автор знаменитых и мужественных книг «Невидимая Хазария», «Святая Русь против Хазарии», писала: «Ересь жидовствующих появилась на Руси ещё до царствования Ивана IV, в 1471 году, в Новгороде, куда прибыл на княжение киевско-литовский князь Михаил Олелькович. В его свите находился имевший хазарские корни Схария, который, по словам преподобного Иосифа Волоцкого, «был орудием дьявола», «был он обучен всякому злодейскому изобретению: чародейству и чернокнижию, звездочетству и астрологии». Вслед за Схарией приехали в Новгород и его единомышленники (Моисей Хануш, Иосиф Шмойло и пр.). Вот эти люди и посеяли в Новгороде еретическое учение, которое и в летописях, и в исторической литературе получило название «ереси жидовствующих».

Новгород был выбран ими неслучайно. Этот город имел тесные торговые и политические связи с Западом, здесь процветал культ торговли, а самое главное – Новгород на протяжении веков был антогонистом великокняжеской власти вообще и московского самодержавия в частности. <...> Еретики пытались насадить в Русской церкви иудаизм. <...> Жидовствующие отрицали Святую Троицу, Христа как Сына Божиего, хулили Святого Духа. Они отвергали Божество Спасителя и Его воплощение, отрицали Второе славное Пришествие Христово и Его Страшный суд. Еретики отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, отрицали церковные установления: таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание. Особенно ненавидели они монашество.

<...> Цель ереси жидовствующих была подмена Закона Божиего на закон человеческого: если человек выше Бога – тварь выше Творца. <...> В то время ересь жидовствующих на Руси была в общем подавлена, но, учитывая её тайный характер, до конца это сделать не удалось. Скрытые приверженцы ереси проникли в высшие эшелоны власти. <...> Разбежавшиеся по России еретики не покаялись и не исправились, а, проникнув в массы монашества и священства, положили начало новому витку заговора, который как раз и набрал силу во время царствования Иоанна Грозного (царь и нанёс по ереси сокрушительный удар, прибыв в торговый Новгород. – *Прим. А. Б.*) <...> Как и все тайные общества, ересь жидовствующих оказалась на редкость живуча (и, к слову сказать, дожила до наших дней)...»

В яростной борьбе русского народа с «ересью жидовствующих» прославились царь Иван Грозный и святитель Геннадий, архиепископ Новгородский, что, по словам преподобного Иосифа Волоцкого,

другого борца с помянутой ересью: «...быв пущен на злодейственные еретики, устремился на них, яко лев, из чащи Божественных Писаний и красных гор пророческих и апостольских учений». *Коль бы на хмель не мороз, он бы и тын перерос* – трудами святых исповедников борьба увенчалась победой Православия над ересью жидовствующих.

ХРИСТИАНСКОЕ В КРЕСТЬЯНСКОМ

Крест Господень и крестьяне... Повторю изначальное речённое: для русского народа, до начала минувшего века сплошь земледельческого, национальная история – история крестьянской жизни, история развития народных душ от испуганного и по-детски восторженного одухотворения природы и природных стихий, от языческого идолопоклонничества к душеспасительной вере в Единого Бога, Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого, в Единого Бога Иисуса Христа, Сына Божиего, рождённого от Отца прежде всех век.

В Святом Благовествовании речено: «...выходя, они (иудеи и римские воины, что вели Христа на распятие. – Прим. А. Б.) встретили одного Киринаянина (слышим: крестьянина. – Прим. А. Б.), по имени Симона; сего заставили нести Крест Его» (Мф. 27:32). Православные сельские жители, возглашая: «Мы, **крестьяне**, слышали, чуяли душой в сем слове **Крест**, ибо русские крестьяне в отличие от иных мирских сословий, художьих и чужебных, со Святого Крещения и до воцарения богоборцев смиренно несли Крест Господень во Имя Христа Бога».

С крещёными веками христианское в мировоззрении сельских жителей причудливо сплелось с крестьянским: крестьяне не токмо учеников Христа, до апостольского служения рыбаков, пастухов, виноградарей, хлеборобов, но и Сына Божия причислили к своему крестьянскому сословию. Для сего сельские мудрецы изыскивали в описаниях земного обетования Иисуса Христа изрядно крестьянского: воплотился в крестьянско-ремесленной среде, до тридцати лет плотничал и, надо думать, попутно занимался земледелием, что было неизбежно в патриархальном царстве-государстве, и даже был по-крестьянски бережлив: «...И когда насытились, то (Христос) сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало...» (Ин. 6:12).

В очерке «Слово о русском слове» я писал о стилевом родстве языка Сына Божия с крестьянской речью и теперь напомним: «Русские крестьяне, мистически исходя «от креста» и «Христа», выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. <...> Удивительно, что Сын Божий говорит не *научо-*

образно в отличие от книжников и фарисеев, но беседует с народом на языке крестьян и рыбаков, щедро расцвечивая речь пословицами и поговорками: «Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо» (Мф. 3:10); или: «Его же лопата в руце Его, и отеребит гумно своё, и соберёт пшеницу свою в житницу, плевелы же сожжёт огнём неугасающим» (Мф. 3:12); или вспомним и притчу о сеятеле зерна – Слова Божия: «Се изыде сеятель да сеет. И сеюшу, одна падоша при пути, и приидоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же взсиявша, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и възде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...» (Мф. 2:8).

По воле Божией сей горний, благолепный речевой лад обрели апостолы, выходцы из крестьян, а потом – святые отцы, келейные старцы, древнерусские летописцы, православные писатели, особо средневековые, изредка мирские, что сподобились дара Божия.

Образный, пословично-поговорочный, прибаутный язык былого русского крестьянства, воплощённый в былинах, песнях, сказках, православно-житийной мифологии и даже в обыденной речи, был товал не ради самоценности языка, не ради пустомельного краснобайства, но из русского любомудрия да ради зримого выражения народной жизни. Ведь и Сын Божий, и святые отцы поучали притчевым, по-крестьянски пословичным, природно-образным языком лишь ради благолепного и украсного воплощения в речевой стихии Слова Божия».

* * *

О крестьянской набожности... «Кто не понимает Православия, тот никогда не поймёт народа нашего», – утверждал Фёдор Достоевский, гениально отобразивший русскую душу с её горними взлётами и дольными падениями в бездну, когда поводыри – лукавцы либо слепцы. Сии заморские и доморощенные поводыри, лукавые либо слепые, столетиями расшатывали духовные крепи русского народа. И случались лихолетья, когда народный домострой подвергался сокрушительным ударам. Так было в правление чужебного царя Петра Алексеевича, в коем домостройное простолюдые узрело предтечу антихриста, как и в грядущем богоборце Ильиче. И, видимо, неслучайно жрецы богоборческой революции, порушив святые обители, храмы и памятники царям, сберегли петербургский памятник Петру I, словно древнему большевику.

Отечественные и чужеземные, потаённые и откровенные противники русской народности два

века навязывали суждение о безбожности российского простолудья, а уж тем паче *просвещённого* дворянства и разночинства. Неистовый Виссарион Белинский, гневно и маетно осиливший книгу Николая Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в ярости обозвал сочинителя: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов...». А потом с горечью воскликнул: «По-вашему, русский народ – самый религиозный в мире? Ложь! <...> А русский человек произносит Имя Божие, почёсывая себе задницу. Он говорит об образе: годится – молиться, не годится – горшки покрывать».

В ответ на письмо Белинского, написанное с «гневом, помрачившим ум, дышащим желчью и ненавистью», Николай Гоголь с жалостью писал: «Что мне сказать Вам на резкое замечание, будто русский человек не склонен к религии и что, говоря о Боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины, замечание, которое Вы с такой самоуверенностью произносите, как будто век обращались с русским мужиком? Что тут (говорить), когда так красноречиво (говорят) тысячи церквей и монастырей, покрывающих (русскую землю). Они строятся (не дарами) богатых, но бедны(ми) лептами неимущих. <...> Виссарион Григорьевич, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятиях лёгкими журнальными (статьками и романами) тех французских романистов, которые так пристрастны (что не хотят видеть), как из Евангелия исходит истина...».

Православный философ Иван Ильин, боговдохновенно толкуя о былом христолюбии русского народа, утверждал, что до революции из российских сословий лишь крестьянство хотя и грешило (един Бог без греха), но сроду не впадало в безбожие, а тем паче в богоборчество. И сему, рассуждал Иван Александрович, пособляло уже и само земледелие, которое было «ненадежно, зависимо от природы, что заставляло крестьян искать опору перво-наперво в Боге». Сему (нет худа без добра) благоприятствовало и отсутствие книжной грамотности, как у моей мамы, кою я помянул в очерке «Счастье»:

«Мама моя, Софья Лазаревна, не ведала грамоты и, послунявив чернильный карандаш, расписывалась кургузым крестиком. Крестьянка-христианка, смиренно несущая крест, посему и оберегла в душе незамутнённую книжной грамотностью сердечную мудрость и жалость к ближнему. Мама исподволь страшилась книжной грамотности, боялась, что книги – кроме божественных и русских сказочных – задурят мою голову, смутят мой дух, ангельски ясный в раннем детстве, исчеркают небесный лист моей души греховными и порочными, демонскими письменами. И словно в воду глядела... Мама верила, что в досельную пору жили про-

сто да лет по ста, а ныне – пятьдесят и на собачью стать. Мама, старорусская крестьянка, обладала вселенским знанием от Бога, природы и народа. И так пословично, поговорочно тысячелетнее знание выражала, что её любомудрию и красноречию позавидовал бы дворянский поэт Александр Пушкин. Подобно маме, страх перед западным книжным просвещением для православного люда чуяли русские святители, святые чудотворцы, святые старцы, насельники скитов и пустынек, юроды Христа ради и, наконец, славянофилы девятнадцатого века. И подивился я спустя годы: неужели моя мама, крестьянка, подписываясь кургузым крестом, словно Бог одарил её фамилией Крест, оказалась не глупей славянофилов, перелопативших горы книг?!».

Вслед за либеральными сочинителями и безбожные исследователи русского народного быта утверждали, что крестьяне, живущие на окраинах России, особо в Сибири, скудоверны и равнодушны к церковным обрядам. Сей лукавой басне следует ответить пословицей: «Шей, вдова, широки рукава: было б куда класть небылые слова»...

Да, скажем, часть сибирских крестьян жила в деревнях, вдали от сёл, где имелись церкви, и во время сева и уборки хлебов трудилась от зари и до зари, а посему лишь в середине лета да по зиме и могла добраться до храма, чтобы исповедаться и причаститься. Но всё одно, боголюбивая крестьянская душа денно и нощно жила со Христом; да и мужики, бабы всё же выбирались в сёла на Пасху Господню, на великие праздники, и упаси Бог работать в сии божественные дни.

Народные сибирские календари, составленные Алексеем Макаренко и Георгием Виноградовым, свидетельствуют о том, что крестьяне, скажем, Иркутской губернии праздничную, бытовую, хозяйственную жизнь выстраивали по церковному календарю и любое дело начинали с поклонного обращения к Богу: «Благослови, Господи...» А перед пахотой, севом и жатвой сибирские мужики парились, мылись в бане, надевали чистое бельё, с женой не грешили, спали в сеновалах и амбарах; а поздним вечером непременно «творили Иисусову молитву, зажигали Богу воскову свечу» (Макаренко А. *Сибирский народный календарь*).

А уж пахотные крестьяне юго-западной Руси и пуще молились Иисусу Христу, забывая о своей воле, уповая лишь на Бога: «Наши поселяне с первой майской росой выходят на посевы. Тогда они говорят: *подымай сетево* – лукошко с семенами. В старину они прохаживали в церковь, служили молебны св. пророку Иеремии и потом выходили в посев. Вступая в поле, засеивальщики молятся на все четыре стороны, кроме северной, бросают на каждую сторону по горсти жита, с низкими поклонами, и потом уже засевают» (Снегирев И. *Русские*

простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. 1837. 264 с.).

Коль изрядно сибирских крестьян жили вдали от храмов, то священники к *божественным* дням самолично добирались до глухотных деревень, а на престольные праздники, бывало, и владыки являлись в сибирские села, где их с ликованием и умилением встречали набожные старики и старухи, мужики и бабы, окружённые ребятишками.

Алексей Макаренко так описал подобную встречу: «Село Кежемское. Подъезжаем к пристани, и чудное зрелище, которого нельзя вспомнить без особого умиления. От самого берега до церкви на протяжении пятидесяти или более сажен всё пространство наполнено народом, который, несмотря на полунощное время, бодрственно ожидал владыку; и что особенно умирительно: все, и женщины, и старые, и юные, и матери с грудными на руках младенцами – ожидали владыку с возжёнными свечами. И лишь только владыка вышел на берег, то вся эта масса народа пала на колени, и все спешили принять от него благословение, так как православный народ русский в простоте веры своей смотрит на архипастырей как на истинных на земле наместников Христовых».

* * *

Природа – Творение Божие... «Христианизация древнерусских обрядов и обычаев, связанных с поклонением природе, а прежде матери сырой земле, очевидно, способствовала изначально и сама Благая Весть, где православные крестьяне, кроме Христовых заповедей, познали и то, что *во-человечившийся Сын Божий, любя ближних, любил и окружающую Его природу, любил и ценил крестьянский труд, о чём свидетельствует даже сам язык Спасителя, – образы в притчах Христа взяты из природы, земледелия и рыболовства, народных погодных примет.*

В исконной основе русского месяцеслова – поклонное крестьянское знание мироздания от травинки-былинки, где пасётся божья коровка, до небесных светил и небесных стихий. Без малого двести лет назад знаменитый русский писатель-народовед Иван Снегирёв, составивший один из первых крестьянских календарей в пословицах и поговорках, писал: «Чем ближе живёт человек к природе, тем живее ощущает её отношение к себе и самого себя к ней, тем яснее усматривает и предчувствует явления природы, где всякому роду животных своё назначение, своё место, по пословице: «Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку – отчина – вселенный круг». Земля для питомца природы – мать и кормилица, небо – его зеркало, в коем усматривает он меру и течение времени – его календарь, компас, циферблат; небесные светила – его путево-

тели на суше и на воде, ибо по звёздам, как гласит русская пословица, «корабли ходят».

В славяно-языческих древнерусских воззрениях природа наделялась самосвятостью, и древние русичи молились и матери сырой земле, и водам, и скалам, и деревьям, с чем боролось православное духовенство. «Религиозное, молитвенное отношение к силам природы зафиксировано многими древнерусскими источниками, – писал академик Борис Рыбаков. – Церковники порицали в своих поучениях обожествление природы, объясняя это или незнанием истинной веры, или же кознями дьявола, который «овы прельстите в тварь веровати, и в солнце же, и огонь, и во источники же, и в древа, и во ины различны вещи...»^{*}

Справедливо обличали православные христиане языческих темноверцев, кои, не ведая Святого Писания либо искушаемые князем мира сего, наделяли *самосвятостью* природу – творение Божие. «Не нарекутся богом стихии, ни солнце, ни огонь, ни истоницы, ни древа...» – поучал русичей в XII веке святитель Кирилл, епископ Туровский. Церковные порицания обрядов, связанных с мистическим поклонением природе воистину праведны, но да простит Господь Бог русского крестьянина, что, будучи православным, живя среди природы и кормясь от природы, издревле обывк одухотворять вселенские стихии и поклоняться житным полям, пастбищам, сенокосным угодьям, студёным ключам, древним деревьям.

Начало крестьянского осознания вселенской природы яко творения Божия и мифологическое выражение сей идеи – «Стих о Голубиной книге», где Вселенная – образ Бога:

*Солнце красное от лица Божнего,
Млад светел месяц от грудей Божиих,
Звёзды частые от риз Божниц,
Зори белые от очей Господних,
Ночи тёмные от опашня Всевышнего,
Громы от Его глаголов,
Ветры буйные от Его дыхания,
Дровен дождик и росы от Его слёз...*

Осознание Вселенной как творения Божиего выразилось и в крестьянском миропонимании через уйму мудрых пословиц и поговорок:

Земля – подножье Божье, а небеса – Его престол.

*Месяц – серебро, а красно солнышко – золото.
Луна – око Божие.*

Пятна на луне кажут, как Каин Авеля убил (как брат брата вилами заколол; как Бог первых людей

^{*} Рыбаков Б. Язычество Древней Руси. М., 1987.

кормил готовым хлебом; как два кузнеца звезды для неба куют).

Небо – терем Божий; звёзды – окна, из которых смотрят ангелы (из которых ангелы вылетают).

Звёзды – лампы, зажигаемые ночью ангелами пред Престолом Господним.

Звёзды – души: блестящие – праведных, тусклые – грешных.

Ветер – Божье дыхание; Божьих дней больше, чем просяных зёрен в мешке.

И само солнце, когда-то у славян-язычников верховное божество, теперь великое творение Божие, по народным приметам, по-христиански радуется, играет (переливается, меняется) на Святое Христово Воскресение (Пасху), Рождество Христово и Крещение Господне, на Рождество Иоанна Крестителя.

Облачённой в обряд, пословицу и песню, поклонной и покаянной, сыновьей любовью любили крестьяне землю, мать-кормилицу:

Добра мать для своих детей, а земля – для всех людей.

С родной земли – умри не сходи.

Кого мать сыра земля полюбит, тот голоден не будет.

Чёрная земля золотую рожь родит.

Без хозяина земля – круглая сирота.

Глупому в поле не давать воли.

Мужик, умирать собирайся, а земельку паши.

С огнём, с водой, с ветром не дружись, а земли держись.

Не та земля дорога, где медведь живёт, а та, где курица скребёт.

Кто пашенку орёт, тот всегда песенки поёт, а кто торгует, тот всегда горюет.

Обережно утаённая в душе, крестьянская любовь к природе выражалась особо в древних поэтически украсных обрядах поклонения матери сырой земле, рожавшей хлеб насущный, нравственно оздоравливающей крестьянина – ничто так не укрощает плоть, как труд на земле.

И в поклонении том земля древними русичами воспринималась самосвятой, о чём, опять же, отрывок из помянутого очерка «Мать сыра земля»:

«Обожествленной матушке сырой земле посвящены большинство славяно-русских языческих обрядов, если не сказать, что чуть ли не всякий трудовой и праздничный обряд так или иначе, славя солнце и небесные воды, касался и земли, поскольку мать сыра земля, обласканная солнечным теплом, в громовых и молниеносных страстях, покрытая дождями и росами небесного отца, рожала хлебушек, рожала жито – живот, жизнь. Были века в

славяно-русском язычестве, когда мать сыра земля – Макошь (макушка лета), «покровительница» урожая и судьбы, почиталась как верховное божество, рядом с которой, судя по старинным русским вышивкам, сохранившим языческие сюжеты, по леву и праву руку восседали верхом на лошадях рожаницы Лада, «богиня» вешнего пробуждения земли и первой зелени, и дочь её Леля, с сохами, притороченными к сёдлам».

Протоиерей Лев Лебедев в своей книге «Крещение Руси» писал: «Почитание русскими язычниками матери-земли – отнюдь не наивность. Заблуждение язычников в том, что, не ведая Бога – Создателя человека и земли, они поклоняются творению, не Творцу».

Православная церковь боролась с обожествлением земли, равно и всей вселенской природы, о чём толкуется в грядущей главе «Отзвуки былого язычества»; и с облачением во Христа крестьяне стали осознавать землю без её самосвятости, а как Творение Божие:

Земля – подножье Божье, а небеса – Его престол.

Земля – Божья ладонь – кормит.

Но русские, даже будучи православными христианами, не смогли напрочь извергнуть из народной этики и эстетики избранные обычаи, обряды далёких предков, православно осмыслив, уподобив их народным сказкам, что рождались в эпоху славянского язычества. Сказка – условность, игра, где заложен нравственный урок, не противоречащий евангельским заповедям. Из крестьянского месящеслова видно, что воцерковлённые русичи древнеславянские, древнерусские природные обряды очистили от природообожествления, плотской распущенности, освятив обряды христианской любовью ко Всевышнему и ближнему, к природе – божественному созданию.

Вот и древние языческие заклинания матери-земли на урожай, освободившись от природообожествления, обратились в стихийные, доморощенные молитвы, когда крестьяне за подмогой обращались уже к Святой Троице, Царю Небесному и Царице Небесной, ангелам и святым отцам, а не к ветхим покровителям природы, чародейным силам вроде бел-горюч камня. Вот образ старинного крестьянско-христианского заговора на урожай:

«О Пресвятая Богородица, Царица Небесная, Владычица Мария, укрой Своею ризою красною, рукою честною, крестом животворящим раба Божия (имя) от всякого зла и напасти во веки веков. Аминь. От клеветника и клеветницы, от еретика и еретицы, от чародея и чародейницы, от волшебника и волшебницы во веки веков. Аминь. Архистратич Михаил, Гавриил и Иоанн-воин победят беса, и супостата, и врага во веки веков. Аминь. Солнцем

ограждён, месяцем подпоясан раб Божий (имя), и не убоюсь врага, и супостата, и ворога моего во веки веков. Аминь».

Хотя вряд ли молитвенные заговоры обладали божественной силой, ибо, скажем, подобной силой не обладают живописные произведения по библейским мотивам в сравнении с церковно освящёнными, намоленными, святыми иконами.

Без Бога ни до порога... Облечённые во Христа, богомольные русские крестьяне растили детей, пахали, сеяли, жали, рубили избы и храмы с упованием на Бога, что воплотилось и в крестьянских приговорах:

Господь повелел от земли кормиться.

Не по образцам зима и лето бывают, а по воле Божией.

*От Бога – дождь, от дьявола – ложь.
Севец не уродит, коли Бог не зародит.
Без молитвы запашка – одна промашка.
Богу молись, крепче за соху держись.
Ори да Бога моли: паши, ни о чём не тужи.
У грешника-злодея и соха пашет кривее.
Кому Бог помогает, у того и волк скотины не та-скает.*

Посеет грешник хлеба, а уродится камень.

Ласточка, святая птица, поёт молитву: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!»

Первый сноп – Богу, первый ток – полю.

Лошадь человеку Бог дал вместо крыльев.

Без креста и молитвы не будет у рыбака ловитвы.

Птицы небесные не сеют, не жнут (не орут), а сыты живут.

*А. Байборodin (на фото – в центре) в гостях у «Кольчугинской осени»,
г. Ленинск-Кузнецкий, 2017 г.*

Людмила ОЛЕЩЕНКО,
Омский музей Кондратия Белова

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОНДРАТИЯ БЕЛОВА, НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА РОССИИ

Уже при жизни Кондратий Петрович Белов удостоился неформального звания «Патриарх сибирской живописи». Так его называли художники, чьё творчество было близко по своим художественным принципам его методу. Но и те, кто разрабатывал новые направления в искусстве, отличные от того, что делал Кондрат Петрович, признавали за ним способность к масштабному мышлению, умение выразить свои чувства через постижение природы, описание исторических событий, которым он был свидетель и участник.

Жизненные обстоятельства всё время препятствовали его желанию стать художником, но жизнь нам даёт, а судьбу человек выбирает сам. И Белов сделал свой выбор, хотя порой кажется, что этот выбор был предопределён свыше.

Ровесник века, он родился 23 марта 1900 года в деревне Верхняя Уса Пермской губернии в семье безземельного крестьянина Петра Николаевича Белова и его жены Агафьи Карповны. В 1905 году семья Беловых переехала в Сибирь, в село Пача Томской губернии. Это село стало для него родным – ведь там прошли его детство и юность. Там он в семь лет начал рисовать, за что Кондратия регулярно наказывал отец, считавший рисование пустым времяпрепровождением. Однако сельчанам нравились его картинки, и они часто просили мальчика нарисовать что-нибудь.

Способности юного художника были замечены волостным писарем Пазилковым, отбывавшим в этих местах ссылку. Он добился разрешения принять Белова в рисовальные классы Томского общества поощрения художников. Но отец был против: «Если бы я был богатым, всё равно не пустил бы... Научили писать, читать – для нашего брата и ладно»*. Кондрата отдали прислужником к местному священнику, который обратил внимание на прорезавшийся баритон своего помощника и предложил отцу готовить сына в иподиаконы. Однако отец решил его женить. Нашлась и невеста – племянница местной купчихи.

Но Кондрат, которому исполнилось 17 лет, сбежал от женитьбы в Томск. Впечатления от Томска он описал в воспоминаниях. Кроме своей и некоторых окрестных деревень, он нигде не был. В Томске увидел новый для него мир. «Было страшно и в то же время радостно. Множество магазинов на Почтамтской, гостиница Ветрова с окнами в три человеческих роста из толстого зеркального стекла. А за окнами-то какие чудеса! Я смотрел и всё не мог насмотреться... На площади митинг, люди кричат, ругаются на трибуне, ругаются в толпе. Одни кричат: «Долой войну!», другие ещё громче: «До победного конца!». Всё перемешалось»**.

Шёл 1917 год. Стоит только удивляться, как сельский парень, оказавшись в водовороте событий, не испугался неизвестности, которая вошла в его жизнь с революцией и Гражданской войной, последующими событиями, ставшими для многих труднейшими испытаниями. Кондрат завербовался на строительство Мурманской железной дороги, где зарабатывал себе на хлеб тем, что делал надписи на паровозах, цистернах, вагонах, получая 12 рублей в день, – больше, чем получали работники за самую трудоёмкую работу. Но в октябре 1917 года работа на дороге остановилась, в городе началась неразбериха: из Петрограда бежали в Мурманский порт англичане, французы, американцы. Надо было возвращаться домой.

В мае 1919 года юноша попадает под последнюю колчаковскую мобилизацию. События меняются стремительно: Омск, 43-й строевой полк, муштра и казарменный режим. Он участвует в походе против алтайских партизан, закончившемся полным крахом. Волею случая оказывается в Красной армии. Затем – Иркутск, снова казармы, но уже 48-го Сибирского стрелкового полка 5-й армии. Здесь начинается биография Белова как художника. В этом ему опять помог случай.

Рисунок химическим карандашом обнажённой женщины на стене казармы неожиданно приводит юношу вместо ожидаемой губы в художественную студию полка, которой руководил Георгий Мануйлов, бывший когда-то волостным писарем в Паче. Он взял Белова к себе на трёхмесячные курсы, после которых тот был откомандирован в годичную художественную студию при политуправлении 5-й армии (ПУАРМе). Это была удача, поскольку студия просуществовала только год и сделала единственный выпуск.

Учиться было нелегко. Шёл 1921 год. В Иркутске неспокойно. Банды держали город в постоянном

* Белов К. О моей жизни. Омск, 2005. С. 16.

** Там же. С. 25.

напряжении. Винтовки и кисти рядом. Но, главное, было у кого учиться. Педагогами являлись известные иркутские художники К. И. Померанцев и С. Н. Соколов, график С. Д. Бигос, читинский скульптор Иннокентий Жуков, болгарин Мунзо.

Первая живописная работа Белова «Широкая Масленица» вызвала разноречивые мнения, тем не менее в следующем, 1922 году она появилась в экспозиции весенней выставки иркутских художников. Так состоялся дебют художника.

Следующий этап – обучение в Омском художественно-промышленном техникуме им. М. А. Врубеля, куда он поступил в 1924 году.

Худпром сыграл огромную роль в формировании сибирского искусства и дал путёвку в жизнь многим талантливым людям, в том числе Кондратию Белову.

Годы учёбы были едва ли не самыми трудными в биографии Белова. В техникум его приняли условно, без стипендии, поскольку здесь для поступления требовалось семь классов школы, а он имел только церковноприходскую школу. Со специальными предметами у него было всё в порядке, но математика, физика, химия давались с трудом. Стипендий в Худпроме не давали. Подрабатывает истопником в бывшем Кадетском корпусе: быть на работе в шесть утра, напилить, наколоть дрова, растопить восемнадцать печей. Работа требует много времени и приносит мало денег.

Зная бедственное положение Белова, преподаватели каждый месяц через секретаря передавали ему 15 рублей. Повезло ещё, что в тот год в здании кадетского корпуса стояла партшкола ПУАРМА-5, в которой он работает художником в последний год пребывания в Иркутске. Белову были знакомы многие преподаватели, служащие хозчасти, повар, который нередко его подкармливал.

Начиная учиться на Худпроме, Белов мечтал о живописи. Но ему пришлось поступить на полиграфическое отделение, которое при тогдашней безработице давало больше возможностей найти работу по профессии.

Последний год обучения в Худпроме завершился защитой диплома. Плакат Белова «Нефть» прошёл по первой категории. Художник выполнил его на камне в четыре краски.

В 1929 году, через год после окончания Худпрома, он устраивается литографом на геокартографическую фабрику при военно-топографическом отделе Сибирского военного округа, что заметно поправляет его материальное положение.

В этом же году он становится членом Омского филиала художественной группировки АХР (Ассо-

циация художников революции). Филиал, организованный москвичом Н. Г. Котовым, к этому времени занял ведущее положение в художественной жизни города. Под воздействием Декларации ассоциации все художники-ахровцы пытались дать народу понятное, идеологически активное искусство.

На выставке филиала в 1929 году, посвящённой десятилетию освобождения Сибири от колчаковщины и интервенции, Белов представил работу «Последний парад Колчака». Она не сохранилась, но по фотографии можно судить о том, что художник в соответствии с собственными воспоминаниями (он был свидетелем этого парада) строго придерживается документальности. Это было только начало. Впереди – длительный поиск своего творческого пути.

1930-е годы были неблагоприятными для художественной жизни Омска. Много талантливых художников покинуло город, художественно-промышленный техникум был закрыт. Выставочная деятельность почти прекратилась.

В 1930-е годы в жизни Кондратия Петровича происходят важные изменения. В 1932 году его приняли в члены только что образовавшегося Союза художников СССР. Но в этом же году он заболел туберкулёзом лёгких, и врачи запретили ему работать в литографской мастерской. Он переходит работать художником в Дом Красной армии. Там он оформляет спектакли, играет в них. Кондратий Петрович всерьёз увлекается театром. Окончательный выбор между живописью и театром оказался достаточно сложным. В 1934 году, когда освободилось место режиссёра в клубе им. Ворошилова мелькомбината, он переходит туда, где совмещает профессии актёра, художника и режиссёра.

В этом же году он едет в командировку в качестве парторга в распоряжение Красноярской МТС на север Омского района контролировать ход уборки урожая и привозит оттуда 140 графических портретов ударников труда. Эти портреты были выставлены в драмтеатре, составили первую персональную выставку художника.

Однако жизнь преподносила Белову и неприятные сюрпризы. В 1937 году по чьему-то доносу он был исключён из рядов ВКП(б) как активный белогвардеец. Под предлогом сокращения штатов его уволили из клуба, сняли с воинского учёта за невозможностью использовать в РККА. В 1937 году многие омские художники были репрессированы. Кондратию Петровичу на этот раз повезло. Новый председатель товарищества «Омхудожник», орга-

низатор Омского отделения Союза художников пейзажист Дмитрий Степанович Суслов принял Белова в товарищество, дал ему крупный заказ к 20-летию Октября на громадный барельеф (3 на 5 м) для краеведческого музея. Из глины и папье-маше нужно было изобразить пять фигур идущих рабочих с отбойными молотками. Заказ был срочный, времени мало, а главное, было холодно, просушить глину не удалось. Снова раздалось обвинение во вредительстве. Суслов опять поручился за Белова и посоветовал ему написать живописное панно на фанере под старую бронзу с тем же содержанием и такого же размера. До появления приёмной комиссии оставались только двое суток. Но он успел. И хотя впервые писал маслом, работа удалась и была принята без единого замечания.

Для 2-й областной выставки 1938 года художник пишет большую работу «Освобождение политзаключённых из Омской тюрьмы». Картина имела успех, была выставлена на Всесоюзной выставке 1939 года в Москве, её репродукция была опубликована в журнале «Творчество».

Но в жизни художника опять начинается чёрная полоса. В 1937 году ему снова напоминают о белогвардейском прошлом – исключают из Союза художников с формулировкой: «Творческая пассивность». Это было несправедливо, так как, несмотря на ослабленное здоровье, он постоянно работает, принимает участие в областных, зональных, республиканских выставках, общественной жизни.

В годы Великой Отечественной войны Белов не только пишет картины, но и выступает с беседами об изобразительном искусстве в школах, госпиталях. В это время он обращается к патриотической тематике в картинах: «Возвращение партизан в родное село» (1942); «Пленные немцы» (1944); «Хлеб фронту» (1944); «Расстрел Лизы Чайкиной» (1945). И справедливость торжествует: в 1944 году его восстанавливают в ВКП(б). В 1945-м Белов награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1946 году ему возвращают звание члена Союза художников России.

В послевоенный период многие работы художника посвящены теме революции, Гражданской войны в Сибири. Выполнены они в основном гуашью, реже маслом. Темы, которые он выбирает, чаще всего малоизвестны, как малоизвестна и история Сибири. На его картинах запечатлены В. Ленин, Ф. Дзержинский, Сухэ-Батор, Чойбалсан, командармы М. Тухачевский, И. Уборевич, красноармейцы 5-й армии, крупные деятели партизанско-

го движения в Сибири: Кира Баев, Артём Избышев, Нестор Каландаришвили, Иван Строд, лидеры белого движения: А. Колчак, братья Пепеляевы, барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг, генералы В. Болдырев, Р. Гайда, Е. Римский-Корсаков.

Белов в одном из интервью говорил: «Память – такая штука, только зацепишь ниточку – и она поведёт тебя. И то, чему я оказался свидетелем, о чём слышал, прочитал, узнал, повернулось иной гранью – потребностью рассказать людям об исторических событиях Гражданской войны, о её героях, о том, как революция расколола мир, определила его полюса. Нам нельзя не помнить истории нашей <...> Если ты равнодушен к прошлому, значит, равнодушен к настоящему и будущему»^{*}.

К концу 1940-х годов омские художники активно включаются в художественную жизнь России. О работах омичей публикует статьи центральная пресса, они отмечаются на республиканских и всесоюзных выставках. В 1949 году Комитет по делам искусства присудил дипломы за лучшие произведения К. П. Белову, В. Р. Волкову, А. Н. Либерову, П. С. Мухину, К. Н. Щекотову. В 1949 году К. П. Белов (совместно с К. Н. Щекотовым, Е. П. Соловьёвым, Н. Ф. Кликушиным, А. М. Дубровским) принимал участие в оформлении вводного зала павильона «Сибирь» в Москве.

162

Пейзаж «Лесосплав на Иртыше» (1948) Белова был включён в состав передвижной выставки советского искусства, прошедшей во всех странах народной демократии, а также в Индии и Финляндии в 1950 году. Пейзаж был выдвинут на Сталинскую премию, что, несомненно, свидетельствовало о его художественных достоинствах. Премию художник не получил из-за характеристики, в которой снова напомнили об его колчаковском прошлом.

Но именно с этого пейзажа начинается важный этап в творчестве художника. Живописец открыл для себя жанр, давший возможность проявить те грани своего дарования, которые в полной мере отразили его мироощущение, мировосприятие. В этой работе определились его качества как художника-пейзажиста эпического склада. Высокая точка зрения становится традиционной. Благодаря ей открываются бесконечные просторы, необозримость которых подчёркивает весь композиционный строй картины. Появляется мотив, который будет звучать в большинстве картин, написанных позже: небо и река с отражёнными в ней облаками, ветер, приводящий всё в движение. Этот мотив явился результатом осмысления природы Сибири, стремления выразить

^{*} Кондратий Белов: альбом-монография. Омск, 1996. С. 27.

её суть. Для Белова природа – одушевлённый мир, частью которого является человек, принимающий её такой, какой она существует изначально.

Это мировосприятие и композиционные принципы будут присущи многим его работам: «Половодье на Иртыше» (1949), «Над Иртышскими просторами» (1972), «Устье Тобола» (1977), «Ангара» (1977), «Памятник Ермаку» (1982), «Село моей юности» (1987).

Вместе с тем Кондратию Петровичу не чуждо лирическое и романтически-драматическое восприятие природы, проявившееся в работах: «Бывшая Еловка» (1968), «Зима» (1979), «Салехард» (1962), «Древние солеварни» (1963), «Родные поля» (1960) и других.

Творчество Белова многогранно: как график с тонким чувством юмора он проявил себя в дружеских

шаржах. О глубоком понимании текста, литературного жанра свидетельствуют иллюстрации к сказке П. П. Ершова «Конёк-горбунок», произведению А. М. Горького «Дело Артамоновых», стихам Т. М. Белозёрова «На нашей реке».

Его Тобольский альбом демонстрирует умение в наброске передать первое впечатление от увиденного, зафиксировать то, что остановило взгляд, показалось важным.

Признание Кондратия Белова как самобытного, талантливого художника состоялось давно. В 1964 году он стал заслуженным деятелем искусств, в 1976-м – народным художником России. Но слава пришла к нему раньше. Он был действительно народным художником, чьё творчество продолжает жить и формировать в сердцах людей любовь к родному краю, истории, искусству.

Омский музей Кондратия Белова

«ВО МГЛЕ МЕРЦАЮЩИЕ СТРОЧКИ...»

К 60-летию Н. Зиновьева

Поэты, как правило, приходят не оттуда, откуда их ждут. Если ждут вообще... Так, видимо, устроено восприятие и постижение мира, что зачастую люди судят о настоящем по предшествующим образцам. А потому так часто и не различают своих поэтов. Или же принимают за поэзию то, что ею не является. Ведь, как правило, от поэта ждут подтверждения своих представлений, порой основанных на случайных влияниях. А он являет нам неведомое, ибо он – «единственная новость, которая всегда нова» (Б. Пастернак). Подняться к нему труднее, чем снизвергнуть его с его духовной бытийной высоты в быт и повседневность, подстроить его под себя, что и делается обыкновенно. Но дело поэта, назначение его состоит вовсе не в том, чтобы удивить, а то и ошарашить человека, выбить его из привычного хода жизни и повергнуть в растерянность. Но – явить извечную красоту этого мира, ибо он – сын гармонии. Явить духовную природу человека, во все времена неизменную. Явить то, на какую духовную высоту может подняться человек, а не то, как он может пасть, до какой низости может дойти. Представить наше краткое земное бытие в общем течении жизни, его неповторимым и необходимым звеном.

Поэзия непереложима на язык обыденной логики, иначе в ней отпала бы всякая необходимость. Она ничем не доказуема, кроме неё самой. И именно в таком виде даёт нам то, что не могут дать другие сферы сознания. Но это вовсе не значит, что мы не должны предпринимать попыток её понять и объяснить, несмотря на то, что «кому само дело не говорит за себя, тому уже не помогут толкования» (В. Белинский). В какой-то мере мы приближаемся к пониманию истинного поэта, рассматривая тип его сознания, то, какие ценности этого мира он исповедует. Но не в первую очередь через блеск или нищету его собственно версификаторства. Это общее положение, относящееся не только к поэзии и справедливое во все времена: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как и что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать» (Мф. 10:19).

Пожалуй, всегда, во все времена поэты жаловались на отсутствие поэзии, на вытеснение её из жизни, на покушение на неё: «Исчезнули при свете просвещения поэзии ребяческие сны» (Е. Боратынский); «Теперь тебе не до стихов, о слово русское родное» (Ф. Тютчев); «К поэзии чутьё утратил гордый век» (Я. Полонский); «Теперь она, как в дымке, островками» (Н. Рубцов). Но было бы наивностью понимать это в прямом смысле слова, так как жалующиеся как раз и являли высочайшие образцы поэзии, вершинные проявления человеческого и народного духа.

Эти же нескончаемые жалобы – скорее приметы и признаки того, как поэзия борется за своё существование, за своё право быть среди людей, оставаться в их душах. Это характеризует не поэта, а людей, слышащих поэта или отказывающихся его понимать и изгоняющих его из общества. Но дело поэта не устаревает и остаётся неизменным во все времена.

Представляя современного поэта, приходится начинать издалека, предварять это длинным вступлением, так как без этого многое останется непонятным как в поэте, так и в нашей жизни. Впрочем, это вовсе и не ново. Так В. Белинский представлял, к примеру, М. Лермонтова. Мы же, говоря об одном из самых талантливых ныне в России поэте Николае Зиновьеве из города Кореновска Краснодарского края, вынуждены это делать и потому, что переживаем в нашей духовно-мировоззренческой и культурной жизни беспрецедентное, ранее не встречаемое положение. Вот уже четверть века как у нас в России произошло неслыханное и, казалось, невозможное. Русская литература настойчиво и целенаправленно вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования. Причём вся – как классическая, так и современная. Разгром русской литературной традиции, во многих мере, состоялся.

Конечно, это делается в большинстве своём, надеясь, не из злого умысла, а из доброго вроде бы намерения и стремления быстрее продвигать нашего по пути прогресса и цивилизации. Несмотря на все печальные результаты такого «продвижения». Конечно, это следствие не только нашего российского, но общемирового попущения – утраты смыслов, нарушения иерархии ценностей, перепутанности добра и зла. Но от этого не легче. Конечно, это стало возможным как результат преобладания сознания, которое можно определить как революционное, при господстве которого нещадно искореняется всякая традиция, как якобы мешающая «прогрессу». И всё же недопущение литературы в общество является в основном рукотворным, так как носит информационно-коммуникативный характер. И это доказывается тем, с какой быстротой произошла «ликвидация» русской литературы. Рейдерский захват какого-нибудь предприятия невозможно осуществить с такой быстротой, с какой у нас в России была «упразднена» русская литература...

Всё это характеризует не поэтов и не литературу, а переустроителей жизни на «новых», а по сути, старых как мир началах. Разумеется, такое тотальное неолиберальное наступление на русскую культуру, а литературу в особенности, является проявлением общей экспансии, имеющей уже далеко не литературные и не культурные цели. Ведь у нас в России была одна безусловная величина мирового масштаба – это великая русская литература, через которую мы были слышны в мире. С пресечением литературной традиции мы утрачиваем и своё мировое значение, так как подвергаемся духовной и культурной деградации.

Результаты такой экспансии хорошо известны, не раз подтверждались нашей трагической историей. О них, к примеру, писал А. Блок в «Записке о театре» в начале миновавшего революционного века, сто лет назад: «Государству ничего не стоит при каком угодно режиме закрыть двери театров и университетов». А мы добавим: не только государству, но и иным, вполне определённым силам, имеющим влияние и на государство: «Но если это случится, то горе государству в будущем. Щупальцы его отсохнут, ослабеют; ответом на всю его мрачную деятельность в прошлом будет неслыханная и дикая анархия, которая затмит собой все ужасы его прошлых войн; это будет слепой бунт людей, долго пребывавших во мраке; справедливое возмездие тем, кто полагает, что человек может быть доволен единым хлебом». Но и в таких условиях русская литература ещё продолжает жить. Ведь литература может закончиться лишь тогда, когда окончательно погаснет дух человеческий и народный. И в таких условиях она продолжает жить по каким-то неведомым законам, обществу, по сути, неизвестная. И, конечно, не там, где преобладает «успех», а вместо литературного процесса всё ещё буйствует премиально-фуршетный дурман... Как она продолжает жить в условиях устроенной ей информационной блокады? Выявление этого и должно стать нашей первой задачей.

Но было бы наивностью и непростительным упрощением сводить эту «блокаду» литературы к открытому запретительству. Есть вещи поковарней и пострашнее чуткой цензуры. Да и потом, бес дважды в одном и том же обличии не приходит... Бывает «болезнь», неведомая земным врачам, поражающая человека и всё общество, о которой писал Ф. М. Достоевский в «Преступлении и наказании», когда люди начинают «сумасшествовать»: «Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём одном и заключается истина, и мучился, глядя на других...». Это «болезнь», периодически возвращающаяся. Это о ней, как о «повальном сумасшествии», писал в «Окаянных днях» И. Бунин. Мы не знаем её природы, но мы знаем её причину – насилие над человеком, над его духовной сущностью, и видим её безобразные симптомы. И последствия, точно выраженные А. Блоком: «Когда осилила тревога, // И он в тоске обезумел, // Он разучился славить Бога // И песни грешные запел». Она поражает всех без исключения и в первую очередь тех, кто эти «блокады» устраивает, считая их «спасением». Далеко не все в этой болезни уцелевают, но лишь те, кто находит в себе силу духа ей сопротивляться.

На этом фоне, в этом литературном (да и не только литературном) безвременье удивительна творческая судьба поэта Николая Зиновьева. Родился он в 1960 году на Кубани, в станице Кореновской Краснодарского края. Ныне – город Кореновск. Там и живёт. Учился в профтехучилище и университете. Первая книжка стихотворений «Я иду по земле» вышла в 1988 году в Краснодарском книжном издательстве.

Сегодня он автор многих книг и литературных премий. Вроде бы всё как и у многих его собратьев по перу. Вся его творческая жизнь пришлось на всё ещё продолжающееся время подавления литературы в обществе, когда имена писателей если и удерживались в информационном пространстве, то не иначе как потускневшие ампулы предшествующего времени. Войти в общественное сознание новому имени, новому таланту, продолжающего русскую литературную традицию, стало практически невозможно. Для этого были перекрыты все пути и прежде всего информационные. Нет, «литературная жизнь» продолжалась. Проходили шумные презентации и помпезные выставки, вручались бесконечные премии, не имеющие абсолютно никакого общественного значения. И чем более всё это было крикливой, тем – дальше от подлинной литературы...

Вместе с тем издательское дело в стране всё более и более подчиняется «рынку», к культуре, а к литературе в особенности, вообще неприложимому, так как там, где все определяет прибыль, не существует поэзия. Сокращаются книжные магазины, перепрофилируются библиотеки. Это чёрное дело под демагогию об «инновациях» продолжается уже столь долго, что повредило некие важные струны человеческого существа: в массовом порядке люди освобождаются от такого уникального достижения культуры, как личные библиотеки. Причём освобождаются не только от «рыночной» пошлости и непотребства, но и от великой русской классики... Но с поэзией Николая Зиновьева произошло, казалось бы, невероятное – она всё более и более проникала в общество, причём в самые разные его слои. И это притом что сам он по характеру и складу души не отличается общественной активностью. И всё-таки произошло то, что можно назвать феноменом Николая Зиновьева. И это – при его принципиальной установке на литературную традицию, на приверженность русской литературной классике. Ведь во времена предшествующие образованная часть общества была приучена к тому, что новое поэтическое имя появлялось не иначе как через натужное оригинальничанье, экзальтацию, бунт, скандал. Но такая «эстрадная» поэзия «шестидесятничества», как теперь уже ясно, не удержалась ни на площадях, ни в душах людей. Это было предопределено предшествующим периодом, когда «гражданственность» поэзии понималась не иначе, как революционность. Со времён революционных демократов, со странной альтернативой «поэт» и «гражданин», хотя за десять лет до Некрасовского «Поэта и гражданина», в 1846 году, Ф. Глинка писал:

*И порицают лиры сына
За то, что будто гражданина
Условий не снесёт поэт...*

Литература зачастую толковалась или с точки зрения «передовых» революционных идей или го-

сподствующей идеологии. До такой степени, что история русской литературы оказалась подменённой историей революционного движения, «освободительного движения» в собственной стране... Революционное сознание оказалось преобладающим во всех слоях общества. Традиционное же, по сути, изгнано напрочь.

Несмотря на всё это, с поэзией Николая Зиновьева произошло, казалось бы, невозможное. В самое нелитературное время его стихи нашли и находят отклик в широких слоях читателей, в том числе и вовсе далёких от литературы. Так произошло, видимо, потому, что он напоминает в своих стихах о чём-то для нашей человеческой и общественной жизни очень важном, традиционном, что некогда всё-таки удерживалось в обществе, но оказалось утраченным. А почти единодушный отклик читателей на его поэзию свидетельствует о том, что, несмотря на все гримасы нашего революционного неолиберального времени, в людях всё-таки сохранилась человеческая основа, что они давно уже ждали возвращения в нашу жизнь сокровенного смысла слова, духовных, литературных, человеческих понятий и представлений. Выбор пал на него, Николая Зиновьева.

Его стихи отличаются удивительным свойством – они злободневны и вместе с тем далеко не декларативны, от чего их спасает глубина и необычность мысли. Но главное состоит в том, что поэтический мир Николая Зиновьева отличается удивительной цельностью. Это – редкое явление в наше время утраты смыслов и нарушение иерархии ценностей. Такую цельность ему придаёт глубокая вера автора. Так может писать лишь истинно православный человек. Видимо, это в его стихах и привлекает внимание читателей, измученных смысловой какофонией и мировоззренческим плюрализмом. Но вместе с тем менее всего хочется, указывая на него, сказать: «Вот истинно православный поэт, его эталон». Не хочется потому, что в наше время возвращение к своей исконной вере было понято слишком уж упрощённо. После долгого атеистического периода истории иначе, видимо, и не могло быть. Но факт остаётся фактом. Догматизм и начётничество оказались преобладающими. Ведь «духовная поэзия» остаётся всё-таки тематической. Она усваивает догмат, оставаясь в большей мере приверженной догмату, а не своей образной природе. А большинство литераторов посчитали, что в нашей литературе наступила «тема православия», как и всякая другая тема – производственная, сельская, военная... Совсем иначе обстоит всё в мире Николая Зиновьева, который постигает не только социальную, но прежде всего духовную сущность человека и нашей жизни. А потому в его стихах есть то, что так разнится с общепринятым и казалось спасительным:

*Ужасная эпоха!
За храмом строим храм.
Твердим, что верим в Бога,
Но Он не верит нам.*

Каким-то неведомым чутьём он распознал, что наше нынешнее возвращение к вере не может быть таким простым, как это многим представлялось. Как не может быть возрождения Церкви при упадке творческой, производственной и в целом народной жизни:

*Вот сменила эпоха эпоху.
Что печальнее в этом всего?
Раньше тайно мы верили в Бога,
Нынче тайно не верим в Него.*

Это вовсе не значит, что поэт не знает радости обретения веры. Он просто не знает трагедии её утраты. А потому пишет так, словно исполняет некое послушание, поручение свыше. И исполняет его последовательно и достойно, ибо «такое мнение бытует. Поэт лишь пишет. Бог диктует». Вера в его мире не является лишь «темой», но – человеческой сущностью. Это сказало в полной мере уже в ранних его стихах, и как бы без всякого ученичества:

*Меня учили: «Люди – братья,
И ты им верь всегда, везде».
Я вскинул руки для объятья –
И оказался на кресте.*

*Но с этих пор об этом чуде
Стараюсь всё-таки забыть.
Ведь, как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.*

166

В этом стихотворении уже была задана та духовная высота, от которой мы начали отвыкать. Между тем это извечное стремление истинно верующего человека – распознать и пойти тем крестным путём, который ему предназначен. Неизменное стремление, постигаемое русской поэзией. Скажем, в стихах А. Блока.

*Когда в листве, сырой и ржавой,
Рябины заалеет гроздь,
Когда палач рукой костлявой
Вобьёт в ладонь последний гвоздь,*

*Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте...*

Да, разумеется, поэзия постигает и выражает жизнь: «Поэзия есть выражение жизни или сама жизнь» (В. Белинский). Так скажет позитивист и материалист и не задастся вопросом: зачем нужна жизнь вымышленная, если есть жизнь настоящая? Потому что он остаётся на уровне *социальном*, не поднимаясь, не проникая на уровень *духовный*. Потому что он не знает извечного противоречия между искусством и жизнью: «Великий вопрос о противоречии искусства и жизни существует искони» (А. Блок). И если видит художника борцом, то не иначе как за переустройство и «улучшение» мира. Истинный же

поэт ведёт борьбу за духовную природу человека, за удержание его на духовной высоте среди мировых сил зла, борьбу прежде всего в своей душе:

*Пусть речь моя порой бессвязна,
Пускай гребу одним веслом,
Одно в стихах должно быть ясно:
Что гибну я в борьбе со злом,
Во мне живущим, ежечасно.*

Казалось, что можно было бы обойтись и без последней строчки – «Во мне живущим, ежечасно» – ведь строфа вполне закончена. Нет, нельзя обойтись без неё, так как поэт спасает не мир, а свою собственную душу. Ведь мир спасётся лишь тогда, когда спасётся человек. И никак не иначе.

Следы этой ничем не устранимой борьбы, происходящей в душе, мы постоянно видим в мире Николая Зиновьева. Это – «тоска существования». У иных поэтов это «недуг бытия». У философов – «тяжба о бытии». У великого М. Лермонтова – «жизни тяготенье». Это то извечное бремя в душе человеческой, которое люди церковного звания точно называют *бранью духовной*. И всякое сомнение при этом является не следствием слабости поэта, а проявлением крепости его духа:

*Всё чаще я осознаю,
Что не могу спасти стихами
Ни душу бедную свою,
Ни жизнь, кишашую грехами.*

Стихи Николая Зиновьева по глубине и необычности мысли – жёсткие до беспощадности. Но мы впали бы в опрометчивость, если бы посчитали, что это и есть та *обличительность* мира, людей, всего сущего, во имя их «исправления», свойственная нашей литературе в её революционно-демократическом направлении. Нет, конечно. И прежде всего потому, что всё в его стихах освещено идеалом веры.

*Ликуют Каины и Хамы,
И всё длиннее бедствий ряд.
Друзья мои, идите в храмы,
Пока они ещё стоят.*

*Пока в них славят Иисуса,
А не сгустившую мглу.
Пока усердно чья-то муза
Всё ещё молится в углу.*

Поразительно точное соотношение веры и поэтического творчества, так редко встречаемое у наших нынешних поэтов. То соотношение, которое задано пятнадцатилетним М. Лермонтовым в его гениальном стихотворении «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный...») и которое так и осталось в нашем общественном сознании неуяснённым.

*Всюду попераны напрочь святыни,
Всюду славят златого тельца.
Человек в беспредельной гордыне
Отвернулся от лика Творца.*

*Эти старые общие фразы
Я пишу, понимая вполне,
Что и ваши не новы гримасы,
И слова, что вы скажете мне...*

Но как быть «безвременья поэту», как он себя называет, когда «Под погребальный марш прогресса // Стремимся к бездне всё быстрее», поэту, остающемуся в литературной традиции?.. Видимо, только так:

*Я взял классическую лиру,
Безмолвна каждая струна.
Играть не хочет лира миру,
Которым правит сатана.*

*Кто из поэтов не философ?
И мне мир нынешний не мил.
И я поставлен пред вопросом:
Сменить мне лиру или мир?..*

С творчеством Николая Зиновьева я знаком давно. Доводилось составлять его первую московскую книжку стихотворений «Дни, дарованные свыше» (М.: Ладога-100, 2003). И теперь, годы спустя, могу отметить некоторую его эволюцию. Состоит она в том, что в его стихах последнего времени появилась «музыка». Они стали более гармоничными и менее преднамеренно угловатыми при сохранении глубины и необычности мысли:

*Я вспоминаю те года,
Когда заря не так алела,
Не так в реке текла вода,
А сердце вовсе не болело.*

*Душа сияла чистотой.
И васильки синели в поле.
Я б не ушёл из жизни той,
Не будь на то Господня воля...*

Или вот – «В гостях у мамы». Сельское подворье, окутанное воспоминаниями детства:

*Стоит рассохшаяся кадка
И видит в снах себя с водой.
Здесь от царившего порядка
Остался отблеск золотой.*

Своё дарование, своё творчество он видит как Божие поручение:

*Пока я не пошёл ко дну,
Одетый в смертную сорочку,
Господь, даруй мне хоть одну
Во мгле мерцающую строчку.*

И Господь воздаёт ему по вере его. И не одной строчкой, мерцающей именно «во мгле»... «Во мгле» нашего безверия...

Николай Зиновьев покори́л читателей не упованием на «новую литературу», не установкой на её «современность», помня о том, что «несовременного искусства не бывает» (А. Блок). Если, конечно, это искусство. Но – установкой на «классическую лиру», вполне осознавая, как это «несовременно», наконец, как это не выгодно в обществе, в котором рукотворно, наряду с «рыночной», создаётся индустрия «новой литературы». Разумеется, «либеральной» исключительно.

И всё же ему удалось прорвать информационную блокаду, устроенную русской литературе. Причём, казалось бы, без каких-то особых усилий с его стороны. Да и трудно представить такие усилия от целого века, столь «непредприимчивого»... Удалось потому, что его мир, его понимание вещей этого мира отличается удивительной цельностью. Валентин Распутин назвал его поэтом *особенным*, что «его сравнить не с кем, там, откуда он берёт свои слова, никто никогда не бывал, это словно бы и не взгляд, и не суд современника, а доносящееся из земных глубин суровое и праведное о нас мнение тех, кто имеет на него право».

Николай Зиновьев – человек редкого миропонимания для нашего невнятного времени, сочетающий большое поэтическое дарование и христианскую веру. Это удалось в нынешней литературе совсем немногим писателям. К сожалению, большинство литераторов не устояло под новым натиском революционного сознания, позитивизма и материализма, по сути, согласившись с этим попусшением. Логика тут во все времена одинакова: мол, «мир меняется очень быстро, происходит размывание классической нравственности и морали, литература не успевает за этими процессами...» (Алейников К. Литературная Россия. 2019. № 36). Словно в другие времена было иначе. Так было всегда. Но разве поэзия должна «успевать» за теми духовными вывертами, которым подвержен человек, впадая в искушение? Нет, конечно. Мало указать на то, сколь всякая плоть извратила путь свой на земле, так как указание на зло ещё не избавляет нас от него. Необходимо представить, как духовная сущность человека преодолевает зло этого мира, и прежде всего в себе самом.

Такое суждение о литературе: когда она должна за чем-то «успевать», основано на перепутанности понятий, когда духовное объясняется *социальным*, так как социальность почиталась реальней и выше всякой трудноопределимой духовности. И когда оказались поколебленными те основы, на которых мир стоял извечно, многие ринулись искать «новые», «другие» основы, на которых мир и общество должны устоять и обрести своё естественное состояние. Но никакой одной идеи, отмычки для этого не существует. Кроме

как остаться человеку в пределах своей духовной природы, а поэту в пределах своего дарования, «по торжищам влача тяжёлый крест поэта...» (Я. Полонский). Ведь подобную невнятную ситуацию духовной нетвёрдости и мировоззренческой прострации мы переживали, и не столь уж давно. Для моих ровесников – это поколение наших дедов, переживших революционное крушение страны в начале XX века.

Припомним, как мучительно работал Александр Блок над поэмой «Двенадцать». В условиях всеобщего отступничества, «богоискательства», поисков «Другого» символа веры он задавался трудным вопросом: «Опять Он? А должен быть Другой?» И оставил, в конце концов, людей с Ним, с Христом. Правда, имя Спасителя поставив не в привычном синодальном написании – Иисус, а в старообрядческом – Исус, чего так и не заметили исследователи, а литераторы в большинстве своём поняли превратно. Значит, всё дело в том, устоял или не устоял поэт против этой извечной бездуховной напасти. И перед современным поэтом вновь предстаёт всё тот же вопрос, которым задавался Н. Гоголь: «Зачем ты не устоял противу всего этого?». «Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности, или необдуманности, или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что брал взятки и торговал правосудием, складывая вину на свои тесные обстоятельства, на жену, на большое семейство, словом, мало ли на что можно сослаться. У человека вдруг явятся тесные обстоятельства... Потомство не примет в уважение ни кумовство, ни журналистов, ни собственную его бедность и затруднительное положение. Оно сделает упрек ему, а не им. Зачем ты не устоял противу всего этого?» – этот неизбежный вопрос встаёт теперь не только перед поэтами, но перед каждой живой душой. Если говорят, что теперь литература никому не нужна, что теперь не до неё, это свидетельствует о согласии с этим варварством. Свидетельствует о том, что «противу всего этого» не устояли. Неужто это и должно определять жизнь личности, общества, народа, государства, страны?.. Но ведь не определяет и не определит... По всем приметам такого поэта, как Николай Зиновьев, вроде бы и быть не должно. Впрочем, так уже было в миновавшем революционном XX веке. Так вопреки всему появился М. Шолохов, потом Н. Рубцов... Таким теперь кажется и появление Н. Зиновьева... Откуда ему вроде бы было взяться после атеистического века, завершившегося разрушением русской литературной традиции? Всё это свидетельствует о том, что мы по обыденной логике всё-таки ждём поэта не оттуда, откуда он приходит... Но теперь мы уже можем сказать, что поэт Николай Зиновьев против новой и очередной напасти, выпавшей на нашу долю, устоял. Об этом свидетельствуют его «во мгле мерцающие строчки».

Пётр ТКАЧЕНКО,
г. Москва

БАБОЧКИ В КАДРЕ И ЗА КАДРОМ

(Читая стихи Михаила Рантовича)

Рантович снимает мир (и себя в мире) на плёнку, нисколько не смущаясь повсеместного массового перехода на «цифру». Более того, ощущая собственную – победную – уникальность в верном следовании тому, что кто-то сочтёт старомодным. Будто из тех времён, когда и плёночная фотография ещё только набирала популярность, в строках его стихотворений вдруг появляются-проявляются поэты первой волны эмиграции: Вячеслав Ходасевич, Георгий Иванов и другие. От слепого подражательства здесь нет и следа. Напротив, очевиден поиск собственного пути, который в том числе проходит дорогами великих поэтов. Консерватизм Рантовича, однако, далёк от пассаизма. Пристрастие к традиции не отменяет живого, неравнодушного отношения автора к настоящему, а вместе с тем и будущему, в тумане которого мерцает свет.

Читатель наверняка (возможно, не без доли разочарования) отметит, что стихи эти при всём своём внутреннем стремлении к свету внешне в основном выглядят достаточно тускло, если не сказать, мрачно. Но это лишь обратная сторона, неказистый испод крыльев прекрасных бабочек, которых так много в этих стихах. Если вернуться к плёночной фотографии, самые тёмные участки плёнки те, куда попало больше света. При проявлении негатива эти участки меняются местами на фотобумаге, показывая истинную природу вещей. То же самое происходит со сти-

хами. Проявляясь-преломляясь в сознании неспешного внимательного читателя, они приобретают такую жизнеутверждающую силу, которая побуждает возвращаться к ним вновь и вновь.

Однако читатель, однажды прикоснувшийся к этим стихам и не смущённый цветовыми характеристиками, может остаться как бы в недоумении ещё и по другой причине. Рассматриваемые стихи метафорически похожи на стаи бабочек, кружащие над миром, прославляя и оплакивая его одновременно. С одной стороны, это слишком красиво, чтобы не разглядеть поближе. С другой – слишком хрупко, чтобы не повредить нежные крылья. Слишком загадочно, чтобы понять искусные узоры раз и навсегда. Слишком доверительно, чтобы не попытаться. И читатель пытается. Но в какой-то момент вдруг понимает, что эти стихи пролетают мимо, будто им нет до него особого дела. И в то же время кружатся прямо за его окном, обращая на себя внимание, танцуют о преходящем и вечном. Холодная самодостаточность (если не сказать, отстранённость) в начале знакомства вскоре оборачивается дружелюбием и располагающей улыбкой, придавая этим стихам особое очарование.

Отдельного внимания заслуживает ювелирное умение Рантовича пополнять собственную коллекцию бабочек, выпуская на волю их сестёр, распланных между страницами словаря. Оживлять их в распахнутом небе белого листа, замирающего в ожидании стихов. А потом, затаив дыхание, смотреть, как все вместе они поднимаются выше и выше, как переливаются их радужные крылья, как мнимое препятствие между ними и светом стирается и сами они становятся светом на тёмном донце ещё не проявленного читателем фотоснимка.

Марина ФЕДОРОВА,

г. Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

11 марта в Доме художника Кузбасского центра искусств открылась выставка графики Анатолия Хуторного. Присутствовали поэты С. Донбай, Д. Мурзин. Б. Бурмистров произнёс приветственное слово и прочёл стихи.

13 марта в библиотеке им. Г. Юрова прошла презентация-репортаж «Томь – главная река Кузбасса в творчестве Г. Е. Юрова», посвящённая дню рождения поэта. В ней приняли участие прозаик Е. Тюшина, поэты С. Донбай и Д. Мурзин.

Софья Оршатник (пос. Верх-Егос Кемеровской области), Юрий Климанов (Кемерово), Анжелика Лавицкая (Салаир) вошли в длинный список премии «Лицей» имени Александра Пушкина – самой крупной награды для молодых прозаиков и поэтов.

С 20 апреля по 7 мая в сети «ВКонтакте» прошёл конкурс чтецов «Навстречу Победе», учреждённый Союзом писателей Кузбасса. Прозвучало 90 произведений в формате аудио в исполнении 75 участников. География конкурса: Прокопьевск, Новосибирск, Клин, Казань, с. Манчаж Свердловской области, Татарск, Калтан, Анжеро-Судженск, Полысаево, Москва, Осинники, Междуреченск, Мыски, Санкт-Петербург. Новокузнецкий район: пос. Кузедеево, с. Безруково, с. Тальжино, пос. Елань, с. Костёново, пос. Степной, Атаманово, Осиновый Плёт, Загорский, 1-й Бенжереп.

15 апреля в детском саду № 32 г. Кемерово прошёл вечер литературной гостиной «Семейное чтение», посвящённый 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Читали стихи и рассказывали истории из семейной хроники поэты И. Фролова, А. Пятак, Ю. Сычёва.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В журнале «Подъём», № 2 за 2020 год (Воронеж), опубликована подборка стихотворений **Александра Раевского** «На горькой земле».

Литературный журнал «Дон», № 1–3 за 2020 год, печатал подборку **Ольги Хапиловой** «Радостная боль».

В конце апреля 2020 года на 42-м году ушёл из жизни поэт, прозаик, член Кемеровского отделения Союза писателей России

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ХОБОТНЕВ.

Дмитрий Хоботнев – выпускник факультета русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии, член новокузнецкого литературного объединения «Гренада», автор книги «Мост» (2008), один из авторов коллективного сборника «Гренада» (2006) и многочисленных публикаций в сибирской прессе («Огни Кузбасса», «Кузнецкая крепость», «Кузнецкий рабочий», «Кузбасс», «Новый енисейский литератор»). Трудился на шахте «Ольжерасская» горнорабочим очистного забоя.

Был участником Всероссийского совещания молодых писателей в г. Каменске-Уральском (2007), VIII и IX форумов молодых писателей России в Москве. Член Союза писателей России с 2008 года.

Работая в разных жанрах (рассказ, стихи, сказка, драма, детектив, психологическая и фантастическая повести, роман), развивал интеллектуально-психологическое направление современной прозы. Главной темой своих произведений считал внутренний мир человека.

Друзья и коллеги, собраты по перу выражают искренние соболезнования родственникам в связи с безвременной кончиной Дмитрия Николаевича Хоботнева.

Память о талантливом писателе и друге навсегда останется в наших сердцах!

Писатели Кузбасса

Кемеровское областное отделение Союза писателей России понесло невосполнимую утрату: 9 мая после тяжёлой продолжительной болезни на 68-м году ушёл из жизни член Союза писателей России и член Союза журналистов РФ

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПАВЛОВ.

Коренной кузбассовец, он практически всю жизнь посвятил служению своему родному краю. Имея два высших образования (филологическое и юридическое), начав как публицист-очеркист, он стал заметным полновесным русским сибирским прозаиком. Работая в органах МВД и прокуратуры, подполковник Павлов немало потрудился над восстановлением добрых и честных имён репрессированных соотечественников. Сотни незаслуженно осуждённых советских граждан были реабилитированы на страницах его книг «Боль, прошедшая сквозь годы», «Наказание длиною в жизнь», «И наступит день», «Кузбасская Голгофа». Отдельные его очерки печатались на страницах газет и литературных журналов.

Накопив богатый жизненный и профессиональный опыт, с конца 1990-х годов Сергей Михайлович стал заниматься и художественной прозой, чему немало способствовала и литературная студия «Притомье». А с начала 2000-х он является постоянным автором журнала «Огни Кузбасса». Здесь печатают его рассказы и повести, среди которых: «Собачий угол», «Родео Лёхи Жеребцова», «Комплекс подмастерья», «Мафиёза», повесть-пьеса «Последняя жертва» и другие.

Его произведения вошли в коллективные сборники и хрестоматии; печатались в отечественных литературных журналах, таких как «Огни Кузбасса», «Красная Горка» (Кемерово), «Наш современник» (Москва), «Всерусский Соборъ» (С.-Петербург), «Южная звезда» (Ставрополь), «Литературный меридиан» (Арсеньев), и зарубежных: «Пенаты» (Германия) и «Новый свет» (Канада).

Последние пятнадцать лет Сергей Павлов трудился над романом-эпосом, пенталогией «Кузбасская сага». Успел завершить четыре книги этого романа, показав на примере нескольких поколений одной семьи историю нашего края на протяжении полутора веков – в контексте основных рубежных периодов отечественной истории. Все четыре книги саги вышли как самостоятельными томами, так и печатались в журнальном варианте в «Огнях Кузбасса». Эту работу не могли не заметить учёные-филологи и краеведы, собравшись по перу, окликаясь в периодике и делая вступительные статьи к каждому тому. Увы, тяжёлая болезнь не оставила надежды на завершение задуманного, но даже в условиях жесточайшего недуга до последних дней Сергей Михайлович едва ли не ежедневно уделял внимание своему детищу.

И в писательской организации С. М. Павлов на протяжении 20 лет никогда не был сторонним наблюдателем. Его неоднократно избирали членом правления; он принимал участие во многих мероприятиях, выступая на различных творческих встречах, собраниях, презентациях, фестивалях, юбилеях.

Результаты профессиональной службы и литературного творчества С. М. Павлова отмечены многими государственными, ведомственными и региональными наградами. В 2004 году он стал лауреатом профессионального литературного конкурса МВД России. Первые две книги «Кузбасской саги» явились основанием для присуждения ему областной литературной премии им. А. Н. Волошина (2013 г.). В этом же году он становится одним из первых (номинация «Краеведение») лауреатов литературной премии им. св. Павла Тобольского Кемеровской митрополии. Дважды он был отмечен областной премией «Энергия творчества» (2008, 2011 гг.) и журнала «Огни Кузбасса» (2008 г.). За серию очерков и книг о политических репрессиях священнослужителей С. М. Павлов становится кавалером ордена Русской Православной церкви им. князя Даниила Московского III степени, а также награждён тремя медалями Кемеровской епархии и митрополии.

Его заслуги перед Кузбассом отмечены множеством местных медалей и почётных грамот губернатора и администрации Кемеровской области; городов Кемерово, Новокузнецк, Белово и других, а также районов нашего региона.

С. М. Павлов был соучастным человеком, со своим честным и обязательным словом. Его связывала со многими писателями Кузбасса настоящая мужская дружба и бескорыстная помощь в трудные жизненные минуты.

Пусть же сохранится на долгие годы светлая память о Сергее Михайловиче в сердцах его родных и близких, собратьев по литературному творчеству, а его книги будут востребованными читателями.

Писатели Кузбасса

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург)
«Роман-газета. XXI век» (Москва)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылаются авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**.

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**.

**Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку
администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».**

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 3. Дата выхода в свет: 30.06.2020

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 76. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60А. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвуиздат»

Корректор: **Е. В. Фефелова**

Компьютерная верстка: **М. Л. Костомарова**

VIII КИСЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ в кемеровской библиотеке им. И. Киселёва

Выступает поэт Б. Бурмистров

Представление журнала «Огни Кузбасса»

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40